М. Н. ТИХОМИРОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

М. Н. ТИХОМИРОВ

Древнерусские города

Издание 2-е,
дополненное и переработанное

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о древнерусских городах ставит своей задачей изучение всех городов на территории, населённой древнерусской народностью. Следовательно, в работе в равной степени уделено внимание прошлому городов трёх братских народов — русского, украинского и белорусского. Конечно, и в этом, втором издании книги далеко не все города Древней Руси оказались в должной мере изученными. Но эта задача непосильна для одного человека, тем более, что в связи с успехами советской археологии открываются всё новые и новые страницы в истории древнерусских городов. Однако уже есть возможность сделать некоторые обобщения по истории русских городов. Важно наметить основные вехи в развитии города, собрать необходимый материал и критически его рассмотреть, — одним словом, помочь будущим исследователям в их работе. А какое значение имеет даже предварительный сбор материалов, автор прекрасно знает по работе над этой книгой, так как было крайне трудно опираться на предшествующую литературу, рассматривающую древнерусские города абстрактно и главным образом с точки зрения политической истории.

Теперь уже нельзя говорить, как указывалось в первом издании этой книги [1], о скудости литературы по истории древнерусских городов. Особенно много сделано археологами, но и сейчас ранний русский город остаётся слабо изученным. Для этого имеются различные основания. Первое и главное из них — крайняя разрозненность исторических свидетельств о древнерусских городах. Более или менее полное представление мы получаем только

[1] «Учёные записки Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова», вып. 99, М. 1946.

о таких больших городах, как Киев, Великий Новгород, Владимир Залесский, в которых составлялись летописи. Уже о Чернигове, Смоленске, Ростове, Суздале и Полоцке известно гораздо меньше, не говоря об остальных русских городах XI—XIII вв. О Галиче, например, сохранилось много летописных известий, но даже их совокупность не даёт возможности осветить внутренний строй этого города. Более того, до сих пор идут споры о том, где находился летописный Галич. Место его указывают по-разному: то на месте современного Галича, то на Старом Крилосе, то на высотах над Ломницей.

В то время как на Западе сохранились архивы ряда европейских городов, документы русских городов погибли или дошли до нас случайно в виде отдельных памятников, а не архивных фондов. У нас имеются достоверные сведения о существовании городских архивов в Новгороде и Пскове, в Пскове даже была особая должность архивариуса — «ларника». Но от городских архивов до нашего времени почти ничего не сохранилось. Поэтому так трудно изучать ранний русский город, который выступает в наших работах как-то неоправданно — то чересчур хилым и убогим, то чересчур пышным и богатым.

Почти во всех вопросах, касающихся городской жизни в Древней Руси XI—XIII вв., историк ступает по неисследованной почве, хотя все документы и летописные сведения об этом времени давно уже известны. Возьмём хотя бы вопрос об организациях ремесленников и купцов в древнерусских городах. Подобные организации известны в средневековых городах не только Западной Европы, но и Средней Азии и Кавказа, они представляют собой закономерное явление для средневековья. Между тем ряд русских исследователей, признавая существование купеческих объединений в Древней Руси, точно боится признать, что древнерусский город должен был иметь какие-то формы ремесленных союзов, без которых трудно представить развитие ремёсел в больших городах.

Не менее любопытно, как ставится в нашей литературе вопрос о городских восстаниях XI—XIII вв. Такие восстания — явление распространённое в русских городах этого времени, особенно в городах больших — Киеве и Новгороде. Все отмечают их крупное социальное значение, хотя только Б. Д. Греков видит в новгородских восстаниях определённую политическую направленность,

придавая им значение борьбы за политическую независимость Новгорода. Действительно, такие же восстания происходили во многих русских городах. На путях к образованию вольных городов-республик стояли Киев, Полоцк, Смоленск. То, что происходило в Новгороде в XI—XIII вв., было типичным для большинства крупных русских городов, переживавших эпоху борьбы за городскую независимость. Краткий период процветания русских городов не позволил им добиться той свободы и самоуправления, каких добились многие немецкие города, но путь развития городов во многом совпадал на западе и востоке Европы. Борьба горожан с княжеской властью сопровождалась острой классовой борьбой внутри городского населения, о чём говорится в моей монографии «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.».

Исходная мысль книги заключается в том, что в Древней Руси XI—XIII вв. складывались все предпосылки для создания того, что западноевропейская литература называет «городским строем». Древнерусские города развивались примерно в таком же направлении, в каком развивались средневековые города Запада и Востока. Без признания этого факта остаётся необъяснимой богатая культура Киевской Руси, ибо культура эта развивалась главным образом в городах.

Развитие русских городов имеет особый интерес для мировой истории, ибо на их примере можно наблюдать возникновение крупных центров ремесла и торговли там, где в античное время никогда не было городов. Это позволяет изучать развитие средневековой городской жизни без ссылок на влияние более ранней римской или подобной ей культуры. История древнерусских городов имеет аналогию в истории польских и чешских городов. Историк русских городов не может поверить тому, что, например, в Польше расцвет городов «начался в XI в. и был связан с немецкой колонизацией», как об этом мы читаем в недавно переведённой на русский язык книге видного польского историка Я. Рутковского [1]. Города в Древней Руси возникли и развивались задолго до этого и возникли самостоятельно, а не были порождены чьей-либо колонизацией. Вероятно, так было и в Польше и в Чехии.

[1] *Я. Рутковский,* Экономическая история Польши, М. 1953, стр. 53.

Второе издание этой книги имеет большие отличия от первого. Так, в монографию включены заново написанные главы о хозяйстве городов и о городской культуре, отсутствовавшие в первом издании. Весь остальной текст пересмотрен, проверен по источникам, расширен на основании новой исторической литературы, в особенности археологической. Значительно увеличилась глава об отдельных городах, которая выделена в особую, вторую, часть книги.

Древнерусские тексты, как правило, даны в переводе на современный русский язык. Для проверки правильности перевода или толкования древних терминов сделаны ссылки на источники и в некоторых случаях дан подлинный текст источников в сносках или в тексте. Автор считает, что современный читатель не обязан знать запутанную орфографию XI—XIII вв. Перевод древних текстов на современный язык имеет и то значение, что он заставляет историков глубже вдумываться в текст, а не исходить из того: как хочешь, так этот текст и понимай. Я также постарался избежать большого количества сносок на источники и литературу (их всё-таки оказалось очень много), объединив повторяющиеся сноски под рубрикой «там же» на одной странице в одно примечание. Эти предварительные замечания нужны для избежания недоразумений со стороны читателя, желающего проверить аргументацию книги.

Автор приносит благодарность А. В. Арциховскому и Е. В. Чистяковой за сделанные ими ценные замечания, а также В. В. Зеленину, оказавшему большую помощь при подготовке этой книги к печати. Автор стремился учесть замечания и пожелания на первое издание книги, высказанные в рецензиях А. В. Арциховского, В. В. Стоклицкой-Терешкович [1], С. В. Юшкова [2] и др. [3]

Эту книгу автор посвящает своему отцу Николаю Константиновичу Тихомирову. Ему автор обязан своими первыми знаниями по истории и даже возможностью сделаться историком.

---

[1] «Вопросы истории» № 1, 1947 г.

[2] «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IV, № 1, 1947 г.

[3] Кроме того на первое издание книги имеются рецензии в зарубежной исторической литературе, см., например, «Archeologia», 1950—51, t. 4, Warszawa 1953; «Исторически преглед» № 4—5. София 1948.

ЧАСТЬ

I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

ГЛАВА 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ

1. Города IX—X вв.

В северных источниках, как известно, Русь называют страной городов — Гардарики. С таким названием вполне совпадают известия анонимного баварского географа IX в. (866—890 гг.). Отрывок из его работы сохранился в рукописи конца XI в., и сведения его тем более ценны, что они относятся ко времени более раннему, чем свидетельства нашей летописи и византийского императора Константина Багрянородного. Баварский географ упоминает об отдельных славянских племенах и количестве их городов. Бужане (busani) имели 230 городов, уличи (unlizi), «народ многочисленный», — 318 городов, волыняне (velunzeni) — 70 городов и т. д. Неизвестно, откуда баварский географ заимствовал свои сведения, но, возможно, они восходят к какому-либо византийскому источнику, так как включают «описание городов и областей на северном берегу Дуная» (descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubium), а берег Дуная был рубежом византийских владений. К северу от этого рубежа находилась обширная область, заселённая многочисленными племенами антов, враждовавших с Византийской империей [1].

Города, упомянутые в сочинении баварского географа, несомненно, обладали незначительными размерами, что

[1] *P. J. Šafařik*, Slowanske starožitnosti, v Praze 1837, стр. 550—551, 996—997.

доказывается следующими соображениями. Для племени attorosi, под которым Шафарик с основанием понимает тиверцев, географ указывает 148 городов. Даже в позднейшее время такое количество более или менее значительных городских поселений не уместилось бы по течению Днепра и Буга, где, по летописи, жили тиверцы и уличи. Говоря об этих племенах в прошедшем времени, летописец замечает: «И суть города их и до сего дня». Эта несколько неясная фраза должна быть понята в том смысле, что остатки городов тиверцев и уличей ещё сохранились во времена летописца (т. е. в XI в.).

Что же представляли собой славянские города IX в., о которых говорит баварский географ?

Наиболее достоверные письменные источники, сообщающие сведения о восточных и южных славянах VI—VII вв., принадлежат Прокопию и другим византийским авторам. Они дают такую характеристику славянских поселений: «Живут они, — пишет Прокопий о славянах и антах, — в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства» [1]. Конечно, в этих словах выражено явное пренебрежение к славянским жилищам, типичное для византийца, привыкшего к богатым и обстроенным городам Восточно-Римской империи. Из показаний другого византийского автора, почти современного Прокопию, видно, что славянские посёлки не были столь жалкими, как говорит Прокопий. Давая совет, как надо грабить славянские посёлки, автор указывает: войско должно быть разделено на две части и двигаться по двум дорогам, грабя ближайшие окрестности. Некоторые посёлки могут оказаться большими, но в этом случае не надо выделять слишком много воинов, часть которых должна грабить, а другая охранять грабящих [2].

Славянские посёлки находились близко один к другому, но были слабо укреплены. Это и есть «города» баварского анонима, насчитывающего их сотнями для некоторых славянских племён.

Археологические наблюдения последних лет подтверждают выводы, сделанные на основании письменных источников. В бассейне Днестра были найдены различ-

---

[1] *Прокопий из Кесарии*, Война с готами, М. 1950, стр. 297.
[2] См. «Вестник древней истории» № 1, 1941 г., стр. 256—257.

ные предметы, указывающие на существование здесь ремесленного производства в первые века нашей эры. Исследователи Поднестровья указывают на преемственную связь культуры этого района с культурой Киевской Руси. Некоторые городища были хорошо укреплены, но и они отличались небольшими размерами. Это пока ещё только зачатки будущих городов, куда окрестное население скрывалось во время набегов врагов [1].

Отсутствие значительных славянских городищ до IX в. привело даже М. Ю. Брайчевского к выводу, что «в эпоху, предшествующую сложению Киевской Руси, т. е. антскую (II век — половина VII в. н. э.) на территории Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья укреплённых поселений (городищ) не существовало» [2]. Брайчевский объясняет это существованием Антского государства. Нечего и говорить, что такое объяснение стоит в резком противоречии с историческими фактами, так как наличие государства само по себе говорит уже о зарождении городов как укреплённых административных пунктов. Ведь государство даже в зачаточном виде имеет органы государственной власти, иначе оно не было бы государством. К тому же государство возникает не при первобытно-общинном, а при рабовладельческом или феодальном строе. Кто же, спрашивается, стоял во главе Антского государства, если таковое существовало у антов, а не было просто союзом племён? Ответа на этот вопрос у М. Ю. Брайчевского мы не найдём.

Отметим тут же интересное и обоснованное другое наблюдение того же автора, согласно которому «древнейшие русские городища появляются в VIII—IX вв.». К этому времени в Среднем Поднепровье, Поднестровье и Побужье «происходит трансформация основного типа поселений: от расположенных в низких местах незащищённых селищ — к городищам на высоких, естественно

---

[1] *М. Ю. Смишко,* Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных; *Г. Б. Фёдоров,* Работа Славяно-днестровской экспедиции («Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», XLIV, 1952 г., стр. 67—82 и 83—92. В дальнейшем — «Краткие сообщения ИИМК»).

[2] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, 1951 г., стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

данного города в источниках: Белгород (980) [1], Белоозеро (по летописи относится к древнейшим временам) (862) [2], Василев (988) [3], Вышгород (946) [4], Вручий (977) [5], Изборск (862) [6], Искоростень (946) [7], Киев (по летописи относится к древнейшим временам) [8], Ладога (862) [9], Любеч (882) [10], Муром (862) [11], Новгород (по одним сведениям был основан в незапамятное время, по другим — в 862 г.) [12], Пересечен (922) [13], Перемышль (981) [14], Переяславль (907) [15], Полоцк (862) [16], Псков (903) [17], Родня (980) [18], Ростов (862) [19], Смоленск (упомянут в числе древнейших русских городов) [20], Туров (980) [21], Червень (981) [22], Чернигов (907) [23].

Таким образом, летописи дают сведения о бесспорном существовании в IX—X столетиях по крайней мере 23 русских городов. Но этот список безусловно неточный и должен быть пополнен. Так, Суздаль упоминается

---

[1] Летопись по Лаврентьевскому списку, СПБ 1872, стр. 78 (в дальнейшем — Лаврент. лет.). Под 991 г. говорится, что Владимир заложил Белгород, но речь идёт, видимо, о построении «города» в собственном смысле слова, т. е. укрепления.

[2] Лаврент. лет., стр. 19; он упомянут как обитаемый народом «Весь» (стр. 10).

[3] Там же, стр. 109.

[4] Там же, стр. 58.

[5] Там же, стр. 73.

[6] Там же, стр. 19.

[7] Там же, стр. 54.

[8] Там же, стр. 7—8.

[9] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л. 1950 (в дальнейшем — Новгород. лет.) впервые упоминает о Ладоге под 922 г. (стр. 109); в Ипатьевской летописи основание Ладоги приписывается Рюрику: «срубиша город Ладогу» (Летопись по Ипатьевскому списку, СПБ 1871, стр. 11; в дальнейшем — Ипат. лет.).

[10] Лаврент. лет., стр. 22.

[11] Там же, стр. 19.

[12] См. далее, в этой же главе.

[13] Новгород. лет., стр. 109.

[14] Лаврент. лет., стр. 80.

[15] Там же, стр. 30.

[16] Там же, стр. 19.

[17] Там же, стр. 28.

[18] Там же, стр. 76.

[19] Там же, стр. 19.

[20] Там же, стр. 10.

[21] Там же, стр. 74.

[22] Там же, стр. 80.

[23] Там же, стр. 30.

в летописи под 1024 г. как город, явно существовавший значительно ранее [1]. В неполноте списка русских городов, составленного нами по летописям, убеждает нас трактат об управлении империей Константина Багрянородного. В испорченных названиях русских городов, упоминаемых Багрянородным, угадываются города, тесно связанные с великим водным путём «из Варяг в Греки». Византийский император знает Немогардас, или Новгород, Милиниска — Смоленск, Телюцы — Любеч, Чернигога — Чернигов, Вышеград — Вышгород, Витичев. В поле внимания византийского императора были города, группировавшиеся вокруг Киева, который был важнейшим отпускным центром в торговле Руси с Византией на великом водном пути «из Варяг в Греки». Начальным пунктом движения торговых караванов из Руси в Константинополь у Константина Багрянородного назван Новгород, тогда как не упомянуты многие города, известные по летописи. Назван и Витичев, появляющийся в летописи только с конца XI в., да и то под названием Витичева холма, что указывает на запустение города. Упоминание византийским автором такого города, как Витичев, весьма ценно для историка. Оно показывает, что в X в. существовали города, почему-либо не упомянутые в летописи. Следовательно, летописный список русских городов можно считать неполным даже для относительно крупных городских пунктов.

Наше внимание привлекает ещё другое обстоятельство: Константин Багрянородный даёт явно испорченные названия русских городов, что, повидимому, зависело не от самого автора, а от источника, которым он пользовался. Так, наше внимание привлекает название Новгорода, данное Константином Багрянородным в транскрипции: Немогардас (Nemogardas). В такой примерно форме название Новгорода известно в скандинавских источниках, что заставляет считать источником информации византийцев устные рассказы норманнов, прибывавших в Константинополь [2].

[1] Лаврент. лет., стр. 144. Летописи называют город то Суздалем, то Суждалем. Первое упоминание о нём помещено в связи с рассказом о восстании волхвов.

[2] Новейшие издатели трактата поправляют Немогардас на Невогардас, но эта поправка, во всяком случае, остаётся недоказанной («Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 91, М. — Л. 1934, стр. 8, 52).

Поражает отсутствие каких-либо названий, которые могут быть отнесены к названиям скандинавского или хазарского происхождения. Даже Ладога не может считаться построенной скандинавскими выходцами, так как в самих скандинавских источниках этот город известен под другим названием (Альдейгаборга). Предание о Туре, пришедшем из заморья, как строителе города Турова («от него же и Туровци прозвашася» [1]), повидимому, является позднейшим домыслом, так как имя «Тур» славянского происхождения. Например, Слово о полку Игореве знает «Буй тур Всеволода». В дремучих лесах по Припяти, где водились дикие туры, это имя могло иметь большое распространение. Напомним о существовании в Киеве Туровой божницы, т. е. церкви, строителем или владельцем которой был некий Тур, если только божница не получила своего названия от урочища Турова [2].

Анализируя составленный нами список русских городов, общее число которых с включением Суздаля и Витичева достигает 25, мы приходим к выводу, что часть их по своему происхождению, безусловно, восходит ещё к IX в. Таковы Белоозеро, Изборск, Киев, Ладога, Любеч, Муром, Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск и, вероятно, Чернигов. Всего замечательнее, что в этот список попадают не только древнейшие, но и самые значительные русские города, о начале которых сами летописцы имели смутное представление. Из этих городов только Изборск рано потерял своё значение, уступив его соседнему Пскову. Конечно, ничто не даёт права думать, что все остальные города из названных нами 25 пунктов возникли только в X в., но нами выделены те города, происхождение которых бесспорно должно быть отнесено к более раннему периоду.

Кто же явился строителем первых русских городов? Вот тот вопрос, который естественно поставить, имея в виду существование клеветнических теорий, стремящихся представить восточных славян дикими людьми, начатки культуры у которых возникли только после

---

[1] Лаврент. лет., стр. 74.

[2] Уже Ходаковский считал предание об основании Турова от сказочного Тура, пришедшего из заморья, легендой, приводя большое количество названий, связанных с корнем «тур» («Русский исторический сборник», т. 7, М. 1844, стр. 342—345).

появления в Восточной Европе норманнов на севере или хазар на юге. Исследование названий русских городов убеждает нас в том, что подавляющее большинство их носит славянские названия. Таковы Белгород, Белоозеро, Василев, Витичев, Вышгород, Вручий, Изборск, Искоростень, Любеч, Новгород, Перемышль, Пересечен, Переяславль, Полоцк, Псков, Родня, Смоленск и Червень. С большой вероятностью к городам с русскими названиями могут быть отнесены Чернигов, Ростов и Туров. Так, на Украине встречаем несколько сёл с названием Черняхов, близким к Чернигову, в бывших Полтавской, Черниговской, Волынской и Киевской губерниях. Название «Ростов» производится от личного имени «Рост», или «Раст» (А. И. Соболевский), такого же происхождения и название «Туров». Русское окончание на «ев» (ов) находим также в названии города Киева, которое ещё древним летописцем возводилось к некоему Кию (славянское «кий» — молот). Таким образом, видимо, неславянские названия носят только два города — Ладога и Муром. Последнее название является племенным, так как летописец указывает, что существовал особый народ («язык свой Мурома»). Возможно, такого же племенного происхождения было название Суздаля, или Суждаля. Впрочем, у нас нет полной уверенности, что даже Ладога, Муром и Суздаль не были построены славянами, лишь получив свои названия от более ранних поселений.

Приведённое выше наблюдение приводит к естественному выводу, что древнейшие русские города были основаны восточными славянами, а не каким-либо другим народом. Следовательно, восточные славяне являются первыми и главными создателями городов и городской жизни на территории Киевской Руси, а так как города являются носителями культуры, то и развитие русской культуры надо отнести в основном за счёт славянского элемента.

Таким образом, изучение истории русских городов наносит решительный удар разного рода построениям о норманнах, хазарах, готах и т. д. как создателях русской государственности и культуры.

Развитие древнейших русских городов легче всегда проследить на примере крупных центров Древней Руси, о которых сохранились некоторые, хотя бы и отрывочные письменные свидетельства. К числу этих городов при-

надлежат: Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Псков, Новгород, Ладога. Существование их в IX—X вв. засвидетельствовано летописью, византийскими (Киев, Чернигов, Смоленск, Новгород) и скандинавскими (Новгород, Полоцк, Ладога) источниками. Громадный материал по ранней истории этих городов дают находки советских археологов за последние годы.

Следует, впрочем, заранее оговориться, что материалы раскопок, относящихся к ранней истории городов, несколько своеобразны. Они получены по преимуществу из могильников, примыкающих к древним городам, а не из раскопок на территории самих городов. Так, для суждения о древнем Киеве даёт материал обширный Киевский некрополь, о Чернигове — окрестные курганы, о Смоленске — Гнездовские курганы, о Ладоге — курганы Приладожья. В некоторых случаях древние погребения занимают часть территории самих городов (Киев, Чернигов), в других они расположены в некотором отдалении от них (Ладога, Смоленск), что связано с какими-то местными особенностями, вероятно культового характера. Приладожские и Гнездовские курганы, расположенные в некотором отдалении от города, сосредоточены в местностях с характерными названиями: Плакун (в Приладожье) и Гнездово. Первое название связывается с древнерусским «плакати» — оплакивать умерших («мертвеца плачются» — в Изборнике 1073 г.). По словарю Даля, «плакуша» — плакальщица по умершим. Название «Гнездово» связывается с понятием «гнезда», по-древнерусски — рода. Вероятно, такого же происхождения и название одного из древнейших польских городов — Гнезно.

Таким образом, устанавливается крайне своеобразный факт: существование больших некрополей вокруг древнейших русских городов или в непосредственной близости к ним. Такие некрополи служили местом погребения, главным образом верхушки общества. Этим объясняется обилие в погребениях оружия и украшений. Тем не менее материал некрополей позволяет составить некоторые суждения о ремесле и торговле русских городов IX—X столетий.

Наиболее полные, как письменные, так и археологические, сведения имеются по истории древнего Киева. Даже летопись, отнюдь не склонная прибеднять прошлое

Киева, помнила о том времени, когда на его месте стояли только три городка. В них будто бы сидели три брата: Кий, Щек и Хорив. Они «сотворили град во имя брата своего старейшаго и нарекли имя ему Киев. Был около града лес и бор велик, и они ловили зверей» [1].

Перед нами три небольших городка, находящихся в близком соседстве друг с другом, из которых выделяется один, более удобно расположенный над Днепром. Летописец ещё знал, что во времена существования этих городков поляне «жили каждый со своим родом и на своих местах». Раскопки последних лет на горе Киселёвке в районе Киева действительно показали, что поселения на этой горе с древнейшего периода существовали одновременно с киевским городком.

Исследователь киевских археологических памятников М. К. Каргер отмечает, что в соответствии с легендой о трёх братьях существовали на территории города несколько (не менее трёх) «самостоятельных поселений VIII—X вв.» [2]. Эти самостоятельные поселения лишь в конце X в. объединились в один город. Последнее наблюдение, конечно, требует дополнительной проверки, так как уже летописные известия о Киеве X в. говорят о нём, как о значительном городе.

Город, основанный Кием и его братьями, был незначительным поселением. Летописец называет Киев даже не городом, а городком («градок»), подчёркивая этим его незначительные размеры.

Иное значение Киева выясняется из рассказа о захвате его Аскольдом и Диром, которые распространили свою власть на окрестных полян. В этом рассказе Киев выступает в роли главного города земли полян, центра «Польской земли». Летописец с этого времени называет Киев уже не городком, а «градом». Известие о смерти Аскольда и Дира ещё реальнее рисует новое значение Киева. Посланные Олега говорят киевским князьям: «мы купцы, идем в Грецию от Олега и от Игоря княжича». Посещение гостей — купцов — не вызывает никаких подозрений у Аскольда и Дира, значит рассматривается

---

[1] «Повесть временных лет», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. 1, М. — Л. 1950, стр. 12—13 (в дальнейшем — «Повесть врем. лет»).

[2] *М. К. Каргер,* Археологические исследования древнего Киева. Отчёты и материалы, Киев 1950.

как явление обычное для Киева, выступающего в качестве политического и торгового центра земли полян.

Когда Киев приобрёл новое значение? Конечно, не при Аскольде и Дире, которые княжили в Киеве в конце IX в., а раньше. Свидетельством этому является то обстоятельство, что Аскольд и Дир сами выбирают центром своего княжества Киев, откуда легко спуститься по Днепру до Чёрного моря. Значит, своё новое значение — торгового центра — Киев получил по крайней мере в первой половине IX в., а возможно, и ранее. Смутное сказание летописи о дани, которую киевляне платили хазарам, напоминает о связи Киева с хазарской торговлей. Торговое значение Киева имело следствием знакомство с ним арабских писателей, один из которых считает Куйаб (Киев) бóльшим городом, чем Великий Булгар. Однако арабы были знакомы с Киевом, видимо, при посредстве хазар. Отсюда проистекает сказание Аль Джайгани о том, что в Киеве убивают приезжих чужеземцев, — рассказ, вероятно пущенный в оборот хазарскими купцами, чтобы напугать соперничающих с ними купцов [1].

Отдельные замечания летописи, относящиеся к топографии Киева X в., не оставляют сомнения в том, что город в это время располагался на высотах над Днепром и не имел ещё прибрежного квартала — «Подола». Тем не менее это был уже настоящий город — с княжеским дворцом, языческими святилищами и христианской церковью. В таком бесспорном документе, как договор Игоря с византийскими императорами в 945 г., говорится о холме, «где стоял Перун». Перед его идолом «поклали оружие свое и щиты и золото и ходил к присяге Игорь и люди его, из числа язычников». Русские же христиане ходили к присяге в церкви св. Ильи, «яже есть над Ручаем, конець Пасынъче беседы». Не входя в обсуждение спорного вопроса о том, где находилась Пасынча беседа, отметим только, что название этого урочища связывается со словами «пасынок» — дружинник [2], «беседа» —

[1] *Фр. Вестберг,* К анализу восточных источников о Восточной Европе («Журнал Министерства народного просвещения», 1908 г., февраль и март; в дальнейшем — ЖМНП).

[2] Слово «пасынок» в значении дружинника, видимо, происходит от «пасати» — опоясывать мечом; это обряд посвящения в дружинники, имеющий аналогию в западноевропейских рыцарских обрядах. Польский король Болеслав «пасаше» мечом многих сынов боярских (см. Ипат. лет., под 1149 г., стр. 270).

место собраний, встреч, разговоров, бесед, небольшое строение. Летописец прибавляет, что многие варяги были христианами, а варяги составляли значительную прослойку в княжеской дружине.

Краткие летописные заметки о древней топографии Киева, занесённые в летопись в 60-х и 70-х годах XI в., позволяют судить о Киеве более раннего времени, по крайней мере X столетия. Говоря о прибытии древлян к Ольге, летописец делает к своему рассказу такое топографическое пояснение: «Тогда ведь вода текла возле горы Киевской и на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжий был в городе, где ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище было вне города, и был вне города двор другой, где двор деместика за святой Богородицей над горою, двор теремный, потому что тут был терем каменный» [1].

Эта краткая летописная заметка по существу даёт ясное понятие о Киеве X в. Прежде всего устанавливается важный факт — позднее заселение Подола, лежавшего у подножия киевских высот. «Люди» — городское население — жили на горе, где был расположен город. В городе находился княжеский двор. Другой княжеский двор стоял «вне града». Тут же был и каменный терем. Место его указывается «за святой Богородицей», т. е. за Десятинной церковью. «Двор теремный вне града» известен и по рассказу о мести Ольги древлянам.

Из летописных известий становится совершенно ясным, что укреплённое место, или собственно «город», занимало совсем незначительную территорию. Киев был расширен только при Ярославе, заложившем в 1037 г. «город великий Кыев» с Золотыми воротами. До этого местность, на которой был позже воздвигнут Софийский собор, была полем «вне града», так же как и Подол в низине у Днепра оставался незаселённым.

Археологические наблюдения, сделанные на территории Киева, подтверждают наше представление о небольших размерах первоначального города. Об этом свидетельствуют остатки древнего рва поблизости от Десятинной церкви. Этот ров и предполагаемый земляной вал

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 40. Чюдин известен по Правде Ярославичей и по киевским событиям 1068 г., этим примерно датируется и топографический отрывок в летописи.

ограждали Киев VIII—IX вв.[1] В этом же районе были обнаружены плохо сохранившиеся землянки того же времени. Территория древнего Киева была незначительной, что свидетельствует о первоначальном этапе в его развитии. Киев уже перестал быть городком — твердью — и сделался «матерью русских городов». Он уже доминирует над другими русскими городами, тем не менее рост города как центра торговли и ремесла целиком падает на позднейшее время и только начинается в IX—X вв.

Краткие, отрывочные и запутанные летописные свидетельства о Киеве IX—X вв. дополняются материалами обширного Киевского некрополя. «Киевские некрополи охватывают огромную территорию от возвышенностей над Кирилловской церковью на севере до Печерска — на юге; на западе они уходят за черту древнего города, доходя до Батыевых гор над Лыбедью, на востоке их естественной границей является обрыв киевских возвышенностей над Днепром. По своим размерам Киевский некрополь превосходил когда-то все наиболее крупные из дошедших до нас курганных кладбищ»[2].

Наиболее ранней датой киевских курганов считается IX в. В мужских погребениях в грунтовых могилах имеются железные ножи с костяными рукоятками, наконечники копий и стрел, шпоры и пр. В женских погребениях находят различного рода серебряные и медные украшения, реже золотые, а также ожерелья и крестики. Значительно богаче погребения в срубных гробницах. «Обилие и особое богатство украшений, изящество ювелирных изделий из золота и серебра, роскошные одежды, наличие большого количества диргемов в составе инвентарей резко подчёркивают принадлежность их владельцев к высшим кругам киевского общества»[3]. Погребения датируются по византийским монетам и арабским диргемам IX—X столетий.

Ряд предметов, найденных в грунтовых могилах и в срубных погребениях, носит черты местного происхождения. Такова «серебряная серьга с надетыми на

---

[1] *М. К. Каргер,* К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. («Краткие сообщения ИИМК», VI, 1940 г., стр. 61—66).

[2] *Л. А. Голубева,* Киевский некрополь («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, М.—Л. 1949, стр. 103).

[3] Там же, стр. 114.

дужку тремя шариками, покрытыми грубой зернью». Это прототип так называемой серьги киевского типа, сложившегося уже в XI в. Другие серьги близки к серьгам так называемого волынского типа, также местного происхождения. К местной продукции Л. А. Голубева, исследовавшая Киевский некрополь, причисляет и скорлупообразные бронзовые фибулы. Число местных ремесленных изделий IX—X вв. может быть значительно увеличено, если к ним отнести различного рода бытовые предметы вроде железных ножичков, кресал (для зажигания), наконечников копий, стрел и т. д. Тогда ясна станет и основная продукция киевских ремесленников IX—X вв.: производство из металла изделий быта, оружия и примитивных украшений из серебра и меди, реже из золота. Находки весов и гирь вместе с монетой Константина Багрянородного (913—954 гг.) говорят о торговле Киева с Византией, о тех «гостях», которые приходили в Константинополь и жили в предместьи св. Мамы. Крестики, привески, найденные в погребениях, свидетельствуют о распространении христианства в Киеве IX—X вв.

В целом Киев этого времени рисуется как город с ремесленным производством и торговлей, но едва ли со значительным ремесленным населением. Это по преимуществу город князей с их дружиной. «Люди» — горожане — уже составляют в Киеве значительную прослойку, но ещё близко связаны с княжеским двором и дружиной, а сами ремесленники по преимуществу являются зависимыми людьми.

Аналогичные наблюдения можно сделать и над территорией других древнерусских городов, в первую очередь Новгорода.

Летописи знали две версии о происхождении Новгорода, приписывая его создание как славенам, так и Рюрику. Впрочем, одна версия не противоречит другой, так как легенда о построении города Рюриком может относиться к Городищу, которое так и носит название Рюрикова городища. Действительно, летопись говорит о построении Рюриком города над озером Ильмень, а это мало подходит к топографии Новгорода и более соответствует местоположению Городища, стоящего на Волхове поблизости от его впадения в Ильмень. Правда, А. В. Арциховский скептически смотрит на возможность раннего

возникновения Городища, считая его основанным князьями, выселившимися из Новгорода в XII в., но этот вывод ещё требует проверки, поскольку в районе Городища были найдены предметы конца X или начала XI в., например золотая эмалевая пластинка византийской работы [1]. На особую древность этого района указывают также раскопки М. К. Каргера, открывшие фрагменты керамики IX—X вв.

Что касается самого Новгорода, то некоторый свет на его происхождение бросают раскопки последних лет, проведённые А. В. Арциховским. На месте Ярославля дворища в X в. существовал дохристианский могильник; значит, этот район ещё не был заселён. При раскопках на Славенском холме найден был помост, под которым оказался арабский диргем X в. О существовании поселений на Славенском холме, по мнению А. В. Арциховского, говорить можно, «но и то без особой уверенности» [2]. Следовательно, по имеющимся археологическим данным, Торговая сторона Новгорода стала заселяться только в X в., причём древнейшая часть поселений была расположена на возвышенном Славенском холме.

Запутанная и до сих пор окончательно не разрешённая археологическими исследованиями топография Торговой стороны Новгорода всё-таки позволяет заключить, что рост этого района падает на X в. Впрочем, начало поселений на Торговой стороне могло восходить и к гораздо более раннему времени. В частности, в Новгороде держалось упорное предание о существовании древнего города Словенска. «И поиде по Днепру горе, — говорит одна поздняя новгородская летопись об апостоле Андрее, — и прииде в Словенск, идеже ныне... стоит град Великий Новгород» [3]. Название города «Словенском» связывает его с племенным названием ильменских словен, которое сохранялось на Руси длительное время. Город «Словенск» упомянут в списке русских городов начала XV в. как находившийся по соседству с Серпейском и Козельском. Отсутствие же указаний на древнее

---

[1] «Новгородский исторический сборник», вып. III—IV, Новгород 1938, стр. 219.

[2] *А. В. Арциховский*, Раскопки на Славне в Новгороде («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 124—125).

[3] «Российская летопись по списку Софейскому Великаго Новаграда», ч. 1, СПБ 1795, стр. 3.

поселение в районе Славенского холма само по себе не является ещё доказательством того, что старое предание о существовании Словенска на месте Новгорода недостоверно: ведь территория древнего города изучена пока ещё недостаточно.

Что касается Софийской стороны и Детинца, то наблюдения над временем возникновения поселений в этом районе сделаны только в последнее время. Раскопки на территории бывшего Неревского конца к северу от Детинца (Кремля) подтвердили, что этот район Новгорода был заселён с древнего времени. Так, в нижних земляных слоях оказались лимоновидные бусы, по словам А. В. Арциховского, появившиеся ещё в IX в., «а в XI в. не заходящие». Они могут считаться «надёжным признаком X в.». Ещё замечательнее находка в Неревском конце сердоликовых шарообразных бус; «в X в. этот тип является уже исключением, хотя и не редким, в XI веке и позже — редчайшим исключением» [1].

Таким образом, выясняется существование поселений на территории Неревского конца в Новгороде уже в IX—X столетиях. Поселения эти возникли в непосредственной близости к северной, наиболее древней части Детинца, где помещался дом новгородского епископа и собор св. Софии. Они были зародышами новгородского посада, быстро разросшегося в позднейшие столетия. Такие посады, как правило, основывались и развивались в непосредственной близости и под защитой городских замков.

Во всяком случае, история первоначального Новгорода рисуется нам аналогично истории Киева. Вначале на месте Новгорода находим небольшой городок, один из племенных центров (безразлично, назывался ли этот городок Словенском или как-либо по-иному), позже возникает город-замок одного из князей. Усиленное развитие городской жизни в Новгороде, как и в Киеве, происходит в определённое время — в IX—X столетиях.

Сказанное можно проследить на примере других древних городов — Полоцка, Пскова, Суздаля.

Раскопки, произведённые А. Н. Лявданским на территории древнего Полоцка, привели к исключительно

---

[1] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М. 1953, стр. 58 (определения А. В. Арциховского).

ценным выводам. Они установили, что на территории Верхнего замка, в Полоцке, где стоит каменная церковь св. Софии, не было городища, хотя, может быть, существовало поселение, судя по обломкам посуды, относящееся к концу X — началу XI в. Ещё позднее возник Нижний замок. Первоначальное ядро города надо искать на правом берегу реки Полоты, где находится древнее городище. Предметы, найденные на городище, относятся к XI—XII вв., позолоченную бляшку и гончарную посуду можно датировать X в., а некоторые обломки посуды — даже IX в. Лявданский отмечает присутствие более ранних остатков посуды, которые можно отнести «до часу раней IX—X ст.» [1]. Исследование обрыва у Западной Двины в Заполотье, или «старом городе» Полоцка, обнаружило, что Заполотье было заселено с самых древних времён, может быть и с X столетия.

По мнению названного исследователя полоцкой старины, первоначально укрепление находилось на Полоцком городище. Оно возникло приблизительно в VIII—IX вв., судя по находкам в нижнем и наиболее раннем культурном слое. В верхнем, более богатом культурном слое городища найдена гончарная посуда X—XII вв. «Верхний слой значительно богаче находками, чем нижний. Это свидетельствует о том, что и жизнь на городище в этот период шла более интенсивно (особенно в XI—XII вв.)». А. Н. Лявданский делает вывод, что в это время городище служило укреплённым центром, своего рода Кремлём города Полоцка. Поселения же полоцких жителей находились ниже реки Полоты, около Двины, на месте Заполотья, Верхнего и, может быть, Нижнего замков. Название «старый город», которое встречается в документах уже XIV в., по мнению того же исследователя, первоначально относилось к городищу, а теперешнее название Заполотья «старым городом» возникло, возможно, значительно позднее [2].

Отмечая исключительную ценность раскопок А. Н. Лявданского, нельзя не обратить внимания на некоторую неясность в представленной им попытке воссоздать историю древнего Полоцка. Во всех известных

---

[1] «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, Мінск 1930, стр. 166.

[2] Там же, стр. 172—173.

нам городах соборные храмы стояли в кремле, поблизости от княжеского двора. Современный Софийский собор в Полоцке построен не позднее XII в., а с большой вероятностью может быть отнесён и к XI в. Немыслимо представить себе, что собор был сооружён вне городских стен, так как древнерусские соборы являлись внутренними крепостями, библиотеками и хранилищами казны. Повидимому, историю древнего Полоцка надо представить себе несколько иначе, чем это рисуется А. Н. Лявданскому.

Первоначальный городок, как и предполагает названный учёный, был основан на месте городища, расположенного несколько в отдалении от Западной Двины, как лежал и древнейший Киев, тоже основанный на горах над Днепром. Позже, примерно в X в., стало заселяться низменное Заполотье, или территория «старого города», игравшее роль киевского «Подола» с его ремесленным населением. Это потребовало переноса городских укреплений ближе к Двине и вызвало появление Верхнего замка, тогда как на городище осталось поселение, возможно — даже особый княжеский двор. При всех условиях начало Полоцка как города восходит к VIII—IX вв., а рост ремесленной его части — к X в.

Приблизительно к тому же времени восходит начало Витебска. Городище на месте Верхнего замка в Витебске, по исследованию того же А. Н. Лявданского, возникло не позднее IX в. Кроме того найдены следы культуры X в., а главным образом XI—XII столетий. Поселения на месте Нижнего замка также существовали в IX—X вв.

Интересно, что подобного же рода выводы сделаны были Н. Н. Ворониным, исследовавшим территорию Суздальского кремля. В результате раскопок было найдено немало интересных предметов, в том числе три рубленых гривны второй половины X — начала XI в. Общий вывод Н. Н. Воронина сводится к тому, что «раскопы позволяют говорить о заселении кремлёвской территории в конце IX и начале X в.». Нельзя, впрочем, не посетовать на автора цитируемых слов, который снижает свои выводы общим замечанием, что вещи, найденные в нижнем горизонте культурного слоя Суздальского кремля, характеризуются довольно однородным комп-

лексом вещей, характерных для среднерусских городищ X—XIV вв.[1]

Несколько иную картину дают археологические наблюдения, сделанные в Пскове. В итоге работ, проведённых под руководством Н. Н. Чернягина на территории Псковского кремля («Крома»), была установлена целость напластований Псковского кремля и наличие ряда последовательных культурных слоёв, датируемых начиная с VIII—IX вв. и кончая XII, быть может, XIII в. Таким образом, Псков возник раньше, чем Новгород, и в этом нет ничего невероятного, так как торговая дорога по реке Великой восходит к очень раннему времени. Характерно, что в древнейшем слое был найден костяной гребень с резным изображением ладьи с парусом и сильно приподнятыми, загнутыми кормой и носом[2]. Ладья по своей форме напоминает типичную древнерусскую ладью, как она нам известна по миниатюрам. Рисунок украшал вещь, принадлежавшую какому-либо купцу-воителю.

Новые раскопки на территории Пскова подтвердили, что Псков уже в IX столетии был значительным городским пунктом. В Детинце найдены были мостовые X в. и остатки жилого дома VIII—IX столетий[3].

Интересные соображения о времени возникновения и развития городской жизни в Пскове высказала С. А. Тараканова. Как и многие другие города, Псков стоял на месте древнего поселения. «Изучение остатков материальной культуры древнего Пскова, а также его крепостных стен, в особенности первоначальных, позволяет отнести возникновение Пскова как собственно города к VIII в. н. э.», — пишет С. А. Тараканова. Особенно ценно наблюдение С. А. Таракановой, что слои земли в Псковском кремле VIII—X вв. по своим материальным остаткам принципиально отличаются от слоёв II—VIII столетий. Так, лепная посуда, производившаяся раньше домашним способом, заменяется посудой, сделанной на гончарном круге. На новой технической основе развивается кузнечно-литейное ремесло. Вместо полуземлянок появляются

---

[1] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л. 1941, стр. 90—96.

[2] Там же. стр. 28—32.

[3] *С. А. Тараканова,* Раскопки древнего Пскова («Краткие сообщения ИИМК», XXVII, 1949 г., стр. 104—112).

наземные дома с деревянными полами и т. д. Все эти новые явления обозначают переломное время — переход к качественно иной форме городского поселения от городка родоплеменного времени к городу феодального времени. «Найденные при раскопках разнообразные железные вещи (железные ножи, рыболовные крючки, тёсла, сошники, топоры, скобель, косы, серпы, молоток, кованые гвозди со шляпками, наконечники стрел, славянские цилиндрические замки и ключи, «древолазные шипы», лодочные заклёпки и многие другие вещи) характеризуют деятельность кузнецов-ремесленников»[1]. В IX—X столетиях Псков уже втягивается в торговые отношения с Востоком и Западом. Об этом свидетельствуют находки саманидского диргема 940—955 гг. и западноевропейской монеты 1068—1090 гг. и пр.

Псков начал развиваться в VIII в., а в IX—X столетиях становится значительным городским центром. К этому времени и надо относить зарождение псковского посада, раскопки которого пока ещё не произведены.

Со значительной полнотой можно нарисовать картину древнего Смоленска на основании раскопок В. И. Сизова, произведённых в Гнездове. Гнездовский могильник находится километрах в 10 к западу от Смоленска, на правом, в данном случае северном берегу Днепра. Обширный могильник примыкает к городищу, повидимому раньше находившемуся при впадении речки Свинки в Днепр. «Начало XI в. может служить конечной гранью для жизни Гнездова, которая заканчивалась всё тем же языческим трупосожжением, исключительно практиковавшимся в этой местности», — пишет Сизов.

Вопрос о взаимоотношении Гнездова к древнему Смоленску весьма важен для историка древнерусских городов. Само название «Гнездово» появляется только в начале XVII в., между тем существование Смоленска в X в. засвидетельствовано начальной летописью и Константином Багрянородным. Существование в районе Смоленска двух больших поселений, расположенных километрах в 10 одно от другого, представляется маловероятным. Понимая малую вероятность близкого соседства двух подобных центров в X столетии, В. И. Сизов выходит из

---

[1] *С. А. Тараканова,* О происхождении и времени возникновения Пскова («Краткие сообщения ИИМК», XXXV, 1950 г., стр. 18—29).

затруднения путём следующих рассуждений: «Нам кажется, что Гнездово в древнее время, т. е. в IX—X столетиях, было погостом Смоленска, и что здесь, в Гнездове, с древних времён развивалась торгово-промышленная жизнь в то время, когда Смоленск был только острожком или крепостью, где сидел правитель («муж княжой»), ездивший на полюдье или принимавший дань или товар от окрестных мест. Население Смоленска было в то время незначительное и только административно-военное, и потому оно не оставило после себя никаких ясных следов, относящихся ко времени язычества». Сизов предполагает, что уничтожение Гнездова произошло посредством крутых административных мер, которые привели к уничтожению древнего языческого погоста, вероятно слишком упрямого в своём язычестве [1]. Население ютилось ближе к берегу Днепра, на юг от могильника, и посёлки тянулись длинной полосой у правого берега реки, в центре же поселений находилось городище, «валы которого были укреплены каменной кладкой внутри и, быть может, горелыми брёвнами» [2]. К сожалению, Сизов не произвёл детального исследования городища и остатков поселений. Главное внимание его было обращено на изучение курганов, а между тем вопрос о характере Гнездовского поселения является важным для суждений о русском городе IX—X вв.

Изучение Гнездовских курганов было успешно продолжено советским археологом Д. А. Авдусиным, который произвёл раскопки и на Гнездовском городище. Авдусин приходит к выводу, что древний Смоленск не находился на центральном Гнездовском городище, а найденные на его территории предметы IX—X вв. являются остатками курганных погребений, разрушенных при сооружении епископского замка в XVII столетии. Впрочем, этот решительный вывод сам же автор несколько подрывает заключительной фразой, что вопрос о первоначальном месте Смоленска ещё не решён [3].

Трудный вопрос о местоположении древнего Смоленска в какой-то мере может быть если не решён, то

---

[1] *В. И. Сизов,* Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска, СПБ 1902, стр. 125—126.

[2] Там же, стр. 115.

[3] *Д. А. Авдусин,* К вопросу о первоначальном месте Смоленска («Вестник Московского Университета» № 7, 1953 г., стр. 136—137).

приближен к решению по аналогии с другими древнерусскими городами. Прежде всего, повидимому, надо отказаться от мысли, что первоначальный Смоленск стоял на Гнездове и центром его было Гнездовское городище, к чему я сам склонялся в первом издании этой книги. Местоположение Смоленска на высотах совершенно аналогично местоположению Киева, Чернигова, Пскова, Полоцка. Наоборот, Гнездовское городище стоит в низине и не на самом берегу Днепра. Даже Новгородский кремль был построен на более возвышенном месте, хотя он и расположен на равнине у берегов Волхова, где нет значительных высот.

Мало вероятными кажутся также представления В. И. Сизова о Гнездове как торгово-промышленном посаде Смоленска. В этом случае мы имели бы беспрецедентный случай большого поселения, лежавшего далеко от замка, под стенами которого обычно располагался неукреплённый посад. Это опровергается и самими находками, сделанными В. И. Сизовым, в частности обычаем погребения воинов с рабынями. Только в богатых курганах Гнездова мужские трупосожжения сопровождаются женскими. Военный элемент сказался в предметах, открытых в Гнездове в таком большом количестве, что нельзя говорить о случайности. Чего стоит хотя бы находка горшка с жжёными костями, по бокам которого в землю были воткнуты с одной стороны меч с рукояткой, отделанной серебром, с другой — копьё.

Что Гнездово нельзя считать первоначальным Смоленском, доказывается прямым свидетельством письменных источников. По сказаниям о Борисе и Глебе, встреча Глеба с его убийцами произошла в устье Смядыни. Глеб спускался вниз по Днепру: «и как (Глеб) пришел к Смоленску и пошел от Смоленска и видим еще был, остановился он на Смядыне в кораблике» [1]. Ту же версию о месте гибели Глеба находим и в летописи. Таким образом, в начале XI в. Смоленск находился на своём теперешнем месте, выше Смядыни, а не ниже, как надо было бы предполагать, если бы речь шла о Гнездове. Небольшой корабль Глеба был ещё виден от города. Эта подробность заимствована, видимо, из рассказов очевидцев события.

[1] «И яко поиде Смолиньску и поиде от Смолиньска яко зьреим едино ста на Смядине в кораблици» (*Д. И. Абрамович*, Жития св. мучеников Бориса и Глеба, Пгр. 1916, стр. 39, 70).

Следовательно, Гнездово надо считать местом погребения, а не городом. Городом был Смоленск.

О правильности наших предположений можно будет судить после дальнейших археологических наблюдений, пока же Гнездовские курганы позволяют сделать ряд наблюдений над жизнью древнейших русских городов. Прежде всего поражает большое количество богатых погребений с оружием, что заставляет говорить о крупном значении в Смоленске X в. общественной верхушки. В. И. Сизов совершенно правильно подчёркивает отсутствие указаний на решительное преобладание варягов в Гнездове, хотя и отмечает явные следы скандинавских погребений. Судя по всему, население Смоленска в X в. в основном состояло из военного люда — княжеской дружины и княжеских слуг.

Характер ремесленных изделий, найденных в Гнездове, очень своеобразен. В основном перед нами железные и гончарные изделия. Железные изделия, найденные в Гнездове, относятся к предметам местного производства, причём «обработка металлических украшений доводилась здесь до известной технической виртуозности» [1]. Наряду с кузнецами существовали мастера, производившие бронзовые и серебряные изделия. Кроме того, выдающееся значение имело гончарное производство.

Следует, впрочем, заметить, что раскопки не дают оснований для окончательных суждений о происхождении и составе ремесленного населения в Смоленске X в. Ведь это население могло состоять не столько из свободных, сколько из зависимых ремесленников. Однако обилие железных и гончарных изделий в гнездовских находках заставляет думать о существовании в нём значительного количества свободных ремесленников, работавших не только на удовлетворение запросов княжеско-дружинных кругов, но и на более широкий сбыт. Таковы стальные огнива, ножи, железные остовы для шейных гривн и т. д. Кроме того, найдены предметы, указывающие на большое торговое значение Смоленска в X в. Особенно показательны находки диргемов в полном и разрезанном виде и небольших весов с гирьками. «Арабские и среднеазиатские диргемы с их обрезками, заменявшими мелкую монету или служившими дополнением к известному весу,

[1] *В. И. Сизов,* Курганы Смоленской губернии, вып. I, стр. 122.

были единственной ходячей монетой для Гнездова». Некоторые предметы, найденные в Гнездовских курганах, занесены были с Востока. В меньшем количестве найдены вещи византийского и скандинавского происхождения [1].

Смоленск IX—X вв. представляется ещё замком, вокруг которого только начинает создаваться посад, населённый купцами и ремесленниками. Таким образом, имеется полная аналогия в истории древнейших русских городов — Киева, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Пскова и Новгорода. Рост этих крупнейших русских городов, развитие в них ремесла и торговли происходят в IX—X вв., т. е. одновременно с усиленной феодализацией Древней Руси.

2. Появление новых городов в XI—XIII вв.

В известиях XI—XIII вв. на страницах наших летописей появляются названия большого количества городов. Тем не менее, пользуясь письменными источниками, мы можем составить только неполный список русских городов за указанное время. Например, Владимир Мономах говорит о некоторых городах, как о широко известных пунктах, тогда как о многих из них в летописях имеются лишь случайные упоминания. Приведём другой пример случайности и неполноты наших сведений о русских городах. Подробный рассказ о походе Святослава Ольговича на север внезапно обнаруживает, что в середине XII в. страна вятичей была совсем не столь глухой, как это обычно представляется, а наполненной городками, часть которых сохранилась после монгольского разорения, а другая бесследно исчезла. Составление полного списка русских городов XI—XIII вв. — благодарная задача для будущего историка, для нашей же цели достаточно будет ограничиться примерным и очень суммарным списком русских городов. Этот список ни в какой мере не претендует на полноту, хотя автор и принял во внимание более ранние работы по исторической географии Древней Руси (Погодина, Барсова, Насонова и др.), а тем более не преследует цели установления местонахождения

[1] *В. И. Сизов*, Курганы Смоленской губернии, вып. 1, стр. 120.

исчезнувших городов, что должно быть предметом особого исследования. В примечаниях указаны основные источники, использованные для списков городов (Лаврентьевская летопись — Лавр., Ипатьевская — Ипат., Первая Новгородская — Новг.). В скобках указывается год первого появления города в источниках или год его основания.

Для XI в. устанавливается существование следующих городов:

Берестье (1019) [1], Белз (1030) [2], Броды (конец XI в.) [3], Бужск или Божеск (1097) [4].

Вздвижень или Здвиждень (1097) [5], Всеволож (1097) [6], Воин (1055) [7], Вырь (конец XI в.) [8].

Голотическ (1071) [9], Городец под Киевом (1026) [10], Горошин (конец XI в.) [11], Гурьгев или Юрьев (1095) [12].

Дорогобуж (1084) [13], упомянут в Правде Ярославичей в связи с восстанием 1068 г., Дрютеск, современный Друцк (1092) [14], Дубно или Дубен (1100) [15].

Желань или Желянь (1093) [16].

Заруб (1096) [17], Звенигород Червенский (1086 или 1087) [18].

Изяславль (начало XI в.) [19].

Курск (начало XI в.), упомянут в начале XI в. в Печерском патерике как родина Феодосия Печерского, впервые в летописях — в 1095 г. [20]

Логожск (конец XI в.), в летописи впервые упомянут в 1127 г., но назван в поучении Владимира Мономаха [21], Лубно или Лубен (конец XI в.) [22], Луцк (1085) [23].

---

[1] Лавр. 141, Ипат. 101.
[2] Лавр. 146, Ипат. 105.
[3] Лавр. 239 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[4] Лавр. 257, Ипат. 174 и 180.
[5] Ипат. 170, Лавр. 252.
[6] Лавр. 256, Ипат. 173.
[7] Ипат. 114, Лавр. 158.
[8] Лавр. 241 (назван в поучении Владимира Мономаха), Ипат. 198, под 1113 г.
[9] Лавр. 170, Ипат. 122.
[10] Лавр. 145, Ипат. 104.
[11] Лавр. 239 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[12] Ипат. 159, Лавр. 221.
[13] Лавр. 199, Ипат. 144.
[14] Лавр. 208, Ипат. 150.
[15] Лавр. 264, Ипат. 180.
[16] Ипат. 154.
[17] Ипат. 161, Лавр. 223.
[18] Лавр. 199, Ипат. 144.
[19] См. далее в тексте.
[20] Лавр. 221, Ипат. 160.
[21] Лавр. 239, Ипат. 210.
[22] Лавр. 241 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[23] Лавр. 199, Ипат. 144.

Меньск, Менеск, современный Минск (1067) [1], Микулин (конец XI в.) [2].

Нежатин или Неятин (1071) [3], Новгород Святополч (1095) [4].

Обров (конец XI в.) [5], Одрск (конец XI в.) [6], Олешье (1084) в устье Днепра также считалось русским городом [7], Острог (1100) [8].

Переволока (1092) [9], Перемиль (1097) [10], Песочен или Посечен (1092) [11], Пинск (1097) [12], Прилук (1092) [13].

Римов (конец XI в.) [14], Ромен (конец XI в.) [15], Ростовец (1071) [16], Рша, современная Орша (1067) [17], Рязань (1096) [18].

Саков (1095) [19], Святославль (конец XI в.) [20], Сновск (1068) [21], Стародуб Северский (1096) [22], Сутейск (1097) [23].

Теребовль (1097) [24], Торческ (1093) [25], Триполь (1093) [26], Турийск (1097) [27], Тмутаракань, впервые упоминается в 1022 г., но существовала ранее, так как названа в числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, следовательно, до 1015 г. [28]

Уветичи (1100) [29], Устье (1096) [30].

Халеп (конец XI в.) [31].

Черторыйск (1100) [32].

Шеполь (1097) [33].

---

[1] Лавр. 162, Ипат. 117.
[2] Лавр. 239, Ипат. 226, под 1144 г. (назван в поучении Владимира Мономаха).
[3] Лавр. 169, Ипат. 122.
[4] Лавр. 221, Ипат. 160.
[5] Лавр. 239 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[6] Лавр. 239 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[7] Лавр. 199, Ипат. 144.
[8] Лавр. 264, Ипат. 180.
[9] Лавр. 208.
[10] Лавр. 256.
[11] Лавр. 208, Ипат. 150.
[12] Лавр. 249, Ипат. 168.
[13] Лавр. 208, Ипат. 150.
[14] Лавр. 240 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[15] Лавр. 241.
[16] Лавр. 169, Ипат. 122 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[17] Ипат. 117, Лавр. 163.
[18] Лавр. 223 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[19] Лавр. 221, Ипат, 181.
[20] Лавр. 240 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[21] Лавр. 167, Ипат. 121.
[22] Лавр. 222, Ипат. 160.
[23] Ипат. 178, Лавр. 238 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[24] Лавр. 247, Ипат. 167.
[25] Лавр. 211, Ипат. 152.
[26] Лавр. 212, Ипат. 153.
[27] Лавр. 258, Ипат. 175.
[28] Ипат. 83, 103.
[29] Ипат. 180, Лавр. 263.
[30] Ипат. 161, Лавр. 223.
[31] Лавр. 240 (назван в поучении Владимира Мономаха).
[32] Ипат. 180, Лавр. 264.
[33] Ипат. 173, Лавр. 256.

Юрьев в Эстонии (1030) [1].

Ярославль (1071) [2].

К перечисленным 58 городам надо добавить несколько городов, сравнительно поздно появляющихся в летописях, но возникших не позже XI в. К их числу прежде всего принадлежит Витебск, о котором говорится в Московском летописном своде под 1021 г.: «и оттоле призвал (Ярослав) к себе Брячислава и дал ему два города Восвячь и Видбеск» [3]. Из этого же известия узнаём о городе Восвячь, или Усвяте, следовательно уже существовавшем в XI в.

Торопец также поздно появляется в наших летописях, но его раннее существование доказывается упоминанием Печерского патерика об Исаакии Затворнике. Исаакий был в миру купцом из Торопца («бе купець родом торопчанин»). В Печерский монастырь он пришёл ещё при жизни Антония, следовательно, в первой половине XI в. [4]

К городам того же столетия надо отнести также Изяславль и Владимир-на-Клязьме (Залесский). Изяславль (позже Заславль) впервые упоминается под 1127 г., но в летописи помещён рассказ о построении этого города Владимиром Святославичем для сына Изяслава, рождённого от Рогнеды [5]. Старинный спор о том, какому князю принадлежит честь основания Владимира-на-Клязьме — Владимиру Святославичу или Владимиру Мономаху, в общем может быть разрешён признанием того, что он основан в XI в., поскольку тот и другой князь жили в этом столетии.

Не позже начала XI в. возник город Владимир Волынский, так как, по летописи, Владимир Святославич посадил в нём на княжение своего сына Всеволода, а об особом княжении во Владимире-на-Клязьме в это время не может быть и речи. Впервые же город Владимир Волынский назван в 1044 г. В 1018 г. назван город

---

[1] Лавр. 146, Ипат. 105.

[2] Лавр. 170.

[3] «Полное собрание русских летописей», т. XXV, М. — Л. 1949, стр. 374 (в дальнейшем — ПСРЛ).

[4] «Патерик Киевского Печерского монастыря», изд. Археографической комиссии, СПБ 1911, стр. 128 (в дальнейшем — «Печерский патерик»).

[5] Лаврент. лет., стр. 285.

Волынь, возникший гораздо раньше. Вероятно, это один из древнейших городов на Руси [1].

Так прибавляется ещё 6 городов (Витебск, Усвят, Торопец, Владимир Волынский, Волынь и Владимир-на-Клязьме). Таким образом, в XI столетии встречаем 64 новых города, а общее количество русских городов в этот период вместе с более ранними городами может быть исчислено в 89, т. е. близко подходит к сотне.

Наибольшее количество городов показано в наших источниках для XII в.:

Бароч или Баруч (1125) [2], Бежицы или Бежицкий Верх (1196) [3], в первом известии о нём 1196 г. он назван просто Верхом, Бежицким именуется только в 1245 г., Березый (1152) [4], Блеве (1147) [5], Боголюбов (до 1175 г.) [6], Богуславль (1195) [7], Болдыж (1146) [8], Болохов (1150) [9], Борисов (1127) [10], Борисов-Глебов (1180) [11], Бохмач (1147) [12], Брань или Брон (1125) [13], Брягин (1147) [14], Брянск или Дебрянск (1146) [15], Булич (1162) [16].

Василев Смоленский (1165) [17], Вернев (1151) [18], Визна (1145) [19], Володарев (1150) [20], Волок Ламский (1135), под этим годом город назван просто Волоком, а «Ламским Волоком» — лишь в 1178 г. [21], Воробиин (1147) [22], Воронажь или Воронеж (1177) [23], Воротынск (1155) [24], Всеволож Черниговский (1147) [25], Вщиж (1142) [26], Выгошев (1152) [27], Вьяхань или Бьяхань (1147) [28].

---

[1] «Приде Волыню и сташа оба пол рекы Буга» (Лаврент. лет., стр. 139). Здесь имеется в виду, конечно, город, а не область.

[2] Лавр. 280, Ипат. 208, под 1126 г.

[3] Новг. 43.

[4] Ипат. 314.

[5] Ипат. 242.

[6] Лавр. 348.

[7] Ипат. 459.

[8] Ипат. 238, но из летописи неясно, о чём идёт речь — о городе или урочище: «Прешедшим же им лес Болдыжь».

[9] Ипат. 278.

[10] Лавр. 283, Ипат. 210, под 1128 г.

[11] Лавр. 368.

[12] Ипат. 252.

[13] Лавр. 280.

[14] Ипат. 253.

[15] Ипат. 239.

[16] Ипат. 354.

[17] Ипат. 359.

[18] Ипат. 300.

[19] Ипат. 227.

[20] Ипат. 278.

[21] Лавр. 287.

[22] Ипат. 242.

[23] Ипат. 410.

[24] Ипат. 329.

[25] Ипат. 252.

[26] Ипат. 223.

[27] Ипат. 313.

[28] Ипат. 251.

Галич (1138) [1], Глебль (1147) [2], Глухов (1152) [3], Гнойница (1152) [4], Гомий (1142) [5], Городен Волынский (1183) [6], Городец или Городок на Остре (1135) [7], Городец Радилов на Волге (1172) [8].

Дверен (1192) [9], Дерновой (1146) [10], Девягорск (1147) [11], Дедославль (1146) [12], Дмитров (1154) [13], Дмитров Киевский (1183) [14], Домагощ (1147) [15], Дорогичин (1142) [16].

Желди или Желдя, по Троицкому списку — Желний (1116) [17].

Зареческ (1106) [18], Зарой (1154) [19], Зарытый (1160) [20], Звенигород Киевский (1150) [21].

Канев (1149) [22], Карачев (1146) [23], Клеческ (1127) [24], Козельск (1154) [25], Коломна (1177) [26], Копонов (1187) [27], Копыс (1116) [28], Коречьск или Корческ (1150) [29], Корсунь-на-Роси (1169) [30], Котельнич (1143) [31], Красный или Красн (1165) [32], Кснятин (1148) [33], Кучелмин (1159) [34].

Лобынск (1146) [35], Луки Великие (1166) [36], Лукомль (1178) [37], Лутава (1155) [38], Лучин (1173) [39].

Малотин (1139) [40], Межибожье (1146) [41], Межимостье (1170) [42], Милеск (1150) [43], Мичьск (1150) [44],

---

[1] Лавр. 290 (названы галичане), Ипат. 218, под 1140 г.
[2] Ипат. 252.
[3] Лавр. 320.
[4] Ипат. 313.
[5] Ипат. 223.
[6] Ипат. 428.
[7] Лавр. 287.
[8] Лавр. 345.
[9] Ипат. 453.
[10] Ипат. 230.
[11] Ипат. 242.
[12] Ипат. 239.
[13] ПСРЛ, т. XXV, стр. 58.
[14] Ипат. 424.
[15] Ипат. 242.
[16] Ипат. 222.
[17] Лавр. 276, Ипат. 203.
[18] Лавр. 270, Ипат. 186.
[19] Ипат. 328.
[20] Ипат. 348.
[21] Ипат. 278.
[22] Лавр. 306.
[23] Лавр. 298.
[24] Лавр. 283, Ипат. 210, под 1128 г.
[25] Лавр. 324.
[26] Лавр. 363.
[27] Лавр. 385.
[28] Ипат. 203.
[29] Ипат. 276, Лавр. 319, под 1151 г.
[30] Лавр. 339, Ипат. 379.
[31] Ипат. 224.
[32] Ипат. 359.
[33] Ипат. 260.
[34] Ипат. 341.
[35] Ипат. 240.
[36] Новг. 32, Ипат. 362, под 1168 г.
[37] Ипат. 415.
[38] Ипат. 331.
[39] Ипат. 386.
[40] Лавр. 292, Ипат. 220, под 1140 г.
[41] Ипат. 234.
[42] Ипат. 372.
[43] Ипат. 285.
[44] Ипат. 286.

Михайлов (1172) [1], Мозырь (1155) [2], Моровийск (1139) [3], Моравица или Муравица (1149) [4], Москва (1147) [5], Мстиславль (1156) [6], Мунарев (1150) [7], Мченеск (1147) [8], Мыльск (1150) [9].

Небль (1158), но в летописном известии этого года названа только волость, город Небль упомянут лишь в 1262 г. [10], Неколочь (1127) [11], Нериньск (1147) [12], Новгород Северский (1141) [13], Носов (1148) [14].

Обловь (1159) [15], Оргощ (1159) [16], Ормина (1142) [17], Пересопница (1149) [18], Пересечна (1154) [19], Переяславль Залесский (1152) [20], Песочен (1172) [21], Пирятин (1154) [22], Полкостен (1125) [23], Полоной (1169) [24], Полтеск у вятичей (1146) [25], Попашь (1147) [26], Пресненск или Плеснеск (1188) [27], Пронск (1186) [28], Путивль (1146) [29], Радощ (1155) [30], Рогачев (1142) [31], Рогов (1194) [32], Ропеск (1159) [33], Рыльск (1152) [34].

Сапогынь (1151) [35], Свирильск (1177) [36], Севск (1146) [37], Семынь или Семыч (1152) [38], Случеск или Слуцк (1116) [39], Спаш (1152) [40], Стрежев (1127) [41], Тихомль (1152) [42], Тисмяница (1144) [43], Товаров (1190) [44], Торжок или Новый Торг (1139) [45], Трубецк или Трубчевск (1185) [46], Тумащь (1150) [47].

---

[1] Ипат. 376.
[2] Ипат. 331.
[3] Ипат. 216.
[4] Лавр. 307, Ипат. 271.
[5] Ипат. 240.
[6] Ипат. 334.
[7] Ипат. 278.
[8] Ипат. 242.
[9] Лавр. 312.
[10] Ипат. 338, 566.
[11] Лавр. 283, Ипат. 211, под 1128 г.
[12] Ипат. 241.
[13] Ипат. 221.
[14] Лавр. 303.
[15] Ипат. 344.
[16] Ипат. 343.
[17] Ипат. 223.
[18] Лавр. 306.
[19] Ипат. 325.
[20] ПСРЛ, т. XXV, стр. 56.
[21] Ипат. 379.
[22] Лавр. 325.
[23] Лавр. 281.
[24] Лавр. 340.
[25] Ипат. 239.
[26] Ипат. 251.
[27] Ипат. 445.
[28] Лавр. 380.
[29] Ипат. 234.
[30] Ипат. 328.
[31] Ипат. 223.
[32] Ипат. 456.
[33] Ипат. 344.
[34] Ипат. 316.
[35] Ипат. 305.
[36] Ипат. 408.
[37] Ипат. 238.
[38] Лавр. 321.
[39] Ипат. 203.
[40] Ипат. 314.
[41] Лавр. 283.
[42] Ипат. 313.
[43] Ипат. 226.
[44] Ипат. 452.
[45] Новг. 25.
[46] Ипат. 430, Лавр. 376, под 1186 г.
[47] Ипат. 279,

Удеч (1164) [1], Углич или Углече поле (1149) [2], Унежеж (1147) [3], Устилог (1150) [4], Ушеск (1150) [5], Ушица (1144) [6].

Хоробор (1153) [7].

Чемерин (1149) [8], Черneск или Черньческ (1142) [9], Чернобыль (1193) [10], Чичерск (1159) [11], Чюрнаев (1190) [12].

Шумск (1149) [13].

Ярополч (1160) [14], Ярышев (1148) [15].

Юрьев Польский (1177) [16].

Выше перечислено 134 города, которые вновь появились в источниках XII в., но этот список явно неполный. Кроме того, в него могут быть включены такие пункты, которые были не городами, а сёлами. Поэтому неполнота нашего списка, с одной стороны, неточность его — с другой, неизбежны, пока не будут проведены историко-географические и археологические исследования на местах. Нельзя сомневаться и в том, что некоторые города, внесённые в список XII в., возникли значительно раньше. Так, Старая Руса упоминается впервые в 1167 г. [17], но наверняка принадлежит к числу древнейших русских городов. Вместе с этим городом будем иметь 135 пунктов. Прибавив к ним уже существовавшие ранее города, получим 224 городских пункта, безусловно бывших на Руси к концу XII в., — цифра скорее преуменьшенная, чем преувеличенная.

Несколько городов названо также в уставной грамоте, данной смоленской епископии князем Ростиславом Мстиславичем в 1150 г. К сожалению, о некоторых населённых пунктах, названных в этом документе, нельзя сказать с точностью, идёт ли речь о городе или о погосте. Поэтому к показаниям уставной грамоты надо отнестись с большой осторожностью, хотя в некоторых случаях в ней проводится ясное отличие между городом и погостом. Так, «у Вержавлянех у Великих» показано

---

[1] Ипат. 358.
[2] Лавр. 304.
[3] Ипат. 252.
[4] Ипат. 283.
[5] Ипат. 276.
[6] Ипат. 226.
[7] Ипат. 320
[8] Лавр. 306.
[9] Ипат. 294.
[10] Ипат. 455.
[11] Ипат. 341.
[12] Ипат. 450.
[13] Лавр. 306.
[14] Ипат. 346.
[15] Ипат. 263.
[16] Лавр. 362.
[17] Новгород. лет., стр. 32.

9 погостов, а далее особо говорится о городе Вержавске как центре значительной сельской округи, состоявшей из 9 погостов [1].

К счастью, к той же уставной грамоте добавлена небольшая роспись под названием «а се погородие», устанавливающая поборы с городов, которые тут же перечислены. Это и даёт возможность установить количество смоленских городов в XII в. К их числу принадлежали: Мстиславль, Крупль, Вержавск, Копыс, Поцин или Пацин, Лучин, Ростиславль, Елна, Изяславль, Жижец, Дорогобуж. Всего 11 городов, не считая Смоленска и Торопца, хорошо известных по другим источникам.

Значительное количество поселений указано также в другом документе XII в. — в уставе Святослава Ольговича [2] 1137 г., но сказать утвердительно, говорится ли в нём о городах или погостах, нет возможности. Значительно позже, в конце XIV в., по списку русских городов, на севере считалось всего несколько городов. Трудно думать, что количество их в XII столетии было бо́льшим, чем на два века позднее. Почти все поселения «в Онеге», т. е. в бассейне реки Онеги и к востоку от неё, названы в уставе погостами. Здесь могли существовать небольшие укреплённые городки, но у нас нет никаких данных для того, чтобы отличить неукреплённый погост от городка. Поэтому устав 1137 г. даёт мало дополнительных сведений о русских городах на Онеге и к востоку от Онеги. Из поселений, указанных по уставу в Обонежском ряду, следует выделить только Олонец [3]. Этот город назван в летописи под 1228 г., но, как видим, возник значительно раньше. Из поселе́ний Бежицкого ряда к числу городов может быть причислен Городецк, на месте которого стоит современный Бежецк. Может быть, и другие поселения Бежицкого ряда, названные в уставе, были городами. Это Бежичи, Змень, Езск и Рыбаньск [4]. Однако подтверждение этому предположению может быть сделано только путём археологических исследований на месте.

---

[1] См. «Дополнения к Актам историческим», т. I, № 4, стр. 5—8.

[2] *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина,* Два памятника новгородской письменности, М. 1952, стр. 20—21.

[3] Новгород. лет., стр. 65.

[4] О местоположении их см. *А. Н. Насонов,* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, М. 1951, стр. 91.

Пока это в какой-то мере сделано только по отношению к поселению, названному в уставе Зменью и отожествляемому с Узменью в районе Бежецка. В конце XIX в. это был погост, в окрестностях которого указывалось несколько больших и малых курганов, но не было следов укреплений. Поэтому из населённых пунктов устава 1137 г. в настоящее время можно считать городами только Олонец и Городецк.

Повидимому, уже в 1177 г. существовал и Воронеж («Воронаж»), так как в Ипатьевской летописи о нём говорится, как о городе: «ехавше Воронажь» (вариант: «в Вороняжь»).

В XIII столетии (до 1237 г.) в наших источниках появляются следующие города:

Белгород Рязанский (1208) [1], Быковен (1211) [2]

Василев Галицкий (1229) [3], Верещин (1204) [4]

Герцике (1203) [5], Городок Волынский (1213) [6], Городище на Саре (1216) [7], Гороховец (1239) [8], он назван городом св. богородицы, т. е. принадлежавшим Успенскому собору во Владимире, которому был, вероятно, дан Андреем Боголюбским ещё в XII в.

Добрый (1207) [9].

Збараж или Збыраж (1211) [10], Зопиш (1211) [11], Зубцов (1216) [12].

Изяславль Галицкий (1240) [13].

Каменец (1196) [14], Колодяжен (1240) [15], Коломыя (1240) [16], Комов (1204) [17], Кострома (1214) [18], Кременец (1226) [19], Кукенойс (1205) [20].

Любачев (1211) [21], Любно (1229) [22].

---

[1] Лавр. 413.
[2] Ипат. 488.
[3] Ипат. 508.
[4] Ипат. 483.
[5] *Генрих Латвийский*, Хроника Ливонии, М. — Л. 1938, стр. 85.
[6] Ипат. 490.
[7] Лавр. 468.
[8] Лавр. 446.
[9] Лавр. 411.
[10] Ипат. 488.
[11] Ипат. 489.
[12] Новг. 55.
[13] Ипат. 523.
[14] Ипат. 468.
[15] Ипат. 523.
[16] Ипат. 525.
[17] Ипат. 483.
[18] Летописец Переяславля Залесского («Временник Общества истории и древностей Российских», 1851, кн. 9, стр. 111).
[19] Ипат. 500.
[20] Хроника Ливонии, 92.
[21] Ипат. 489.
[22] Лавр. 485.

Моклеков Галицкий (1211) [1], Морева (1230) [2].

Нерехта (1214) [3], Новгородок Литовский (1212) [4], Новгород Нижний (основан в 1221 г.) [5].

Ожск (1207) [6], Олонец (1228) [7], Ольгов (1207) [8], Онут (1213) [9], Орельск (1204) [10].

Плав (1213) [11].

Серегер (1230) [12], Соль Великая (1214) [13], Сосница (1234) [14], Стародуб Ряполовский (1218) [15], Столпье (1204) [16].

Ржевка или Ржев (1216) [17].

Тверь (1209) [18], Толмачь (1213) [19], Торчев (1231) [20].

Угровеск (1204) [21], Устюг (1218) [22].

Холм (1223) [23].

Щекарев (1219) [24].

Ярославль Галицкий (1231) [25].

Общее количество новых городов (опять-таки по неполным сведениям) равняется 47. Прибавив 47 к 224 городам, существовавшим к концу XII в., получим 271 городской пункт. В действительности их было, конечно, больше. Так, в наш список, например, не включены русские города, почему-либо не упомянутые в летописи и других письменных источниках. К ним принадлежит Кашин. Он появляется в летописях после монгольского нашествия, но почти наверняка существовал уже в начале XIII в. Кашин впервые упомянут в 1287 г.

Некоторые города захирели вскоре после их возникновения и бесследно исчезли, вызывая споры даже об их местоположении. Ещё больше городов погибло от монгольского разорения.

К 1293 г. относится первое упоминание о Можайске, вероятно существовавшем значительно раньше, и т. д.

---

[1] Ипат. 488.
[2] Новг. 68.
[3] Летописец Переяславля Залесского, стр. 111.
[4] Ипат. 489.
[5] Лавр. 423.
[6] Лавр. 410.
[7] Новг. 65.
[8] Лавр. 410.
[9] Ипат. 491.
[10] Ипат. 482.
[11] Ипат. 491.
[12] Новг. 68.
[13] Летописец Переяславля Залесского, стр. 111.
[14] Ипат. 514.
[15] Лавр. 420.
[16] Ипат. 483.
[17] Новг. 55.
[18] Лавр. 413.
[19] Ипат. 491.
[20] Ипат. 511.
[21] Ипат. 483.
[22] Лавр. 476.
[23] Ипат. 494.
[24] Ипат. 492.
[25] Ипат. 510.

То же самое можно сказать о некоторых городах Галицко-Волынской Руси, появляющихся в летописи после монгольских нашествий. Так, под 1245 г. упоминается о городе Андрееве, в окрестностях которого («около») воевали поляки [1]. Под 1240 г. в летописи говорится о городе Бакоте, который по этому известию оказывается центром Понизья [2]. Хронология Ипатьевской летописи очень неточна, а предполагать, что Бакота возникла как раз в год разорения Киева татарами, невероятно; более достоверно её существование до этого времени. То же относится и к Волковыйску, впервые названному в 1252 г. [3] Слоним, или Вослоним, также впервые упоминается в 1255 г. [4], но наверняка существовал раньше.

Общее количество русских городов, таким образом, ко времени монгольского нашествия, вероятно, близко подходило к 300.

3. Возникновение городских предместий, или посадов

Развитие русских городов происходило не только в количественном, но и в качественном отношении. Древнейшие города обычно ограничивались территорией собственно города, или крепости, вокруг которой возникали отдельные поселения, позже сложившиеся в предместья, — предградья, или посады.

Большинство населения ютилось непосредственно под стенами крепости, чаще всего расположенной на высоком холме, в некотором отдалении от реки. Выбор места для крепости диктовался военными соображениями, но развитие ремесла и торговли неизбежно тянуло ремесленников и купцов с холмов в низину — с «горы» на «подол». Характерное название «подол» сделалось общим обозначением городских кварталов, находившихся поблизости от реки, в противовес аристократической «горе». В Чернигове «Подолие» было под Елецким монастырём, поблизости от которого находим урочище «Гостыничи». К нему шла дорога, «гостинец», из Переяславля, а на левой стороне Десны, в трёх верстах от Елецкого монастыря,

[1] Ипат. лет., стр. 529.
[2] Там же, стр. 525.
[3] Там же, стр. 542.
[4] Там же, стр. 551.

была пристань [1]. В Новгороде также существовало «Подолие», или «Подол», занимавшее низменные части города в непосредственной близости к реке. В Москве «Подолом» называлась территория, лежавшая у подошвы кремлёвской горы. Существовал «Подол» и во Владимире-на-Клязьме.

Появление городских посадов — новое и важное явление в истории русских городов, с которым мы встречаемся не ранее конца X в. Так, сообщая об осаде городов в X столетии, летопись молчит о сожжении их предградий — посадов, тогда как подобные известия вовсе не редкость для более позднего времени. Городами без посадов рисуются нам в летописи Искоростень, сожжённый Ольгой, Вручий, или Овруч, где сидел Олег Святославич. Стены Вручьего были окружены рвом с перекинутым через него мостом, куда упал во время бегства Олег. Никакого указания на посад, окружавший замок, не имеется.

Территория русских городов IX—X вв. в основном вмещалась в пределы небольших крепостей — детинцев; в этот период только намечается формирование городов как центров сосредоточия не только княжеских слуг, но и купцов и ремесленников. Возникновение многих новых городов происходит под прикрытием княжеских замков и под их непосредственной защитой, и некоторые аналогии тем явлениям, которые мы наблюдаем на русской почве, находим в средневековой Фландрии. По А. Пиренну, «первые городские поселения были, в полном смысле слова, колониями купцов и ремесленников, и городские учреждения возникли среди пришлого населения, явившегося со всех концов, чуждых друг другу людей». Города обычно «возникали повсюду у стен какого-нибудь монастыря, какого-нибудь замка или епископской резиденции» [2]. Общее наблюдение Пиренна находит подтверждение на русской почве. В связи с этим укажем на то обстоятельство, что центральная укреплённая часть древнейших русских городов носила название «детинца». Корень слова «детинец» ведёт к термину «детский», княжеский дружинник. Внутренний замок получил своё название от детских, составлявших его гарнизон, подобно

[1] *П. В. Голубовский,* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 года («Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г.», т. II, М. 1908).

[2] *А. Пиренн,* Средневековые города Бельгии, М. 1937, стр. 179.

тому как в позднейших монастырских вотчинах по имени «детёнышей» назывался «Детин дворец».

Рядом с детинцем росли поселения ремесленников и купцов, оседавших за пределами стен замка, создавались два городских мира: княжеский и свободный (торгово-ремесленный). Наиболее яркий пример такого соседства двух разных миров даёт Киев. В летописных известиях явно выступают две части Киева — Гора и Подол. На наше счастье, мы имеем возможность более или менее точно определить время возникновения Подола. Сообщая о мести Ольги, как уже говорилось, летописец пишет: «тогда вода текла возле горы Киевской, и на Подоле не жили люди, но на горе» [1].

Против показаний летописи о позднем заселении Подола были выставлены некоторые сведения об археологических находках на Подоле, но они не разрушают нашего представления о заселении Подола как киевского предградья, или посада, в основном в конце X в. Ведь отдельные поселения издавна существовали в районе Киева, задолго до основания города.

Киевский подол как сосредоточие ремесла и торговли возник, судя по археологическим данным, в IX в., возможно — в конце этого столетия. Возникновение Подола было тесно связано с развитием ремёсел и киевского торга. Подол сделался средоточием купеческого и ремесленного населения, нередко поднимавшего восстания против Горы, т. е. «города» в собственном смысле этого слова. Таким образом, наряду с Детинцем, населённым княжескими слугами и зависимыми людьми, в Киеве возник новый квартал — ремесленников и купцов.

С большей гипотетичностью можно говорить о происхождении Новгородского подола, сведения о котором появляются в летописях очень поздно [2]. В Новгороде Подолом называлась та часть города, которая находилась

[1] «Повесть врем. лет.», ч. 1, стр. 40. О датировке этого известия см. *М. Н. Тихомиров,* Исследование о Русской Правде, М. — Л. 1941, стр. 64—66. «Город» в Киеве стоял в X в. на горе. Под ним понималось укреплённое место. В Москве до самой революции употреблялись выражения: «город», поехать в «город» и т. д. для Китай-города.

[2] В. С. Передольский («Новгородские древности», Новгород 1898, стр. 307) ошибочно относит известие о пожаре Киевского подола в 1069 г. к Новгороду. Под название «Подол» в Новгороде он подводит три местности у берегов Волхова (в Славне, в Людином конце и в Плотницком), что совсем не вытекает из данных летописей.

на Торговой стороне и примыкала к Волхову, в непосредственной близости к торгу. Место Новгородского подола устанавливается тем, что он находился поблизости от церкви Пятницы на Ярославовом дворище, поблизости от Ильины улицы в Славне [1]. Таким образом, Новгородский подол по своей топографии соответствовал Киевскому и лежал в низине у реки, в непосредственной близости к торговищу на Торговой стороне. Время возникновения Новгородского подола можно отнести по некоторым деталям примерно к первой половине XI в. На это указывает и традиционное название Ярославова дворища, построенного в той низменной части Новгорода, где мы находим Подол.

В районе Подола находились новгородские «вымолы», или пристани. Что под названием «вымол» скрывается понятие не просто песчаной косы или мели, а именно пристани, видно из названий новгородских вымолов. В списках «устава Ярослава о мостех», возникшего в конце XII или начале XIII в., находим названия вымолов на Торговой стороне: Немецкого, Иваня (Еваня), Алфердова, Будятина и Матфеева. К вымолам вели мостовые от Великого ряда, находившегося на торговой площади. Территория вымолов была также замощена, причём было предусмотрено, кто должен был мостить определённые им участки, получившие свои названия от владельцев: Немецкий вымол — от Немецкого двора, Ивань вымол — от купеческого объединения или Иванского ста, Будятин и Матфеев вымолы — от личных имён. Алфердов, или Афердов, вымол в древнейшем списке устава, написанном в XIV в., назван Геральдовом («готом до Геральда вымола до задьнего, от Веральдова вымола до Бутятина вымола») [2]. Древнейшее название Геральдова вымола, заменённое позже именем какого-то Альфреда, с большой вероятностью ведёт к Гаральду XI в., прославленному рыцарю Елизаветы, дочери Ярослава Мудрого. С нашими наблюдениями совпадают выводы археологических изысканий на территории Ярославова дворища, в результате которых был найден языческий могильник X в. Таким образом, становится

[1] «Погоре Подол да Горончарьскыи конець» (Новгород. лет., стр. 366).

[2] «Русские достопамятности», изд. Общества истории и древностей Российских, ч. 2, М. 1843, стр. 293.

очевидным, что Ярославово дворище в это время не было заселено [1]. Следовательно, Новгородский подол стал заселяться примерно с X в., являясь ремесленным и торговым поселением на восточной, или Торговой стороне Новгорода.

Если наши наблюдения, сделанные над историей появления посадов в Киеве и Новгороде, правильны, то время появления на Руси городских предградий, или посадов, может быть довольно точно датировано, так как нет никаких оснований думать, что остальные русские города перегоняли Киев и Новгород в своём развитии. Городские посады начинают появляться примерно с IX в., в Киеве раньше, чем в других пунктах, в большинстве же русских городов — с XI в.

Кажется, именно к этому времени можно отнести появление новых терминов для обозначения городского населения: горожанин, гражданин, или гражанин. Летописец называет белгородцев горожанами уже под 997 г.[2] Позже этот термин для обозначения городских жителей, в отличие от деревенских, входит во всеобщее употребление.

Быстрый рост городских предградий, или посадов, ставит перед исследователем совершенно естественный вопрос о том, откуда появилось в городах пришлое население. Частично оно росло за счёт естественного прироста городских жителей, населявших крепости, или детинцы, но этим нельзя объяснить ни бурное развитие городских посадов, ни появление новых городов в XI в. Приток новых элементов в города, естественно, должен был происходить за счёт пришлого населения. Из кого же состояло это пришлое население?

Наиболее постоянный приток в города должен был происходить за счёт сельского населения и беглых холопов. Попытку использовать топонимику Древней Руси в целях доказательства оседания в городах беглых холопов сделал А. И. Яковлев. К сожалению, эту попытку следует признать не только неудачной, но и в известной мере компрометирующей идею использования топонимики для исторических целей. Чего стоит хотя бы

[1] *А. А. Строков* и др., Раскопки на Ярославовом дворище («Новгородский исторический сборник», вып. III—IV, Новгород 1938, стр. 202).

[2] Лаврент. лет., стр. 125.

сопоставление названия города «Гомий» со словом «холоп», кажущееся скорее какой-то сатирой на доморощенных лингвистов, чем учёным экскурсом [1]. Вообще названия городов едва ли в какой-либо широкой мере отразили факт оседания беглых холопов.

Гораздо показательнее существование в древних городах таких названий, как Холопья улица в Новгороде, указание на изгоев, живших в том же городе, и т. д. Впрочем, пока исследований происхождения древних названий улиц в наших городах не проведено, делать какие-либо общие выводы было бы неосторожно. Но у нас есть иные, более достоверные указания на приток в древнерусские города беглых рабов и сельского населения. Например, Печерский патерик называет в числе монастырской братии Спиридона, который «не от града прииде в чернечество, но от некоего села». Патерик отмечает невежество Спиридона «словом, но не разумом» [2]. О наличии среди городского населения каких-то элементов, готовых наняться на временную подённую работу, говорит сказание о построении церкви Георгия над вратами Софийского собора в Киеве. Работы подвигались медленно, «и видев это князь призвал тиуна и сказал: почто немного у церкви работающих; тиун же сказал: — господине, понеже дело властительское, боятся люди вдруг как работу сделают, а платы лишены будут» [3]. Характерно опасение людей не получить оплаты за работу на княжеском строительстве. Стоило начать платить по ногате в день, как «было много делающих». «Люди» сказания уже не зависимые княжеские ремесленники, едва ли они принадлежат и к свободным ремесленникам и купцам; вероятнее — это пришлые элементы, ещё плохо устроившиеся в городе и охотно идущие на разные работы.

О большом притоке беглых рабов в Киев говорит известное свидетельство Титмара Мерзебургского, умершего в 1018 г. Рассказывая о Киеве, он пишет: «В этом большом городе, составляющем столицу этого государства, имеется более четырёхсот церквей и восемь рынков,

---

[1] *А. И. Яковлев,* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, М. — Л. 1943, стр. 299—308.

[2] «Печерский патерик», стр. 120.

[3] «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», под ред. А. И. Пономарёва, вып. II, СПБ 1896, стр. 58—59.

народу же неизвестное количество, который, как и вся область, состоит из стекающихся отовсюду беглых рабов, и особенно из быстрых данов, которые до сих пор противоборствовали печенегам и других побеждали»[1]. Слова Титмара о беглых рабах трудно понимать в буквальном смысле слова, так как наряду с беглыми холопами в городе могло оседать и сельское население, но приведённое свидетельство во всяком случае заслуживает упоминания.

Об оседании холопов в городе для занятия ремеслом или торговлей говорит Русская Правда, знающая холопа, который обманом получит деньги или «бегая добудет товара». Она же предусматривает бегство холопов в город. В этом случае посадник должен был оказать помощь рабовладельцу и дать своих людей для поимки холопа. Процедура поисков виновника кражи, в данном случае холопа, по рассказам самого холопа, «по языку», реально представлена в Пространной Правде[2]. Уже Древнейшая Правда устанавливает порядок «сводов» для поиска холопов-беглецов. Там же находим статью о холопах («челядинах»), скрывшихся у варягов или колбягов. Насколько реальна была процедура сводов, показывает находка грамоты на бересте с рассказом о подобном своде, обнаруженная при раскопках 1954 г. в Новгороде.

Что беглые холопы, под которыми можно понимать не только холопов в узком смысле этого слова, но и вообще зависимых людей, в том числе закабалённых смердов, пополняли собой состав городского населения, можно видеть из той же Русской Правды. Устав Владимира Мономаха, вошедший в Пространную Русскую Правду, отличает холопа от закупа. Закуп может превратиться в «обельного», полного холопа, но сам не является холопом; он даже может бежать от обид своего господина («обиды деля своего господина»). Но тот же устав

[1] In magna hac civitate, que istius regni caput est, plus quam quadringente habentur ecclesiae et mercatus 8, populi autem ignota manus, quae sicut omnis haec provincia ex fugitivorum robore servorum huc undique confluencium, et maxime ex velocibus Danis, multum se nocentibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat (Цит. по книге В. И. Ламанского «Славянское житие св. Кирилла», Пгр. 1915, стр. 49—50).

[2] «Правда Русская», т. I. Тексты, под ред. Б. Д. Грекова, М. — Л. 1940, стр. 454—457 (в дальнейшем — «Правда Русская»).

предусматривает бегство закупа и в наказание за это обращение его в холопство [1]. Как бы ни судить о природе закупничества, в нём при всех условиях надо видеть закабаление крестьян, один из видов крепостничества. Таким образом, Русская Правда даёт прямое доказательство бегства сельского населения.

В летописях встречаются намёки на прозвища жителей того или иного города, связанные с их прежним зависимым положением. Так, новгородцев называли плотниками, и притом в презрительном смысле зависимых людей («а вы плóтники, а приставим вас хоромы рубити наши») [2]. Ещё характернее прозвище «каменщики», которым ростовцы награждают своих соперников — владимирских горожан: «то суть наши холопи каменьници» [3]. Жители Владимира названы холопами потому, что ростовцы видели в них потомков зависимых людей, княжеских каменщиков.

Эти прозвища отражают действительное происхождение новгородского и владимирского посадов из первоначальных поселений различного зависимого люда, среди которых выделялись плотники и каменщики. Кажется, такую же реальную основу имело и позднее сказание о начале Холопьего города на Мологе, основанного будто бы новгородскими беглыми холопами, хотя это сказание носит на себе черты некоторых позднейших домыслов [4].

Постоянный приток населения к городам поддерживался льготами, которые князья обычно предоставляли поселенцам. Например, Владимир Святославич в 991 г. «заложил град Белгород и «наруби» в него от иных городов, и много людей свел в него, потому что любил град сей» [5]. Слова «наруби» в него от иных городов означают не только перевод людей из других городов, но и какие-то особые условия, созданные для Белгорода, как любимого княжеского города.

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 110—111.

[2] «А вы плотници суще, а приставим вы хоромов рубити наших» (Лаврент. лет., стр. 138).

[3] Там же, стр. 355.

[4] *Ф. Гиляров,* Предания русской Начальной летописи, М. 1878, стр. 32 *и далее.* О городке рассказывают Герберштейн (XVI в.) и Каменевич-Рвовский (конец XVII в.).

[5] Лаврент. лет., стр. 119.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тульники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

утверждается понятие Burg'a и Stadt'a, в Англии — town'a и city, в Средней Азии — укреплённого шахристана и пригорода, или рабада, и т. д. Везде посад связан с укреплённым замком и без него не существует. Появление неукреплённых городов, состоящих из одних посадов, относится к более позднему времени.

4. Причины возникновения городов

Одиннадцатое столетие является временем развития городов не только на Руси, но и в соседних с ней западных странах, в частности в Польше, Чехии, Восточной и Северной Германии. Исследователь истории немецких городов Г. Белов замечает по этому поводу: «Хотя появление городов в одиннадцатом веке, таким образом, несомненно имеет свою предшествующую историю, но всё-таки в нём есть что-то неожиданное. Несомненно, какие-то особые условия момента способствовали тому, чтобы плод созрел скорее» [1]. Итак, развитие городов — явление очень широкого, международного масштаба, интересное не только для историка СССР, но и для каждого занимающегося историей Европы. Оно вызывает тем больший интерес, что русские города появляются и оформляются в торгово-ремесленные центры одновременно с городами Чехии, Польши и Германии, следовательно, идут в ногу с другими странами Европы, развивавшимися на территории, находившейся за пределами Римской империи. И это придаёт особый интерес вопросу о причинах возникновения русских городов и обрастания их посадами в XI—XIII вв. Ведь русские города были новыми поселениями, возникшими вне связи с римскими или какими-либо другими древними городами. История их проходит, можно сказать, перед нашими глазами. Их экономический и общественный строй сложился на Руси самостоятельно, самобытно и всецело принадлежит древнерусской народности.

---

[1] *Г. Белов*, Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, М. 1912, стр. 4; см. там же статью Д. М. Петрушевского о возникновении городского строя средних веков (стр. IX—LXVIII); *В. В. Стоклицкая-Терешкович*, Происхождение феодального города в Западной Европе («Вестник Московского Университета», серия обществ. наук, вып. 1, 1955 г., стр. 3—25).

О причинах появления городов создано было немало теорий, причём немецкие учёные особенно усиленно интересовались вопросами истории городского права. Но простое перенесение этих теорий в русскую действительность мало помогло бы нашей задаче, так как сходство отдельных исторических явлений должно быть всегда учтено, но само по себе не имеет силы безусловного доказательства. Что касается теорий о происхождении русских городов, то наиболее известная из них принадлежит В. О. Ключевскому, который рисует следующую картину их возникновения: «Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси. Большинство их вытянулось длинной цепью по главному речному пути «из Варяг в Греки», по линии Днепра — Волхова; только некоторые — Переяславль на Трубеже, Чернигов на Десне, Ростов в области Верхней Волги — выдвинулись к востоку с этого, как бы сказать, операционного базиса русской торговли как её восточные форпосты, указывая фланговое её направление к Азовскому и Каспийскому морям» [1].

Общий смысл этой теории связан с представлением В. О. Ключевского о торговле как движущей силе возникновения ранних русских городов. Недаром в своей работе Ключевский «возникновение древнейших больших городов на Руси» относит к VIII в. «Эти города, — пишет он, — возникли, как сборные места русской торговли, пункты склада и отправления русского вывоза. Каждый из них был средоточием известного промышленного округа, посредником между ним и приморскими рынками. Но скоро новые обстоятельства превратили эти торговые центры в политические, а их промышленные округа в подвластные им области». Какой же характер имели древнейшие русские города? Ответ на этот вопрос даётся Ключевским несколько неопределённо и неоднородно. В одном месте он говорит о «вооружённом торговом городе», в другом — отмечает, что «города, возникшие на главных торговых путях, по большим рекам, вырастали в большие торжища, которые стягивали к себе обороты окрестных городских рынков».

---

[1] *В. О. Ключевский,* Курс русской истории, ч. 1, М. 1937, стр. 123.

Нельзя сказать, чтобы теория возникновения русских городов была сколько-нибудь полно обоснована В. О. Ключевским. Автор замечательного исследования о житиях святых, исследования, основанного на знакомстве с громадным количеством русских письменных памятников, в своей теории о начале городов порой прибегает к помощи таких недостоверных источников, как Никоновская летопись, сообщающая о набеге на Киев печенегов в 876 г. Торговля русского города древнего времени очерчивается по типу коммерческих предприятий XIX в.: успехи торговли, по Ключевскому, создавали в городе «круг торговых домов, которые ворочали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками» [1]. Какие это торговые дома и где указания на них в наших источниках? Ответа на этот вопрос в работах Ключевского мы не найдём. Выхватив из общей массы сведений о русских городах IX—X вв. одну деталь — связь некоторых древних городов с водным путём «из Варяг в Греки», Ключевский построил общую картину развития русской жизни, придав торговле значение всеобщей движущей силы, а русскому городу «до половины IX века» — значение сборного пункта обширного промышленного округа.

Взгляды В. О. Ключевского тесно связаны с его представлениями о большом развитии охоты и местных промыслов в Киевской Руси, в силу чего первый том его знаменитого курса фактически обходит вопрос о хозяйственной структуре русских земель X—XIII вв. После появления работ Б. Д. Грекова не имеет никакого смысла ставить вопрос о значении земледелия в Киевской Руси, но нельзя не отметить, что сам же Греков, критикуя теорию Ключевского, приходит к мысли, что главнейшие славянские города возникли по большим водным путям. «Разнообразные торговые связи этих городов, — пишет названный автор, — имели большое значение в истории их экономического и политического роста. Не случайно эти города очень рано, до прихода варягов, стали центрами, объединившими отдельные славянские племена» [2]. Нельзя не пожалеть, что Б. Д. Греков ни одним словом не объяснил, какой характер имели эти древ-

[1] *В. О. Ключевский,* Боярская дума Древней Руси, Птр. 1919, стр. 18—29.

[2] *Б. Д. Греков,* Киевская Русь, М. — Л. 1944, стр. 250.

ние города, существовавшие — что совершенно правильно — ещё до прихода варягов. А без этого сама критика взглядов Ключевского остаётся необоснованной, ибо речь идёт не о том, что русские города существовали в VIII—X вв., а о том, что они собой представляли в это время.

В новом издании своей книги «Киевская Русь» Б. Д. Греков ставит вопрос о причинах возникновения русских городов, но ограничивается только констатацией, что они возникли «уже в классовом обществе», в наиболее прогрессивных участках Руси «процесс вызревания городов падает на VII—VIII века» [1].

Между тем теория В. О. Ключевского, начерченная им в ряде работ, не выдерживает критики при более тщательном к ней подходе. Ведь она по существу основана на том историко-географическом наблюдении, что древнейшие русские города были расположены вдоль водного пути «из Варяг в Греки» и по верхнему течению Волги. Исследовательская добросовестность заставила Ключевского указать отклонения от общего правила, к числу которых он отнёс Ростов, Переяславль Русский и Чернигов. В действительности таких отклонений несравненно больше даже для списка городов IX—X вв. К Переяславлю, Чернигову и Ростову могут быть добавлены Белгород, Василев, Вручий, Изборск, Искоростень, Перемышль, Пересечен, Псков, Червень, Суздаль. Одно положение на великом водном пути «из Варяг в Греки» также не обеспечивало развитие города. Достаточно назвать Витичев, о котором знал Константин Багрянородный в X в. Позже Витичев запустел, а в 1095 г. «на Витичевском холме» был построен город, названный Святополчем. Другой пример запустения города, стоявшего на пути «из Варяг в Греки», даёт летописная Родня, служившая в конце X в. убежищем для князя Ярополка Святославича. Позже она совершенно исчезает со страниц летописей, уступая место соседнему Каневу. Одних этих примеров достаточно для того, чтобы опровергнуть представление Ключевского о непременной связи древнейших русских городов с торговлей, шедшей по водным путям. Конечно, водные пути способствовали возвышению отдельных городов над

[1] *Б. Д. Греков,* Киевская Русь, Госполитиздат, 1953, стр. 110.

другими, но не они вызвали появление городов, а тем более создание вокруг них ремесленно-торговых посадов.

Большое внимание городам уделяет С. В. Юшков. В «Очерках по истории феодализма в Киевской Руси» он прежде всего устанавливает теснейшую связь городов IX—X вв. с городищами предшествующей стадии развития, признавая, что «ни городища большесемейного типа, ни городища, вокруг которых располагались открытые поселения, ни городища-рефугиумы городами, т. е. крупными торгово-промышленными административными центрами, назвать нельзя». Отметив появление новых городских центров и проследив их характер на примере Смоленска и Полоцка, Юшков считает, что среди городов Киевской Руси уже давно стали выделяться некоторые города, например Киев и Новгород, которые «стали превращаться в международные торжища». Что касается внутренней структуры городов, то она рисуется исследователю предположительно в таком виде. В племенных городах концентрировались князь с дружиной и племенная старшина; в них, как лучше защищённых, «оседали скорее чем где-либо ремесленники и торговцы» [1].

С. В. Юшков несколько раз возвращается к вопросу о городах. Так, он изучает вопрос о возникновении «собственных» княжеских городов, видя в них центры, «где сосредоточивалось не только военно-административное, но и административно-хозяйственное управление князей» [2]. В другом месте своей книги, рассматривая взгляды В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича и др., названный исследователь говорит о необходимости подвергнуть критике сложившиеся взгляды на город Киевской Руси в период возникновения и первоначального развития феодализма. Прежде всего Юшков устанавливает, что города строили не купцы и не предприимчивые люди, как думал Сергеевич, а князья. Русский город XI—XIII вв. представляется С. В. Юшкову «как феодальный замок — бург западноевропейского средневековья, но замок не каменный... а деревянный и на высоком речном берегу» [3].

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М. — Л. 1939, стр. 20—24. Те же взгляды С. В. Юшков развивает и в своих последних работах, см. *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, М. 1949, стр. 257—267.

[2] Там же, стр. 46—48.

[3] Там же, стр. 134.

Город был прежде всего феодальным административным центром для тянувшей к городу волости или совокупности волостей, сборным пунктом для военных сил данной округи, финансово-административным центром. «Территориальный округ, тянувший к городу, так тесно с ним связан, что когда говорят о передаче города, то это означает передачу и всей городской округи. Город без окружавших его земель в этот период не мыслится. Нам думается, что именно таким «замковым» характером городов и можно объяснить громадное количество их, обнаружившееся в XII в. В это время каждая земля обладает целыми десятками городов» [1]. Юшков останавливается и на вопросе о появлении городских посадов, отмечая, что «феодальные группы селились непосредственно около замков, а купцы и ремесленники — на местах, примыкавших к путям, в частности по берегам рек». Основную причину возникновения «настоящих феодальных городов» Юшков видит в росте производительных сил, разделении труда и отделении промышленности и торговли от сельского хозяйства [2].

Общие выводы С. В. Юшкова, несомненно, дают ценный материал для суждения об истории русских городов, хотя по отдельным вопросам можно со многим не согласиться. Более смущает характер изложения Юшкова, говорящего о городе вообще, а не об отдельных городских центрах, на примере которых только и можно наглядно представить себе развитие древнерусских городов.

Не вполне также ясно, что̀ С. В. Юшков понимает под дофеодальным и феодальным городом; под последним названный исследователь, видимо, понимает в первую очередь город-замок. «Несомненно, что в городах, образовавшихся вокруг городов-замков, основной экономической и политической силой был этот замок — даже и тогда, ...когда купцы и ремесленники стали связываться с хозяйством округи, тянувшей к городу. Город-посад, несомненно, долго был придатком к городу-замку» [3]. В этих словах сказывается недооценка С. В. Юшковым роли городских посадов и горожан в XI—XIII вв., некоторое,

---

[1] *С. В. Юшков*, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 136.

[2] Там же, стр. 131—138.

[3] Там же, стр. 137.

и надо сказать — традиционное в русской исторической литературе, пренебрежение к истории городов.

Отмеченный нами период времени, когда быстро увеличивается количество городов и они начинают обрастать посадами, т. е. конец IX—X вв., представляется периодом весьма знаменательным в русской истории. Это время крупнейших сдвигов во внутренней жизни Древней Руси, время создания и укрепления Древнерусского государства. В экономической и общественной жизни Древней Руси происходили глубокие сдвиги: отделение ремесла от земледелия, дальнейшее распространение земледелия как основного занятия жителей, утверждение феодализма как общественной формации.

Процесс утверждения феодализма в Киевской Руси, которому академик Б. Д. Греков посвятил своё ценное исследование, происходил длительное время — раньше на юге, чем на севере, ещё позже на глухих северо-восточных окраинах. Конечно, указать точно грань между дофеодальным и феодальным обществом в Киевской Руси невозможно, так как хозяйственные и общественные явления происходят в течение длительного времени и не могут быть точно датированы. Тем не менее для определения периода установления феодализма небесполезны наши наблюдения над временем появления городских посадов. Ремесленное население в городах должно было опираться на какие-то относительно прочные рынки сбыта, без которых не могли бы возникать скопления ремесленников в городах. Та связь между развитием земледелия и установлением феодальных отношений, которая была так глубоко изучена Б. Д. Грековым и С. В. Юшковым, прослеживается и для городов. Города возникают, на наш взгляд, в первую очередь там, где развивается сельское хозяйство и выделяются ремесленники и купцы, создаётся городская округа, тянущая к своему центру. Эту связь между возникновением городов и развитием земледелия как основного занятия населения можно чётко заметить при анализе наших сведений о русских городах X—XIII вв.

Взглянем на карту русских городов в IX—X вв., данную в историко-географическом атласе Е. Замысловского. Главный сгусток городов находится вокруг Киева. Однако далеко не все города этого района связаны с днепровским водным путём и даже водными путями вообще.

Белгород, Василев, особенно Вручий, Искоростень стоят в отдалении от Днепра. Скопление городов вокруг Киева станет нам понятным, если мы примем во внимание, что район его был издавна земледельческим. Здесь-то мы и находим древнейшие русские сёла, известные по письменным памятникам, — Берестово и Ольжичи. Другой сгусток городов находим на верхнем течении Буга, в районе древней Волыни. Характерно, что город Червень, давший название другим городам этой области, стоит в стороне от больших водных путей. Особенно интересно существование третьего сгустка русских городов — между верхним течением Волги и Клязьмой. Древние города этого района — Ростов и Суздаль стоят в отдалении от Волги и Оки, хотя волжская торговая дорога засвидетельствована находками кладов и знаменитыми ярославскими могилами. Вспомним энергичное высказывание летописи, что по Волге, впадающей 70 рукавами в Каспийское море, «можно итти в Болгары и в Хвалисы». Под Хвалисами надо понимать такой важнейший торговый пункт, как Ховарезм или Хорезм [1]. Напомним рассказ Ибн-Фадлана о племени вису, под которым понимается народ весь у берегов Белого озера, известный и начальной летописи [2]. Прямая водная дорога от берегов Балтийского моря к Каспийскому шла по Волге, тогда как древнейшие русские города Ростов и Суздаль возникли от неё в стороне.

Какие же причины вызвали к жизни указанные выше города?

Ростов, принадлежащий к числу древнейших русских городов, расположен на берегу большого, но мелководного Ростовского озера, известного по летописи под другим, более древним названием «Неро». Река Которосль соединяет озеро с Волгой; однако волжская дорога отстояла от Ростова на довольно большом расстоянии. Разветвлённая речная сеть связывала Ростов с Суздалем и Переяславлем. Н. П. Барсов указывает, что рекой Нерлью при посредстве притока её (с левой стороны) Ухтомы с Судогдой шли сношения между Владимиром-на-

[1] Лаврент. лет., стр. 6. Отожествление Хвалисов летописи и Ховарезма принадлежит С. П. Толстову.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М. — Л. 1939, стр. 71.

Клязьме и Ростовом [1]. Тем не менее эти небольшие реки никогда не имели особо важного значения, и возникновение Ростова, а тем более его дальнейшее развитие нельзя объяснить выгодами географического положения на больших торговых путях. Гораздо важнее было положение Ростова в «опольи», как назывались участки лесостепи в Северо-Восточной Руси. Прекрасная почва ополья давала возможность широко заниматься огородничеством и зерновым земледелием, а озеро славилось большими рыбными богатствами.

Таким образом, торговля имела для Ростова явно вторичное значение: не она была фактором, создавшим город в стороне от волжского пути, но сама направилась в сторону центра, развивавшегося на другой основе. Этой основой было развитие земледелия и ремесла. Поэтому в Северо-Восточной Руси старые города сосредоточиваются в плодородных опольях, в стороне от Волги.

Второй крупный центр Залесской земли, Суздаль, ещё менее связан с водными путями. Только река Нерль, приток Клязьмы, протекающая в нескольких километрах от города, повидимому, имела в древности некоторое торговое значение. Верховья этой реки близко подходят к другой Нерли, впадающей в Волгу. Существование двух рек с одноимённым названием легче всего объясняется предположением, что в древности по ним шёл путь от Верхней Волги к Клязьме и для путников обе реки, разделяемые лишь небольшим водоразделом, представлялись единым целым. Окончание этого пути при впадении Нерли в Клязьму отмечено памятным каменным крестом XII в., подобно тому как такие же кресты отмечали перевальные пункты из бассейна Ильменя в бассейн Верхней Волги [2]. Однако и в этом случае связь Суздаля с торговым путём по Нерли не вполне ясна, так как город возник в стороне от Нерли, на излучине небольшой речки, которая даже в древности не могла иметь какого-либо значения в качестве водного пути.

Таким образом, надо предполагать, что появление Суздаля также связано с центральным положением в районе с земледельческим населением. Расположенный

[1] *Н. П. Барсов,* Очерки русской исторической географии, Варшава 1885, стр. 31.

[2] *Н. Воронин,* Новые памятники русской эпиграфики XII века («Советская археология» № 6, М. — Л. 1940, стр. 314—315).

в центре ополья, благоприятного для земледелия, Суздаль выдвинулся из числа других городищ, которые находились в этом же районе.

Три других ополья вызвали к жизни Переяславль Залесский, Углич (первоначально Угличе поле) и Юрьев Польский. Из этих городов особенное значение получил Переяславль Залесский, стоявший на берегу Клещина озера, далеко от Волги, тогда как Углич, находившийся на её берегу, никогда не имел первенствующего значения, как и Ярославль, получивший особенно большое значение с XVI в. в связи с тем, что через него шла сухопутная дорога из Москвы в Архангельск. Итак, древнейшие города Северо-Восточной Руси возникли не на больших водных путях, а вдали от них, в плодородных опольях, значение которых впервые отметил М. К. Любавский.

Это вовсе не значит, что я отрицаю значение водных путей, как приписывает мне А. Н. Насонов. Речь идёт о том, что водным путям я не придаю решающего значения. Ссылка А. Н. Насонова на клады куфических монет, отсутствующие на территории от Ярославля до Нижнего Новгорода, как раз и подтверждает мою мысль, что водные пути имели не столь решающее значение, какое им приписывается. Говорить же о том, что с Нерли, притока Клязьмы, «попадали несколькими путями на Волгу», как делает А. Н. Насонов [1], можно только не учитывая того, что между Ростовским озером и Нерлью лежит большой водораздел, а сама Нерль в верхнем течении представляет собой маленькую речонку.

Связь между утверждением земледелия и возникновением городов может быть с ещё большей убедительностью прослежена в XI—XIII вв., когда наши сведения о городах увеличиваются и конкретизируются. На карте городов названного времени они расположены в виде отдельных островов. Гуще всего они сосредоточены в районах Киевской, Переяславской и Чернигово-Северской земель. Второй район густого сосредоточия городов — Галицко-Волынская земля, третий — Полоцко-Смоленская, четвёртый — Ростово-Суздальская, пятый — Рязанская. Между этими сгустками городов лежат громадные

[1] *А. Н. Насонов,* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 22—23.

пространства глухих лесов и болот. Некоторые пункты, важные по своему географическому положению, долго остаются в стороне от торгового движения, не привлекая к себе внимания купцов и ремесленников. Таковы устье Тверцы и место слияния Волги и Оки, которые, казалось бы, самой судьбой предназначены для роли торговых центров и где тем не менее города (Тверь и Нижний Новгород) появляются только в начале XIII в.

Отделение ремесла от земледелия было одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением. Развитие ремесла приводило к созданию городских посадов. В некоторых особых случаях обработка местных природных богатств могла создать базу для развития города, что можно проследить на примере Вручего, или Овруча.

Этот город уже в конце X в. сделался центром Древлянской земли, придя, может быть, на смену Искоростеню. Тогда это был «град Олегов», стольный город второго сына Святослава [1]. В XII в. в нём сидел Рюрик Ростиславич, опиравшийся на Овруч во время своей борьбы с другими князьями. Былое богатство Овруча подчёркивается существованием в нём большого каменного храма, построенного в XI—XII вв., стены которого сложены из тонкого кирпича с перемежающимися рядами яркокрасного шифера [2], т. е. тем способом кладки, каким строились каменные храмы в Киевской Руси. Современный Овруч стоит на реке Норыне, притоке Уши (или Ужа), которая впадает в Припять. Ничто не указывает, что Норына имела когда-то значение торгового пути, так как она подобно Уши берёт начало в больших болотах, ясно отмеченных на карте Украины 1685 г. [3]. Трудно объяснить значение Овруча и тем, что он лежал в плодородной местности, ибо даже в XIX в. хлебопашество едва только могло удовлетворять местные нужды ввиду недостатка удобных земель и плохой почвы [4].

---

[1] Лаврент. лет., стр. 73.

[2] *П. Н. Батюшков,* Волынь, СПБ 1888, стр. 80 (объяснения к рисункам).

[3] *В. Кордт,* Матеріяли до історії картографії України, у Київі, МСМХХХІ, табл. 6—7.

[4] *П. Семёнов,* Географическо-статистический словарь Российской империи, т. III, СПБ 1867, стр. 589.

Однако возвышение Овруча в X—XIII вв. предстанется нам в ином свете, если мы обратимся к археологическим данным. Под Овручем в разных деревнях найдены остатки древних мастерских, где из розового местного шифера изготовлялись пряслица, т. е. грузики для веретён. Производство их было рассчитано на широкий сбыт. По словам А. В. Арциховского, «они совершенно одинаковы в Киеве и Владимире, в Новгороде и Рязани, даже в Херсонесе, в Крыму и в Болгарах на Волге». Овручские пряслица настолько ценились, что владельцы вырезали на них свои имена, а на одном из них есть даже надпись: «княжо есть». Итак, не торговля и даже не сельское хозяйство, а развитие ремесла, в частности связанного с обработкой местного шифера, сделало Овруч относительно крупной городской точкой уже с конца X в.

Наши наблюдения мы могли бы проверить на некоторых других древнерусских городах, но отметим здесь только одно обстоятельство, немаловажное для историка, — быстрое захирение некоторых древних городов, стоявших в стороне от водных путей. Когда Волга стала важнейшей торговой дорогой, Суздаль и Ростов потеряли своё значение, а на их место выдвинулись города по Оке и Волге (Тверь, Ярославль, Кострома, Н. Новгород, Рязань) с центром в Москве. Подобное же захирение испытали Овруч, Переяславль и многие другие города, тогда как Новгород, Киев, Смоленск и Полоцк, стоявшие действительно на больших торговых путях, сохранили своё прежнее значение. Торговля не вызвала города к жизни, как это думал В. О. Ключевский, но она создала условия для выделения из них наиболее крупных и богатых.

Развитие феодальных отношений вызвало приток сельских жителей в города. Пришлые люди селились в непосредственной близости к замку — детинцу. Если бы не было постоянного спроса на ремесленные изделия в соседней округе, городской посад не мог бы развиваться. Ведь кто-то делал многочисленные сельскохозяйственные орудия (железные наральники, мотыги, серпы, косы), разнообразное оружие и украшения, находимые при раскопках в русских могилах. Их изготовляли в основном городские ремесленники, заселившие городские предградья, или посады. В некоторых районах Киевской Руси мы видим перед собой особенно большую насыщенность

городами, которые обслуживают прилегающую к ней сельскую округу. Города теснятся друг к другу там, где имеется более плотное сельское население; они совершенно отсутствуют в глухих лесных и болотистых районах, и даже великий водный путь «из Варяг в Греки» не мог пробудить к жизни ни одного города на большом протяжении от Великих Лук до Старой Русы, тогда как города или городки наполняют район Червеня и Владимира Волынского. Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений.

ГЛАВА 2

ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

1. Общие черты хозяйства древнерусских городов

В своей незаконченной статье о разложении феодализма и возникновении национальных государств Ф. Энгельс отмечает работу угнетённых классов, которая подрывала феодальную систему в Западной Европе, и особое место уделяет городам. За их «стенами и рвами, — пишет Энгельс, — развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью, — накоплялись первые капиталы, возникла потребность в торговых сношениях городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью в торговых сношениях постепенно создавались также и средства для их защиты» [1]. Энгельс подчёркивает, что, несмотря на ограниченный характер производства и обмена, бюргеры-ремесленники по крайней мере находились в движении, тогда как феодалы коснели в неподвижности.

Появление и развитие городов было важнейшим фактором и в социально-экономической жизни Древней Руси, так как они являлись центрами товарного производства и обмена, какой бы ограниченный характер это производство и обмен ни имели. Тем более странно, что это значение городов если не совсем отрицается, то крайне преуменьшается даже в таких обобщающих работах, как, например, «История народного хозяйства

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, М. 1953, стр. 153.

СССР» П. И. Лященко. Если города в Западной Европе, пишет Лященко, начинают выделяться, как независимые промышленные центры, то в феодальной Руси город играет более подчинённую роль, а промысловые занятия не выделяются в нём в специально городские промышленные профессии [1]. Тут же приводится деление на «своеземские» города, возникшие на свободной территории, к которым отнесён Великий Новгород, «княжеские» города и города, возникшие от феодальной вотчины. Только для городов первого типа признаётся их большое и самостоятельное значение, но и то «наподобие вольных городов и средневековых городских республик Западной Европы» [2].

На чём же основаны выводы Лященко? Кажется, только на полном невнимании к современной советской литературе. В работе, напечатанной третьим изданием в 1952 г. мы не найдём ссылок даже на книгу о ремесле в Древней Руси Б. А. Рыбакова и на «Историю культуры Древней Руси» (1948 г.). В числе тех историков, на выводы которых опирался П. И. Лященко, мы встретим только Соловьёва, Ключевского, Аристова, Костомарова, Забелина и др. Что же удивительного в том, что в книге, предназначенной быть пособием для экономических факультетов, история русского города фактически представлена в кривом зеркале.

Конечно, история русских городов имела свои отличия от истории городов в Западной Европе. Эти отличия становятся особенно заметными в XIV—XV вв. после татарского нашествия, которое сперва разрушило древнерусские города, а потом затормозило их развитие. Западная Европа не знала таких массовых разрушений, какие испытала Русь в XIII столетии; городская жизнь в Западной Европе развивалась в более благоприятных условиях, чем на Руси. Но и после татарских погромов в ряде русских городов (Москва, Новгород, Смоленск, Псков и др.) можно отметить сравнительно интенсивную ремесленную и торговую деятельность. Что же касается русских городов домонгольского времени, то они по уровню развития ремесла и торговли нисколько не уступали городам западноевропейским, а в некоторых отношениях и

[1] *П. И. Лященко, История народного хозяйства* СССР, т. I, М. 1952, стр. 199.

[2] Там же, стр. 200.

превосходили их. Об этом можно говорить с полным основанием, если только поглубже изучить наши источники.

В понятие средневекового города на Руси, как и в других странах, входило прежде всего представление об огороженном укреплённом месте. В этом и было первоначальное отличие между городом и сельской местностью, к которому позже прибавляется представление о городе как ремесленном и торговом центре. Поэтому при оценке хозяйственного значения древнерусского города не следует забывать о том, что ремесло на Руси IX—XIII вв. находилось ещё на начальной стадии отделения от сельского хозяйства.

Связь городских жителей с земледелием ярко показана в словах Ольги, обращённых к жителям древлянского Искоростеня в середине X в.: «Все города ваши сдались мне и обязались платить дань и возделывают нивы свои и земли свои, а вы хотите умереть от голода, не соглашаясь на дань» [1]. Даже в таком богатом городе, каким был Новгород начала XIII в., земледелие имело для жителей громадное значение. «Той же осени, — пишет летописец под 1228 г., — шел дождь великий, день и ночь, с Успеньева дня вплоть до Николина дня, не видели светлого дня, ни сена людям нельзя было добыть, ни нив делать». В связи с этим «простая чадь» выгнала наречённого архиепископа Арсения, обвиняя его в том, что из-за него «стоит тепло долго» [2]. Люди, или простая чадь, в данном случае не сельские жители, а горожане. «Великий дождь» представлял для них почти такую же опасность, как и для крестьян.

Археологические раскопки в русских городах IX—XII вв. подтверждают постоянную связь горожан с сельским хозяйством. Крайне интересны в этом отношении находки, сделанные в Райковецком городище (поблизости от Киева). На его территории обнаружены 22 плуга и сошника. В жилых домах и в хозяйственных постройках

---

[1] «Вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делають нивы своя и земле своя; а вы хочете измерети гладом, не имучеся по дань» («Повесть врем. лет.», ч. 1, стр. 42).

[2] Новгород. лет., стр. 66—67. Успеньев (Госпожин) день — 15 августа, Николин день — 6 декабря. Значит, дожди шли почти 4 месяца подряд.

были найдены большие запасы обгорелой ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли и пр. Часть зерна была переработана в муку и крупу. Это позволило исследователю райковецких древностей В. К. Гончарову сделать справедливый вывод, что «земледелие являлось производственной базой населения городка» [1].

Райковецкое городище находилось на южной границе Древней Руси. Но вот перед нами Ковшаровское городище на реке Соже, в 18—19 *км* от Смоленска. На городище были найдены разнообразные предметы, указывающие на существование различных ремёсел. Найдены были кузнечные клещи, слиток олова, обломок крупного глиняного тигля и пр. Тем не менее и здесь сельское хозяйство служило главным занятием жителей, на что указывают находки мотыг, серпов, кос и пр. [2]

Непременной принадлежностью хозяйства горожан были огороды и сады. В Киеве огороды окружали город и тянулись от Золотых до Лядских ворот. Во время военных действий под Киевом в 1151 г. ратные люди причинили много вреда, в том числе уничтожили огороды («и огороды все посекли»). Местность перед Золотыми воротами в Киеве так и определялась в XII столетии как лежавшая «в огородах» [3]. В Смоленске князю принадлежал огород на горе; его возделывал «капустник с женою и с детьми». Капуста считалась лакомой пищей и входила в состав пошлины, получаемой духовенством на праздник Иванского ста в Новгороде, вместе с хлебами и уксусом [4]. Огородные семена, найденные при раскопках древнерусских городов, не редкость. В упомянутом ранее Райковецком городище обнаружены были семена мака, огурцов, косточки вишен и слив.

Крупное значение в хозяйстве горожан имело животноводство. Археологические исследования обнаружили в городах кости многих домашних животных, в том числе лошадей, коров, свиней, овец и т. д. В одной новгородской берестяной грамоте XII в. речь идёт о тяжбе

---

[1] *В. К. Гончаров*, Райковецкое городище, Киев 1950, стр. 59.
[2] *А. Н. Лявданский*, Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск 1926, стр. 179—296.
[3] Ипат. лет., стр. 232, 266, 296, 375.
[4] Новгород. лет., стр. 509.

из-за коровы («чья... есть корова») [1]. Большое развитие животноводческого хозяйства в древнерусских городах объясняет особое внимание летописцев к заготовке сена. Новгородский летописец отмечает подъём воды в Волхове («сено и дрова разнесло»), говорит о дождях, помешавших заготовить сено [2]. Краткая Русская Правда особо отмечает кражу сена и устанавливает за неё особый штраф.

Конечно, степень значения сельского хозяйства для горожан была не одинаковой в мелких и больших городах. Сельское хозяйство доминировало в маленьких городках, подобных Райковецкому городищу, меньше было развито в больших центрах (Киеве, Новгороде и т. д.), но в том или ином виде существовало везде.

Тем не менее не сельское хозяйство определяло хозяйство русских городов X—XIII вв., а ремесло и торговля. Крупнейшие городские пункты не могли уже существовать без постоянной связи с ближайшей земледельческой округой. Они потребляли продукты сельского хозяйства в большей мере, чем их производили, являясь центрами ремесла, торговли и административного управления.

«Городской строй» на Руси, как и в Западной Европе, создавался в условиях натурального хозяйства с его замкнутостью и слабым обменом. И тем не менее рост русских городов и развитие в них ремесла и торговли имели громадное хозяйственное значение, без изучения которого высокая культура Киевской Руси останется для нас непонятной.

2. Ремесло и ремесленные специальности

При изучении ремесла Древней Руси мы стоим на твёрдой почве благодаря капитальным исследованиям Б. А. Рыбакова. Основанные на глубоком изучении вещественных памятников, его труды воссоздают яркую картину ремесленного производства на Руси IX—XV вв.

---

[1] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, Новгородские грамоты на бересте, стр. 38—39.

[2] Новгород. лет., стр. 26 (1143 г.), 67 (1228 г.), 27 (1145 г.) и 80 (1251 г.).

Особые главы в его работах посвящены городскому ремеслу.

Однако и после выхода трудов Б. А. Рыбакова целый ряд важных вопросов в истории городского ремесла X—XIII вв. потребует дальнейшего изучения. Ведь и сам автор признаёт, что количество источников для составления полного списка специальностей городских ремесленников в Древней Руси очень немногочисленно. Между тем, — пишет Б. А. Рыбаков, — «только при наличии такого списка мы получим возможность сравнивать ремёсла, отдельные города между собой и ремесло Киевской Руси с ремеслом в других странах» [1].

Не будучи специалистом в области ремесленного производства и его истории, я не могу браться за рассмотрение, пополнение или уменьшение списка, составленного Б. А. Рыбаковым. Вне моего изучения остаются и собственно производственные процессы, так глубоко изученные археологами. Но есть одна область, недостаточно учтённая и в превосходном исследовании Б. А. Рыбакова, — это свидетельства письменных источников о ремёслах древнерусских городов, а эти свидетельства являются не только полезным, но и необходимым дополнением при изучении ремесленного производства Руси IX—XIII вв.

Чисто археологические данные, без сочетания с показаниями письменного материала, могут порой привести к неправильным выводам. Такие выводы о чрезвычайной специализации ремесла в Древней Руси и сделали некоторые авторы, хотя, по правильному замечанию Б. А. Рыбакова, «сочетание нескольких родственных производств в одной мастерской далеко не всегда является свидетельством примитивности ремесла» [2]. Ведь большая специализация предполагает существование определённого и притом значительного спроса на ремесленные изделия. При отсутствии такого спроса ремесленники, естественно, должны были производить разнообразные предметы и выполнять разнообразные технические процессы в одной мастерской.

Б. А. Рыбаков насчитывает в Древней Руси 64 ремесленные специальности и делит их на 11 групп. Однако

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, М. 1948, стр. 501.
[2] Там же, стр. 507.

объединение отдельных ремесленных специальностей в каждой из этих групп представляется не всегда обоснованным. В частности, непонятно, например, почему серебряники отделены от эмальеров, иконники от живописцев и т. д. Поэтому при обзоре ремесленных специальностей я буду исходить из несколько другого деления, объединяя ремесленников по принципу производства ими тех или иных предметов хозяйства и быта (ювелирное, оружейное производство и пр.), а не по принципу обработки тех или иных материалов.

Одним из самых распространённых видов ремесленного производства было кузнечное дело. Как и в позднейшее время, кузнецы обычно селились при въезде в город, и соответствующие городские ворота иногда прозывались кузнечными (например, Кузнецкие ворота в Переяславле Южном). Слово «кузнец» («кузнець») находим уже в житии Феодосия Печерского по списку XII в.; кузнец сковал для него железную цепь, которой Феодосий опоясался по телу [1].

Слово «кузнец» было производным от «кузнь», что означало всякую поделку из металлов, в том числе из драгоценных. Об этом убедительно говорит сообщение летописи про бегство в Холм кузнецов по железу, меди и серебру («кузнице железу и меди и сребру») [2]. Существовало и другое слово для обозначения ремесленника, обрабатывающего металл, — «ковачь», но в письменных памятниках оно употреблялось редко, как и слово «коваль», которое тем не менее известно уже по русскому переводу Хроники Георгия Амартола. Кроме того, известны ещё слова «вотрь» (вътрь), также обозначавшее кузнеца, в том числе и медника, «корчий», «железоковец» [3].

В исследовании Б. А. Колчина о древнерусской чёрной металлургии и металлообработке городским и деревенским кузнецам отведена особая глава. В нём тщательно исследованы и изучены металлические предметы,

---

[1] «Сборник XII в. московского Успенского собора», М. 1899, стр. 47.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] *И. И. Срезневский*, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПБ 1893, стб. 434 (в дальнейшем — *И. И. Срезневский*, Материалы). В том же источнике, откуда взято слово «вътрь», показан глагол «вътваряти». См. также стб. 852 (железоковец); стб. 1412—1413 (корчий или корчая).

найденные в Новгороде, Старой Рязани, Вышгороде, Вщиже, Дорогичине и других городах. «Техника металлообработки Древней Руси в X—XIII вв., — пишет Б. А. Колчин, — предстаёт перед нами с высокоразвитой технологией механической и тепловой обработки железа и стали, которой виртуозно владеют русские специализированные кузнецы» [1].

Как особая специальность в летописи упоминаются кузнецы-гвоздочники, если только верить Никоновской летописи, текст которой отличается позднейшими подновлениями. Впрочем, «гвозди железные» появляются уже на первых страницах летописи в описании походов Руси на Царьград в 941 г. [2]

Так же рано становятся известны замочные мастера, или «замочные кузнецы». Это название встречаем уже в таком раннем памятнике, каким является русский перевод Хроники Георгия Амартола [3].

К числу кузнецов я условно отношу и ремесленников, занятых производством железной и медной посуды. Новгородская летопись под 1216 г. упоминает котельника [4]. Котлы были распространённой посудой в Древней Руси и нередко упоминаются в наших памятниках. Можно допустить, что котельники делали и железные сковороды («сковорода»), известные по памятнику конца XIII в. Замечательнее всего, что это слово было заимствовано литовцами от русских и притом в очень древнее время в форме без полногласия — skavarda [5], что подчёркивает распространение железообрабатывающего промысла в Древней Руси.

Особую группу составляли в Древней Руси ремесленники, производившие оружие и военные доспехи. Эта отрасль ремесленного производства получила широкое развитие в Древней Руси, так как потребность в оружии в феодальные времена была всеобщей. Недаром же большое количество копий, щитов, топоров, мечей и пр.

---

[1] *Б. А. Колчин,* Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период), «Материалы и исследования по археологии СССР» № 32, М. 1953, стр. 207.

[2] ПСРЛ, т. X, СПБ 1885, стр. 143; Лаврент. лет., стр. 43.

[3] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 929.

[4] Новгород. лет., стр. 57. В Златоструе: «Да котлы ковеши... по душу свою» (*И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 1304).

[5] *В. Ф. Рэчига,* Очерки из истории быта домонгольской Руси, М. 1929, стр. 42.

найдено в погребениях. Горожане, как правило, умели владеть оружием и примеры геройской защиты русских городов от врагов многочисленны. Различные виды оружия получили специальные названия или по способу их приготовления (харалужные копья из воронёной стали), или по внешней форме и окраске (червлёные щиты), или по основному месту их производства. (русские кольчуги во французском эпосе, сулици ляцкие, т. е. польские, шеломы латинские и т. д. в русском эпосе).

Специализация в оружейном деле достигла больших размеров, так как она требовала особо умелых и тщательных приёмов обработки. Одно место Ипатьевской летописи говорит о мастерах-седельниках, лучниках и тульниках [1]. Таким образом, производства луков и колчанов (тулов) являлись особыми ремесленными специальностями. Конечно, и другие виды вооружения и военного быта производились в особых мастерских. Надо предполагать специалистов-ремесленников по производству мечей, топоров, копий, шлемов и пр. Отсутствие указаний на мастеров подобных предметов объясняется только скудостью и случайностью наших письменных свидетельств. Но вот летописец упоминает о мастере «порочном», т. е. готовившем осадные машины — «пороки», и становится ясным, что специализация оружейного дела в Древней Руси была гораздо большей, чем мы предполагаем [2]. Новгородская летопись знает щитников, дважды называемых по имени, как людей, известных в своём городе [3]. Следовательно, даже случайные письменные свидетельства позволяют назвать ремесленные специальности тульников, лучников, щитников и порочных мастеров.

Слово «броня» также было широко известно в Древней Руси, в том числе и «броня дощатая» [4], т. е. железные латы, но термин «бронник» в значении ремесленника, выделывавшего брони, в ранней русской письменности неизвестен.

---

[1] Ипат. лет., стр. 558.

[2] Новгород. лет., стр. 86. Следует отметить, что слово «порок» является производным от «прак» — праща, следовательно, имеет славянское происхождение, а «порок» появляется уже с русским полногласием.

[3] Новгород. лет., стр. 67, 73.

[4] Ипат. лет., стр. 595.

Особая группа ремесленников Древней Руси была занята производством украшений. Эта область ремесленного производства имеет большой интерес для историков искусства, но как раз в ней труднее всего провести грань между ремеслом свободных горожан и зависимых княжеских и боярских людей. Ювелирное производство в средние века не мыслится без прямого покровительства ремесленнику со стороны феодалов. Новгородские серебряные сосуды XI—XII вв. слишком дороги, чтобы их делали для сбыта на рынке. Они были заказными предметами, чем объясняется обычай указывать имя владельцев на серебряных и золотых сосудах, державшийся в России даже в XVI—XVII вв.

Кажется, наиболее общим и древним названием ремесленника, работавшего над изделиями из драгоценных металлов, было «златарь», «златарин». В переводных произведениях встречаем такое обозначение работы златарей: «Вот златари делают: пожигая серебро, вмещут олово, да изгорит в нем вся скверна» [1]. В русских сочинениях для обозначения ювелира употреблялось слово «серебряник» [2]. «Серебряники» было общим названием, которое давалось ювелирам в Древней Руси, но это не значит, что в наших городах не было ремесленной специализации в производстве предметов роскоши и украшений, часть которых шла на более широкий сбыт. Таковы были серебряные и медные крестики, змеевики, гривны, поясные пряжки, женские украшения, в большом количестве находимые в древнерусских погребениях. А. В. Арциховский считает характерным женским украшением у славян височные кольца, которые производились «на месте у вятичей» и найдены были во всех пяти раскопанных вятических городищах [3]. Действительно, распространение определённого вида украшений на определённой территории заставляет предполагать существование каких-то местных центров производства. Обнаруженные в развалинах Старой Рязани бронзовые с эмалью кресты оказались совершенно сходными с крестиком, найденным в курганном кладбище в Рузском

[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 980; т. III, приложение, стб. 117.

[2] В 1234 г. убили в сражении новгородца «Нежилу серебреника» (Новгород. лет., стр. 73).

[3] *А. В. Арциховский,* Курганы вятичей, М. 1930, стр. 43—47.

уезде [1]. Между тем в домонгольское время владения рязанских князей заходили в бассейне Москвы-реки, может быть, гораздо далее, чем позволяют об этом говорить письменные источники. Так, намечается один из центров ремесленного производства эмалей даже в такой отдалённой области, как бассейн Оки; этим центром была Рязань (Старая).

В более крупных городах, подобных Киеву, Новгороду и Полоцку, производство дорогих изделий для рыночного сбыта прослеживается ещё легче, так как некоторые железные и медные изделия были рассчитаны на более широкий сбыт, чем обслуживание ближайшей округи. Таковы, например, медные крестики и иконки X—XIII вв., найденные в разных местах Руси.

А. С. Гущин в своём исследовании о древнерусском художественном ремесле отмечает существование в Киеве мастерских, работавших на относительно широкий сбыт. «Такая мастерская была найдена в Киеве на Фроловской горе, причём характерной чертой этой мастерской является наличие в ней ряда формочек для изготовления украшений на более широкого потребителя... Изделия этой мастерской в части своей представляли, таким образом, более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2]. Трудно думать, что ювелирное производство имело повсеместное распространение, но тем большее значение оно могло иметь в крупных городах.

Для характеристики распространённости производства в Киевской Руси ювелирных изделий представляют интерес слова монаха Теофила, автора «Трактата о различных художествах» (Diversarum artium schedula). Во введении к трактату Теофил обращается к «возлюбленному сыну» (fili dulcissime) со следующими словами: «Если ты внимательно его изучишь, то найдёшь там, что имеет Греция в разных видах и смешениях цветов; что изобрела Русь в искусстве эмали и разнообразии черни; что Аравия употребляет в работах при ковке, сплаве или чеканке; что украшает славную Италию в применении

---

[1] «Труды VIII Археологического съезда в Москве», т. IV, М. 1897, стр. 91.

[2] *А. С. Гущин,* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., Л. 1936, стр. 25—26.

золота и серебра для различных ваз или для резьбы на драгоценных камнях и кости; что Франция находит в искусном разнообразии цветных стёкол; тонкость изделий из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня, которыми славится изобретательная Германия» [1].

Вместо слова «Русь» издателями французского перевода трактата была поставлена Тоскана (Tuscia) на основании двух списков трактата, но сами издатели отметили, что текст имеет варианты: Ruscia (Кембриджская библиотека в Англии), Rusca (Вольфенбюттельская библиотека), Rutigia (Лейпцигская рукопись), Russia (библиотека Нани). Издатели трактата комментировали трактат и снабдили текст своей вставки примечаниями: «Работа из черни заставляет думать, что чтение Tuscia должно быть предпочтительнее России. Нет ничего невозможного, что русские, обученные греками, делали изделия из черни в средние века; но искусство делать эмаль с чернью было специальностью Тосканы».

В немецком издании трактата Теофила на место Руси также поставлена Тоскана [2]. Чтобы увидеть, насколько такая вставка предвзята и ненаучна, отметим, что название Ruscia самим же издателем (Ильгом) указывается помещённым в Гвельфербитанском (codex Guelpherbitanus) списке произведения Теофила. Между тем издатель называет Гвельфербитанский манускрипт древнейшим и относящимся к XII в. Название Ruscia находим и в другом древнейшем списке — Венском, который ряд исследователей трактата называет «древнейшей известной копией оригинала» трактата. К XIV в. относится Лейпцигская рукопись, где читаем вариант — Rutigia. В Кембриджской рукописи находим чтение Ruscia, эту рукопись относят к XIII в.

[1] В подлиннике: «Quam si diligentius perscruteris, illic invenies quicquid in diversorum colorum generibus et mixturis habet Graecia; quicquid in electrorum operasitate, seu nigelli varietate novit Tuscia (Ruscia, Rusca, Rutigia, Russia), quicquid ductili vel fusili, seu interrasili opere distinguit Arabia; quicquid in vasorum diversitate, seu gemmarum ossiumve sculptura auro (et argento inclyta) decorat Italia; quicquid in fenestrarum pretiosa varietate diligit Francia; quicquid in auri, argenti, cupri et ferri, lignorum lapidumque subtilitate sollers laudat Germania» (*Theophile* prêtre et moine, Essai sur divers arts, Paris 1843; см. также *Theophilus* presbiter, Schedula diversarum artium, I Band, revidirter Text, Uebersetzung und Appendix von A. Ilg, Wien 1874, S. 9—11).

[2] *Theophilus* presbiter, Schedula diversarum artium, S. IV, VI, XIII.

Таким образом, древнейшие рукописи согласно говорят о Руси, а не о Тоскане. Следовательно, название Руси с наибольшим вероятием стояло в оригинале трактата, и только позже, после разорения Руси монголами, по догадке, было переделано на Тоскану (Tuscia) [1].

А. Ильг считает автором трактата Теофила одного монаха бенедиктинского монастыря в районе Падерборна. Этот монах был известен как художник, изделия которого сохранились до нашего времени. Время его деятельности относится к концу XI — началу XII в. Автор трактата был знаком с греческим языком, впрочем в достаточной мере примитивно. Это вообще ставит вопрос о происхождении трактата, озаглавленного именем Теофила. Не являлось ли латинское сочинение переработкой какого-нибудь греческого трактата, принадлежавшего некоему Феофилу (Теофилу), имя которого и было оставлено в заглавии.

На это указывает та особенность всех известных рукописей трактата, что оглавление в них стоит в противоречии с порядком глав. Издатель объясняет это тем, что порядок глав был произвольно изменён переписчиками [2]. Но такой домысел мало вероятен. Скорее подобная особенность рукописей трактата указывает на то, что составитель его пользовался каким-то оригиналом, который он переделывал, поэтому оглавление и порядок глав оказались плохо согласованными.

Возможное греческое происхождение автора трактата с ещё большей убедительностью говорит за первоначальность чтения Ruscia. Это подтверждается и тем, что в трактате перечисляются большие страны мира: Греция, Аравия, Италия, Франция, Германия. Под Аравией, конечно, понимается не собственно Аравия, а страны арабского или мусульманского Востока. Между тем Тоскана является только частью Италии, и появление её в тексте явно нелогично. Особенно важным доводом

[1] *Theophilus* presbiter, Schedula diversarum artium, S. IV, VI, XIII.

[2] «Dass das Original — Manuscript der Schedula unter den bisher bekannten Handschriften sich nicht befindet, geht schon daraus hervor, dass sie alle Indices besitzen, welche mit der Reihenfolge des Capitels in Widerspruch stehen, die dann im Texte eingehalten ist. Hiedurch gibt es deutlich zu erkennen, dass immer die Anordnung eines andern Manuscriptes als Regel genommen, während des Copirens aber nach Willkür vorgegangen würde» (*Theophilus* presbiter, Schedula diversarum artium, S. XXII—XXIII).

в пользу варианта Ruscia (Русь), а не Tuscia — говорит то, что Русь названа в различных видах своего латинского названия, вплоть до Rutigia, — верный знак того, что первоначальный текст, где, вероятно, стояло Ruscia, не вызывал у переписчиков сомнения, о какой стране идёт речь: эту страну они знали под разными вариантами её названия.

Б. А. Рыбаков, пользуясь венским изданием 1874 г., первоначально отнёс трактат Теофила к X столетию. Однако он сам признаёт, что современных Теофилу русских перегородчатых эмалей мы не знаем. Но таких русских эмалей более позднего времени известно много. Уже эта деталь трактата указывает на возникновение его не в X, а скорее в XI—XII вв.

О большом ювелирном искусстве русских говорит и свидетельство Плано Карпини, видевшего в ставке великого хана в Монголии русского мастера-ювелира, производившего предметы высокой художественности. Что недостатка в мастерах-ювелирах на Руси не ощущалось, видно из того, что Владимир Мономах за одну ночь расклепал и позолотил доски на гробах Бориса и Глеба. Это было сделано русскими, а не иностранными мастерами, так как тут же говорится: «Многие приходящие из Греции и других земель говорили: «Нигде такой красоты нет»» [1].

Вероятно, рано стали выделяться и ремесленные отрасли по обработке цветных металлов, главным образом меди, олова и свинца. Медь и медные изделия неоднократно упоминаются в наших источниках. Летопись знает кузнецов меди и серебра [2]. В одном памятнике ремесленник, занимающийся обработкой олова, обозначен словом «оловодъмець» [3]. Русские названия «медник» и «оловянничник» появляются в письменных источниках значительно позднее и получают особое распространение в XVI—XVII вв.

В особую группу ремесленных производств я отношу ремесленников, занятых обработкой дерева. По какому-то недоразумению в список ремесленников-деревообделочников Б. А. Рыбаков не включил плотников, мастеров самой распространённой специальности на Руси, где чаще

[1] *Д. И. Абрамович,* Жития Бориса и Глеба, стр. 63.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. II, вып. 2, СПБ 1898, стб. 661. В подлиннике: «оловудъмець».

всего сооружались деревянные постройки. Б. А. Рыбаков, повидимому, покрывает понятие плотников общим термином «древоделы». Но это не так.

Слово «древодели», или «древоделы», встречается только в переводных русских сочинениях. В оригинальных произведениях оно имеется только в Несторовом чтении о Борисе и Глебе с его сложными и порой искусственными оборотами. Только в немногих случаях древодель отожествляется с плотником, в большинстве же случаев это слово переводит греческое tecton и architecton (латинское architectus) — зодчий, архитектор, строитель. Таким образом, кроме общего понятия плотника в термин «древодель» входило понятие о зодчих, строителях выдающихся деревянных зданий, в отличие от обычной плотничной работы [1].

Наряду с этим существовало обычное русское обозначение строителей деревянных зданий — плотники. Это слово порой употреблялось и в презрительном смысле чернорабочих. «Вы ведь плотники. А поставим вас строить хоромы наши», — так дразнили новгородцев. Действительно, большое развитие плотничьего промысла в Новгороде подчёркивается существованием в нём старинного Плотницкого конца.

С деревянным строительством в Древней Руси было связано строительство крепостей. Городняя повинность населения, т. е. обязанность его принимать участие в укреплении городов, была повсеместной на Руси XIV—XV вв. В Пространной Русской Правде устанавливаются «уроки» (нормы оплаты) городникам. Крайне характерно само название статьи о городниках, прямо указывающее на постройку городских укреплений: «А се закладаюче город». Городник получает одну куну при закладке и одну погату при окончании устройства городни — части городской стены. Ему идёт также пищевое довольствие (мясо, рыба, пшено, солод для пива или кваса), а также овёс на четырёх коней. Всё это городник получает пока не будут закончены городские укрепления («донеле город срубять») [2].

---

[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 734—735.

[2] «Правда Русская», т. I, стр. 114 (по Троицкому списку XIV в.). В древнейшем Синодальном списке конца XIII в. также читаем: «а се закладаюче город». См. также главу о крепостных сооружениях в «Истории культуры Древней Руси», т. I, М. — Л. 1948, стр. 439—470

В русском словарном богатстве XII столетия имелось и слово «огородник», обозначавшее тех же строителей городских укреплений — городников. Оно происходило от слова «огородень», равнозначащего понятию городни. Осенью 1437 г. из волховского моста «девять огородень выдрало». В других списках на месте «огородень» читаем «городней»[1].

В Пространной Русской Правде говорится и о другой ремесленной специальности — мостниках. Потребность в городских мостах была очень значительной, тем более что мосты входили в состав городских укреплений. «Уроки мостникам» предусматривают поездку мостника с помощником (отроком) на двух конях для устройства или починки моста. Характерной особенностью «уроков мостникам» является более приниженное положение мостников по сравнению с городниками. Только кони мостника получают овёс, а отпускаемое ему довольствие определено неясными словами: «а есть, что можеть»[2]. На мостниках лежало устройство и городских деревянных мостовых, обнаруженных в ряде русских городов при раскопках.

С гораздо бо̀льшим трудом устанавливаются другие ремесленные специальности, связанные с обработкой дерева. Так, Б. А. Рыбаков справедливо ставит под вопросом существование особой специальности столяра. Наши источники не знают столяров, хотя столы, стольцы, стулья были во всеобщем употреблении в Древней Руси. Неизвестно также, существовала ли особая специальность резчиков по дереву. Возможно, специализации резчиков и столяров не существовало, а мастера, занимавшиеся производством мебели и резьбой по дереву, обозначались теми же терминами древоделей и плотников. Ведь и в более позднее время строители деревянных зданий выполняли работы и по их украшению. Например, в числе 119 ремесленных профессий посадских людей города Казани в 1565—1568 гг. показано 13 плотников и нет ни одного столяра. В 1646 г. в Казани было 10 плотников и также ни одного столяра или резчика по дереву[3].

---

[1] «Псковские летописи», вып. первый, подг. к печати А. Н. Насонов, М.—Л. 1941, стр. 44.

[2] «Правда Русская», т. I, стр. 114—115.

[3] «Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г.», Л. 1932, стр. 186, 205.

Весьма вероятно предположение Б. А. Рыбакова о выделении в особую профессию бочаров. Слова «ботарь» и «бочка» известны в древнейших русских памятниках наряду с заимствованным «дельва». Впрочем, профессия бочечника впервые названа только в новгородской писцовой книге 1500 г. [1]

О существовании токарей по дереву письменные источники не дают никаких сведений, но при раскопках в Новгороде найдено много деревянной посуды, изготовленной токарями.

В особую специальность выделяются строители кораблей и лодок. Переводное русское сочинение знает кораблестроителей — «корабльчии» (корабьчии) [2]. Но это — производное слово, наряду с которым следует предполагать существование термина «судовщик», хорошо известного по писцовым книгам XVI в.

В особую группу могут быть отнесены ремесленники, связанные со строительством и отделкой каменных зданий.

С понятием «каменьник» (каменщик) в Древней Руси было связано представление о подневольном труде — холопстве. «Это ведь наши холопы каменьщики», — восклицают ростовцы о соперничающих с ними владимирцах [3]. Вероятно, первые каменщики-строители в Ростовской земле действительно были зависимыми княжескими людьми, основным местопребыванием которых был Владимир. В этом находим объяснение презрительному возгласу ростовцев. Каменное строительство было так распространено на Руси XI—XIII вв., что не требуется доказательств существования значительного количества каменщиков-строителей.

Что касается резчиков по камню, то твёрдой уверенности в том, что их профессия выделялась названием каменосечцев, у нас нет. Подлинный текст летописи с рассказом о строении собора в Твери в 1399 г., откуда Срезневским взят текст о каменосечцах, говорит не о

---

[1] Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины («Временник Общества истории и древностей Российских», кн. 12, М. 1852, стр. 3). Бочарники и бочкари известны по писцовым книгам Казани 1565—1568 гг.

[2] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 1285.

[3] Лаврент. лет., стр. 355.

резьбе по камню, а о побелке церковных стен [1]. Понятие «каменщики», возможно, покрывало всю совокупность работ по строительству каменных зданий и их отделке.

Строительное дело, естественно, требовало не только работы рядовых каменщиков, но и архитекторов, которые в переводных сочинениях названы «каменозиждателями», «жижителями», «зиждителями» [2].

К особой группе я отношу ремесленников, занятых изготовлением одежды, тканей и обработкой кожи.

Производство тканей хорошо было известно в Древней Руси, как и «художество ткальческое» [3]. Поэтому можно предполагать раннее происхождение слова «ткач», неизвестного по древним источникам. Вероятно, это объясняется всеобщим распространением ручного ткачества как домашнего промысла, в силу чего в ремесленную профессию выделилось только производство дорогих тканей.

Новгородская летопись упоминает о смерти Ивана Прибышинича «опоньника», т. е. мастера опонного дела. Опона — ткань, покрывало или занавес; так это слово употребляется в летописи. Но «опоньник», конечно, не просто ремесленник-ткач, а мастер, производивший особый вид ткани [4]. Кое-что разъясняет позднейшее свидетельство. В московский пожар 1493 г. были попалены царские двери «да половина опоны сгорела» на амвоне [5]. Здесь опона — дорогая занавесь на церковных дверях, причём в этом значении слово «опона» держится очень долго в России, где известны были самые разнообразные виды тканей. Это даёт возможность внести некоторый корректив в наши представления о производстве тканей в Древней Руси. Остатки драгоценных тканей в погребениях Киевской Руси огульно признаются

---

[1] «Повеле же и створиша каменосечци от плиты жьженыя и тако горазньством утвориша и зело хитре поновиша и убелиша церковь» (ПСРЛ, т. XV, Пгр. 1922, стр. 166); см. также *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 1185. После падения строившегося Успенского собора Иван III посылает в Римскую землю «мастеров деля каменосечец» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 302), конечно, за строителями, а не за резчиками.

[2] ПСРЛ, т. IX, СПБ 1862, стр. 113; *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 872, 977.

[3] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. III, вып. 2, стб. 1043.

[4] Новгород. лет., стр. 57.

[5] ПСРЛ, т. XXIV, Пгр. 1921, стр. 239.

за ткани византийского происхождения. Между тем вопрос о производстве тканей в Древней Руси следовало бы подвергнуть всестороннему исследованию. В XV—XVI вв. русское шитьё достигло высокой степени процветания, но значит ли это, что оно возникло в эти столетия? С большой вероятностью можно думать, что художественное русское шитьё получило развитие ещё в домонгольское время. В средневековой французской литературе Русь считалась страной, богатой тканями.

В Древней Руси производились разные виды тканей. В 1159 г. смоленский князь отправил послами «Ивана-ручечника и Якуна, от смолнян мужа и от Новгородечь» [1]. Смоленский муж в данном случае это и есть Иван-ручечник. Издатели Ипатьевской летописи сочли слово «ручечник» за личное прозвище посла, но перед нами, вероятнее всего, название ремесленной специальности от слова «ученик», по словарю Даля, — «полное веретено пряжи», «ручошник» — тонкий холст [2].

Подтверждение этому я вижу в том, что в Древней Руси существовали клобучники: «клобучник(ов) 12, плетущих коше великые»; (кошь — кошёлка, мешок) [3]. Клобуки — шапки, головные уборы. Монахи Печерского монастыря в Киеве плели клобуки и копытца — чулки.

В особую специальность должны были рано выделиться портные, шевцы, или швецы. Современное слово портной восходит к древнерусскому «порты» — одежда. Название это для обозначения ремесленника определённой специальности появляется довольно поздно, примерно в XIV в., но уже Печерский патерик знает о «портном швеце», который работал на сбыт. Некий черноризец «своими руками работая, стяжал имения мало, потому что был портной швец» [4]. С этим свидетельством может быть сопоставлено замечательное место в так называемом Законе Судном людем, где мастерство швеца поставлено в прямую связь с работой на заказ: «А се о швеци. Аще швець исказить свиту, не умея шити, или гневом, да ся биеть, а цены лишен» [5]. Закон Судный людем

---

[1] Ипат. лет., стр. 344.

[2] *В. Даль*, Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, изд. 4, стб. 1748—1750.

[3] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 1306.

[4] «Печерский патерик», стр. 41.

[5] Новгород. лет., стр. 503.

известен в русской обработке, притом очень раннего времени.

Городские портные, как и позже, являлись законодателями русских мод. Напомним здесь описание удивительного княжеского наряда, которым Даниил Романович Галицкий поразил венгерского короля. Даниил был одет «по обычаю русскому». Кожух Даниила был изготовлен из драгоценной шёлковой ткани греческой работы и обшит плоскими золотыми кружевами, а сапоги были из зелёной кожи с золотым шитьём. Под ним был достойный удивления конь, княжеское седло было украшено жжёным золотом, поражали художественной обработкой с золотом стрелы и сабля [1]. Автор этого описания, видимо, присутствовал при встрече Даниила с венгерским королём, вернее, был лицом, принадлежавшим к свите русского князя, — так ярко и реально он описал наряд своего героя.

Рано выделилось в особую специальность кожевенное производство. Сын новгородского «кожевника» был убит во время Невской битвы [2]. Сказание об юноше, победившем печенежского богатыря, рисует ремесленную обработку кожи на дому. Рассказывая о необыкновенной силе своего сына, отец отрока приводит такую деталь: «Однажды, когда я ссорился с ним, а он мял кожу, он разгневался на меня и разорвал кожу руками». Перед нами целая картина работы кожевника X в. В позднейшей переделке (Летописец Переяславля Суздальского) кожа заменена обувью: «в то время он шил башмак и разорвал его и с подошвою» [3].

В переводных и церковных памятниках в том же значении кожевника упоминаются «усмари» от «усма» (кожа). «Усмошвецами» называли кожевников и сапожников, термин же «сапожник» появляется в поздних русских памятниках, хотя сапожное мастерство восходит к древнему времени. Название «усмошвец» иногда переводится как кожевник, сапожник. Но уже в ранних русских произведениях сапожники ясно отделены от кожев-

---

[1] Ипат. лет., стр. 541.

[2] Новгород. лет., стр. 294

[3] Лаврент. лет., стр. 120; «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 32.

ников, что видно из такого текста: «шитьё ли сапожное делаешь, вспомни о тех, кто делает кожу» [1].

Другую группу ремесленных профессий составляли ремесленники, занятые производством гончарных и стеклянных изделий.

При всеобщем употреблении глиняной посуды гончарное дело было развито и в деревнях и в городах. Урочища «Гончары» имелись в Киеве, Владимире-на-Клязьме; древний Людин конец в Новгороде носил ещё другое название — Гончарского, а письменные памятники знают гончаров как особых специалистов-ремесленников. Гончарное ремесло не было типичным только для городов, — оно было развито и в деревнях, но город в этом случае шёл впереди. Только грамотные люди могли, например, сделать надписи на глиняных сосудах. Клейма мастеров на глиняных сосудах, найденных при раскопках, указывают на стремление гончаров к выделению продуктов своего производства из общей массы приготовленных гончарных изделий. Глиняная посуда производилась различной вместимости и формы. Отсюда такое обилие названий для обозначения её различных видов: горнець, корчага, крина, или крин (ср. нынешнее кринка) и т. д. [2]

Б. А. Рыбаков в числе специальностей, названных в древнерусских памятниках, указывает плинфотворителей — мастеров по изготовлению плинф — тонких кирпичей, применявшихся в строительстве XI—XIII вв., но, к сожалению, не делает ссылку на источник, откуда он взял это слово. Между тем в существовании особой специальности плинфотворителей или кирпичников можно сомневаться, как и в существовании особых мастеров по изготовлению поливных плиток. Так, раскопки Н. Н. Воронина во Владимире-на-Клязьме заставляют предполагать, что поливные кирпичи делали те же гончары [3].

Со значительно бо́льшим основанием можно предполагать существование особой ремесленной специальности стекляннико́в. Мастерская по производству стекла

---

[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. III, вып. 3, СПБ 1909, стб. 1267—1268.

[2] *В. Ф. Ржига,* Очерки из истории быта домонгольской Руси, стр. 34—40.

[3] См. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 239—243.

существовала в Киеве, как это доказали раскопки В. В. Хвойка. Во всеобщем употреблении на Руси были стеклянные браслеты местного происхождения. Привоз стеклянной посуды из далёких мест был делом нелёгким, а что русские хорошо знали применение стекла, видно из употребления этого слова в наших памятниках. Так, в летопись внесён рассказ о стеклянных глазках (бусах), находимых в Ладоге [1].

В Кириковом вопрошании (памятнике XII в.) читаем, что не следует отказываться от осквернённого сосуда — «как от деревянного, также от глиняного, также из меди и стекла и серебра» [2]. Переводные памятники называют стекольное производство «стекляничною хитростью» или «стеклянной кузнью», а мастера-стеклодела — «стеклянником» [3].

Особую группу ремесленников составляли иконники и книжные писцы. Иконное дело было тесно связано с работой на заказ. Оно требовало не только уменья, но и значительных затрат на краски, золото и серебро, щедро применяемых в иконописи. «Иконная хитрость» представлялась делом очень выгодным, как это видно из рассказа Печерского патерика об Алимпии-иконописце, который «сей же хитрости восхотел не богатства ради». Иконы делались «по найму», по особому соглашению, стоили значительных денег.

Для обозначения иконных мастеров существовали два названия: иконник и образописец. Второе название произошло от русского слова «образ», твёрдо удержавшегося в живом языке. Тем не менее название «иконник» вытеснило впоследствии из языка слово «образописец», может быть не без влияния духовенства. Впервые оно упомянуто в послании митрополита Никифора к Владимиру Мономаху («и той есть истинный икунник царское и княжьское иконы») [4].

В наших источниках имеются указания и на существование живописцев. «Писцы иконники», пришедшие из Константинополя, расписали соборную церковь в Киево-Печерском монастыре. В данном случае речь идёт о приезжих живописцах. Известие о росписи надвратной

[1] Ипат. лет., стр. 199.
[2] «Русская историческая библиотека», т. VI, СПБ 1880, стб. 23.
[3] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. III, вып. 2, стб. 585—586.
[4] «Русские достопамятности», ч. I, М. 1815, стр. 75.

церкви в Новгороде в 1196 г. называет живописца (писца) даже по имени [1].

Значительное развитие письменности в Древней Руси объясняет нам появление переписчиков книг, или писцов. Большой список книжных писцов, известных по записям на книгах, составлен в алфавитном порядке Е. Ф. Карским. Но при всей своей полноте этот список даёт мало сведений о профессиональных писцах. Только в книге поучений Ефрема Сирина 1288 г. писец называет себя мастером. Впрочем, как пишет Е. Ф. Карский, «можно также предполагать, что и некоторые другие древние писцы, относительно ремесла которых нет других более точных указаний, вроде Путяты, Угринца и под., были писцами по профессии, так как в противном случае они не ограничились бы краткими записями, как: «Путята писал», «Угринец писал», а сообщили бы кое-что о душевном настроении, а также об обстоятельствах письма» [2].

Количество книжных писцов-профессионалов, судя по записям, было ограниченным. В мелких городах, вероятно, писцов-профессионалов не было и вовсе, но в больших городах они могли занимать видное место среди других ремесленников, выполняя и функции наёмных писцов грамот и свидетелей («послухов»).

Что касается переплётчиков, то существование их как особых мастеров подвержено сомнению. Переписчики книг, вероятно, были одновременно и переплётчиками. Только дорогие книги, чаще всего напрестольные евангелия, украшались золотом и серебром, но это была уже не переплётная, а ювелирная работа [3]. Не случайно, само название «переплётчик» не известно древнерусским произведениям.

В число ремесленных специальностей должны были входить и некоторые другие производства, выпавшие вообще из поля зрения наших историков и археологов. Например, Хроника Георгия Амартола, рано переведённая на русский язык, знает мастера-белильщика — «белиль-

---

[1] «Печерский патерик», стр. 8—9; Новгород. лет., стр. 42. Известны были и живописцы (см. *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 866).

[2] *Е. Ф. Карский*, Славянская кирилловская палеография, Л. 1928, стр. 259—308, см. стр. 262.

[3] Там же, стр. 115.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных известью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков*, Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронщиков, шорников и пр.

10) каменщики,
11) каменосечцы(?),
12) клобучники,
13) кожевники,
14) корабльчии,
15) котельники,
16) кузнецы,
17) кузнецы серебру,
18) кузнецы меди,
19) лучники,
20) мостники,
21) оловодмецы,
22) опонники,
23) писцы (живописцы),
24) писцы (книжные),
25) плотники,
26) порочные мастера,
27) портные швецы,
28) ручечники,
29) седельники,
30) серебряники,
31) стеклянники,
32) тульники,
33) усмошвецы,
34) щитники.

Однако и этот список ремесленных специальностей явно неполный. Так, в него не внесены ремесленники, связанные с производством продуктов питания. Б. А. Рыбаков вообще не останавливается на этой ремесленной группе, относя к ней почему-то одних «масленников», которые, кстати говоря, не упоминаются в древнейших русских источниках. Отсутствие указаний на ремесленников, занятых производством пищевых припасов, в книге Рыбакова, впрочем, вполне понятно, так как в задачу автора и не входило изучение таких профессий, «которые не являются ремеслом в полном смысле слова». Но изучение подобных специальностей совершенно необходимо для характеристики хозяйства и населения древнерусских городов. Большое количество ремесленников, занятых производством и продажей продуктов питания, характерно для крупных городских центров с их разнообразным населением, часть которого потеряла или начала терять связь с сельским хозяйством. Так, в русских

городах XVI в. ремесленники, производившие пищевые продукты для продажи на рынке, по численности мало уступали ремесленникам других специальностей. В Серпухове, Коломне и Можайске конца XVI в. более 22% всех ремесленников было занято приготовлением продуктов питания. Это были хлебники, мясники, пирожники, квасники и пр.[1] То же мы видим и в других русских городах того же столетия. Московский рынок XVII столетия был заполнен полками и скамьями калачников, яблочников и пивоваров.

Так было не только в русских городах. Объединение мясников считалось крупнейшим из парижских цехов средневекового времени. Наряду с ним существовали объединения хлебников и пр. Естественно поэтому предполагать существование подобных же ремесленных профессий и в городах Древней Руси.

К сожалению, наши письменные свидетельства почти не дают сведений о существовании таких ремесленных занятий в XI—XIII вв. Только позднее летописное известие 1485 г. показывает, что в это время мясники в Пскове составляли корпорацию, обладавшую общей кассой; мясники платили мастерам за постройку нового моста через реку Пскову[2]. Возможно, мясники были известны в Древней Руси под другим названием — прасолов. В русском языке (см. словарь В. Даля) под этим именем были известны скупщики мяса и рыбы для розничной, мелочной продажи, в более широком смысле — перекупщики товаров. В древнерусских памятниках это слово также обозначало продавца, а глагол «прасолити» был равнозначен понятию барышничать, торговать. «Если кто продает челядина, — читаем в древнем памятнике, — то столько же ему взять, сколько за него дал; если же больше, то окажется он берущим лишнее и торгующим («прасоля») живыми душами»[3].

Слабым указанием на то, что на рынках Древней Руси продавался готовый хлеб, следовательно, существо-

---

[1] *Н. Д. Чечулин*, Города Московского государства в XVI веке, СПБ 1889, стр. 197.

[2] «Псковичи поставиша новый мост черезо Пскову а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясники» (ПСРЛ, т. V, СПБ 1851, стр. 43).

[3] *И. И. Срезневский*, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПБ 1876, стр. 332.

вали ремесленники-хлебники, является одно место в Кириковом вопрошании XII в. с вопросом, можно ли служить литургию с одной просфорой там, где нельзя было достать другой просфоры. Ответ разрешал служить литургию, но только в том случае, если не будет близко торга, где можно купить [1]. Следовательно, на торгу продавались, если не готовые просфоры, то, по крайней мере, мука, из которой они выпекались.

Ряд указаний на существование торговли съестными припасами получаем из Печерского патерика. Между игуменом Печерского монастыря и экономом возникали споры, откуда достать деньги, «чим купити братии требованиа», т. е. потребное для пропитания монахов в их общей трапезе.

Рассказывая о первоначальном устройстве монастыря, Печерский патерик отмечает, что монахи занимались разными ремёслами и носили свои изделия на продажу в город, где покупали жито: «и так носили в город продавать, и на это покупали жито, разделяли его между собой, чтобы каждый перемолол его за ночь для приготовления хлебов».

Впрочем, один из продуктов питания, несомненно, продавался на рынке — это соль. В Киев её, например, привозили из Галича. Во время междоусобных княжеских распрей, когда подвоз соли прекращался, в Киеве наступал соляной голод, чем пользовались спекулянты, быстро взвинчивавшие цены на соль. Так случилось в самом конце XI в., когда купцы, торговавшие солью, не могли приехать в Киев из Перемышля и Галича [2]. О дороговизне соли рассказывает и Новгородская летопись под 1232 г. Таким образом, соль была одним из тех пищевых продуктов, которые рано сделались предметом торговли.

Небольшое количество даже не указаний, а намёков на существование ремесленников, производивших продукты питания, не может служить решительным доказательством того, что таких ремесленников в Древней Руси не было совсем. Тем не менее это является молчаливым доказательством незначительного количества ремеслен-

[1] «Аж будет далече, яко в селе, а негде будеть взяти другое просфуры, то достоить» («Русская историческая библиотека», т. VI, стб. 50—51).

[2] «Печерский патерик», стр. 108.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

Но понятие товара само по себе предполагает существование определённого рынка для сбыта. Находка формочек для изготовления дешёвых украшений говорит о том, что подобные украшения выделывались при помощи одной и той же формы, а не о рыночном сбыте. Товарное производство, несомненно, уже в какой-то мере существовало в Древней Руси, но значение его нельзя преувеличивать. Именно эту ошибку сделали в своём докладе В. Т. Пашуто и Л. В. Данилова, что было справедливо отмечено в ряде выступлений оппонентов [1].

Известные нам письменные свидетельства в подавляющем большинстве говорят о ремесленном производстве на заказ. Так как сведения о ремесленном сбыте, помещённые в этих источниках почти не известны, приведём несколько фактов.

Наиболее ярко работа на заказ изображена в сказании об Алимпии-иконописце. Богатый киевлянин построил церковь и захотел её украсить большими иконами. Он дал деньги («серебро») и доски для икон двум монахам Печерского монастыря, с тем чтобы они заключили соглашение («ряд») с Алимпием. Монахи оказались обманщиками, трижды вымогали деньги от заказчика и довели дело до скандала.

Другой случай не менее характерен. Заказчик нанял Алимпия написать икону для праздника. Алимпий заболел, не выполнил работу и был осыпан упрёками. Икона была написана будто бы чудесным образом. Сказание так рассказывает о работе над иконой. Юноша, писавший икону, то накладывал на неё золото, то растирал на камне краски и писал ими. Как видим, всю работу над писанием иконы производил один и тот же ремесленник. Только доски для икон делались отдельно, да и то, видимо, в исключительных случаях, в данном случае ввиду особой занятости и прославленности мастера Алимпия [2].

Можно, конечно, сказать, что иконописное мастерство было особым ремесленным производством, в основном рассчитанным на заказ. Но в позднейшие времена и эти мастера стали работать на рынок, как это видно уже из постановлений Стоглава в середине XVI столетия.

---

[1] *Л. В. Данилова, В. Т. Пашуто,* Товарное производство на Руси (до XVII в.), «Вопросы истории» № 1, 1954 г., стр. 117—136.

[2] «Печерский патерик», стр. 120—125.

Работа на заказ была распространена и в области переписки книг, как это видно по записям на рукописях. Так, первая же датированная русская рукопись, Остромирово евангелие, была написана в течение 19 месяцев дьяконом Григорием по заказу новгородского посадника Остромира и окончена в 1057 г.

Работа на заказ была широко развита в оружейном и ювелирном деле. Это доказывается существованием изделий с именами выделывавших их мастеров. Таковы знаменитые сосуды, или кратиры, Софийского собора в Новгороде, крест полоцкой княгини Евфросинии XII в. и пр.

Работа на заказ обычно производилась из материалов заказчика, как это мы видели в сказании об Алимпии-иконописце. Так было и при сооружении каменных храмов. Олег Святославич, строивший каменную церковь в Вышгороде - под Киевом, «привел здателей, велел строить, и дал им в изобилии все, что нужно было на потребу»[1]. Ювелирная работа иногда производилась под непосредственным наблюдением заказчика. Только так можно понять сообщение об украшении гробов Бориса и Глеба при Владимире Мономахе. Он умыслил оковать их раки золотом и серебром. «И пришедши ночью измерил гроба, расклепал серебряные доски и позолотил их, а на следующую ночь обложил и оковал их»[2]. Конечно, эту работу производил не сам князь, а его ремесленники, но под непосредственным присмотром заказчика.

Историки искусства и археологи, имеющие дело с замечательными произведениями древнерусского ремесла, склонны преувеличивать уровень производительных сил в Древней Руси, забывая о крайней ограниченности производственных возможностей и рыночного сбыта IX—XIII вв. Но об этой ограниченности непрерывно повествуют наши письменные источники, всё ещё мало изученные для характеристики экономического строя древнерусских земель. Например, железные оковы одного из монахов Печерского монастыря, вернувшегося из плена, употребили для потребностей алтаря: «и сняв с него оковы и сковали, что нужно было для алтаря»[3]. Надо

[1] «И привед зьдателе, повеле зьдати, въдав им все по обилу, яже на потребу» (*Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 64).

[2] *Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 63.

[3] «Печерский патерик», стр. 80.

предполагать большую потребность в железе и ценность самого металла, если даже оковы были использованы для украшения алтаря.

Тем не менее товарное производство также имело место в Древней Руси. Монахи Печерского монастыря в Киеве «руками своими делали, одни плели чулки и клобуки и иные ручные дела делали, и так носили в город продавать, покупали на это жито, разделяли его, чтобы каждый за ночь измолол его для приготовления хлебов» [1].

За этими строками скрывается существование в городе рынка, на котором можно продать изготовленные вещи, в данном случае чулки и головные уборы, а взамен купить жито в зерне. В город едет и житель пригородного новгородского села Пидьбы со своими горшками. Он поднимается рано утром, чтобы добраться пораньше в город [2]. И в этом случае имеем дело с товарным производством, рассчитанным на рыночный сбыт.

Таким образом, даже скудные письменные свидетельства подтверждают существование в Древней Руси товарного производства, которое обслуживало феодальный, как и предшествующий ему рабовладельческий строй. Всё дело только в том, каковы были размеры товарного производства, что было преобладающим в Древней Руси: работа на заказ или товарное производство.

Из сказанного выше вытекает, что преобладало именно первое, т. е. работа на заказ.

4. Городская торговля

Торговля в значительной мере определяла хозяйственное лицо древнерусских городов. Тем не менее торговля на Руси IX—XIII вв. до сих пор ещё слабо изучена. В этом смысле показательны разделы о торговле в таком новейшем, обобщающем труде, как «Очерки истории СССР», вышедшем в 1953 г. Автор раздела заявляет, что

---

[1] «Еще же и рукама своима делаху: оволи копытца плетуще и клобукы, и иная ручная дела строяще. И тако носяще в град продаати, и темь жито купяху, и се разделяху, да кождо в нощи свою часть измилаше на устроение хлебовь» («Печерский патерик», стр. 26).

[2] Новгород. лет., стр. 160.

«об обилии товаров, привозимых на городской рынок, свидетельствуют летописи, акты и памятники фольклора» [1], но в дальнейшем фактически говорит только о таких товарах внутреннего рынка, как шиферные пряслица, а внешнюю торговлю характеризует главным образом как работорговлю.

Значительно большее место внутренней торговле уделяется в «Истории культуры Древней Руси». Автор главы о торговле и торговых путях Б. А. Рыбаков, говоря о внутренней торговле, правильно замечает, что эта область остаётся почти неизученной, хотя она как раз является показателем экономического развития страны. Археологические наблюдения Б. А. Рыбакова позволили ему и в данном случае сделать ряд ценных выводов не только о внешней, но и о внутренней торговле Древней Руси [2].

Особенно большое значение для истории городов имеет изучение внутреннего рынка. Хотя товары иноземного происхождения и могли доходить даже до мелких городов, но не они определяли торговую деятельность в русских городах. Торговля городов IX—XIII вв. развёртывалась в условиях господства натурального хозяйства и слабой потребности в привозных товарах. Поэтому торговля с иноземными странами была уделом в основном больших городов, мелкие городские пункты были связаны только с ближайшей сельскохозяйственной округой, являясь для неё центрами ремесла и торговли.

Городской рынок был такой же обязательной принадлежностью древнерусских городов, как и их укрепления. Он был известен под названием торга, торговища, торжища. Это было самое оживлённое место в городе. Здесь собиралось множество народу по самым разнообразным случаям. На торгу «кликали», т. е. объявляли княжеские распоряжения или сведения о пропаже вещей и холопов. В чуде об утопшем детище киевский митрополит после окончания утрени посылает во время торга оповещать киевлян, что на хорах Софийского собора был

---

[1] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I (IX—XIII вв.), М. 1953, стр. 143—150.

[2] *Б. А. Рыбаков*, Торговля и торговые пути («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 350—369).

найден неизвестно чей ребёнок [1]. В ответ на зов откликнулись родители утонувшего ребёнка.

Подобное же значение торга выступает перед нами в сказании о построении каменной церкви Георгия над Золотыми воротами в Киеве. Когда выяснился недостаток наёмных рук для сооружения церкви, князь велел возить деньги и возвестить на торгу, что за работу будут платить по 1 ногате в день. «И было много делающих» [2].

Оба памятника, из которых взяты приведённые места, принадлежат к числу церковной литературы, вследствие чего в них акт объявления на торгу выражен иносказательно словами «проповедати», «возвестища», тогда как в Русской Правде находим обиходные термины — «закличь», «кликать». В чуде о дитяти любопытно указание на время торга («сбор торгу»), совпадавшее с ранней церковной службой — утреней. Подобно тому как в Древней Греции выражение en agora pletuse обозначало часы, когда торговая площадь была полна народу, в Древней Руси городское время нередко обозначалось временем торга. Новгородский пожар 1152 г. произошёл «в сред торгу» [3], т. е. в разгар рыночной торговли. Другой пожар в Новгороде случился «в торг».

На торгу устанавливались цены на товары в городе. Дороговизна обычно отмечалась словами «вздорожиша все по торгу». Для характеристики городской экономики XI—XIII вв. эта зависимость городского населения от рынка очень показательна. Хлеб, мясо и рыба продавались на торгу, который был необходим для снабжения горожан. Монахи Печерского монастыря в Киеве, как мы видели, продавали вязаные изделия, а покупали жито.

Торг, особенно в больших городах, имел жизненное значение для городского населения. Зависимость населения больших древнерусских городов от рыночных цен на продовольствие обнаруживают записи новгородских летописей. Сделаны они в разное время, на протяжении

[1] «Сбор торгу, проповедати нача, чье детя пред иконою на полатех у святыя София» (Рукопись Государственного Исторического музея в Москве, Един. 92, Измагард нач. XVI в., стр. 449—452).

[2] «Повеле куны возити на возех в камары Златых врат. И возвестиша на торгу людем, да возмет каждо по наготе на день. И бысть много делающих, и тако вскоре сконча церковь» («Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. II, стр. 58—59).

[3] Новгород. лет., стр. 29.

почти сотни лет, следовательно, принадлежат не одному какому-либо лицу, проявившему особый интерес к рыночным ценам, а нескольким поколениям новгородцев. Тем самым эти записи следует признать явлением типическим для горожанина XII—XIII вв., отражающим его повседневные интересы и заботы.

В 1128 г., — отмечает летописец, — в Новгороде был голод, осминка ржи стоила по гривне, много людей умерло от голода, трупы валялись по улицам и по торгу и по дорогам. Уже в этом известии находим прямую связь между высокими ценами и рынком, куда сходились и где умирали голодные люди. В 1161 г. опять была «великая скорбь» и «нужда в людях». «Покупали мы («купляхом») кадку малую (понимается хлеба) по 7 кун». В 1170 г. «дороговь» в Новгороде повторилась: покупали кадь ржи по 4 гривны, хлеб по 2 ногаты, мед по 10 кун за пуд. Дороговизна была и в 1188, 1215, 1228, 1230 и 1231 годах.

В записях отмечаются высокие цены на продукты питания — на хлеб, пшено, пшеницу, на мясо и рыбу. Всё это продавалось на торгу, как это ясно видно из записи 1228 г.: «И вздорожили все на торгу: и хлеб и мясо и рыба, и оттоле установилась дороговь: покупали хлеб по 2 куны, а кадь ржи по 3 гривны, а пшеницу по 5 гривен, а пшено по 7 гривен» [1].

Непосредственного очевидца голодных бедствий в Новгороде чувствуем в записях 1230 г., сделанных «грешным» пономарём Тимофеем. Он описал бедствия весной этого года, когда дело дошло до людоедства. Тогда сосед «не уломлял» для соседа кусочка хлеба, но были горе и печаль, «на улице скорбь друг перед другом, дома тоска, глядя на плачющих детей без хлеба, или умирающих» [2]. В этих скорбных словах пономаря, мелкого церковного причетника, сказалась подлинная тоска человека, обременённого большой семьёй, голодными и умирающими от голода детьми.

В новгородских записях крайне характерно представление о торге, как о главном месте, где можно купить съестные припасы. Однажды летописец даже жалуется на то, что нельзя было дойти до торга из-за множества

---

[1] Новгород. лет., стр. 22, 31, 33, 39, 54, 66, 69, 71.
[2] Там же, стр. 71.

трупов: «нельзя было дойти до торга через город или по валу» [1].

Розничная торговля в нашем смысле слова на древнерусском рынке очень слабо развита. На рынке кадями покупают хлеб и крупу, бочками — мёд, репу — возами. Это совсем непохоже на позднейшую рыночную торговлю в русских городах XVI—XVII вв. с их скамьями, полками и шалашами, где торговали хлебом, квасом, пирогами и пр. Так, наблюдение над новгородскими записями приводит к выводу о большом различии между торговлей городов на Руси XI—XIII столетий и городской торговлей в Российском централизованном государстве.

В новгородских записях отражается ясная связь городского рынка с окружающими деревнями. Голод в городе обычно связывается с неурожаем в области. Зависимость даже такого торгового города, как Новгород, от ближайшей сельскохозяйственной округи ярко выступает в рассказе о голоде 1215 г. Мороз уничтожил урожай по волости (понимается новгородской), а в районе Торжка хлеб остался целым, но князь задержал в Торжке возы с хлебом, и от этого в Новгороде наступил голод [2].

Предметом межобластной торговли была соль. В Киев её привозили из Галича и Перемышля «гости». Продажей соли занимались местные киевские торговцы, взвинчивающие на неё цены во время княжеских междоусобий, когда подвоз соли из Галицкой Руси прекращался [3].

В город поступали и некоторые продукты деревенского ремесла, как это мы видели из рассказа о жителе пригородного новгородского села Пидьбы, который собирался везти горшки в город на продажу [4].

В Новгороде, судя по летописи и по позднейшим писцовым книгам XVI в., существовал только один городской торг, территория которого доходила до Волхова. В других больших древнерусских городах торговище также являлось основным местом торговли (например, во Владимире Залесском). Про мелкие города не прихо-

---

[1] Новгород. лет., стр. 30.

[2] «Поби мраз обилье по волости, а на Торожку все чело бысть. И зая князь вьршь на Торожку, не пусти в город ни воза» (Новгород. лет., стр. 54).

[3] «Печерский патерик», стр. 108.

[4] Новгород. лет., стр. 160.

дится и говорить. Даже в начале XX в. в них, как правило, имелась одна торговая площадь, вокруг которой сосредоточивались лавки. Но торговища были даже в таких маленьких городках, как Здвиждень в Киевской земле. Исключением был Киев X—XII вв. с его громадным населением и обширной площадью. Если даже считать известие Титмара Мерзебургского о существовании в нём нескольких рынков явным преувеличением, то наличие в Киеве по крайней мере двух торжков засвидетельствовано летописью. Главный торг помещался на Подоле, а на Горе был Бабин торжок. Это второе, чисто простонародное название, возможно, таит в себе характеристику торговли на Бабином торжке как второстепенном киевском рынке.

Ограниченность связей городского рынка с деревенской округой подчёркивается статьёй Русской Правды о «своде» — порядке поисков краденой вещи. Надо было привести свидетеля или мытника (княжеское должностное лицо при рынке) в доказательство того, что краденая вещь принадлежит истцу. Но «свод» кончался за пределами города или его ближайшего округа [1].

Письменные источники довольно ясно позволяют проследить непосредственную связь городского рынка с деревней. Гораздо труднее сделать обратное: показать зависимость деревни от городского ремесла и торговли. А между тем без этого само существование городских посадов, населённых ремесленниками и торговцами, будет недостаточно объяснено. К счастью, эту задачу, непосильную для историка, использующего в основном письменные материалы, выполнил на основании археологических данных Б. А. Рыбаков. По его исследованию, запросы деревни в железных предметах удовлетворялись деревенскими и городскими кузницами. Район деятельности таких кузниц охватывал 10—30 *км* в поперечнике. «Вещи, литые в одной литейной форме (сделанные одним мастером), и расходились в таком ограниченном районе, кстати сказать, совпадающем по величине с районом, обслуживаемым одной кузницей» [2].

---

[1] «А из своего города в чюжю землю свода нетуть» («Правда Русская», т. I, стр. 108).

[2] *Б. А. Рыбаков,* Торговля и торговые пути («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 351).

Значительное количество предметов кузнечного мастерства, обследованных археологами, восходит к деревенским кузницам, но некоторое их количество надо отнести к городскому производству. Само наблюдение над тем, что кузницы «обслуживали район, имевший в поперечнике 10—30 *км*», крайне интересно. Ведь этот поперечник приближается к расстояниям между городами в населённых областях Древней Руси, достигавшим в Киевской земле 40—50 *км*. Таким образом, наблюдение Б. А. Рыбакова имеет большое принципиальное значение.

Примитивные железные изделия, приготовлявшиеся в деревенских кузницах, имели небольшой район сбыта, но в курганных погребениях находятся и такие вещи, происхождение которых из городских мастерских почти несомненно. Это различного рода украшения (бусы, подвески и пр.), иногда характерные для значительной территории. Шиферные пряслица, производившиеся в Овруче, найдены на громадной территории; граница их распространения в основном совпадает с той территорией, какую населяла древнерусская народность [1].

Список ремесленных специальностей, приведённый выше, свидетельствует о медленном и постепенном внедрении в экономическую жизнь Древней Руси отдельных производств. Не случайно в этом списке преобладают специальности, связанные с производством оружия, украшений, дорогих тканей, которые были рассчитаны на феодальные круги. Деревня, как правильно замечает Б. А. Рыбаков, была слабо затронута городским производством, хотя постепенно и втягивалась в его сферу. Канонические памятники XI—XIII столетий приводят ряд правил, ясно рисующих примитивность жизни того времени. В ответах митрополита Иоанна (1080—1089 гг.) упоминаются нижние одежды «от кож животных». Их разрешалось носить церковным служителям в стужу. Вопрошание Кириково (XII в.) позволяло хождение в одежде из медвежьих шкур [2]. Следовательно, даже домашнее полотно не всегда применялось в глухих деревенских углах, где ходили в одеждах из шкур диких зверей.

---

[1] *Б. А. Рыбаков,* Торговля и торговые пути («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 354—357).

[2] «Русская историческая библиотека», т. VI, стб. 7, 48.

Внутренняя торговля была явлением повседневным, мало привлекавшим к себе внимание писателей своего времени. Поэтому так отрывочны и неполны наши сведения о внутреннем обмене в Древней Руси. Даже сведения о ценах на продукты питания сообщаются летописцем только для того, чтобы подчеркнуть их непомерную высоту.

Значительно больше известно о торговле иноземной, «заморской». Уже с древнейшего времени наряду с термином «купец» существовало другое, близкое к нему по значению слово — «гость», с производными «гостьба» и «гостешьба». Чаще всего под гостем понимался иноземный купец или, наоборот, купец, торгующий с чужеземными странами. «Иные по морю плавают, а по земле гостьбы деют, беря богатство», — читаем в рукописи XIII в.[1] Буквально то же объяснение «гостьбы» находим в рассказе об Авраамии, убитом в Камской Болгарии: «Авраамей гость сый, гостьбу дея по градом ходя». Древнее значение слова «гость» удержалось очень долго, сделавшись в России XVI—XVII вв. обозначением звания, которое жаловалось царём крупнейшим купцам.

Средневековые купцы отличались необыкновенной подвижностью. Русских купцов встречаем в отдалённых странах: в Средней Азии, в Константинополе, в Дании, на острове Готланд и т. д. В свою очередь венецианские, чешские, греческие, среднеазиатские, немецкие и другие гости посещали Киев, Новгород, Смоленск и прочие древнерусские города. Ни расстояния, ни трудности пути не могли помешать купеческой предприимчивости ни летом, ни зимой.

В одном древнерусском поучении, дошедшем уже в рукописи XIII в., читаем такое описание различных способов путешествия. Луна и звёзды «дают свет всем шествующим человекам, луна по морю, по рекам, по озёрам... Также и море творит, и озёра, источники, реки, работая для людей; одних носят ветры, возя в кораблях, повелением божьим из города в город, пути творя ночью, летом в челнах, в лодьях, а зимой на возах»[2].

Трудности путешествия заставляли купцов объединяться в большие караваны. В Переяславле Залесском

[1] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 571.

[2] *Н. Гальковский*, Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. II, М. 1913, стр. 154.

(1216 г.) оказалось 150 новгородцев и 15 смолян, пришедших для торговли «гостьбою» [1]. Смоляне, вероятно, составляли особый купеческий караван, насчитывавший, таким образом, 15 человек. Морские караваны состояли из нескольких судов-ладей [2]. Всё это, конечно, очень далеко от пышных изображений необыкновенного богатства киевских и новгородских пристаней древнего времени. И тем не менее именно «гостьба» создавала купеческие богатства, производившие большое впечатление на современников. Соловей Будимирович, Садко «богатый гость», Чурило Пленкович оставили о себе память в народе как заморские купцы. Их корабли наполнены были товарами, а Садко решался соперничать богатством со всем Великим Новгородом.

Основные товары, вывозившиеся из Руси и соседних с нею стран X—XI вв., перечислены в известной фразе Святослава о Переяславце на Дунае: «Тут всё доброе («благая») сходится: из Греции золото, дорогие ткани, вина и фрукты, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси меха, воск, мёд и рабы» [3]. Остальные товары отпускной древнерусской торговли имели меньшее значение. К ним относились «рыбий зуб» (моржовые кости), лён, сало, некоторые предметы ремесленного производства (оружие, украшения и пр.). Ткани, металлы и металлические изделия, оружие, вина, фрукты и прочее привозились на Русь. Внешняя торговля в основном обслуживала потребности феодалов и церкви; только в голодные годы хлеб становился товаром, доставляемым заморскими купцами.

Внешняя торговля сосредоточивалась в городах, и притом наиболее значительных, но привозные товары, хоть и в ограниченных размерах, доходили и до деревни. В ещё большей степени деревня являлась поставщиком экспортных товаров: мёд, воск, меха, сало, лён и пр. доставлялись в город из деревни, которая таким образом втягивалась в торговый оборот, хотя эти предметы и поступали на рынок не путём непосредственной продажи, а в составе оброка или дани.

---

[1] Лаврент. лет., стр. 474.

[2] По Новгород. лет. (стр. 22), в 1130 г. утонуло 7 ладей, ходивших в Готланд. Спаслось только несколько человек.

[3] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 48; «многи дары присилю ти: челядь, воск и скору» (там же, стр. 45).

При всей ограниченности торговых оборотов в Древней Руси IX—XIII вв. именно торговые пошлины («торг») являлись важнейшей статьёй княжеских доходов. «Торг десятый» (право получать торговую пошлину каждую десятую неделю) принадлежал соборам в Киеве, во Владимире Залесском [1] и, вероятно, в некоторых других городах.

5. Ростовщичество и торговый кредит

Торговые операции в Древней Руси были неразрывно связаны с кредитом, вопросам которого отведены отдельные статьи Русской Правды. Впрочем, дела ещё часто разрешались на почве взаимного доверия и словесного условия, а не письменного документа. Это заставило составителей Правды вкладывать в уста купца, хранившего чужой товар и обвиняемого в его присвоении, слова упрёка: «ведь ты сам его у меня положил» [2].

Торговые операции были связаны с прочно сложившейся купеческой средой. Только таким образом можно объяснить появление в Пространной Правде статьи о недобросовестном должнике, который не платил долги в течение ряда лет («за много лет»). Купечество, судя по Пространной Правде, сложилось в определённую общественную группу; поэтому случайные несчастья, обрушившиеся на купца, не лишали его возможности поправить расшатанные дела, «но как он начнёт платити, из года в год, так и платит». Только полностью несостоятельный купец выбывал из своей социальной группы и становился изгоем, подобно поповскому сыну, не выучившемуся грамоте, или князю, потерявшему отчину, как об этом говорится в уставе князя Всеволода XII в.

Для развития торговли в Киевской Руси характерно наличие кредитных операций — явный показатель известной прочности торговых сделок и взаимного доверия [3]. Конечно, кредит в городах Киевской Руси был тесно

---

[1] «Памятники русского права», вып. I, сост. А. А. Зимин, М. 1952, стр. 235—252; см. также Лаврент. лет., стр. 330.

[2] «Толко еси у мене положил, запе же ему в бологодел и хоропил товар того» («Правда Русская», т. I, стр. 422—425).

[3] Статья Пространной Русской Правды о промиловавшемся кредиторе, на мой взгляд, является продолжением статьи о «резе» и от-

связан с ростовщическими операциями. Язва ростовщичества, «роста», «резов», «лихвы» была не только знакома русскому обществу XI—XIII вв., но и вызывала законные жалобы. Отвратительная фигура паука-ростовщика, опутавшего крепкими путами свою жертву, не раз вырастает перед нами при чтении древнерусских памятников. Наряду с убийством, развратом и другими грехами церковные писатели называют «резоимание, и грабление и насильство и мздоимание» [1]. Красноречие, с которым духовные ораторы ополчаются на ростовщиков, показывает, как распространено было это явление в русской действительности. Печерский патерик и одно поучение митрополита Никифора показывают, что ростовщичеству не были чужды князья, в том числе Владимир Мономах. Новгородский же архиепископ Илья укорял своих попов за то, что они предпочитали заниматься лихвой и резоиманием охотнее, чем апостольской проповедью нестяжания.

Для нас в данном случае важны не моральные поучения духовных ораторов, а несомненный факт широко развитых ростовщических операций среди русского общества, факт, показывающий, как далеко оно шагнуло в XI—XIII вв. от примитивной жизни прошлых столетий. Русская Правда знает уже различные виды отдачи денег и товара под проценты. Различается взимание процентов «в треть» и по месяцам. Владимир Мономах особым уставом узаконил получение процентов «до третьего реза». Важность этого законодательства для современников подчёркивается тем, что оно возникло после киевского восстания 1113 г.

В Русской Правде находим статью, очень чётко показывающую значение ростовщичества в купеческом хозяйстве. Осиротевшие дети отдавались на попечение опекуну из ближайших родственников — «ему же дати на руки, и с имуществом, и с домом, пока не вырастут, а товар дать перед людьми, а что получит в проценты за тот

делена от неё вставкой «о месячиемь резе». В первоначальном виде она читалась так: «О резе. Аже кто куны даеть в резы, или настав в мед, или жито во присоп, то послухи ему ставити, како ся будеть с ним рядил, тако же ему и имати... Послухов ли не будеть, а будеть кун 3 гривы, то ити ему про свое куны роте; будеть ли боле кун, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси не ставил послухов» («Правда Русская», т. I, стр. 422—424, ст. 50, 52).

[1] «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II, СПБ 1858, стр. 112.

товар или наторгует, то это остаётся ему»[1]. Здесь понятие «срезить», т. е. получить проценты на данные взаймы товар или деньги, идёт наравне с чисто торговыми операциями — куплей и продажей. Подобная статья могла возникнуть только в городском обществе, к тому же в обществе, связанном с торговлей и кредитом, другими словами — среди купцов и связанных с ними слоёв населения. Намёк на то, как распространены были письменные акты среди новгородцев, показывает существование известной рядной Тешаты второй половины XIII в., случайно сохранившейся в рижском архиве. Нельзя думать, что эта рядная была единственным документом, который составил «Довмонтов писец», и была якобы документом исключительного характера. Но она одна сохранилась из числа подобных же актов, составлявшихся в древнерусских городах.

Рядная Тешаты вводит нас в характер купеческих сделок Древней Руси. Правда, сам названный документ по времени выходит за хронологические рамки, поставленные нами для этой работы, так как он, вероятнее всего, возник между 1266 и 1299 гг., но изображённые в нём отношения сторон, конечно, возникли не сразу. Краткость этого документа позволяет его процитировать целиком (без подписей послухов): «Се порядися Тешата с Якымом про складьство, про первое и про задьнее, и на девце. Якым серебро взял, а мониста Тешатина у Якымовы жены свободна Тешяте взяти, и рощет учинила промежи себе. И боле не надобе Якыму Тешята, ни Тешяте Якым»[2].

Кажется, настоящим ключом к объяснению документа служит слово «складьство». И. И. Срезневский переводит слово «съкладьство» как соглашение, «брачное соглашение». У него находим в приложении другое близкое слово — «съкладание», что значит складчина: «о томь еже не творити съкладаниемь пиров»[3]. «Складьство» и «складание» стоят в определённой связи друг с другом,

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 446, ст. 99.

[2] «Русско-ливонские акты», СПБ 1868, стр. 15, № XXVII. Издатели колеблются в датировке этого документа; связывая «Довмонтова писца» рядной с князем Довмонтом, княжившим в Пскове в 1266—1299 гг., издатели отмечают, что акт найден в рижском архиве среди полоцких материалов.

[3] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. III, вып. 2, стб. 717; там же, вып. 3, дополнения, стб. 254.

но не однозначны, так как переднее и заднее складьство, конечно, не складчина для пира. Г. Е. Кочин оставляет «складство» без перевода, но так объясняет слово складник: «складник — соучастник одного предприятия; складничество наблюдается и в торговле и в сельском хозяйстве»[1]. Последнее объяснение очень близко подходит к значению термина «складьство» в рядной Тещаты. Складьство — это товарищество, чаще всего торговое, равнозначащее понятию «братчины». Так это понимал и М. Н. Сперанский, которому принадлежит честь объяснения так называемого «Корсунского» чуда Козьмы и Дамиана.

В этом памятнике, русское происхождение которого обстоятельно доказано названным учёным, рассказывается, что в граде Корсуни была у одного «человека обчина гостинная» (по другому списку — «складба гостинная»). К нему собрались многие люди и пили в течение семи дней, а на восьмой день питья не хватило. После чтения священником тропаря Козьме и Демьяну вода в сосуде превратилась в сладкий мёд. Сперанский убедительно доказывает, что две редакции памятника, известные в настоящее время, возникли самостоятельно и восходят к общему источнику. Время возникновения рассказа тот же исследователь осторожно определяет словами: «едва ли моложе XIV века». Сперанского смущало только «корсунское» происхождение рассказа, которое он объяснял двояко: или приурочиванием местной северной русской легенды к Корсуню (Херсонесу), или обработкой греческой легенды на русской почве.

Зоркий глаз исследователя заставил М. Н. Сперанского увидеть в обработке рассказа о чуде северное, новгородское происхождение, но нельзя настаивать на том, что первоначальный текст возник обязательно в Новгороде и притом только в XIV в. Не надо забывать о существовании в Киевской Руси других памятников, связанных с Корсунью, что позволяет связать «корсунское» чудо с более ранним временем, чем XIV в., и не с Новгородом, а с Южной Русью.

М. Н. Сперанский отожествляет «складьбу гостинную» с братчиной. Так понимал текст уже переписчик XVII в.,

---

[1] *Г. Е. Кочин,* Материалы для терминологического словаря Древней России, М. — Л. 1937, стр. 326.

озаглавивший рассказ как «чудо св. чудотворец и безсребренник Козмы и Дамиана о братчине, иже в Корсуне граде»[1]. Для нас интересна связь «складства» в рядной Тешаты со «складьбой гостинной» в «корсунском» чуде. Слово «гостинная» указывает на среду, в которой происходила «складьба» — пиршество; это гости — купцы, торгующие в чужих землях. Пирушка-братчина, складьба, обчина была естественным следствием торгового товарищества или складства, оформленного в виде особого документа, наподобие рядной Тешаты и Якима.

В одной из своих статей С. Н. Валк пытался доказать, что русские частные акты возникли не ранее конца XIII в., да и то только в Пскове и Новгороде[2]. В этом случае хозяйственная жизнь русских городов киевского периода должна представляться нам крайне отсталой и развивавшейся замедленными темпами. С. Н. Валк не останавливался перед тем, чтобы для подтверждения своего взгляда объявить некоторые подлинные акты фальшивыми. Так, им признаётся подложной вкладная Варлаама Хутынского конца XII или начала XIII в., хотя подлинность вкладной доказывается несомненными палеографическими приметами. Игнорируя факты, опровергающие его взгляды, вернее, не желая с ними считаться, С. Н. Валк делает свой неожиданный вывод, резко противоречащий всем известиям о торговой жизни русских городов XI—XIII столетий. Однако в летописях встречается прямое указание на существование письменных торговых документов в Новгороде, и притом уже в 1209 г. Это — «доски», которые были захвачены во дворе посадника Дмитра Мирошкинича и переданы в распоряжение князя, а «бяша на них бещисла». В одном древнем поучении читаем фразу «да доскы, иже в нас купци разорить»[3], ясно показывающую кабальный характер досок как документов, так как в поучении говорится об изгнании торговцев из иерусалимского храма.

---

[1] *М. Н. Сперанский,* «Корсунское» чудо Козьмы и Дамиана (отдельный оттиск), Л. 1928. См. также *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 761—762.

[2] *С. Н. Валк,* Начальная история древнерусского частного акта («Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей, М. — Л. 1937, стр. 285—318).

[3] «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II, стр. 145.

Под досками в летописи понимается заёмный документ, характер которого, однако, не объяснён в достаточной мере. Были попытки признать доски своего рода бирками с нарезными на них знаками, но этому противоречит свидетельство Троицкого академического списка XV в., основанного на древнем новгородском тексте, где читаем: «а что ся на дьсках остало в писме, а то все князю» [1]. Итак, доски были письменным документом. В Чехии досками (dsky) назывались долговые книги в переплёте из деревянных досок, покрытых кожей. Может быть, это даёт объяснение и для русского термина «доски». Они хранились, как и чешские книги, у должностных лиц, в данном случае у посадника, а потом были переданы князю именно как официальные документы. Характер их, как заёмных документов, выясняется из Псковской судной грамоты, хотя её постановления и относятся к XIV—XV столетиям. По доскам требовали возвращения товара, отданного на хранение или в заклад. В другом случае доски также связываются с закладом: «у кого заклад положен, не будет доски на заклад, ино его в том не повинити». По доскам взыскивалась и денежная ссуда без заклада. По Псковской судной грамоте доски отличались от «рядницы» — другого письменного документа большей достоверности. Это признак того, что доски были несовершенным письменным документом, уходившим в XIV—XV вв. уже в прошлое [2].

Открытие берестяных грамот и надписей на деревянных предметах в Новгороде позволяет предполагать, что доски были письменными документами, действительно составленными для прочности на досках. Во всяком случае открытие берестяных грамот решительно опровергает взгляды на Древнюю Русь как страну, не имевшую своей письменности.

Торговые обороты в Древней Руси были связаны с отдачей товаров не только в заклад, но и на хранение. Статья Пространной Русской Правды о поклаже устанавливала в случае споров право того, «у кого то лежал товар», доказывать свою правоту присягой. Это мотивировалось тем, что хранитель товара делал владельцу

[1] Лаврент. лет., стр. 466.

[2] «Псковская судная грамота», СПБ 1914, стр. 5, 7, 8, 9, 15. На это указывает и постановление грамоты: «А закладных доск не посужати». Эти документы, значит, уже подвергались оспариванию.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

XIV—XV столетий. В ней помещено такое постановление: «А которой мастер иметь сочить на ученики учебнаго, а ученик запрется, ино воля государева, хочет сам поцелует на своем учебном или ученику верить»[1]. Эта статья Псковской судной грамоты показывает, что отношения между учеником и мастером регулировались законом. Мастер имел право получить с ученика «учебное» — плату за обучение и за содержание ученика во время его ученичества. При этом мастеру предоставлялась возможность самому идти к присяге или заставить присягать ученика. Иными словами, мастеру предоставлялась возможность добиться выгодного для себя судебного постановления.

В памятниках Древней Руси находим прямые указания на ученичество. Так, Алимпий-иконописец был отдан своими родителями «на учение иконного писания» греческим мастерам, работавшим в Киеве. Мастера делали мозаику («мусию»), а Алимпий им помогал и учился, вследствие чего «добре извык хитрости иконней, иконы писати хитр бе зело»[2]. Время ученичества Алимпия может быть установлено точно, поскольку великая лаврская церковь была заложена в 1073 г. Позже, в начале XII в., появляются мозаики Михайловского златоверхого монастыря в Киеве, созданные руками русских художников, в числе которых, вероятно, работал Алимпий. Замечательно само выражение Патерика об отдаче Алимпия его родителями «на учение иконнаго писания». Это полностью соответствует позднейшему выражению: «отдать мальчика в ученье».

Ученичество в Древней Руси было делом нелёгким, и для русских людей были вполне понятны слова Златоструя: «Многажды ремесленник клянется не дати ученику не ясти, не пити»[3]. В одном древнерусском памятнике находим такое описание, как учили сапожному ремеслу: сапожник показывает ученику, как держать нож и резать кожу, и держа «коюгу» шить сапоги[4].

Ученик не всегда был в состоянии впоследствии сделаться самостоятельным мастером или даже подмастерьем. Впрочем, термин «подмастерье» был не известен

[1] «Псковская судная грамота», стр. 22.
[2] «Печерский патерик», стр. 121.
[3] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. III, вып. 1, стб. 116.
[4] Там же, стб. 262.

в древности. Вместо него, может быть, употреблялось другое равнозначащее понятие. В рассказе о построении города Холма в середине XIII в. говорится, что в него бежали от татар «уноты и мастера всяции». Слово «унота» (юнота) обозначало юношу, но в данном случае, повидимому, имело другое специфическое значение — ученика или подмастерья, потому что далее разъясняются те ремесленные специальности, которыми обладали бежавшие в Холм юноты и мастера (седельники, тульники и пр.).

Как известно, мастера средневековья ставили на своих изделиях клейма, имевшие значение промышленной метки, предохраняющей от подлогов. Подобные же метки вовсе не редкость на русских предметах. На шиферных пряслицах киевского времени встречаются надписи. В Новгороде найдено пряслице с надписью «Мартин», в Киеве — «Мотворин пряслен». Археологи считают, что эти надписи сделаны владельцами пряслиц, но подобные надписи могут обозначать и мастеров. На глиняных сосудах, несомненно, имеются клейма мастеров. Клейма мастеров в виде подписей помещены на известных серебряных кратирах Софийского собора в Новгороде: на одном — «Коста делал», на другом — «Братило делал».

Б. А. Рыбаков делает предположение: «не являлись ли оба сосуда (или, по крайней мере, более поздний сосуд Косты) «урочным изделием», изготовленным на получение звания мастера» [1].

Ремесло и торговля обставлены были в Древней Руси, как и в других странах, рядом ограничительных условий. «Торговые мерила» находились под непосредственным наблюдением князей и епископов. Высшее духовенство добивалось монопольного права контролировать торговые меры как якобы бесспорного права епископов: «от бога так искони уставлено епископу блюсти их без порчи, ни умалить, ни умножить, за все то отдать ему отчет в день суда великого, как о душах человеческих», — читаем в одной редакции устава Владимира Святославича [2]

---

[1] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 299.
[2] «Памятники русского права», вып. 1, стр. 242.

Но уже в Новгороде XII в., наряду с епископом контроль над торговыми мерами переходит в руки купеческого объединения и сотских, как представителей ремесленников. В начале XIII столетия образцовая «капь» для взвешивания товаров хранилась в Смоленске в двух местах: одна — в соборе, другая — в католической (латинской) церкви. В случае порчи «весовой капи» или её поломки полагалось «спустить обе капи в едино место, чтобы их ровнять». По другой редакции договора Смоленска с Ригой, откуда взято это место, полагалось, проверив вес обеими капями, «право учинити» — восстановить права потерпевшего от неверного взвешивания [1].

В Новгороде для измерения тканей применялся «еваньской локоть», хранившийся в церкви Ивана Предтечи на Опоках. Один из таких локтей был найден в Новгороде. Это деревянная пластинка в 15 *см* длины и 2 *см* ширины. На ней выцарапана неоконченная надпись «святого еванос» [2]. Локоть сохранился частично: с одного края он обломан.

Взвешивание мёда, воска и прочих товаров производилось под непосредственным наблюдением «весцов», которым платилась особая пошлина. В Смоленске оплата такой пошлины полагалась при взвешивании капей с тяжёлыми товарами, при покупке золота, серебра, серебряных сосудов. В Новгороде особо различались такие меры веса и длины, как пуд медовый, гривенка рублёвая (для взвешивания серебра), скалвы вощаные, локоть еванский. Наблюдение за взвешиванием товаров возлагалось на «добрых» людей; они должны были «вывесить по правому слову» [3].

Покупка и продажа товаров на рынке также подвергались мелочному контролю со стороны княжеских приставленников — мытников, мытарей. Мытник удостоверял действительность продажи или покупки на рынке, собирал пошлину в пользу князя, обычно не забывая и себя. Не случайно слово «мытарь» было связано с представлением о «мытарствах» грешной души в загробной жизни, как о «лукавой» волоките, препятствии, мучении...

---

[1] «Русско-ливонские акты», стр. 436—437.

[2] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров,* Новгородские грамоты на бересте, стр. 48.

[3] Новгород. лет., стр. 508—509.

«Что есть мытоимьство?», — вопрошает одно древнерусское сочинение. «Грех, не имеющий стыда, трабление насильное, злее разбойничества; разбойник ведь стыдится, грабя, а этот с дерзновением грабит» [1].

7. Иванское сто и другие купеческие объединения

Средневековый город с трудом мыслится без существования купеческих и ремесленных организаций, так как развитие торговли и ремесла во времена феодальной раздробленности властно требовало от ремесленников и купцов объединения. Что касается купеческих организаций, то вопрос об их существовании разрешается бесспорно в положительную сторону, поскольку сохранился устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках. Значительно труднее обстоит дело с вопросом о ремесленных объединениях, прямых указаний на которые мы в наших источниках не имеем. Поэтому мы прежде рассмотрим купеческие корпорации.

Древнейшим купеческим объединением было Иванское сто, возникшее при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде. О нём немало говорилось в нашей исторической литературе; наиболее ценной по выводам и собранному материалу является статья А. Никитского [2].

В настоящее время нам известны две редакции «Рукописания», или уставной грамоты, данной Иванскому сту и церкви Ивана Предтечи на Опоках князем Всеволодом Мстиславичем. Первая редакция известна в списках XV в., вторая сохранилась в составе Троицкой летописи, переписанной в середине XVI в. [3]

Вторая редакция, несомненно, относится к сравнительно позднему времени и возникла не ранее XV в., а возможно и позднее — в XVI в., так как в ней мы находим указание на дары владыке и «князя великого наместником». Наместники же великого князя появляются в Новгороде только с XIV в., а правят Новгородом после его присоединения к Москве. В этой редакции отсут-

---

[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. II, вып. 1, СПБ 1895, стб. 221.

[2] *А. И. Никитский,* Очерки из жизни Великого Новгорода (ЖМНП, № 8, 1870 г.).

[3] «Дополнения к Актам историческим», т. I, стр. 2—5. См. также Новгород. лет., стр. 558—560.

ствует указание на торговый суд при церкви Ивана Предтечи на Опоках. Этот пропуск является не случайным, а указывает на время, когда торговый суд был уничтожен, вследствие чего вторая редакция должна быть отнесена к тем временам, когда Новгород потерял свою самостоятельность.

Первая редакция не имеет перечисленных особенностей и, таким образом, является более древней, хотя и она сохранилась лишь в копии XV в., притом в подновлённом виде. Поэтому один издатель устава пишет, что «грамота дошла до нас лишь в поздних списках и, бесспорно, с некоторыми переделками» [1].

Важнейшее несоответствие некоторых частей грамоты условиям начала XII в. имеется в словах: «имати с купець тая старина и в веки: с тверского гостя и с новгородского и с бежицкого и с деревского и с всего Помостья». Загадочное слово «Помостье» следует понимать как «Помьстье» (возможно, первоначально в форме Помъстье), т. е. область по реке Мсте, впадающей в озеро Ильмень. Можно сомневаться в существовании Твери в XII в., так как ещё в известиях начала XIII в. не имеем указаний на город Тверь, а только на устье реки Тверцы, где впоследствии он был основан.

В последнее время А. А. Зимин вообще поставил под подозрение подлинность устава, отнеся его составление к XIV в. При этом за более первоначальный текст он почему-то принял вторую редакцию устава, известную по Троицкой летописи. Во Введении к своему изданию устава А. А. Зимин уже прямо заявляет: ««Рукописание» составлено от имени князя Всеволода Мстиславича (XII в.), хотя по своему содержанию, несомненно, является памятником конца XIV в.» [2]. Однако это категорическое замечание подтверждено таким комментарием, который внушает очень много сомнений. Так, автор уверяет, что церковь Ивана Предтечи на Опоках полностью сгорела в 1299 г., а ныне существующая церковь поставлена в 1359 г., в связи с чем был подделан и сам устав Иванского ста. Но церковь Ивана Предтечи на Опоках

[1] «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова», подг. к печати Г. Е. Кочин, Л. — М. 1935, стр. 40.

[2] «Памятники русского права», вып. 2, сост. А. А. Зимин, М. 1953, стр. 174.

стоит и теперь, и никто не сомневается в том, что она является постройкой XII столетия.

А. А. Зимин замечает далее, что Всеволод говорит о себе «владычествующи ми всею Рускою землею», но никогда не был киевским князем. Но Всеволод сидел в Переяславле Южном, куда его посадил дядя Ярополк после смерти его отца Мстислава («приведе Всеволода Мьстиславича из Новагорода») [1]. Слова о владычестве над Русскою землёю хорошо характеризуют претензии Всеволода, который, подобно своему отцу Мстиславу, хотел «держать» Русскую землю, т. е. Киевское и Переяславское княжения.

А. А. Зимин считает анахронизмом указание на собор Спаса в Торжке, который был будто бы построен только в 1364 г. Но в летописи под этим годом идёт речь о построении каменного собора в Торжке. Раньше в нём должен был существовать деревянный собор, как во всяком значительном городе. О соборе Спаса в Торжке к тому же говорится в одном летописном отрывке под 1329 г., причём упоминается о «притворянах» св. Спаса, которые хранили у себя реликвию, принесённую из Иерусалима [2].

В таком же духе составлен и дальнейший комментарий к тексту Рукописания, изобилующий категорическими суждениями, порой стоящими в резком противоречии с историческими свидетельствами. Так, совершенно непонятно, как Петрятино дворище в комментарии А. А. Зимина связывается с католической церковью св. Петра, находившейся совершенно в стороне от церкви Ивана на Опоках, и пр.

Основная ошибка А. А. Зимина, заслуга которого заключается в том, что он впервые обратил внимание на ряд списков устава, заключается в том, что он не дал анализа Рукописания Всеволода в целом, а обратил внимание только на анахронизмы в его тексте. Но уже существование двух редакций Рукописания показывает, что текст этого документа перерабатывался, в него вносились изменения и дополнения. Такой же переработке подвергались и тексты Русской Правды, но разве это обозначает, что текст Правды был подделан в позднейшее время.

---

[1] Ипат. лет., стр. 212.

[2] *В. Миллер*, Очерки русской народной словесности, т. II, М. 1910, стр. 243.

Перенося составление устава Иванского ста в XIV столетие, А. А. Зимин не обратил внимания даже на то, что торговый суд «на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами» существовал уже в 1269 г.[1], следовательно, задолго до XIV в. и предполагаемого построения церкви в 1364 г. Не обратил А. А. Зимин внимания и на то, что текст устава стоит в ближайшей связи с уставом того же Всеволода о торговых судах, что само появление Рукописания необъяснимо в XIV столетии и прекрасно объясняется событиями начала XII в. Да и сами анахронизмы, указанные А. А. Зиминым, ещё требуют проверки, были ли они действительно анахронизмами («мордки», тверской гость и пр.) или только такими представляются по недостаточному количеству источников. Отдельные подновления устава, таким образом, не мешают нам видеть в нём подлинный документ начала XII в.

В руках Иванского ста находился так называемый Иванский вес, т. е. монопольное право вешать воск и собирать соответствующую пошлину с местных и приезжих купцов, торговавших этим товаром. Размер и значение торговли воском измеряется тем, что в числе «гостей»-вощников названы купцы полоцкие, смоленские, новоторжские и низовские, т. е. суздальские. Но компетенция Иванского ста с самого начала приняла более широкие размеры, чем собирание пошлин за взвешивание воска.

Из устава Всеволода о церковных судах можно заключить, что Иванское сто совместно с новгородским епископом держало в своём ведении «мерила торговаа, скалвы вощеныи, пуд медовой, и гривенку рублевую, и локоть еваньскый». Устав всюду говорит о совместном заведовании торговыми мерилами как владыки, так и иванских старост, что, судя по всему, являлось новшеством XII в., так как понадобилась ссылка на церковный устав Владимира: «от бога тако установлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякий год извешивати».

Во главе Иванского ста стояли старосты. В дошедших до нас списках устава церкви Ивана Предтечи на Опоках имеется неясная фраза, не дающая возможности

---

[1] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л. 1949, стр. 60 (в дальнейшем — «Грамоты Великого Новгорода»).

точно судить о количестве старост: «три старосты от житьих людей и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты». Обычно этот текст понимается в том духе, что во главе Иванского ста находились 6 старост: 3 старосты от житьих людей, тысяцкий от чёрных людей и 2 старосты от купцов. Но В. О. Ключевский, на наш взгляд, правильно понимал этот текст таким образом, что насчитывал только трёх старост, из которых тысяцкий представлял чёрных и житьих людей, а 2 старосты являлись выборными от купцов [1]. Однако такой порядок, возможно, и не был первоначальным, поскольку в уставе Всеволода о мерилах торговых упомянут только один иванский староста Васята, тогда как в том же уставе несколько выше назван без всякого определения староста Болеслав, далее же говорится о 10 сотских и старостах без указания на тысяцкого. Во всяком случае можно сделать один вывод: во главе Иванского ста стояли выборные старосты, имевшие крупное значение в новгородской политической жизни.

Иванское сто помещалось при церкви Ивана Предтечи на Опоках, мощное здание которой сохранилось до последнего времени. В дому св. Ивана запрещалось держать какие-либо предметы, кроме свечей и фимиама; подцерковье было складочным местом, а взвешивание воска производилось в притворе. Богатство купеческого объединения вощников подчёркивается устройством в церкви Ивана Предтечи вседенной, т. е. повседневной, службы, что было редким явлением в средневековом русском городе и придавало храму Ивана на Опоках значение собора. Кроме того, особо отмечался храмовой праздник рождества Ивана Предтечи (24 июня), праздновавшийся в течение трёх дней. Торжественная служба совершалась в церкви в первый день епископом, во второй — юрьевским архимандритом, в третий — игуменом Антоньева монастыря. Надо предполагать, что празднование престольного праздника сопровождалось «братчиной», т. е. большими пирами, память о которых сохранилась в народных былинах. Известно, что братчины совершались долго в поморских уездах Русского государства, где вообще хорошо сохранились в XVII в. некоторые архаические обычаи более раннего времени. Купцы-

[1] *В. О. Ключевский,* Боярская дума Древней Руси, стр. 540—541.

вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили на свой счёт часть новгородской территории, прилегавшей к двору Ивана Предтечи («тысячкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина средневекового купеческого объединения.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полътретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает невольный вопрос, куда же шли 25 (полътретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана. Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным — «пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В этом смысле интересно привести справку, основанную на работе Дорена о времени возникновения купеческих гильдий в средние века [1]. В поле внимания Дорена были города Северной Франции (С. Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кассель). В основном статуты купеческих гильдий в этих городах возникли в XI—XII вв., причём больше в последнем, чем в первом столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии: так, в С. Омере гильдейский статут возник между 1083—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 г. В немецких городах гильдейские статуты возникали значительно позже, например в Госларе только в 1200 г. Таким образом, древнерусский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких

[1] *A. Doren,* Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Leipzig 1893.

городов, а по отношению к некоторым из последних значительно раньше. Этот факт является довольно яркой иллюстрацией к мысли о том, что крупные города на Руси IX—XIII вв. не уступали своим немецким соседям в политическом и в культурном развитии, равняясь скорее не по ним, а по городам Фландрии.

Иванское сто с начала своего возникновения было типичной купеческой гильдией в том её определении, какое даёт Дорен: «Купеческие гильдии — это все те прочные товарищеские организации, в которых купцы объединяются прежде всего для охраны своих особых купеческих целей; в них цель объединения заключается в товарищеском регулировании и поощрении торговли, а не в собственно товарищеско-капиталистических оборотах и процентном участии отдельных членов в общей прибыли; единичное лицо остаётся самостоятельным купцом и ведёт, как и раньше, дела на собственный счёт» [1]. Тот же Дорен отмечает, что распространение купеческих гильдий в указанном смысле слова ограничивается только Северной Германией (Niederdeutschland), Северной Францией, Англией и Шотландией, тогда как северные, датские и норвежские гильдии являются «защитными» (Schutzgilden), без собственно специфических купеческих целей.

Иванское сто в основном было самым мощным объединением среди новгородских купцов, но уместно поставить вопрос, существовали ли какие-либо иные купеческие объединения в том же Новгороде. Летописи дают прямые указания на существование других подобных же объединений. В 1156 г. «заморские купцы» построили церковь Пятницы на торгу; вторично о создании этой церкви заморскими купцами говорится в 1207 г. [2] В сильно испорченном виде эта церковь после несколь-

[1] ««Kaufmannsgilden» sind alle diejenigen dauernden genossenschaftlichen Organisationen, in denen sich Kaufleute zunächst zum Schutze ihrer speciell kaufmännischen Zwecke zusammenfinden, in denen eine genossenschaftliche Regelung und Förderung des Handels, nicht aber ein eigentlich genossenschaftlich-kapitalistischer Betrieb und prozentualer Anteil der einzelnen Mitglieder am gemeinsamen Gewinn der Zweck der Vereinigung ist; der Einzelne bleibt als Kaufmann selbständig und betreibt nach wie vor sein Geschäft auf eigene Rechnung» (*A. Doren*, op. cit., S. 44).

[2] Новгород. лет., стр. 30, 50. Надо думать, что постройка 1156 г. была непрочной и рухнула в 1191 г. Церковь Пятницы, судя по тексту летописи, была деревянной, так как она упоминается после церквей, о которых говорится, как о деревянных («срубища»).

ких реставраций стоит до сих пор в Новгороде. В заморских купцах естественно видеть объединение новгородских купцов, ездивших и торговавших за морем, предполагать же в заморских купцах летописного известия немцев или других иноземцев совершенно невозможно, так как церковь Пятницы стоит на торгу, рядом с Николо-Дворищенским собором, поблизости от вечевой площади, иными словами, в центре административной и политической жизни Великого Новгорода.

Возможное указание на объединение купцов, торговавших с определённым городом, я видел в летописном известии 1165 г.: «Поставиша церковь святыя Троиця Шетициници» (вариант «Шетиници») [1]. Гедеонов также видел в «щетиницах» купцов, торговавших со славянским Щетином (Штетином). Но теперь эта догадка не представляется мне достаточно убедительной, так как она основана только на созвучии двух слов.

К тому же текст Синодального пергаменного списка в данном месте сильно испорчен, а варианты из других позднейших списков не позволяют исправить испорченный текст Синодального списка [2].

Новгородские купцы, торговавшие за границей, естественно, нуждались в объединениях, и, действительно, существование объединений новгородских купцов, торговавших с другими русскими княжествами и чужеземными странами, доказывается известиями о церквах, принадлежавших новгородцам в некоторых русских и иностранных городах. Подобная церковь должна была являться не столько местом для богомолья приезжавших купцов, сколько складочным местом, своего рода гостиным двором. Поэтому должность «сторожа», скромная по современным понятиям, имела столь крупное значение в Иванском сте, что упоминается в его уставе. Всеволод предлагает иванским старостам заботиться («призрати») наравне с церковным причтом о сторожах при церкви Ивана Предтечи на Опоках.

Мы вправе говорить о существовании новгородских гостиных дворов, аналогичных по назначению Готскому

---

[1] Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, СПБ 1888, стр. 146; Новгородские летописи, изд. Археографической комиссии, СПБ 1879, указатель, стр. 54 (Щитная улица).

[2] См. *М. Н. Тихомиров,* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., Госполитиздат, 1955, стр. 258—259.

и Немецкому дворам в самом Новгороде. В этом отношении ценно известие о новгородской церкви в Киеве, к тому же сохранившееся в двух редакциях. Рассказав об убийстве Игоря во время киевского восстания 1147 г., Лаврентьевская летопись говорит, что киевский тысяцкий Лазарь велел «взяти Игоря и понести его в церковь святого Михаила в новгородьскую божницю и ту положивша его в гроб, ехаста на Гору; и лежа нощь ту»[1]. В Ипатьевской летописи, после слов о распоряжении тысяцкого положить тело Игоря в церкви св. Михаила, замечено: «На ту ночь бог проявил над ним знамение велико: зажглись свечи все над ним в церкви той; наутро же шедше новгородцы поведали митрополиту»[2]. Таким образом, церковь Михаила была новгородской божницей, находящейся на Подоле поблизости от торговища. Новгородцы жили при церкви, иначе бы они не могли рассказать о знамении, случившемся ночью. Значит, мы вправе говорить о существовании новгородского двора при церкви Михаила в Киеве.

Подобные дворы существовали также в крупных иноземных центрах, с которыми торговали русские купцы. Для позднейшего времени с достоверностью можно говорить о русских дворах в Юрьеве (Дерпте) и Колывани (Ревеле). При дворах находились русские церкви, являвшиеся в то же время, со своими подцерковьями, складами для товаров. Пожалование Фридрихом II (в 1187 г.) русским купцам права беспошлинной торговли в Любеке также предполагает постоянную русскую колонию в Любеке[3]. В городе Висби на Готланде русские купцы имели двор и при нём церковь.

Заинтересованность новгородских купцов в существовании своих гостиных дворов в чужеземных городах рельефно отражена в сказании о варяжской божнице в Новгороде. По сказанию, немцы «от всех седмидесяти городов» (т. е. от Ганзейского союза) просили дать им место посреди Новгорода, где можно было бы поставить божницу. Получив отказ от новгородцев, немецкие послы подкупили посадника Добрыню, который велел немцам говорить старостам купецким и купцам: «только нашей божницы, храму святых апостол Петра и Павла не быти

[1] Лаврент. лет., стр. 302.
[2] Ипат. лет., стр. 249.
[3] *Н. Аристов*, Промышленность Древней Руси, СПБ 1866, стр. 199.

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г. [2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. I, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Также и немчичю в Риге и на Готском береге, нельзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

ляют сомнения, что речь идёт о купцах, шедших из Греции с товарами на Русь. Остаётся неясным, кого называли гречниками — русских или греческих купцов, хотя князь Мстислав называет гречников нашими («гречнику нашему») [1]; сам же термин «гречник» составлен наподобие таких слов, как мучник, хлебник, вощник, в значении торговца определённым товаром.

По подобному образцу создавались прозвища купцов, торговавших с определёнными землями за границей. В. Васильевский справедливо сравнивает термин «гречник» с «рузариями» в Регенсбурге, т. е. купцами, торговавшими с Русью [2].

К сожалению, в употреблении слова «гречники» в летописи имеются определённые разногласия. «В се же лето (1084 г.) Давыд зая грькы в Олешью и зая у них именье», — читаем в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевском, Радзивиловском и Троицком списках на месте греков находим «гречников». Так как слово «гречники» встречается в летописях гораздо реже, чем термин «греки», то вероятнее предполагать, что греки заменили собой первоначальных гречников, чем наоборот. «Гречников» находим и в Московском своде конца XV в., пользовавшимся более древним источником, чем Ипатьевская летопись [3].

К тому же русские купцы действительно торговали в Константинополе и даже имели там постоянную колонию. Так как история русской колонии в Константинополе фактически не освещена в нашей литературе, то несколько подробнее остановимся на этой теме, немало разъясняющей вопрос о характере торговли русских купцов за границей.

Первоначальным местопребыванием русских купцов, по договорам Руси с Греками, была местность у церкви св. Мамы. В Константинополе были две церкви св. Мамы: одна в городе, другая — вне городских стен, на европейском берегу Босфора. Здесь останавливалась княгиня

[1] «Се же уведавши половци, оже князи не в любви живуть, шедше в пороги начаша пакостити гречником; и посла Ростислав Володиславa Ляха с вои, и възведоша гречникы» (Ипат. лет., стр. 360; см. там же, стр. 361, 370).

[2] «Обращает на себя внимание слово «рузарии» — оно употребляется в качестве термина, напоминая гречников русской летописи» (*В. Васильевский*, Древняя торговля Киева с Регенсбургом, ЖМНП, 1888 г., июль, стр. 145).

[3] ПСРЛ, т. I, СПБ 1846, стр. 88; т. XXV, стр. 13.

Ольга, когда прибыла в Царьград и осталась недовольной долгим стоянием вне города [1].

Отсутствие упоминаний о церкви св. Мамы у русских паломников, возможно, объясняется тем, что они останавливались в самом городе. Сама резиденция русских в Константинополе переместилась из неукреплённых окрестностей внутрь города в XI—XIII вв. Когда произошла эта перемена, точно неизвестно, но что она произошла, в этом нет никаких сомнений. Вероятно, перемещение русской колонии было связано с крещением Руси и договором Владимира с византийскими императорами, когда из враждебного народа русские сделались союзниками Византии.

О местоположении русского квартала в Константинополе можно судить по рассказу новгородского архиепископа Антония, посетившего византийскую столицу около 1200 г., несколько ранее или позже, во всяком случае до взятия города крестоносцами. В списке Антониева хождения, изданном Савваитовым, читаем: «а оттоле на уболе святаго Георгия святый Леонтей поп *русин лежит в теле, велик человек; той бо Леонтий 3-жды* во Иерусалим пешь ходил... Конец же Рускаго убола церковь 40 мученик» [2]. В другом списке после слов о церкви святого Платона добавлено: «и ту мощи его, и святый Иоанн Милостивый, и Борис ту в теле лежит».

Слово «убол» является испорченным греческим embolos. Антоний не случайно оставил это слово без перевода, так как «убол» обозначал не просто русскую улицу, а особый тип городской улицы в Константинополе. Исследователь левантской торговли Гейд следующим образом характеризует византийские кварталы: «В Константинополе византийского времени многие улицы, особенно в наиболее оживлённых частях города, были снабжены аркадами, так что по обеим их сторонам прохожие имели кров *для защиты от дождя и солнечных лучей*. Непосредственно к аркадам примыкали дома. Такие улицы с аркадами назывались емболос. Так как они особенно

[1] «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. III, вып. 1—2, София 1909, стр. 261—316.

[2] *П. Савваитов,* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия, СПБ 1872, стр. 152—154; поправка по списку А. И. Яцимирского («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. IV, кн. 1, СПБ 1899, стр. 223—264).

годились для торговых помещений, то императоры имели обыкновение отдавать подобный емболос или даже пару их торговой нации, так что лавки и дома купцов частью примыкали к ним непосредственно, частью вокруг них группировались. Весь квартал получал от этого также имя embolos, лат. embolum, если даже он обладал большой группой домов» [1].

Таким образом, название «Русский убол» у Антония обозначает не просто русскую колонию, жившую на определённой улице, но целый квартал, населённый русскими купцами. Русский квартал был расположен в районе церкви Георгия, почитание которого было распространено на Руси. Упоминание о двух местночтимых гробах, т. е. о Леонтии и Борисе, показывает, что русские осели в Константинополе прочно и стали обзаводиться своими святыми. О Леонтии известно, что он был русским. Борис — имя русское и болгарское. Возможно, что Борис, лежавший «в теле», т. е. мощи которого считались целыми, был даже не русским, а болгарином. В Константинополе жил в X в. низверженный болгарский царь Борис II, которого могли почитать славяне. Антоний, во всяком случае, знал, о каком Борисе идёт речь, и оставил текст без пояснений.

Савваитов приводит ещё несколько топографических названий Константинополя, связанных с русскими. Так, Золотые ворота назывались Русскими. Не с этими ли воротами связана легенда об Олеге, который прибил щит к вратам Царьграда. Русским назывался также восточный поворот для колесниц на ипподроме [2].

Никаких подробностей о жизни «Русского убола» в Константинополе не имеем, но организованный характер этого «убола» остаётся вне сомнений, и вместе с тем большую вероятность принимает предположение о существовании в Киеве корпорации купцов-гречников, торговавших с Византией.

Существование купеческих организаций в других городах, кроме Киева и Новгорода, прослеживается с бо́льшим трудом. Намёком на купеческое объединение в Полоцке можно считать известие о братчине («брать-

[1] *W. Heyd,* Geschichte des Levantenhandels im Mittelalter, erster Band, Stuttgart 1879.

[2] *П. Савваитов,* Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград, стр. 154—155, примеч. 205.

щина»), собиравшейся у старой церкви Богородицы в Полоцке на Петров день. Братчина в Полоцке упоминается под 1159 г., притом с такими подробностями, которые позволяют сделать некоторые выводы об её характере. Полоцкий князь Ростислав был приглашён полочанами на «братьщину к святой Богородици к старой, на Петров день». Получив предупреждение о готовившемся против него заговоре, Ростислав поехал на братчину в броне под верхней одеждой, и поэтому на него не посмели напасть.

Из этого рассказа становится ясным, что братчина в Полоцке собиралась при определённой патрональной церкви — в данном случае «у старой Богородицы», вероятно при старом городском соборе. Временем собрания братчины был выбран Петров день (28 июня), как один из больших церковных праздников. Братчина не была обыкновенным пиром. Это видно из обращения полочан к князю и его ответа на другой день после братчины: «Князь, поезжай к нам, есть у нас к тебе речи»... И сказал Ростислав послам: «А вчера я у вас был, так почему вы не сказали мне, что у вас были за речи?» [1] Следовательно, на братчине присутствовали видные представители Полоцка, с которыми князь мог вести переговоры. Торговое значение Полоцка, его связи с Прибалтикой делают вероятным существование в этом городе своего купеческого объединения, подобного Иванскому сту в Новгороде.

О существовании купеческих корпораций в других городах ничего неизвестно. Впрочем, отсутствие указаний на купеческие объединения в других городах ровно ничего не значит. Ведь скудость летописных известий о городской жизни в XII—XIII вв. общеизвестна. Во всяком случае, наличие Иванского ста является бесспорным доказательством существования в Киевской Руси купеческих объединений.

8. Ремесленные объединения

Обратимся теперь к вопросу о ремесленных организациях. Скажем заранее, что в этом вопросе мы будем исходить не из общих положений, а из чисто конкретных данных, как единственно убедительных доказательств для разрешения вопроса в ту или иную сторону.

[1] Ипат. лет., стр. 340.

С первого взгляда наши источники не дают никаких указаний на существование ремесленных корпораций в русских городах IX—XIII вв., хотя теоретически надо предполагать их существование, ибо цехи или другие ремесленные объединения отмечены в Армении, Грузии, Византийской империи и в Средней Азии. Были ли подобные объединения в Древней Руси или последняя являлась своего рода островом, окружённым городами Западной Европы, Византийской империи, Кавказа и Средней Азии, — вот тот вопрос, который стоит перед нами.

Конечно, ставить вопрос о существовании в Киевской Руси развитых цехов с уставами и законченной системой взаимоотношений между мастерами, подмастерьями и учениками едва ли возможно, тем более что подобные цехи характерны для позднего ремесла, но о зачатках ремесленных объединений в крупных городах Киевской Руси можно думать с большим основанием. При этом нас не должно смущать отсутствие прямых указаний в источниках на подобные объединения. Сведения, полученные нами из летописей и других памятников, настолько отрывочны и неполны, что только счастливый случай сохранил нам устав церкви Ивана Предтечи на Опоках. Нетрудно представить, как многие историки стали бы решительно отрицать существование в Новгороде какого-либо купеческого объединения, если бы о нём не свидетельствовал текст устава.

Конечно, купеческие организации зародились раньше ремесленных и получили более мощное развитие, но возникновение тех и других не зависело от случайных причин, а коренилось в самой структуре феодального общества.

По этому вопросу имеем решительное высказывание Маркса и Энгельса: «В городах, которые средневековье не получило в готовом виде из прошлой истории, а которые заново были образованы освободившимися крепостными, — в этих городах единственной собственностью каждого индивида, если не считать принесённого им с собой небольшого капитала, который весь почти заключался в самых необходимых ремесленных инструментах, был особый вид труда данного индивида. Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных; непрерывная война деревни против города, а следовательно, и необходимость организации городской военной силы;

узы общей собственности на определённую специальность; необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремёсел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи». Таким образом, Маркс и Энгельс указывают ряд общих причин возникновения средневековых ремесленных организаций, связывая их с феодальной структурой всей страны. Они отмечают, что «феодальной структуре землевладения соответствовала в *городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла»[1]. Как видим, феодальная организация ремесла в городе вытекает из природы феодализма. Город без этого является каким-то иным, не феодальным городом.

Вопрос о существовании ремесленных организаций на Руси рассматривался уже в нашей исторической литературе. Так, в 1945 г. этому была посвящена моя статья[2], в 1948 г. вышла книга Б. А. Рыбакова о ремесле в Древней Руси, где организациям городских ремесленников в XIV—XV вв. отведена особая глава.

Ясные черты ремесленных объединений проступают, действительно, в источниках XIV—XV вв., но зачатки их можно и должно отнести к более раннему времени, к XI—XIII вв. Доказательству этого положения и отведён данный раздел моей книги.

Одной из предпосылок к возникновению ремесленных объединений была концентрация ремесленников в определённых городских кварталах, получавших соответственные прозвания. Действительно, урочища «Гончары», «Кожемяки» и «Кузнецы» встречаем в ряде древнерусских городов. Гончарский конец составлял значительную часть Новгорода и получил своё название, несомненно, от постоянных поселений гончаров. Подобное же урочище существовало в Киеве и было расположено под горой, в районе Подола. Во Владимире известно старинное урочище Ременники, находившееся за пределами городского

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, издание второе, стр. 50—51, 23.
[2] *М. Н. Тихомиров*, О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси («Вопросы истории» № 1, 1945 г., стр. 22—23).

вала при подошве так называемой Студёной горы. Большая часть Торговой стороны в Новгороде называлась «в Плотниках», откуда позже получилось название Плотницкого конца. В Новгороде известны были также щитники и Щитная улица.

Мастера одной специальности жили и работали в определённых местах. Каменная доска для престола собора Печерского монастыря была прислана неизвестным жертвователем, которого монахи искали, «иде же делаются таковые вещи» [1].

Кое-какие выводы относительно концентрации ремесленников в одном или нескольких соседних кварталах позволяют сделать наблюдения над поклонными крестами в Новгороде. Известен Гильдесгеймский крест XII—XIII вв. Он представляет собой складень из двух створок, предназначенный для ношения на груди. На передней доске складня вырезано распятие с предстоящими и 4 ангелами, на задней — изображения святых. Складень был предназначен для мощей. В. Мясников, изучавший Гильдесгеймский крест, пришёл к выводу, что он относится к XII в. и принадлежал некоему Илье Новгородцу, может быть архиепископу Илье. Особый интерес имеет следующая надпись, вырезанная по ободку верхней и нижней створки креста: «господи помози рабу своему Или(и) стяжавшему к(рест) сий в сий век и в будущий ее(же) частьне непрестанне людго(щ)анам помощьниче всем хрьстьянам, аминь».

Мясников сопоставляет людгощан креста с жителями Людгощей улицы в Новгороде, а Гильдесгеймский крест — с известным Людгощинским крестом 1359 г. в Новгороде, на котором читаем: «помози поставившимь крест си людгощичам и мне написавшему» [2].

Упоминание людгощан в двух крестах разновременного происхождения имеет свой интерес для истории. В Новгороде и Новгородской области были распространены каменные и деревянные поклонные кресты с изображениями. Двойное указание на людгощан, возможно, ведёт нас к тому месту, где делались кресты, причём кресты художественной работы, т. е. к Людгощей улице.

---

[1] «Печерский патерик», стр. 10.

[2] *В. Мясников*, «Иерусалимский крест» в ризнице собора в Гильдесгейме («Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. XII, Пгр. 1918, стр. 7—22).

Здесь людгощане выступают перед нами как объединение уличан и ремесленников.

Концентрация ремесленников в отдельных городских кварталах объясняет нам то большое значение, какое в XI—XIII вв. в городской жизни имели «сотни». Обычно в сотнях видят военно-административную единицу, возникшую уже в княжеские времена; так, вопросу о времени возникновения сотен и их значению немало места отведено в исследованиях Б. Д. Грекова и А. Е. Преснякова. К сожалению, сведения о сотнях противоречивы, случайны и с некоторой полнотой о них можно судить только на основании новгородских известий. Рассмотрим последовательно те новгородские известия, которые более или менее дают материал для суждения о сотнях.

Сотни прежде всего перечислены в так называемом уставе Ярослава о мостах — документе, по всей видимости, XIII в.

Устав сохранился в двух редакциях, впрочем с небольшими отличиями между ними [1], и представляет собой распределение мостовой повинности в Новгороде и его окрестностях. Д. Дубенский в подробном комментарии показал полное соответствие устава топографии Новгорода. В нём вначале упоминаются концы и улицы Софийской стороны, далее указывается та доля, которая лежала на епископе («а владыце сквозе городнаа ворота с изгои, и с другыми изгои до Острой городне»), после чего следует перечисление 19 сотен. Вторая половина устава даёт распределение повинностей на Торговой стороне, в том числе названы: тысяцкий, вощники, посадник, князь, «Немцы» и «Готы» (Немецкий и Готский дворы), а также отдельные улицы.

Первые сотни получили в уставе свои названия от имён сотских: Давыжа ста, Слепцова, Быкова (или Бавыкова), Олексина, Ратиборова, Кондратова, Романова, Сидорова, Гаврилова. 10-я и 11-я сотни названы княжими, а остальные 8 получили прозвания от местностей (Ржевская, Бежицкая, Вотская, Обонежская, Луцкая, Лопская, Поволховская или Волховская, Яжолбицкая).

---

[1] Одна редакция помещена в сборнике XIV в. (см. «Русские достопамятности», ч. 2, стр. 291—293, с подробным комментарием Д. Дубенского, стр. 294—312). Другая редакция сохранилась в сборнике середины XV в. (Новгород. лет., стр. 507—508).

Перечисление сотен является явно позднейшей вставкой в устав о мостах, который читается таким образом: «А владыце сквозе городнаа ворота с изгои и с другыми изгои до Острой городне: 1-я Давыжья ста... 19 Яжолвичскаа двои рили, до софьян, софьяном до тысячьского». Первоначальный же текст должен был читаться: «А владыце сквозе городнаа ворота с изгои и с другыми изгои до Острой городне... до софьян, софьяном до тысячьского»[1]. Иными словами, владыка вместе с изгоями должен был устраивать уличные мосты до софиян, а последние мостили до тысяцкого, что соответствует действительности, потому что владыка жил в Детинце внутри городской крепости, а софияне, хотя и подчинённые владыке, жили за Детинцем, в так называемом «околотке», тысяцкий ведал мостами по другой стороне Волхова, о которой идёт речь далее в уставе («тысячьскому до вощьник», т. е. до Иванского ста).

Замечательно, что рядом с перечислением сотен, подведомственная территория которых совершенно не ясна по уставу, говорится о михайловцах, ильинцах и витьковцах, т. е. об уличанах Михайловской, Ильинской и Витьковской улиц. Перед нами очень пёстрый документ, в котором смешивается территориальный признак с признаком административным.

При этом непонятно, какая, собственно, часть города замащивалась перечисленными сотнями. Судя по тексту, сотни должны были строить Великий мост через Волхов. Возникает и другой вопрос: почему первые девять сотен названы по личным именам, а 12—19-я сотни — по географическим названиям? Кажется, это можно объяснить тем, что первые сотни были городскими, а вторые областными единицами, привлечёнными позже к строительству Великого моста через Волхов.

В уставе о мостах сотни выступают перед нами как определённые организации, но эти организации в отличие от концов и улиц, тут же упомянутых, не приурочены к определённой территории. Это подчёркивается даже их наименованиями по личным именам, вероятно — старост. Только две сотни именуются «княжими». Естественно предполагать, что сотни устава — это какие-то организации, связанные с торговлей или ремеслом.

---

[1] Новгород. лет., стр. 507—508.

К таким же выводам приводит упоминание о сотских в уставе Всеволода «о церковных судах и о людях и о мерилах торговых». Само название этого устава, упоминающее о «людях», под которыми так часто понимается городское население, очень показательно.

В уставе читаем: «съзвал есмь 10 сочких и старосту Болеслава, и бириця Мирошку, и старосту Иваньского Васяту, и погадал есмь с владыкою и с своею княгынею и с своими боляры, и с десятью сочьскыми и с старостами». Всеволод даёт «св. Софии и епископу и старосте Иваньскому и всему Новугороду мерила торговаа». Из дальнейшего текста оказывается, что торговые старосты и сотские имеют разную компетенцию — «а дом святей Софии владыкам строити с сочьскыми, а старостам и торговьцам докладываа владыкы или кто будеть нашего рода князей Новагорода строить дом святого Ивана». Здесь явно различаются два центра хозяйственной жизни Новгорода. Один группируется вокруг св. Софии, которую «строят» владыка с сотскими, другой — вокруг дома св. Ивана (на Опоках), где действуют с доклада архиепископу старосты и торговцы. Но мерила торговые касаются не только торговцев: отношение к ним имеют и сотские, повидимому, то отношение, что они являются представителями ремесленников. Поэтому штраф за искажение торговых мерил делится на три части: одна идёт св. Софии, т. е. епископу, вторая — св. Ивану, третья — сотским и Новгороду [1]. Следовательно, сотские имели свою организацию и считались представителями Новгорода.

Устав свидетельствует о строгом присмотре за рынком и средствами обмена, в котором принимают участие сотские как представители ремесленного населения. При таком понимании новгородских сотен мы найдём объяснение, почему в уставе о мостах первые сотни обозначались именами старост. Это и было первоначальным ремесленным объединением, без которого нельзя понять структуры городского рынка с его строгими и устойчивыми местами торговли для отдельных видов товаров, поставляемых на рынок ремесленниками. Видеть же в сотнях Великого Новгорода территориальные организации совершенно невозможно, так как они упоминаются рядом с концами и улицами. «А от конца или от улицы и от ста

[1] Новгород. лет., стр. 485—488.

и от ряду итти ятцом двема человеком, а иным на пособье не итти к суду ни к росказу», — говорится в Новгородской судной грамоте [1]. По договору Новгорода с великими князьями купец идёт в сто, а смерд в погост: «кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнеть в свой погост». Летописец, рассказывая о новгородском восстании 1230 г., упоминает, что имущество разграбленных бояр разделили *по сотням* («по стам разделиша»).

Выше мы видели, что кроме сотни в конце XV в. в Новгороде упоминаются ряды. Слово «ряд» в XVI в. обозначало торговый ряд, отсюда мнение, что словом «рядович» в Новгороде обозначался купец. Но известно, что средневековые лавки были очень далеки от настоящих торговых предприятий. В средневековое время торговля обычно соединялась с ремеслом, поэтому организация рядовичей была в то же время и организацией ремесленников. Слово «рядьник» обозначает в древнерусских памятниках простолюдина. Такую же картину наблюдаем в Малой Азии: «У каждого цеха был свой «ряд»; здесь они (ремесленники — *М. Т.*) работали и здесь же продавали изделия» [2].

Приведённое выше понимание сотен как объединений ремесленников позволяет по-новому поставить некоторые вопросы внутренней истории Новгорода. Известно, что ремесленники средневековой Германии принимали участие в войнах и защите городов. По словам исследователя истории немецких городов в средние века Г. Белова, там, «где патрициям удавалось утвердить своё господство, там военное ополчение делилось применительно к топографическим группам, к городским кварталам. Где одержали верх цехи, там они свои корпорации превращали в военные отряды; если цеховая организация была не вполне проведена, то оба деления уживались вместе» [3]. Аристократический характер правления в Великом Новгороде и в Пскове объясняет нам существование здесь военных организаций по кварталам, т. е. по концам и улицам, одновременно с сотнями.

[1] «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук», т. I, СПБ 1836, стр. 72, № 92.

[2] *Вл. Гордлевский*, Государство Сельджуков в Малой Азии, М. — Л. 1941, стр. 104.

[3] *Г. Белов*, Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, стр. 77.

Существование некоторых производств в средневековое время было почти немыслимым без наличия объединений. Только некоторая сплочённость в отстаивании своих интересов могла, например, обеспечить ремесло строителей каменных и деревянных зданий, укреплений и др.

В Несторовом «Чтении о Борисе и Глебе», сочинении XI или начала XII в., рассказывается о построении деревянной церкви в Вышгороде при князе Изяславе (1054—1078 гг.). Изяслав, призвав «старейшину древоделям», повелел ему соорудить церковь. Старейшина же собрал всех находившихся под его подчинением («вся сущая под ним древоделя») и в короткое время поставил церковь. На украшение церкви Изяслав дал часть княжеской дани: «даю им от дани княжи украсить церковь» [1]. Выражение «даю им» показывает независимое положение древоделей и их старейшины от князя. Это корпорация с выборным старшиной, берущая подряды на строительство и украшение церквей. Случайно собравшиеся люди не могли построить обширные киевские, черниговские, новгородские, владимирские и другие храмы. Надо было обладать не только профессиональным уменьем (например, в резьбе по дереву), но и элементами средневекового образования, чтобы покрывать стены Дмитриевского собора во Владимире и подобных ему церквей композициями, притом не церковного, а светского характера. Поэтому названием «древодел», как мы видели раньше, переводили греческое и латинское слово «архитектор».

В том же Вышгороде существовало объединение городников («огородников»). Выше уже говорилось, что «огородня» соответствовала «городни», т. е. части городской деревянной стены, от слова «городить» — окружить забором или стеною.

Дружины или артели плотников и городников, как мы видим, представляли собой объединения во главе со старостами.

Было бы недопустимой модернизацией, если бы мы думали, что объединения ремесленников в XII—XIII вв. напоминали по своему строению позднейшие артели капиталистического времени. Дружины имели крупное обще-

[1] *Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 21.

ственно-политическое значение. На прочность объединения вышгородских городников и на политическое его значение указывает то обстоятельство, что их староста Ждан Микула, повидимому, был участником съезда Ярославичей в Вышгороде в 1072 г., когда вырабатывалась Правда Ярославичей. Местонахождение плотников и городников в княжеской резиденции (Вышгороде) представляется также явлением не случайным. Объединения плотников и городников работали по крупным, преимущественно княжеским заказам. Деревянное и каменное строительство было сильно развито в XI—XIII вв., строители достигли высокого мастерства. Современники с похвалой отзываются о дубовой церкви Софии Новгородской, имевшей 13 верхов; о деревянном соборе в Ростове современники говорят как о церкви, какой не было раньше и никогда впредь не будет. Создание подобных построек требовало больших затрат, художественного вкуса и мастерства. Поэтому в первое время объединения строителей должны были находиться под особым княжеским покровительством.

Действительно, историки западноевропейских цехов указывают, что возникновение цеховых объединений было теснейшим образом связано с пожалованиями цеховых привилегий императором, князьями и другими феодальными владетелями. Отметим здесь же, что городское дело, т. е. постройка городских укреплений, находилось под непосредственным княжеским надзором, о чём свидетельствует завещание Владимира Васильковича. На первых порах мы и встречаемся с объединениями в городах, подобных Вышгороду, где жили ремесленники, работавшие по княжеским заказам и в недавнее время ещё стоявшие в зависимости от князя.

Наряду с плотниками и городниками такие же объединения должны были существовать среди каменщиков. Недаром владимирцев в конце XII в. дразнили словом «каменьщики», как за полтора века до этого новгородцев называли плотниками. Дружины каменщиков с самого начала должны были находиться под княжеским покровительством, ибо постройка каменных зданий, преимущественно церквей, была делом дорогостоящим и в первое время производилась почти исключительно на княжеские средства. Действительно, знаки на кирпичах церквей, построенных в Киеве, Чернигове, Остерском городце, в Смо-

ленске (Смядынь), во Владимире-на-Клязьме и в Боголюбове, восходят к родовым знакам Рюриковичей, как это блестяще доказал Б. А. Рыбаков. По его словам, кирпичи для церквей «изготовлялись, вероятно, княжескими холопами, метившими их княжеским знаком».

Надо предполагать и существование дружин каменщиков, строивших в таких городах, как Новгород, по заказу частных лиц, подобных Антонию, на средства которого был воздвигнут в Новгороде величественный храм в его монастыре в XII в. Ремесленники Киевской Руси проделали тот же путь, что и ремесленники Западной Европы, — от зависимого человека к свободному ремесленнику.

Нельзя, конечно, представлять себе, что ремесленные объединения в Киевской Руси развились в прочные корпорации. Путь развития русских ремесленных объединений был чересчур коротким, поскольку монгольское нашествие нанесло нашим городам разрушительные потери. Тем не менее зачатки ремесленных объединений существовали в древнерусских городах. «Цеховой строй, — как справедливо пишут авторы учебника политической экономии, — существовал в эпоху феодализма почти во всех странах» [1]. К тем странам, где он существовал, следует причислить и Русь.

---

[1] «Политическая экономия», М. 1955, стр. 49.

ГЛАВА 3

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

1. Численность и состав городского населения

Численность населения в древнерусских городах фактически почти не поддаётся учёту, и по этому вопросу можно сделать только кое-какие приблизительные выкладки. Прежде всего очень ценны указания летописи на численность войска, выставленного тем или другим городом. Ярослав Мудрый в 1016 г. обманом перебил новгородцев: «собра вои славны тысящу, и, обольстив их, исече»[1]. Неизвестно, что надо понимать под словами «вои славны тысящу», не идёт ли речь о собирательном термине «тысяча», как об единице новгородского войска. Однако последнее толкование мало достоверно, так как слово «славны» относится к воинам («собрал воинов славных, тысячу»). Поэтому под тысячей легче понимать количество (1000 воинов). Новгородцы были далеко не все перебиты; Ярослав собрал на вече «избыток» новгородцев. В походе Ярослава на Киев приняло участие 4000 воинов; из них 3000 новгородцев и 1000 варягов.

Другое свидетельство о размерах новгородского войска относится к 1215 г. Под Торжком захвачены были «вси мужи и гостебници... а бяше всех новгородець боле 2000». После этого в Новгороде осталось мало воинов. Далее оказывается, что князь Мстислав, стоявший во главе новгородского ополчения, вёл с собою всего 500 человек, да и то с псковской помощью. Летописец противо-

[1] Новгород. лет., стр. 174.

полагает 500 новгородцев 10 тысячам суздальцев, говоря о новгородцах — «толико бо всех вои бяшеть» (столько ведь было всех воинов) [1].

Оба примера показательны. В 1016 г. основные силы новгородцев не превышали несколько тысяч воинов (славная тысяча и «избыток»), через 200 лет ядро новгородского войска равнялось примерно 2 тыс. воинов, с прибавлением одной или двух тысяч, т. е. достигало 3—5 тыс. человек. Следовательно, общее население Новгорода в начале XI в. надо измерять приблизительно в 10—15 тыс., в начале XIII в. — в 20—30 тыс. человек. Думается, что эти цифры довольно правильно лимитируют количество населения в Новгороде. К таким же выводам приходим при изучении других известий. В большой пожар 1211 г. в Новгороде сгорело 4300 дворов, а во время голода 1231 г. было похоронено 3030 трупов [2]. Пожар был «великим», но охватил не весь город. 3 тыс. трупов были положены в одной яме, но были ещё 2 «скудельницы». Каждая из них была полна трупами.

Размеры городской территории Новгорода росли также постепенно. В начале XI в. основное население Новгорода сосредоточивалось в Кремле и в непосредственной близости от него; в начале XIII в. были заселены 5 концов города, но горожане ещё не занимали всю территорию, окружённую впоследствии валами.

В XII—XIII столетиях Киев был, несомненно, обширнее Новгорода. В этом убеждают размеры его площади («Горы», «Подола» и других предместий). Прямые указания на большое скопление населения в Киеве имеются в свидетельстве Титмара Мерзебургского, а также в летописном известии о сгоревших киевских церквах, которые исчислены летописцем в количестве 600. Однако приведённые выше цифры говорят скорее о том впечатлении, какое Киев производил на иностранцев, чем о количестве его населения. Более показателен рассказ Повести временных лет о жертвах эпидемии в Киеве в 1092 г.: «В эти же времена многие человеки умирали различными недугами, как говорили продающии корсты (гробы): мы продали корсты от Филипова дня до мясопуста 7 тысяч» [3].

---

[1] Новгород. лет., стр. 53—55.
[2] Там же, стр. 52, 70.
[3] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 141.

Таким образом, в течение нескольких зимних месяцев (примерно с середины ноября до конца февраля) было распродано 7 тыс. гробов. Однако нет никаких указаний на особое опустение города.

Во время сборов в поход против половцев Святополк имел 700 дружинников («имею отрок своих 700») [1], хотя знающие люди считали, что недостаточно будет даже 8 тыс. воинов.

Цифру в 8 тыс. воинов, ходивших против печенегов с князем Борисом, как раз отмечает чтение Нестора о Борисе и Глебе, причём в такой форме, которая подчёркивает её значительность: «было их до 8 тысяч, все же вооружены» («бе бо их акы до 8 тысящь, вси же во оружии») [2]. Последняя цифра показательна для Киева с его густым населением, где одна дружина князя насчитывала несколько сот человек. Таким образом, предположительно можно думать, что население в Киеве в период его расцвета считалось десятками тысяч; для средневековья это был город-гигант. Таким он и представляется в иностранных свидетельствах.

Из больших городов можно отметить также Чернигов, оба Владимира, Галич, Полоцк, Смоленск. Эти города почти не уступали Новгороду по количеству населения. К ним до известной степени примыкали по размерам Ростов, Суздаль, Рязань, Витебск, Переяславль Русский.

О количестве населения во Владимире-на-Клязьме отчасти можно судить по известию летописи об отсутствии владимирцев в городе в 1175 г., когда они «с полторы тысяче» пошли на войну. Полторы тысячи составляли только часть владимирцев, способных носить оружие. Остальные горожане 7 недель отбивали приступы врагов [3].

Численность населения других городов редко превышала 1000 человек, что доказывается небольшими площадями, которые занимали их кремли, или детинцы. В краеведческой литературе, впрочем, нередко встречаются указания на процветание того или иного города в прошлом, обычно основанные на устных преданиях. Чаще всего это бывает отражением действительного зна-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 143.
[2] *Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 10.
[3] Лаврент. лет., стр. 354.

чения города в прошлом. Авторы только забывают, что, например, Путивль или Новгород Северский XI—XIII вв. по своей площади уступали Путивлю и Новгороду Северскому нашего времени, хотя по относительному значению стояли гораздо выше. Они являлись тогда стольными городами, а не районными центрами нашего времени. Развитие производительных сил достигло такого уровня, что современный районный центр оказывается богаче и обширнее стольного города княжеских времён.

Наши наблюдения над численностью жителей в русских городах очень отрывочны, но в целом они совпадают с представлениями о количестве населения в средневековых городах Западной Европы.

Что касается состава городского населения, то в нём значительную роль играли феодальные элементы: князья, дружинники и бояре, связанные как с городом, так и с земельными владениями. Появление городского патрициата имело важное значение для истории русских городов, что будет нами рассмотрено в дальнейшем. Однако наше внимание привлекают в первую очередь «горожане», в основном ремесленники и купцы, с которых мы и начнём изучение городского населения.

2. Ремесленники как основное городское население

Ремесленники и люди, связанные с различными промыслами и подённой работой, составляли основное население древнерусских городов. Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Об участии в городском ремесле и торговле княжеских и боярских холопов известно из Русской Правды, но юридически несвободные ремесленники (холопы) составляли особую категорию городских жителей и, возможно, населяли особые городские слободки. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы, и это вызывало бесконечные споры феодальных владетелей с городами, так как зависимые ремесленники конкурировали на рынке со свободным городским населением [1].

---

[1] *Г. Белов,* Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, стр. 199.

Для обозначения людей, занятых ремеслом, в Древней Руси употреблялись названия: «ремесленники», «рукодельные люди». Однако упоминания эти сравнительно редки, так как древнерусские писатели чаще обозначали городское население общими выражениями: людье, чадь, иногда — простая чадь. Ремесленники входили в число «людей», «чади» наравне с остальным городским населением, которое, таким образом, мало дифференцировалось летописцами.

Тем не менее ведущее значение ремесла как занятия городских жителей нашло отражение в некоторых древнерусских памятниках. Новгородский архиепископ Илья обращается к подчинённому духовенству со словами: «сами ведь знаете, если который человек ремесло знает, а его не делает, может ли он обогатиться» [1]. В этом случае богатство непосредственно связывается с ремеслом.

В «Наказаньи» (наставлении), приписываемом Кириллу Туровскому, «ремесло» ставится наравне со службой князю. «Не говорите: жену имею и детей кормлю и дом устраиваю или князю служу, или власть держу, или ремесло, так поэтому не наше дело чтение книжное, но чернеческое» [2], — заявляет проповедник, давая таким образом ремеслу видное место, а ремесленников вводя в круг людей, читающих книги.

Жилища ремесленников обычно были и мастерскими. Крайне любопытный и разнообразный материал в этом отношении дали археологические изыскания в древнерусских городах, в особенности показательны раскопки А. В. Арциховского в Новгороде. Район Славна (в том числе Ильиной улицы) в Новгороде был сосредоточием сапожных мастерских ещё в XVI в. Здесь и найдена была изба сапожника XII в. Длина избы — с севера на юг — 5,6 *м;* ширина — с запада на восток — 5,3 *м.* Общая площадь избы, таким образом, равнялась 30 *м.* Следовательно, это было относительно небольшое помещение. Внутри избы сохранились остатки 11 столбов для печи и скамей. На брёвнах сруба в одном месте оказалась железная дверная накидка и железный дверной крючок. «В избе и вокруг неё встречены, в количестве нескольких

---

[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. III, вып. 1, стр. 115.

[2] «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II, стр. 70 (текст приводится в переводе на современный язык).

тысяч, обрывки кожи и кожаной вырезки, в том числе имеются целые вырезки, заготовки, подошвы, ремни и т. д. В избе, очевидно, жил сапожник», — заключает А. В. Арциховский.

Замечательной особенностью избы сапожника является имеющийся в ней зольник для удаления волоса со шкур. Это указывает на то, что сапожник был одновременно кожевником — «усмошвецом», как сказали бы древнерусские сочинения. К избе сапожника примыкал частокол, огораживающий двор. На дворе стоял хлев (на его месте найден толстый слой навоза). Таким образом, домашний скот служил подспорьем для сапожника-кожевника XII в. [1]

А. В. Арциховский не ставит вопроса, по какой причине изба сапожника с целыми вырезками и заготовками кожи оказалась заброшенной. Ведь следов пожара обнаружено не было, а сапожник всё-таки исчез, панически бросив даже заготовленные предметы. Объяснить это, кажется, можно известием Новгородской летописи о страшной эпидемии 1158 г., когда в Новгороде был «мор» среди людей и рогатого скота, повидимому — сибирская язва [2]. Сапожник-кожевник вместе со своей семьёй пали жертвами эпидемии, а изба осталась пустой и заброшенной.

Иную картину жилища древнерусского ремесленника дали раскопки М. К. Каргера в Киеве. Поблизости от Михайловского златоверхого монастыря, стоявшего на «Горе», были найдены жилища полуземляночного типа. Одно из них (землянка III) представляло собой небольшое помещение, размеры которого установить, впрочем, трудно. Длина его северной стены равнялась 3,4 *м*. Если считать, что землянка была квадратной, то общие её размеры (3,4 × 3,4) достигали 11—12 *кв. м*. Близкую к ней площадь имеет и землянка VII (2,9 × 2,45, т. е. несколько более 7 *кв. м*). «Значительное количество медных обрезков, заготовок и готовых изделий, найденных в землянке VII, несомненно, позволяют видеть в ней мастерскую по обработке меди. Однако обильные находки керамики, зерна, муки, жерновов, стеклянной посуды и прочих хозяйственных предметов дают основание считать землянку не только мастерской, но и жилищем».

---

[1] *А. В. Арциховский,* Раскопки на Славне в Новгороде («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 126, 128).

[2] Новгород. лет., стр. 30.

Особенно интересный археологический материал дала землянка VIII, в которой жил ремесленник-художник. Но и эта землянка, несмотря на найденный в ней художественный материал, отличалась такой же теснотой, как и предыдущие. Это позволило М. К. Каргеру сделать такой печальный вывод: «Судя по материалам, полученным из раскопок 1938 г., основным типом массового городского жилища даже в самом крупном городском центре Киевской земли вплоть до XII—XIII вв. продолжала оставаться глинобитная постройка полуземляночного типа»[1].

Этот вывод неутомимого исследователя киевских древностей сделался своего рода археологическим каноном. Так, когда В. А. Богусевич подверг сомнению существование «полуземлянок как основного типа жилищ ремесленного люда», редакционная коллегия «Кратких сообщений» Института истории материальной культуры АН СССР поспешила заметить: «Интерпретация обнаруженных остатков жилища как наземного деревянного дома вызвала серьёзные возражения. Вероятнее полагать, что это остатки типичных для Киева полуземляночных дерево-глинобитных жилищ».

К сожалению, редакция не обратила внимания на то, что В. А. Богусевич вёл раскопки на Киевском подоле, где были сосредоточены торговля и ремесло древнего Киева. Здесь-то он и нашёл «большой сгоревший наземный дом (площадью более 80 *кв. м*) токаря, изготовлявшего деревянную посуду», к которому примыкали обширные погреба. Здесь на Подоле и надо искать сосредоточие ремесленной и торговой жизни Киева в дни его процветания, а не под сенью Златоверхого монастыря. Полуземлянки и землянки типичны для ремесленников-холопов. Свободный мастер-ремесленник был относительно зажиточным человеком. Сосновая изба новгородского сапожника и наземный дом киевского токаря — это типичное жилище средневекового ремесленника. Общий вывод В. А. Богусевича, что «полуземлянки были результатом лишь временных тяжёлых обстоятельств, как, например, военный разгром, пожары и другие крупные бедствия»[2], представляется мне более обоснованным, чем

[1] *М. К. Каргер*, Археологические исследования древнего Киева, стр. 18—19, 42.

[2] *В. А. Богусевич*, Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 47—48).

категорическое мнение о всеобщем господстве полуземлянок в Киевской земле. Уж очень бедным и жалким оказывается Киев, «соперник Константинополя», со своими полуземлянками, и тут не помогут никакие ссылки на богатые изделия, большое мастерство киевских художников и т. д. Ведь и мастерство кроме таланта художника требует ещё некоторых материальных предпосылок.

В жизни древнерусских городов ремесленники приобрели особенно большое значение с XII столетия. В тех «людях», которые поднимали восстания в Киеве и Новгороде, сидели или бушевали на вече, принимали участие в торжественных процессиях при встрече князей или на их похоронах, наконец, ходили на войну в составе городского ополчения, надо по преимуществу видеть ремесленников. Конечно, кроме ремесленников в городах всегда существовало некоторое количество пришлых людей, «гулящих», по терминологии XVII в., но не они придавали основную окраску городской «чади», а именно ремесленники, среди которых уже выделилась своя верхушка. Это особенно заметно в Новгороде, где развитие городской жизни шло в течение нескольких столетий без перерыва. Именно в составе новгородского ополчения находим ремесленников, храбро сражавшихся с врагами.

В 1234 г. в битве с литовцами были убиты новгородцы: Гаврила-щитник и Нежило-серебряник. В 1216 г. в битве при Липицах пали новгородцы: Антон-котельник и Иванко Прибышинич-опонник. Замечательнее всего, что летописец называет опонника не только по имени, но и по отчеству («Прибышинич»), наравне с терским данником Семёном Петриловичем, тогда как к остальным убитым прилагается только прозвище (псковитин, котельник, попович) [1]. Мастер-опонник, видимо, был весьма уважаемым лицом в городе, величавшимся не только по имени, но и по отчеству.

Нет никакого сомнения в том, что под словом «людье», которым обозначались горожане, сражавшиеся на полях битв, скрываются обычно городские ремесленники. В битве при Липицах они бились с суздальцами босыми, соскочив с коней. «Не хотим умереть на конях, но как отцы наши бились на Колакше пешими», —

[1] Новгород. лет., стр. 73, 57.

восклицают новгородские ополченцы, обнаруживая этим возгласом непривычку к конному бою [1].

Вооружённые ремесленники были такой силой, с которой приходилось серьёзно считаться князьям и боярству. Поэтому в древнерусских городах мы встречаемся с тем же явлением, что в средневековых городах Европы, — с борьбой ремесленников против городского патрициата, причём в Новгороде первой половины XIII в. ремесленники одно время имели даже перевес над боярской группировкой.

Конечно, это могло происходить только в больших пунктах, где городское население сделалось крупной политической силой, с которой приходилось считаться князьям и боярам. Два свидетельства летописи позволяют понять, каким весом пользовались порой ремесленники в политической жизни больших городов. В 1228 г. новгородская «простая чадь» прогнала наречённого владыку Арсения и водворила на его место бывшего архиепископа Антония, «и посадили с ними 2 мужа: Якуна Моисеевича, Микифора щитника». Никифор-щитник — это мастер-щитник, игравший, видимо, большую роль в новгородских событиях начала XIII в. Характерно выражение «муж» в понятии свободного человека, которое применяется летописью по отношению к Никифору-щитнику. Может быть, летописец говорит о том же лице, называя его Нижифором Тудоровичем [2].

Положение архиепископа в Новгороде было чрезвычайно высоким, но Антоний был болен и не в состоянии был управлять обширным хозяйством дома св. Софии. Якун и Никифор, следовательно, исполняли роль представителей новгородского правительства при архиепископе. Это было характерным для новгородской действительности начала XIII в.

Кроме ремесленников, непосредственно занятых производством различного рода изделий, в городах были люди, профессии которых только условно можно отнести к ремесленным специальностям. Таковы были, например, скоморохи и гусляры. Неизбежно, особенно в больших городах, была категория людей, занятых случайной работой или просто разорённых и доведённых до нищеты. Их называли сиротами, нищими, убогими людьми. Одно

[1] Лаврент. лет., стр. 472.
[2] Новгород. лет., стр. 67, 64.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

непосредственной близости к нему были расположены мастерские, где работали «делатели», т. е. мастера и их помощники, являвшиеся, судя по летописи, зависимыми княжескими людьми. Тотчас после смерти Андрея Боголюбского горожане разграбили княжеский дом «и делатели, иже бяху пришли к делу» [1]. Действия боголюбовских горожан, направленные против княжеских «делателей», объясняются тем, что свободные ремесленники были недовольны конкуренцией княжеских людей.

Количество ремесленников-холопов в городах Древней Руси не поддаётся какому-либо, даже приблизительному, учёту, но едва ли его можно слишком преуменьшать. О холопах-ремесленниках говорится в Пространной Русской Правде, где указываются виры за княжеских людей. За княжеского отрока, конюха и повара — 40 гривен, за огнищного и конюшего тиунов — 80, за сельского или ратайного тиуна — 12, за рядовича — 5, за ремесленника и ремесленницу — 12, за смердьего холопа — 5 (а за рабу — 6), за кормильца и за кормилицу 12 гривен. В этой шкале пеней за убийство княжеских людей бросается в глаза высокое положение ремесленников, приравненных к сельским тиунам, кормильцам и кормилицам, т. е. к людям, близким к личности князя.

Княжеские ремесленники занимались обслуживанием княжеского хозяйства и производством главным образом вооружения и предметов роскоши. В интересной статье Б. А. Рыбакова о знаках собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси указаны разнообразные знаки, принадлежавшие отдельным князьям. Правда, происхождение формы этих знаков осталось недостаточно объяснённым, но общие выводы автора представляются обоснованными и ценными.

«Знаки княжеской собственности, — пишет Б. А. Рыбаков, — первые сведения о которых дошли до нас от середины X в., дожили до середины XII в. За двести лет своего бытования в Киевской Руси княжеские знаки ставились на княжеских монетах, на печатях, скреплявших государственные документы, на перстнях, которыми запечатывали восковые печати. Княжеские знаки, отлитые из бронзы, носили на груди княжеские тиуны; княжеские знаки были на поясах дружинников, сопровождавших

[1] Ипат. лет., стр. 402.

своего князя, на оружии, на боевых знамёнах княжеских войск. Княжеские знаки ставились на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправляемых за границу. Княжескими знаками метили свои орудия производства ремесленники-холопы, работавшие на княжеском дворе, — гончары, кирпичники, златокузнецы. Княжескими знаками был помечен весь живой и мёртвый инвентарь княжеского хозяйства — кони, бортные ухожаи, земля». Рыбаков отмечает, что подавляющее количество предметов с княжескими знаками найдено в старинных княжеских городах Руси — Киеве, Чернигове, Белгороде, Родне, Вышгороде. Последнее наблюдение автора нуждается в поправках, как и мнение М. К. Каргера, на которое ссылается автор, об отсутствии княжеских знаков на кирпичах зданий в Новгороде, Полоцке и Пскове, где строительство производилось вольными дружинами. Ведь детального изучения древних построек в этих городах не производилось и делать решительные выводы очень трудно.

Выводы Б. А. Рыбакова о большом количестве предметов, производимых в княжеском хозяйстве, безусловно заслуживают всяческого внимания. Нетрудно наметить также и круг деятельности княжеских мастерских: это по преимуществу изготовление предметов роскоши, обработка драгоценных металлов. Совершенно правилен основной вывод автора, имеющий прямое отношение к нашей теме: «В XI—XII вв. города разрослись, значительно развилось свободное ремесло, но наряду с ним продолжали существовать на княжеских дворах и ремесленники-холопы» [1]. Ремесленники-холопы жили не только при княжеских дворах, но и при епископских домах. Только в этом смысле можно понять сообщение летописи о ремонте Успенского собора во Владимире после большого пожара. Собор был покрыт оловом и заново побелён известью, причём работали не мастера из немцев, «но клевреты святой богородицы и свои».

Кроме ремесленников существовали купцы-холопы. Русская Правда знает подобного купца-холопа, за которого должен отвечать его господин: «аже пустить холопа в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину и не

---

[1] *Б. А. Рыбаков*, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси («Советская археология» № 6, стр. 250—257).

лишится его»[1]. В городах такие ремесленники-холопы и торговцы должны были населять особые слободы. В районе Михайловского монастыря в Киеве найдены были полуземлянки, служившие мастерскими и жильём для ремесленников. Слобода их находилась на аристократической «Горе», поблизости от княжеских и боярских дворов.

Русская Правда знает холопов княжеских, боярских и «чернеческих» (т. е. монастырских). Позднейшие монастырские слободы, XVI—XVII вв., возникали при древних монастырях с давнего времени, и археологические раскопки на территории таких слобод, населённых «чернеческими» холопами, вероятно, дадут интересные материалы. Холопы-ремесленники и купцы, конечно, находились на более льготном положении, чем домашние холопы, предки позднейших дворовых. Тяжёлое положение домашних рабов хорошо известно из древнерусских поучений. Проповедники обращали внимание своей паствы на случаи самоубийства среди рабов и рабынь, укоряя рабовладельцев в том, что они плохо одевают и кормят своих холопов, отягощают их работой, бьют без всякой причины, а те бросаются в воду или кончают с собой другими способами «от насилия». Пожалуй, самый страшный оттенок этим случаям придаёт их обыденность. Так обращались с рабами не заядлые тираны, а люди, говорящие о необходимости выполнять в остальном «вся заповеди божия»[2].

Кроме холопства, Древняя Русь знала ещё другие формы зависимости, нашедшие распространение в городах. Таковы прежде всего «милостники». Это слово переводится И. И. Срезневским как любимец, но он же указывает, что «милостник в сербском языке получило особенное, частное значение»[3]. Смысл слова «милость» и «милостник» в сербском языке объясняет Законник Стефана Душана XIV в.[4] В нём «милость» связывается с феодальным держанием земли. Русский милостник

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 456.

[2] «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II, стр. 113.

[3] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. II, вып. 1, стб. 138.

[4] «Аще кто дасть милость цареву, и речеть: «даль ми е господинь царь, како есть дрьжаль мои другь прежде мене»; аще дасть милость цареву, да будеть тако, да си дрьжет освен црьковнааго». (*H. Jireček*, Svod Zákonuv Slovanskych (Свод законов славянских), v Praze 1880, стр. 318, ст. 77, 78, 83).

также зависимый человек. Так, в 1136 г. в нового новгородского князя Святослава Ольговича стреляли «милостьници Всеволожи». Та же Новгородская летопись говорит, что Андрея Боголюбского убили «свои милостьници»[1]. Ипатьевская летопись называет милостником Андрея Боголюбского его слугу Прокопия, который был холопом из числа пленных, «кащеем». Этот Прокопий назван князем паробком, как и заговорщики («уже тебе, господине, паробьци твои тебе не знають»). Выясняется, что заговорщики награбленное имущество положили «на милостьные кони», а на себя надели «оружья княже милостьное». Близость милостников к князьям выясняется также из рассказа о Святославе Всеволодовиче, советовавшемся с княгиней и милостником своим Кочкарем без участия остальных княжеских мужей[2]. Из сказанного выше вытекает вывод, что милостниками были зависимые княжеские люди, получавшие от князя «милость» — коней, оружие, а вероятно, и землю. В этом специфическом смысле употребляет слово «милость» Даниил Заточник («всякому дворянину имети честь и милость у князя»)[3].

Милостниками могли быть не только княжеские, но и боярские люди, как это видно из статьи Русской Правды: «а в даче не холоп, ни по хлебе работять, ни по придатьце». Придаток — это другой термин, обозначающий милость. В 1228 г. псковичи, поссорившись с князем Ярославом Всеволодовичем, «тех, кто имал придаток у Ярослава», выгнали из Пскова: «пойдите по князи своемь, нам есте не братья»[4].

Из милостников, получивших «милость», или «придаток», видимо, состояли те боярские дружины, о которых узнаём из некоторых известий. В конце XI в. киевский боярин Ратибор имел свою дружину («начаша думати дружина Ратиборова чадь с князем Володимером»). Далее выясняется, что у Ратибора были свои «отроки в оружьи»[5]. В Пушкинском списке Русской Правды

[1] Новгород. лет., стр. 24, 34.

[2] Ипат. лет., стр. 400—401, 416.

[3] «Слово Даниила Заточника», подг. к печати Н. Н. Зарубин, Л. 1932, стр. 68; см. *М. Н. Тихомиров*, Условное феодальное держание на Руси XII в. («Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М. 1952, стр. 100—104).

[4] Новгород. лет., стр. 66.

[5] Ипат. лет., стр. 158—159.

(XIV в.) находим прямое указание на боярскую дружину («аще в боярьстей дружине»). Впрочем, в других списках Русской Правды читаем о боярах и о дружине, что не лишает вышеприведённый вариант его ценности.

К холопам и зависимым людям надо причислить церковных «прощенников», изгоев, находившихся в Новгороде под защитой владыки. В их числе находим и ремесленников, и торговцев, и военных слуг. Нет сомнения в том, что в дни восстаний большинство холопов и зависимых людей выступало совместно со всеми «людьми» — горожанами в широком смысле этого слова.

В XI—XIII вв. замечается стремление князей создавать особые города-замки, где работало зависимое население. Образцом для замков был Вышгород под Киевом, «град Ольжин», принадлежавший в X в. княгине Ольге. Вышгородские «боярцы» поддерживали Святополка Окаянного. Позже возникают Боголюбово под Владимиром и Смядынь под Смоленском. Летопись прямо сравнивает Боголюбово с Вышгородом, говоря, что оно стоит на таком же расстоянии от Владимира, как Киев от Вышгорода. Князья обычно строили в таких подгородных замках укрепления, дворец и собор, стремясь завладеть какой-либо почитаемой святыней. В Вышгороде лежали мощи Бориса и Глеба, в Боголюбове была воздвигнута великолепная каменная церковь, хотя почитаемая икона Богоматери (позже владимирская), увезённая Андреем Боголюбским из Вышгорода, была поставлена в Успенском соборе во Владимире. В Смядынь (1191 г.) была доставлена рака Бориса и Глеба из Вышгорода, что заставляло видеть в Смядыни «второй Вышегород». При более тщательном исследовании мы найдём такие же княжеские замки в окрестностях других больших городов. Может быть, оживление Городища под Новгородом в XII в. связано с тем же стремлением новгородских князей иметь свой загородный замок.

4. Купечество

Торговля всегда играла в городах большую роль, поэтому в массе городского населения купцы феодального времени занимали немаловажное место. С понятием купца рано стало ассоциироваться представление о богатом человеке: «и еще другие, купцы в граде, которые

суть богатые люди», — говорится в одном древнерусском памятнике [1].

В поздних новгородских документах купцы выделены в особую социальную группу в отличие от бояр, житьих и чёрных людей, но это не значит, что такое выделение произошло поздно. Краткая Русская Правда знает купчину, а Пространная Правда — купца, особо оговаривая размер пени, положенной за их убийство.

Слова «купец» или «купчина» являются производными от «купли», под которой понимались товар, покупка и торговля в обобщающем значении этого термина.

В отличие от слова «купец», обозначавшего всякого человека, занимавшегося торговлей, «гость» представляется человеком, связанным своими торговыми операциями с другими городами и зарубежными странами.

Производными от слова «гость» являются два понятия, тесно связанные с торговлей. Во-первых, термин «гостинец» в значении большой дороги, по которой идёт непрерывное движение, во-вторых, — «гостиньница», т. е. место остановки гостей, постоялый двор, гостиница.

Наконец, с древнейшего времени известен третий термин для обозначения торговых операций и связанных с ними мест — «търгъ» или «торг». Производными от этого слова являются торговля, торговище, торговец и пр. Не лишне обратить внимание на то, что наименования торговник и торговец появляются в письменных памятниках относительно поздно, по подобранным материалам И. И. Срезневского, — только в XIII в., тогда как понятие торга в смысле торговых операций и места для торговли имеем уже в XI в. В позднейшее время слова «купец», «гость» и «торговец» также имели разную судьбу: так, купец и гость сделались обозначением людей, связанных с более или менее крупными торговыми делами, торговцами стали называть по преимуществу содержателей небольших лавок и т. д.

Первое упоминание о купцах имеем в договоре Руси с Греками 945 г., где в числе русских представителей назван «купець Адунь». Древнерусская торговля в Константинополе отличалась ещё большой примитивностью. Главными товарами были воск, меха и рабы («челядь»).

---

[1] *Г. Е. Кочин*, Материалы для терминологического словаря Древней России, стр. 165.

Купцы, приезжавшие в византийскую столицу, мало чем отличались от воинов; поэтому договоры X в. уделяют так много места убийствам, дракам и ссорам, возникавшим между греками и русскими, хотя последние и должны были входить в город «без оружья». Трудность и опасность дальнего путешествия заставляли купцов объединяться в караваны с большим количеством участников. Константин Багрянородный, описывая приём княгини Ольги в цесарском дворце, отмечает в числе прибывших с ней в Константинополь 43 купцов [1].

В городском населении именно купцы или гости, торговавшие с другими городами и странами, составляли наиболее почитаемую группу, находившуюся под непосредственной княжеской защитой. В этом смысле примечательно упоминание купчины в первой статье Краткой Правды, которое показывает, что в эпоху появления этой статьи купцы состояли под непосредственным покровительством князя наряду с дружинниками (мечником, грицем и ябедником). Высокое положение гостя ярко показано в поучении Владимира Мономаха, требовавшим почитания «гостей», так как от них зависела дурная или добрая слава князей [2]. Поучение Мономаха перекликается с воспоминаниями Кузмища Киевлянина об Андрее Боголюбском. Когда к Андрею приходил какой-либо гость «из Царягорода и от иных стран, из Русской земли», то князь приказывал отвести его в соборную церковь, чтобы он мог полюбоваться её богатствами [3].

Облик русского купца XI—XII вв. ярко выступает перед нами на страницах Пространной Русской Правды, источника исключительной ценности для суждения о городской жизни в Киевской Руси. Прежде всего довольно ясно различаются два вида торговых операций: внутренняя торговля — «купля» и торговля иноземная —

---

[1] «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 91, стр. 47—48. Переводчик называет купцов греческого подлинника очень неудачно термином XVII—XVIII вв. — «торговые люди».

[2] «Боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, брашном и питьем; ти бо мимоходячи прославять человека по всем землям, любо добрым, любо злым» (Лаврент. лет., стр. 237).

[3] Ипат. лет., стр. 401. В печатном издании после слова «стран» не поставлено запятой, но по смыслу это слово связано с Царьгородом, а не с Русской землёй.

«гостьба» («аже кто купець купцю дасть в куплю куны или в гостьбу»).

Купец имеет право на рассрочку платежей, если с ним в пути случилось несчастье: кораблекрушение, пожар, грабёж его имущества во время войны («истопиться, любо рать возметь, ли огнь»). Он отвечает только в том случае, если «пропиеться», проиграет в закладе своё имущество или «в безумьи» испортит чужой товар. Гости или чужеземцы из других городов имеют право на преимущественное получение денег от несостоятельного должника [1].

Высокое положение купцов на общественной лестнице обнаруживают разные варианты договора Смоленска с Ригой XIII в. Названный договор был составлен для охраны русских и немецких купцов на чужбине. По договору, купцов нельзя судить по показаниям одного только «послуха», надо выслушать двух свидетелей, причём один из них должен быть сородичем обвиняемого. Купца нельзя подвергать испытанию горячим железом, нельзя без его согласия принять этот способ доказательства невиновности. Русский купец не может звать немецкого («латинина») к судебному поединку в Русской земле, этого же не может делать и немецкий купец у себя на родине. Купец, поймавший вора, может с ним расправиться как желает, не обращаясь к городским властям, и т. д. Торговля и пребывание купцов на чужбине по договору Смоленска с Ригой регулируются рядом мелочных предписаний, показывающих трудности и опасности средневековой торговли [2].

Такой же заботой о хождении «без пакости» новгородцев в Немецкую землю, а немцев в Новгород пронизан и договор Новгорода с немецкими городами 1189—1199 гг. [3]

Вместе с тем оба договора рисуют мужественный, но грубый облик средневекового купца. Убийство, членовредительство, побои постоянно упоминаются в договорах («по уху ударять», «уранять» и т. д.), как и раны, причинённые оружием или просто кольями. Грубой действительностью веет от статей договора, говорящих о побоях замужних женщин и девушек, о срывании с них

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 110.
[2] «Русско-ливонские акты», стр. 420—445.
[3] «Грамоты Великого Новгорода», стр. 55—56.

«повоев» (головных уборов), наконец о насилиях над женщинами.

В одной рижской грамоте к витебскому князю, датируемой концом XIII в., имеем интересный рассказ из торговой практики немецких купцов. «Тогда была рать литовская под городом, — пишут рижские власти, говоря о злоключениях своего купца, — он же хотел идти в литовскую рать, чтобы купить девок, и взял с собой мечь по нашему обычаю. В дороге заблудился и попал к монастырю. И выскочили 3 чернеца, и четвертый человек иной с ними, тут его схватили, били и рвали, и мечь отняли у него силой». Интересен сам облик купца, отправляющегося из осаждённого Витебска во враждебный лагерь, чтобы купить рабынь, и попавшего в засаду у какого-то монастыря, вероятно на окраине города.

В том же документе рассказывается о вымогательстве князя и его дружины, об убийстве во время пира одним купцом другого и т. д.[1] Грубый, примитивный быт, постоянная опасность, подстерегающая купцов в дороге и в чужеземных городах, — всё это засвидетельствовано на страницах полоцких, смоленских, новгородских грамот, имеющих отношение к зарубежной торговле.

В городской жизни купцы играли крупную роль, рано выделившись в особую общественную группу, пользовавшуюся большим весом в политических делах. Во время длительной смуты, последовавшей во Владимиро-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского, «вста́ша бояре и купци». Они требовали расправы с князьями — противниками Всеволода Большое Гнездо, попавшими к нему в плен. Летописец замечает по этому поводу — «бысть мятежь велик в граде Володимери». Всеволод должен был уступить и посадил пленных князей в темницу. Что владимирский летописец не оговорился, поставив рядом бояр и купцов, можно заключить из рассказа 1206 г. о проводах князя Константина в Новгород. Его провожали братья «и все бояре отца его, и все купцы»[2]. В обоих известиях купцы стоят на вершине общественной лестницы, тотчас же за боярами. То же самое, пожалуй в ещё более резкой форме, встречаем в Новгороде. Из ряда характерных примеров участия

[1] «Русско-ливонские акты», стр. 26—28.
[2] Лаврент. лет., стр. 365, 401.

купцов в политической жизни Новгорода отметим хотя бы летописное известие о встрече Ростислава Мстиславича с новгородцами в Великих Луках: «и позва новгородьце на поряд: огнищане, гридь, купьце вячьшее». Слово «поряд» объясняет нам, что речь шла о соглашении или договоре между Ростиславом и новгородцами. Эта формула «огнищане и гридьба и купци» встречается и позже, обозначая господствующие круги населения в Великом Новгороде: бояр, дружинников и купцов. Купцы в Новгороде пользовались некоторыми привилегиями, из которых можно отметить право не платить дикую виру [1].

Торговля, связанная в средневековье с большими опасностями, делала из купцов не только торговцев в собственном смысле слова, но и воинов. В городском ополчении купцам принадлежало одно из первых мест, прежде всего потому, что они имели лучшее вооружение. Например, новгородцы давали деньги купцам «крутитися на войну», т. е. на экипировку для предстоящей военной экспедиции [2].

Особенности военного строя в феодальное время объясняют нам, почему купцы упоминаются непосредственно с профессионалами дружинниками — гридями. Купеческие караваны состояли не из одних купцов, но и купеческих детей и слуг. Подобный караван был относительно многолюдным, иначе он не избежал бы угрозы немедленного разграбления. Только приняв это положение, мы поймём, каким образом в Торжке могло оказаться 2 тыс. новгородцев, захваченных в 1215 г. переяславским князем Ярославом Всеволодовичем. Не все из них были купцами, но немалое количество было связано с торговлей. Несколько позже тот же Ярослав бросил в погреба и тесную избу 150 новгородцев и 15 смолян, которые «зашли гостьбою в землю его». Конечно, это были не только купцы, но и купеческие дети, родственники и слуги.

Купечество было тем общественным слоем, из рядов которого пополнялось боярство. Сохранилось завещание некоего Климента, относящееся к 1258—1268 гг. Климент занимался торговыми операциями и в то же время был землевладельцем. Два села с «обильем» (урожаем) и с лошадьми, и с бортью, и с малыми селищами он

[1] Новгород. лет. (под 1166 г.), стр. 32, 42; там же, стр. 51 (под 1209 г.).

[2] Там же, стр. 25.

завещал в Юрьев монастырь, два других села, одно из которых было с огородом, завещал близким людям. Ему же принадлежали стада овец и свиней [1]. Климент имел какое-то отношение к купеческому сту. Грань между боярством и купечеством в XI—XIII вв. была гораздо меньшей, чем позднее, когда создаётся понятие фамильной чести и боярство окончательно оседает на землю.

5. Городское боярство

Вопрос о происхождении городского патрициата в русских городах принадлежит к числу трудных и мало доступных для разрешения, прежде всего вследствие недостатка источников. Слово «боярин», или «болярин» (последнее И. И. Срезневский считал словом по преимуществу *югославянским*), *рано появляется на страницах* летописей. Наряду с боярами в известиях конца X — начала XI в. упоминаются «старци градские» — термин, с которого мы можем начинать историю собственно городского боярства. Вопросу о том, кем были «старци градские», посвящена обширная литература. По мнению В. О. Ключевского, начальная летопись в рассказе о временах князя Владимира называет торговую аристократию «нарочитыми мужами», а выходивших из неё десятских, сотских и других городских управителей — «старцами городскими», или «старейшинами по всем градом». Это образовавшаяся из купечества военно-правительственная старшина торгового города. На взглядах Ключевского сказались его представления о большом «промышленном» значении русских городов в IX в., откуда вытекают выводы о происхождении «старцев градских» [2]. О «старцах градских» писал и С. В. Юшков. Он подробно останавливается на вопросе о происхождении боярства и *приходит к той мысли, что основная масса бояр вышла* «из крупных землевладельцев, находившихся вне дружинной организации». По словам Юшкова, ещё в конце X в. этим элементам присваивалось название «старцев». В XI в. боярство образуется из двух групп — «из мест-

---

[1] *М. Н. Тихомиров* и *М. В. Щепкина*, Два памятника новгородской письменности, стр. 13—17.

[2] *В. О. Ключевский*, Боярская дума Древней Руси, стр. 28, 24.

ных крупных землевладельцев и из дружинников», а позже эти группы сливаются [1].

Если Ключевский главное место в вопросе о происхождении «старцев градских» отводил купечеству, то Юшков, по существу говоря, вдаётся в другую крайность и видит в них только землевладельцев. Город Киевской Руси он рассматривает прежде всего как «центр феодального властвования» над сельской округой. Поэтому киевляне, черниговцы и др. для С. В. Юшкова «не купцы и не промышленники, а именно местные феодалы, окрепшие под защитой города и жившие в своих городских дворах» [2].

Вопроса о «старцах градских» касается также Б. Д. Греков, считающий их особым слоем знати. «Терминология наших летописей иногда различает эти два слоя знати: «бояре» и «старци». «Старци», или иначе «старейшие», — это и есть так называемые земские бояре» [3]. И для Грекова и для Юшкова «старци градские» — это старейшины русского города. Юшков объявляет безусловное господство над ним феодалов. Ремесленники и купцы Киева, Чернигова, Новгорода и других больших русских городов — все эти «кияне», черниговцы и новгородцы, умиравшие при защите своих городов, заслоняются образами феодалов, а русский город так и остаётся только «бургом» — замком. Правда, С. В. Юшков делает по вопросу о «старцах градских» некоторую уступку, предполагая, что в их числе, возможно, были крупные торговцы.

Попытаемся теперь дать ответ на вопрос о появлении «градских старцев» на страницах наших источников. В летописи «старци градские» упомянуты всего пять раз. Первый раз о них говорится в рассказе о мученичестве варягов: «и реша старци и боляре» (983 г.); второй и третий раз — в рассказе о совещаниях Владимира с боярами и старцами: «созва Володимер боляры своя и старци градския», «и созва князь боляры своя и старца» (987 г.); четвёртый раз — об освящении Десятинной церкви «боляром и старцем градским»; пятый — в повествовании об отмене Владимиром виры за убийство: «и

[1] *С. В. Юшков*, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 143, 164.

[2] Там же, стр. 135.

[3] *Б. Д. Греков*, Киевская Русь, 1953, стр. 126.

реша епископи и старци»[1]. Бросается в глаза, что пятикратное упоминание о старцах относится только к определённому времени — княжению Владимира Святославича (980—1015 гг.). Это не укрылось от В. О. Ключевского, который высказал предположение, что Владимир, выросший в Новгороде, приблизил к себе городскую старшину и в Киеве, и в этом видел ответ на вопрос, почему начальная летопись упоминает о «старцах градских» только при Владимире[2].

Однако на поставленный вопрос можно дать несколько иной ответ, если принять во внимание особенности летописного текста, где появляются «старци градские». Этот текст был заимствован летописцем из Слова о том, «како крестися (Владимир), возмя Корсунь», сохранившегося в отдельном виде от летописи и более древнего по происхождению. Здесь находим цитированную выше фразу: «созва Володимер боляры своя и старци градьския»[3]. Действительно, «старци градские» появляются только там, где действия Владимира связываются с вопросами религии. В этом мы находим объяснение того, что «старци градские» известны только во времена Владимира. Это термин литературный, который был использован летописью, житийными произведениями. Поэтому уже в некоторых списках летописи находим вместо «старцев градских» «старцев людских»[4], т. е. представителей людей, городского населения, среди которого выделялась своя знать — нарочитые люди, или «нарочитая чадь», в противовес «простой чади», или общей массе городского населения. Итак, «старци градские» являются термином, характерным только для данного памятника, а вовсе не для данного места и времени. Поэтому они и встречаются только в повествованиях, связанных с деятельностью Владимира.

В известном рассказе о пирах Владимира находим указание на состав киевского населения: «и приходити боляром, и гридем, и соцьскым, и десяцьскым, и нарочи-

---

[1] Лаврент. лет., стр. 80, 104, 105, 122, 124.

[2] *В. О. Ключевский,* Боярская дума Древней Руси, стр. 29, примечание.

[3] *Н. К. Никольский,* Материалы для истории древнерусской духовной письменности, СПБ 1907, стр. 8.

[4] *Лаврент. лет.,* стр. 122.

тым мужем»[1]. Если гриди и бояре относятся к дружине, то сотские и десятские, нарочитые мужи, принадлежат к городскому населению. Пока это ещё только складывающаяся городская знать, в число которой могли войти и дружинники и представители купечества.

Развитие городской жизни привело к созданию боярства, связанного не только с вотчинами в деревнях, но и с городом. В XI—XII вв. мы уже встречаемся с боярскими фамилиями, прочно связавшими свою судьбу с тем или иным городом. Исследователи почти не изучали историю отдельных боярских родов, за исключением Н. А. Рожкова, посвятившего вопросу о новгородских боярских родах особую работу. А между тем мы встречаемся с поразительным фактом оседания боярских фамилий в ряде городов, иными словами, — с появлением городского патрициата.

Остановимся на некоторых боярских родах, история которых более или менее полно устанавливается по летописям. Рассказывая о водворении Изяслава Мстиславича в Киеве, летописец упоминает об аресте нескольких бояр, сторонников Ольговичей. В числе арестованных указаны Данило Великий, Гюргей Прокопыч, Ивор Гюргевич Мирославль внук. Имя Мирослава упомянуто здесь как общеизвестное для киевлян, иначе зачем было бы говорить о Мирославе, как о деде боярина Ивора.

О родоначальнике боярского рода Мирославичей известно очень мало. Летописец сообщает, что в 1134 г. была принесена доска от гроба господня, за ней послал Мирослав[2]. Издатели Ипатьевской летописи почему-то дали этому Мирославу отчество Гюрятинич, отождествив его с новгородским посадником без особого основания. В Ипатьевской летописи, кроме того, под 1146 г. упоминаются Мирослав Андреевич и Мирослав Хилич-внук, которые жили почти одновременно с Ивором Георгиевичем и, следовательно, не могут быть приняты за его деда Мирослава.

Упоминаемый ранее Мирослав может быть отождествлён с Мирославом, названным в Пространной Русской Правде как участник совещания на Берестове перед вступлением Владимира Мономаха в Киев. С некоторой

[1] Лаврент. лет., стр. 123.
[2] Ипат. лет., стр. 212.

вероятностью можно думать, что к этому Мирославу восходит название села или местечка Мирославцы под Киевом, упомянутого в списке русских городов XIV в. Под Витичевом в XII столетии находилось Мирославское село. Мирослав явился основателем богатого боярского рода в Киеве.

Видным деятелем конца XI — начала XII в. был киевский боярин Ратибор. Впервые его имя упоминается в 1079 г., когда великий князь Всеволод Ярославич посадил его посадником в Тмутаракани. Через два года Ратибор был захвачен двумя князьями, овладевшими Тмутараканью. Печати с его именем действительно были найдены в окрестностях Тмутаракани. На них с одной стороны изображён св. Николай, а с другой имеется надпись «от Ратибора» [1]. После смерти Всеволода боярин Ратибор служил его сыну, Владимиру Мономаху. Он был активным участником вероломного убийства половецкого хана Итларя. Его сын Ельбех Ратиборович застрелил Итларя из лука. Позже Ратибор являлся представителем Мономаха на княжеском съезде в Уветичах и участвовал в совещании на Берестове в 1113 г. Пространная Русская Правда называет Ратибора киевским тысяцким.

Наследником Ратибора был его сын Фома, также служивший Владимиру Мономаху. В 1116 г. Фома Ратиборович вместе с боярином Вячеславом ходил на Дунай и принимал участие в неудачной осаде Дерестра. Несколько позже (в 1121 г.) он был посадником в Червене [2].

Большой известностью в Киеве пользовался род Чудина. Двор Чудина, находившийся рядом со двором Воротислава, был хорошо известен летописцу второй половины XI в. Сам Чудин принимал участие в княжеском съезде Ярославичей 1072 г. в Вышгороде, где была составлена Правда Ярославичей. Во время её составления Чудин «держал» Вышгород. Слово «держал» следует, повидимому, понимать в его позднейшем значении — как «держание», т. е. временное владение городом на ленном праве. Брат Чудина носил имя Тукы. Повидимому, вся фамилия была нерусского происхождения и, может быть, принадлежала к числу потомков тех «лучших» мужей, которые были при Владимире Святославиче посажены в

[1] *И. Толстой* и *Н. Кондаков*, Русские древности, т. IV, СПБ 1891, стр. 172; Ипат. лет., стр. 143.

[2] Ипат. лет., стр. 204, 205—206.

городах по Десне и другим рекам из числа новгородских словен, кривичей, чуди, вятичей [1].

Сын Чудина носил уже христианское имя Ивана и принимал участие в совещании на Берестове в 1113 г.

Приведённые примеры говорят о существовании боярских фамилий в Киеве, в которых богатство переходило от отца к сыну. Недостаток сведений не позволяет нам остановиться подробнее на биографиях отдельных боярских родов, но существование патрицианских фамилий в Киеве XI—XIII вв. остаётся вне всякого сомнения. К их числу принадлежали потомки Вышаты, который ходил воеводой во время последнего русского похода на Царьград, в 1043 г., и попал в плен к грекам. После гибели русских кораблей от бури он был единственным человеком из княжеской дружины, решившимся остаться с воинами, выброшенными на берег. Этот поступок можно объяснить тем, что в число воинов входило киевское ополчение. Сыном Вышаты был киевский тысяцкий Ян; он так и прозвался в летописи сыном Вышатиным, как лицо очень известное [2]. Биография Яна Вышатича, с предельной полнотой составленная М. Д. Присёлковым, является своего рода шедевром исторической проницательности и избавляет нас от необходимости следить за судьбой Яна, игравшего немалую роль в событиях XI в. Сын Яна Вышатича постригся в Киево-Печерском монастыре под именем Варлаама. По словам Патерика, отец молодого инока, т. е. Ян, был первым в числе княжеских бояр [3].

Ещё легче проследить историю отдельных патрицианских фамилий в Новгороде. Остановимся только на наиболее ярких примерах. В 1118 г. умер посадник Дмитр Завидич, а в 1128 г. дали посадничество Завиду Дмитриевичу — явно, сыну первого. Таким образом, посадничество в Новгороде переходило уже в начале XII в. от отца к сыну.

Знаменитым боярским родом в Новгороде были Мирошкиничи. Родоначальником их предположительно можно считать того Мирослава, которого в 1132 г. новго-

---

[1] Ипат. лет., стр. 128; «От словен, и от кривич, и от чюдий, и от вятич» (там же, стр. 83).

[2] Лаврент. лет., стр. 171.

[3] *М. Д. Присёлков*, История русского летописания XI—XV веков, Л. 1940, стр. 18—20; «Печерский патерик», стр. 23.

родцы послали посадником в Псков. Возможно, что устав Всеволода, упоминающий о бириче Мирошке, говорит о том же лице. Мирослав в уставе церкви Ивана Предтечи на Опоках назван уже как посадник. В 1135 г. Мирослав-посадник отправился мирить киевлян с черниговцами, но его попытка окончилась неудачей. Он умер в том же году.

В начале XIII в. умер Мирошка, посадник новгородский, похороненный в Юрьеве монастыре. Возможно, он был внуком ранее названного посадника Мирослава, так как боярские роды довольно упорно придерживались фамильных имён. Детьми Мирошки были знаменитые в новгородской истории Мирошкиничи, Дмитр и Борис. Дмитр сделался посадником вскоре же после смерти отца. Борис так властно распоряжался в Новгороде, что велел одного новгородца убить на Ярославле дворе. В 1209 г. произошло известное новгородское восстание, на котором было постановлено отстранить Мирошкиничей от власти. Гробницы Мирошкиничей были открыты под полами большого собора в Юрьеве монастыре, где находилась их родовая усыпальница.

Врагами и соперниками Мирошкиничей были родичи посадника Твердислава Михайловича. Самое характерное в борьбе Мирошкиничей и Твердислава то, что новгородские бояре только опирались на княжескую помощь извне, а вели свою самостоятельную политику. В Новгороде у них были и сторонники и враги. Подобные боярские фамилии опирались на земельные имущества вне города, но они теснейшим образом были связаны с городом и его жизнью. Поэтому умершего Дмитра Мирошкинича повезли хоронить в подгородный монастырь, а не в деревенскую усадьбу [1].

То, что прослеживается в Киеве и Новгороде, может быть отмечено и в других больших городах, как бы на первый взгляд ни казались скудными свидетельства наших летописей. В XI—XIII вв. всюду появляется своё, местное боярство, крепко приросшее корнями к определённому городу. Обычное представление о боярине, как о своего рода кочевнике, отъезжающем от одного князя

[1] Подробнее см. в труде К. Калайдовича «Опыт о посадниках новгородских», М. 1821, а также в статье Н. А. Рожкова «Политические партии в Великом Новгороде XII—XV века» (*Н. А. Рожков*, Из русской истории. Очерки и статьи, т. I, Пгр. 1923).

к другому, стоит в резком противоречии с нашими источниками. Распря между старыми городами Ростовом и Суздалем, с одной стороны, Владимиром — с другой, становится понятной, если допустить, что определённые боярские фамилии прочно осели в городах, вокруг которых были расположены их владения. Это наблюдаем в Галиче. «Безбожные галичане» нередко отожествляются летописью с галицкими боярами. «В окрестностях древнего Галича находился ряд боярских усадеб, укреплённых дворов и замков. Боярские дворы и замки как бы блокировали столицу Галицко-Волынского княжества» [1].

Бояре играли видную роль как в экономической, так и в политической жизни города. Прежде всего несомненна тесная связь боярства с торговыми и ростовщическими операциями. В Пространной Русской Правде встречаемся с холопом, который ведёт торговые дела с согласия господина, если тот «пустить холопа в торг». Кто этот господин, пускающий холопа в торг? Вероятнее всего видеть в нём боярина, торгующего с помощью зависимого человека. Подтверждение этой мысли находим в смоленском договоре с немцами 1229 г., по которому торговлей занимаются холопы «добраго», по другим спискам — боярского человека [2]. Здесь перед нами выступает обычай бояр торговать с помощью зависимых людей, пользующихся большой долей торговой самостоятельности, несмотря на своё холопское положение. Некоторые бояре были тесно связаны с ростовщическими операциями, как, например, новгородские Мирошкиничи, у которых во время восстания 1209 г. было отнято множество долговых документов — досок. Участие в торговле и ростовщичестве тесно связывало бояр с широкими кругами городского населения, в особенности с купеческой верхушкой.

О больших богатствах, накопленных боярами, можно судить по их участию в построении церквей. Например, в Новгородской летописи читаем о построении Моисеем Домажировичем церкви Ивана Предтечи на Чюдинцевой

---

[1] *В. И. Довженок,* Селища и городища в окрестностях древнего Галича («Краткие сообщения Института археологии», вып. 4, Киев 1955, стр. 12—13).

[2] «Аже латинин дасть княжю хълопу взаем, или иньму добру человеку, а умрете не заплативъ, а кто емлеть его остатък тому платити немчину» («Русско-ливонские акты», стр. 426—427). В проекте Смоленского договора: «Или намечкый гость дасть холопу княжю или боярьску» (там же, стр. 445).

улице. В 1183 г. Рядко с братом поставили церковь на Рогатице. В 1188 г. Семен Дубычевич заложил церковь в Аркаже монастыре. В 1192 г. поставил церковь в Хутынском монастыре Алексей Михайлович, в чернецах Варлаам, и т. д. Боярское церковное строительство особенно заметно в Новгороде не потому, что оно было там исключительно развито, а потому, что Новгородская летопись особенно изобилует местными подробностями. Так, Патерик знает об участии тысяцкого Шимона, или Симона, в строительстве «великой церкви» Печерского монастыря. Строительная деятельность бояр объясняется не только религиозными побуждениями, но и стремлением иметь в каменной церкви надёжное убежище на случай пожара или других несчастий. Взгляд на церковь собственного строения, как на личную собственность, в частности, сказался на обычае ставить в священники холопов, не давая им отпуска на волю [1]. Можно представить себе, в каком положении был подобный священник-холоп, служивший при церкви, построенной на боярские средства и обычно стоявшей подле боярского двора.

6. Приходское (белое) духовенство

С утверждением христианства в городах Киевской Руси большое значение получило православное духовенство. В его рядах довольно резко различались два слоя: белое и чёрное духовенство, причём каждый из этих слоёв имел свои специфические особенности и занимал особое положение в среде городского населения. Чёрное духовенство сильно было своей сплочённостью. Оно, собственно, и создавало из духовенства крупнейшую феодальную силу, в руках которой быстро сосредоточились мощные экономические средства и обширные земельные владения. Чёрное духовенство в лице своих высших представителей — игуменов и епископов — играло важную роль в политических событиях и в культурной жизни. Роль приходского духовенства была с внешней стороны скромнее. В действительности же именно приходское духовенство служило проводником церковных и политических идей, подвергаясь в свою очередь воздействию

[1] «Яко же и по поставленью священия съвершения работном быти» («Русская историческая библиотека», т. VI, стр. 80).

широких общественных кругов. Именно из этой среды исходили резкие выпады против высшего духовенства с его распущенностью, против бояр и ростовщиков, «погубляющих неповинные души». Именно к этим кругам населения относится тонкое замечание Энгельса о плебейской части духовенства: «Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы, и потому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев»[1]. Впрочем, и в среде белого духовенства существовали резкие различия между богатыми и бедными попами, между попами и дьяконами, с одной стороны, причетниками — с другой, и т. д.

Чтобы правильно представить себе значение духовенства в русских городах, необходимо хотя бы приблизительно разрешить вопрос об его численности.

О количестве белого духовенства в Киеве даёт некоторое понятие цифра в 600 («близь 6 сот») церквей на Горе и на Подоле, пострадавших от пожара 1124 г.[2] Такая цифра кажется почти невероятной для одного города, но надо иметь в виду, что в неё входят многочисленные монастырские и небольшие частные церкви, а также многочисленные престолы в приделах и т. д. Большинство князей, княгинь, бояр имели свои личные моленные — божницы. Иногда княгини постригались перед смертью в «своей» церкви. Может быть, дело обстояло так, что обилие церквей в Киеве породило легендарную цифру в несколько сот, наподобие известного московского «сорока сороков». Во всяком случае, количество киевских церквей надо исчислять не десятками, а сотнями.

В других больших русских городах количество церквей измерялось по крайней мере десятками. По случаю страшного пожара (1185 г.), когда погорел почти весь город, во Владимире Залесском упоминаются 32 погоревшие церкви, а в 1227 г., когда сгорела половина города, — 27 церквей. Во время большого ростовского пожара сгорело 15 церквей, а в Ярославле такой же пожар уничтожил 17 храмов[3].

Эти цифры, конечно, дают неполное представление о количестве церквей в больших древнерусских городах

[1] *Ф. Энгельс*, Крестьянская война в Германии, стр. 26.
[2] Лаврент. лет., стр. 278.
[3] Там же, стр. 372, 427, 414, 423.

и требуют поправки в сторону их увеличения. К тому же летописец, повидимому, имеет в виду только приходские церкви, в отличие от шестисот киевских, что и приводит к такой поразительной разнице в количестве церквей в Киеве и во Владимире Залесском.

Каждая церковь представляла собой особое учреждение со своим штатом, гораздо более разнообразным, чем он был в России позднейшего времени. Причт состоял не только из священников с дьяконами, которые, впрочем, были далеко не при всех церквах, но и из церковных причетников. В «правиле законном» к числу церковных людей отнесены: поп, дьякон, попадья, поповичи, «кто в клиросе» (т. е. дьяки, пономари и пр.) и просфирня. Обо всех людях сказано: «То люди церковные, а богадельные». В церковном уставе Владимира Святославича находим то же перечисление, но с некоторыми добавлениями: поп, попадья, поповичи, дьякон, дьяконовая, проскурница и «кто в клиросе: пономарь, дияк и вси причетници церковнеи и дети их» [1]. К этому следует добавить нищих, составлявших своего рода постоянный штат при многих церквах (вдовицы, калеки, хромцы, слепцы и пр.), а также некоторые категории постоянных или временно зависимых церковных людей (прощеники, задушные люди и пр.). Конечно, количество церковных людей при отдельных храмах сильно колебалось, но почти при каждом из них надо предполагать существование нескольких дворов, населённых церковными людьми, которые составляли особую слободку. В целом церковные люди со всеми своими чадами и домочадцами составляли немалую долю населения русских городов, вероятно относительно гораздо бо́льшую, чем это обычно представляют. Косвенным образом о количестве церковных людей среди городского населения можно судить по любопытному свидетельству о сборах новгородского ополчения в 1148 г. Новгородцы решили мобилизовать на войну даже церковных дьяков, наречённых для служения в церкви, но ещё не поставленных [2]. Такое правило не имело бы никакого смысла, если бы непоставленные дьяки насчитывались единицами. Действительность знала не только непостав-

[1] Новгород. лет., стр. 478, 481.

[2] «Ать же поидем, то всяка душа; аче и дьяк, а гуменце ему пострижено, а не поставлен будеть, и тъи поидеть, а кто поставлен, ать бога молить» (Ипат. лет., стр. 259—260).

леиных дьячков, но даже попов, погибших во время боя. Сарайский епископ Феогност запрашивал константинопольский патриарший собор: «если поп на рати человека убьет, можно ли ему потом служити», и получил в ответ: «Не удержано есть святыми канонами» (т. е. не запрещено). Издатели вопросов Феогноста отмечают, что такой ответ встречается в древнейших и лучших списках и был первоначальным, тогда как позже на его место появляется: «се удержано есть святыми канонами» [1]. Как видим, Пересвет и Ослябя, сражавшиеся на Куликовом поле против татар, не были исключительным явлением в Древней Руси.

Церковный штат ещё более увеличивался в зависимости от особых причин как светского, так и церковного характера. Например, церковь Ивана Предтечи на Опоках, служившая центром для объединения купцов-вощников в Новгороде, имела постоянный штат, состоявший по крайней мере из двух попов, одного дьякона, дьяка (дьячка) и сторожей. «Церковники святого Ивана» были видной духовной корпорацией, на обязанности которой лежало ежедневное отправление церковных служб («пети у святаго Ивана вседенная»). Вокруг подобной церкви должна была существовать небольшая слободка церковных людей и нищих — своеобразного, но почти обязательного дополнения к причту.

Значение церкви и её духовенства резко повышалось в зависимости от нахождения в ней какого-нибудь почитаемого предмета — иконы или мощей. Вера в чудеса была так типична для средневековья, что летописцы с большой искренностью пишут о великой «милости божией» или «прощении», которое получали больные и калеки от той или иной святыни, ибо болезнь считалась наказанием; она «прощалась» после горячих прошений и мольбы.

Нам известны некоторые из церквей в больших городах, которые имели особо почитаемые реликвии [2].

---

[1] «Русская историческая библиотека», т. VI, стр. 138 и прим. 9.

[2] *Д. В. Айналов*, Судьба Киевского художественного наследия («Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. XII, стр. 23—29). Сделаем здесь же одну поправку. Автор переводит слова латинской записи «rex Georgius sclavus» «как «царь Георгий раб», тогда как нужно читать «король Георгий славянин».

К церкви Бориса и Глеба в Вышгороде стекались нищие и калеки, сюда несли больных, которых вносили в церковь и клали у княжеских мощей [1].

Кроме церковного назначения большинство городских церквей, в особенности каменные церкви, служили во время пожаров, междоусобий и волнений местом хранения товаров и имущества. Горожане, привыкшие жить в деревянных домах, охотно затрачивали большие суммы на построение каменных церквей, служивших надёжным убежищем от огня и грабежа.

В больших церквах создавался обычно «собор», состоявший из попов и дьяконов, служивший вечерни, заутрени и литургии, которые в таких соборах полагалось «по вся дни служити». Во главе собора стоял «старейшина», назначаемый епископом. В церкви Бориса и Глеба в Вышгороде «старейшина клириком» был поп Лазарь. Сын Лазаря, видимо, также готовился к духовной карьере и по ночам сидел у церкви сторожем по поручению отца.

Греческое слово клир (κλῆρος) — собрание церковников — получило на Руси особое значение в применении к большим соборам, «клирошане» которых составляли церковное объединение с целями и задачами, напоминающими западноевропейские капитулы. Мысль о таком устройстве русских «крылосов» высказана была уже давно, впрочем без доказательств, в виде голого тезиса: «У епископов и митрополитов согласно несомнительного свидетельства русских летописей был особый клир, составлявший так называемый крылос, которому в латинской церкви соответствует капитул» [2].

В епископских центрах соборы находились под непосредственным ведением епископа. Впрочем, соборы существовали и вдали от епископских кафедр, в таких городах, как Вышгород, Белгород, Боголюбово. Здесь «клирошане» также составляли сплочённое объединение во

---

[1] «Яко же и народу многу приходити в церковь святою и приносити недужныя своя, ти полагати в церкви святою» (*Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 15).

[2] «Penes Episcopos et Metropolitas erat juxta indubitata testimonia annalium Ruthenorum distinctus Clerus, constituens sic dictum Krylos, cui in Ecclesia latina correspondet Capitulum» (Annales Ecclesiae Ruthenae, auctore Michaele Harasiewicz, Leopoli 1862, p. 9).

главе со старшиной. Летописец однажды называет клирошан владимирской Успенской церкви «Луциною чадью», по имени их старейшины Луки [1].

Соборные церкви получали многочисленные привилегии и владения, делаясь центрами городского духовенства. Древнейшее известие о подобном пожаловании восходит к 996 г. Владимир Святославич дал Десятинной церкви от своего именья и от своих городов «десятую часть», или десятину. Позже Андрей Боголюбский пожаловал Успенскому собору во Владимире «свободы купленыя и з данями, и села лучшая, и десятины в стадах своих, и торг десятый». Таким образом, собор владел слободами и сёлами на правах иммунитета («з даньми») и, кроме того, получал пошлины от каждого десятого торга. Наши источники содержат указание на «десятинные грады», принадлежавшие городским соборам. Десятинной церкви в Киеве принадлежал город Полонный с окружающими волостями, Успенскому собору во Владимире-на-Клязьме — город Гороховец [2].

При соборных церквах помещались библиотеки и состояли штаты писцов. Летопись упоминает о книгах, принадлежавших Успенскому собору во Владимире. Церковная казна хранилась на обширных хорах — «полатях» — и считалась не только церковным, но и общегородским достоянием. Владимирские горожане были крайне оскорблены, когда узнали, что их новые князья захватили золото и серебро Успенского собора и взяли себе ключи от соборной ризницы. Такой княжеский поступок рассматривался как доказательство того, что Ростиславичи нелояльны по отношению к владимирцам. Они вели себя, как в завоёванной, а не в своей волости. В той же церкви в «тереме» хранились деньги, книги, церковные сосуды и драгоценные ткани. При взятии городов победители тотчас стремились ограбить церковь. Взяв Владимир Волынский, поляки ломились в собор Богородицы и не успели его разграбить только потому, что соборные двери оказались крепкими и их не успели разбить до прибытия помощи.

---

[1] Лаврент. лет., стр. 351. Издатели, впрочем, отделяют «Луцину чадь» от клирошан запятою, но в указателе этот же Лука отмечен как демественник, т. е. отнесён к соборному духовенству.

[2] Там же, стр. 330, 340.

Городские соборы в торговых городах имели, кроме того, особое, чисто светское значение — быть хранителями мер и весов, за точность которых по статье «о мерилах градских» должен был отвечать епископ. По Смоленскому договору с немцами весовая капь находилась в соборе на горе. В Киеве Десятинная церковь, а в Новгороде — Софийский собор принимали участие в хранении весов и торговых мер.

Составляя заметную часть городского населения, белое духовенство имело значительное влияние в городах, особенно в зажиточных кругах населения. Это приводило к тому, что в рядах белого духовенства появлялся своеобразный тип духовника-потаковника, мирволившего своей пастве. В поучении одного новгородского владыки XII в. (предположительно Ильи-Иоанна) указывается на попущения, в которых были повинны новгородские попы, например, на обычай «ротиться», приносить присягу в церкви, притом нередко ложную. Однако этот обычай широко распространился и был материально выгоден для духовенства.

Близость белого духовенства к прихожанам при общей грубости нравов приводила к тому, что попы и причетники были постоянными участниками пиров и попоек. Даже строгий владыка не возражал в принципе против участия священников в пирах и угощениях мирян, его только возмущало чрезмерное пьянство и желание напоить во что бы то ни стало: «видите ведь обычай в граде сем, насиливо пьють». О попойках с участием духовенства даёт представление одно место Ипатьевской летописи о взятии Белгорода (в 1150 г.), где сидел в это время князь Борис Юрьевич. Враждебные войска появились под Белгородом в тот момент, когда Борис «пьяшеть» в сенях княжеского дворца с дружиною и белгородскими попами [1].

Названное нами поучение новгородского владыки вскрывает ещё одну, чисто мирскую сторону деятельности белого духовенства, отрицательную с точки зрения церковных идеалов, но очень типичную для средневекового духовенства. Владыка решительно обрушивается на попов, занимающихся ростовщичеством: «еще слышу о

[1] Ипат. лет., стр. 288.

попах, берущих резы» (проценты). С этим явлением он никак не хочет согласиться и заявляет о строгом наказании за такие проступки [1].

Постоянные филиппики церковных писателей, направленные против попов, чересчур занятых мирскими делами, оставались безрезультатными. Средневековая практика требовала от белого духовенства непрерывного участия в городской жизни. В конце XI в. митрополит Иоанн II в своих канонических ответах даже узаконивал действительность, возмущавшую позже строгого новгородского архиерея. Митрополит писал, что священники, приходящие на мирские пиры, должны были благообразно и с благословением принимать им предлагаемое, уходя только в том случае, когда начинались пляски, игры, музыка, происходили ссоры и «соблазн велик». Тем не менее образ иерея-пьяницы неотступно стоял и перед глазами митрополита, требовавшего от священников «пьянства отлучаться» под угрозой низвержения из сана [2].

Картина множества храмов, рядом с которыми обязательно располагались церковные слободки, населённые попами, дьяконами, сторожами, просвирнями и нищими, становится типичной для древнерусских городов. Церковь представляла собой не только «молебницу», но и место отправления ряда публичных актов: принесения присяги (роты), объявлений от властей и т. д. Попы приглашались в свидетели («послухи») завещательных распоряжений. Духовенство порой вмешивалось в крупные политические события, отражая стремления горожан. Когда Мстислав Владимирович вздумал исполнить крестное целование, в дело вмешались андреевский игумен и собор киевских священников. Они приняли на себя грех клятвопреступления Мстислава. Тот уступил священникам, хотя «и плакася того вся дни живота своего» [3]. Белое духовенство было важной составной частью городского населения, без учёта которой наше представление о городах в Древней Руси было бы неполным.

---

[1] «Да от сего дне останетеся того; кого ли уведеть и кун лишу и в казни будеть от мене» (*А. Павлов*, Неизданный памятник русского церковного права XII века, СПБ 1890, стр. 15).

[2] «Русская историческая библиотека», т. VI, стр. 8—9, 20.

[3] Ипат. лет., спр. 210.

7. Монастыри и монахи

Если белое духовенство вместе с остальными церковными людьми в какой-то мере примыкало к ремесленно-купеческой группе городского населения, то чёрное духовенство, или монашество, в основном составляло тот слой, который ярко окрашивал церковь в феодальные тона. Конечно, и здесь были свои градации и резкие различия — пропасть между простым монахом и епископом была неизмерима, но нельзя забывать того, что каждый монах являлся составной частью своего монастырского объединения, а монастыри ревниво охраняли свои права не только от посягательств светских властей, но и от самих епископов.

Монашество на Руси появилось по крайней мере со времени крещения. Количество монастырей в XI—XIII вв., по очень неточным летописным сведениям, достигало 70. По исчислению Е. Голубинского, монастыри распределялись по городам следующим образом: в Новгороде было 17 монастырей, в Киеве — 17, во Владимире — 6, в Смоленске — 5, в Галиче — 5, в Чернигове — 3, в Полоцке — 3, в Ростове — 3, в Переяславле Южном — 2, во Владимире Волынском, Переяславле Залесском, Суздале, Муроме, Пскове, Старой Русе, Нижнем Новгороде, Ярославле и Тмутаракани — по одному[1]. Насколько эти цифры неточны, видно из того, что в богатейшем Владимире Волынском и Галиче показано только по одному монастырю, тогда как по летописи татары в 1237 г. сожгли в маленькой Москве не один монастырь, а «монастыри». В самом Киеве кроме 17 названных монастырей существовали ещё неизвестные монастыри за городом, на всполье. Фундаменты ряда каменных церквей найдены в окрестностях Галича. Можно предполагать, что эти фундаменты по преимуществу принадлежали монастырским церквам, поскольку каменные приходские храмы вне городских укреплений в Киевской Руси насчитывались единицами.

Монашество в этот первоначальный период истории русской церкви было тесно связано с городами.

---

[1] *Е. Голубинский*, История русской церкви, т. I, М. 1904, стр. 746—763.

Так, Голубинский в своей «Истории русской церкви» отмечает, что монастыри домонгольской Руси являлись в основном монастырями городскими. Только с конца XIV в. в Северо-Восточной Руси начинается усиленная постройка монастырей в районах, более или менее отдалённых от городов. В XI—XIII столетиях монастыри ещё жмутся к городу и к городским стенам. Одной из причин такой особенности того времени является, повидимому, слабое распространение христианства. Двоеверие и язычество неохотно уступали место христианству, а постоянные феодальные войны угрожали безопасности монастырей, заброшенных вглубь малозаселённых территорий. Не только половцы, но и сами русские охотно грабили монастыри и церкви, о чём не один раз сообщается в летописях. Монастыри только тогда прочно оседают вне города, когда они становятся земельными собственниками, феодальными владетелями, и с этого времени неудержимо гонятся за недвижимым имуществом, порождая идеологию монастырского «стяжательства», несмотря на резкое противоречие этой доктрины монастырским обетам и уставам.

Количество монастырей стояло в прямой пропорции к размерам и экономическому благосостоянию города. В Киеве можно насчитать, как мы видели, 17 монастырей, из которых самым крупным была Киево-Печерская лавра, основанная около середины XI в. Большинство киевских монастырей было основано князьями и боярами. Таким сделался и Киево-Печерский монастырь, возникший в непосредственной близости к любимому княжескому селу Берестову. Основателя этого монастыря посетил князь Изяслав, после чего «уведан бысть всими великий Антоний и честим». Впрочем, тот же Изяслав, недовольный самостоятельной политикой печерских монахов, построил новый монастырь, св. Дмитрия [1].

Отдельные княжеские ветви уже в это время стремились обзавестись собственными монастырями. В 1070 г. впервые упоминается о «монастыре Всеволожи на Выдобычи» [2]. Новая обитель возникла недалеко от Печерского монастыря — возможно, в непосредственной близости к загородной резиденции Всеволода. Мономаховичи

[1] Ипат. лет., стр. 110, 112.
[2] Там же, стр. 122.

в XII в. имели свой монастырь св. Феодора. Они называли его отцовским — «отним», тогда как для Ольговичей «отним» был Кирилловский монастырь [1].

Женские монастыри в Киеве строились также представителями княжеского рода. В 1086 г. Всеволод построил церковь св. Андрея, а при ней монастырь, в котором постриглась дочь Всеволода княжна Янка [2]. Впоследствии этот монастырь, по имени основательницы, назывался Янциным. Успенский монастырь во Владимире Залесском был создан великой княгиней Марией, женой Всеволода Большое Гнездо.

В XII в. среди основателей монастырей появляются знатные и богатые люди некняжеского рода. Кажется, подобные монастыри раньше всего возникли в Новгороде с его богатым боярством и купечеством, хотя первый большой новгородский монастырь (Юрьев) был всё-таки княжеским. Его построил князь Мстислав Владимирович, воздвигнув в нём громадный собор. Почти одновременно с Юрьевым возник Антониев монастырь, основателем которого являлся, повидимому, какой-то купец. В конце XII в. был основан Хутынский монастырь сыном новгородского боярина — Алексеем Михайловичем.

Общее количество монахов в городах было очень неопределённо и не может быть установлено даже приблизительно, но всё-таки можно сказать, не удаляясь от истины, что в таких городах, как Киев и Новгород, оно измерялось не десятками, а сотнями. В Печерском монастыре насчитывалось 180 черноризцев [3], не считая зависимых монастырских людей, работавших в хозяйстве. В смоленском Авраамиевом монастыре в XIII в. было 17 монахов.

Печерский патерик старается нарисовать нам картину полного равенства в монашеской общине, но действительность была чрезвычайно далека от этого идеала. Второй игумен Печерского монастыря, Стефан, вынужден был оставить монастырь, потому что иноки подняли против него «крамолу» и выгнали его из монастыря даже без имущества («тоща»). Образ недовольного и честолюбивого

---

[1] Лаврент. лет., стр. 324, 391.

[2] Лаврент. лет., стр. 199, примечание. «Совокупивши черноризци многи, пребываше с ними по манастырьскому чину» (Ипат. лет., стр. 144).

[3] «Печерский патерик», стр. 201.

монаха мы встречаем в Патерике: сегодня он кроток, а завтра «яр и зол», недолго сохраняет молчание, а потом снова ропщет на игумена

Состав монастырской братии легче всего проследить по данным Печерского патерика. Об основателе монастыря, Антонии, сообщается только, что он был благочестивым мужем из города Любеча [1]. Однако Антоний был не из числа простых людей, так как он совершил большое путешествие на Афон, а подобное путешествие требовало затраты крупных средств. Об игумене Феодосии мы знаем гораздо больше подробностей. Родители его принадлежали к знати города Курска. Феодосий ходил «с рабы своими на село делати с всякимь прилежаниемь». Знаменитейшим иноком Печерского монастыря был Никола Святоша, сын черниговского князя Давыда Святославича. Ещё при жизни игумена Феодосия в монастыре постригся боярин Варлаам, сын боярина Иоанна, «иже бе первый у князя в болярех». Тогда же постригся в монахи Ефрем, раньше он был «любим княземь и предержа у него вся». Черноризец Еразм обладал большим богатством, которое истратил на церковные украшения. Другой монах, Арефа, имел большое богатство в келье и отличался неимоверной скупостью. Моисей Угрин, трогательная и печальная история которого рассказана в Патерике, был любимцем князя Бориса, убитого по приказанию Святополка. Исаакий Затворник происходил из Торопца. Он был до монашества богатым купцом. Наконец, Никон-черноризец был «от великих града» [2].

Даже эти немногочисленные сведения позволяют сделать вывод, что среди братии Печерского монастыря имелось значительное количество выходцев из богатых и знатных кругов. По крайней мере именно они стояли во главе монастыря и направляли его деятельность.

К такому же выводу приводят наблюдения над составом монашества новгородских монастырей. Основателем знаменитого Антониева монастыря был Антоний Римлянин. Название «Римлянин» едва ли обозначало действительное происхождение Антония и возможно появилось позже, но могло восходить и к древнему преданию. «Римской страной» в новгородских памятниках XII—XIII вв.

---

[1] «Печерский патерик», стр. 57, 73, 11.
[2] Там же, стр. 11, 17, 83, 23, 24, 86—87, 88, 102, 106, 128, 79.

называли иногда вообще страны, где господствовало католичество. Так, в житии Александра Невского даже Биргер именуется королём «от части Римской». Одно можно сказать с достоверностью: Антоний был очень богатым человеком, так как в короткое время построил в основанном им монастыре громадный каменный собор и вслед за этим каменную трапезу. В духовной Антония имеется указание на самостоятельное происхождение монастыря, построенного без поддержки со стороны князя или епископа: «не приях и имения ото князя, ни от епископа»[1]. Основатель другого известного новгородского монастыря, Варлаам, был сыном новгородского боярина Михаила (Михаля). В миру Варлаам носил имя Алексы Михайловича.

При общей тенденции русских монастырей к привлечению в свои стены богатых иноков, которые могли бы обеспечить монастырь крупными вкладами, становится совершенно понятным ведущее значение аристократической верхушки среди остальной монастырской братии.

В Новгороде аристократическое монашество группировалось вокруг Хутынского монастыря, основатель которого Варлаам был товарищем детства другого знатного боярина — Добрыни Ядрейковича («сверстник его»). Добрыня был не только богатым и знатным, но и очень образованным человеком, описавшим хождение в Царьград. Незадолго до разорения Константинополя крестоносцами, в 1204 г., он посетил этот город. Позже Добрыня постригся в монахи на Хутыне под именем Антония и впоследствии сделался новгородским архиепископом. В том же монастыре постригся Прокша Малышевич, в иночестве Порфирий, со своим братом Фёдором. Сын Прокши, новгородский тысяцкий Вячеслав, также постригся в Хутынском монастыре[2]. В начале XIII в. этот монастырь играл роль проводника интересов крупного боярства. Из хутынских иноков вышел Арсений, дважды наречённый в архиепископы Новгорода и вызывавший против себя яростную ненависть «простой чади».

Тесные связи чернецов с аристократическими кругами обнаруживаются во многих монастырях. Игумен Стефан, изгнанный из Печерского монастыря, нашёл тотчас

[1] «Грамоты Великого Новгорода», стр. 160.

[2] *В. О. Ключевский*, Древнерусские жития святых как исторический источник, М. 1871, стр. 59—61.

поддержку у многих бояр, которые «подавали ему от имений своих, что нужно ему на потребу и на иные дела» [1].

Патерик рассказывает о помощи Печерскому монастырю со стороны некоторых «христолюбцев». Корчаги с вином и маслом, возы с хлебом, сыром, рыбой, горохом, пшеном и бочками мёда, посланные знатными и богатыми людьми, нередко въезжали в монастырские ворота. Русское монашество носило столь же аристократический характер, как и монашество средневековой католической Европы, а вовсе не являлось приютом аскетов, искавших уединения вдали от мира.

Состав черноческой верхушки, в которой столь большую роль играли аристократические круги, создавал из монастырей постоянный источник, пополнявший ряды высшей церковной иерархии. Один из постриженников Печерского монастыря в начале XIII в. с гордостью уверял, что «от того Печерьского монастыря пречистые богоматере многие епископы поставлени быша». По его, несомненно неполному, списку из числа печерских черноцов вышло 15 епископов, и это за относительно короткое время в полтора-два столетия. В их число входят такие знаменитые деятели, как митрополит Иларион, переяславский епископ Ефрем, ростовские епископы Леонтий и Исайя, новгородский Нифонт и черниговский Феоктист [2]. Между тем занятие епископской кафедры в Древней Руси было связано с большими расходами, доходившими иной раз до 100 гривен серебра. Поэтому так много упрёков против «самолюбцев», ищущих славы «от человека, а не от бога», слышится в древнерусской церковной литературе. Тема же о поставлении в духовный сан «на мзде», о так называемой симонии, не сходит со страниц древних рукописей.

Монастыри рано начали стремиться к накапливанию недвижимых богатств. Киево-Печерский монастырь обладал населёнными сёлами и деревнями уже при жизни его основателя Феодосия. В монастырских имениях имелась администрация в лице тиунов и слуг, как это с ясностью вытекает из слов Печерского патерика о распоряжениях Феодосия перед смертью: «тогда же повелел собрать братию всю, и тех, кто был в селах или на иную

---

[1] «Печерский патерик», стр. 57.
[2] Там же, стр. 75—76.

какую потребу отошли и всех созвав, начал наставлять служителей и приставников и слуг, как пребывать каждому в порученной ему службе» [1].

Монахи занимались некоторыми ремёслами и довольно успешно конкурировали на рынке с местными ремесленниками. В Киево-Печерском монастыре среди монашества находим некоторое количество монахов-ремесленников. Постоянным занятием монахов являлась переписка книг. Патерик отмечает черноризца Илариона, который был «книгам хитр писати». Славились иконописец Алимпий, научившийся своему художеству от греческих мастеров, врач Агапит и пр.

Однако основное богатство монастырей уже в это время складывалось из земельных и денежных вкладов. Требование денежных вкладов при пострижении в монастырь утвердилось в монастырской практике, кажется, со времени самого появления монашества на Руси. Нестор с большой наивностью повествует о скитаниях юного Феодосия по киевским монастырям. Желая постричься Феодосий ходил по монастырям и просил принять его в число братии. Монахи же, видя перед собой плохо одетого юношу и считая его простолюдином, не хотели принять неофита [2].

В XII в. крупные монастыри, как правило, владели земельными имуществами. Типичное монастырское село изображено во вкладной Варлаама Хутынского, бесспорном подлинном памятнике конца XII — начала XIII в. Варлаам передаёт своему монастырю «землю и огород, и ловища рыбная и гоголиная, и пожни». На хутынской земле находилось два селения. В одном из них жил отрок с женою, Волос, девка Феврония с двумя племянниками и Недачь. В этом же селе было 6 коней и 1 корова. Другое село с церковью Георгия находилось на Слуднице [3]. Князья дарили монастырям сёла и целые волости «с данию, и вирами, и с продажами» [4].

Некоторые монастыри начали распространять свои владения уже за пределами своих городов и даже княжеств, создавали свои дворы и церкви-филиалы. Киево-

---

[1] «Печерский патерик», стр. 52—53.
[2] Там же, стр. 20.
[3] «Грамоты Великого Новгорода», стр. 161—162.
[4] Там же, стр. 140.

Печерскому монастырю, например, принадлежал двор в Суздале. Составители указателя к Ипатьевской летописи напрасно считают этот двор принадлежащим какому-то Печерскому монастырю в Суздале, тогда как речь идёт именно о Киево-Печерском монастыре, которому был дан двор «и с селы» суздальским епископом Ефремом, киево-печерским постриженником.

Громадный земельный и денежный вклад, поступивший в Киево-Печерский монастырь в XII в., отмечается в летописи по случаю смерти вдовы Глеба Всеславича. Уже отец княгини Ярополк Изяславич, умерший в 1087 г., подарил в Печерский монастырь волости Неблькую, Деревскую и Лучьскую «и около Киева». Сам Глеб вместе с княгиней ещё при своей жизни пожертвовал в монастырь 600 гривен серебра и 50 гривен золота. После его смерти княгиня дала ещё 100 гривен серебра, завещав после своей смерти монастырю 5 сёл «и с челядью, и все даже до повоя» (головного женского убора) [1].

Порой между монастырями разгоралось соперничество за обладание какой-либо церковью или святыней. Летописец с осуждением говорит о печерских монахах, оттягавших в свою пользу церковь Дмитрия «с грехом великим и неправо» [2].

Крупное влияние, какое оказывало монашество на различные общественные круги, в немалой степени держалось на значении монастырей как центров письменности и образования. Более или менее богатый древнерусский монастырь обычно имел хорошую библиотеку. Здесь вырабатывались определённые навыки писцов, трудившихся над перепиской книг, здесь создавались литературные памятники, подобные житиям святых, сказаниям и летописям. Письменность в Древней Руси, конечно, не являлась исключительным уделом духовенства, но самый процесс писания книг был трудоёмким, требовал особого внимания и большой затраты времени. К тому же материалы для письма (пергамен, чернила, краски) стоили слишком дорого, чтобы письменность могла распространяться среди широких масс. Поэтому переписка книг и составление литературных памятников в значительной мере лежали на плечах духовенства, и в

[1] Ипат. лет., стр. 166, 338.
[2] Лаврент. лет., стр. 284.

первую очередь чернецов. В этом отношении особенно было велико значение Киево-Печерского монастыря, выдвинувшего из своей среды несколько литературных талантов. Уже основателю этого монастыря Феодосию приписывается составление некоторых поучений и слов, сохранившихся в рукописях. Учеником Феодосия называет себя Нестор, которого древняя традиция прозвала «летописцем» и с именем которого связан величайший исторический труд Киевской Руси — Повесть временных лет. В начале XIII в. из стен Печерского монастыря выходят епископ Симон Владимирский и чернец Поликарп, сочинения которых вошли в состав Печерского патерика. Можно говорить о целой литературной школе, возникшей в Печерском монастыре и мощно повлиявшей на литературу Киевской Руси.

В Киеве существовал и другой литературный центр — Выдубицкий монастырь, пытавшийся проявить самостоятельную деятельность в XII в. Игумен Сильвестр не без успеха переработал Повесть временных лет, составленную в Печерском монастыре, и тем обессмертил своё имя в глазах потомства, уже в XVI в. называвшего его Сильвестром Великим. Литературная традиция держалась в Выдубицком монастыре по крайней мере до начала XIII в., как показывает наивное, но любопытное Слово о создании каменной стены, подведённой под церковь св. Михаила в Выдубицком монастыре [1].

Такие же литературные силы сосредоточивались в других монастырях. Крупнейшим культурным центром в Новгороде являлся Юрьев монастырь. Представителем новгородской учёности был монах Кирик, прославившийся своим вопрошанием и пасхальными вычислениями. Хутынский монастырь выдвинул Антония, составившего описание своего путешествия в Царьград. Под Смоленском находился Зарубский монастырь, получивший в XII в. также некоторое литературное значение. Отсюда вышел известный Климент Смолятич.

Многие летописные записи, дошедшие до нас, были составлены монахами. Участие монахов в летописании было явлением столь распространённым, что большое количество известий и рассказов, помещённых в летописях, сохранило церковную, я бы сказал, монашескую

[1] Ипат. лет., стр. 474 и далее.

окраску, особенно сильную в известиях второй половины XII в., внесённых в Лаврентьевскую летопись.

При монастырях создавались библиотеки и специальные штаты писцов. В соборе Киево-Печерского монастыря хранились греческие книги, привезённые туда, по преданию, архитекторами, строившими этот замечательный памятник XI в. Греческие книги помещались «на полатях», на хорах, служивших местом для монастырского книгохранилища. Относительно богатую монастырскую библиотеку заставляет предполагать житие Авраамия Смоленского.

Конечно, древнерусский монастырь не жил изолированной жизнью от городского населения. С поразительной силой рисуется нам образ монаха, всецело поглощённого мирской суетой, в Слове Даниила Заточника. «Многие, — пишет он, — отойдя от мира в иночество, вновь возвращаются на мирское житие, точно пес на свою блевотину, и на мирское хождение; обходят села и домы славных мира сего, как псы ласкосердые. Где свадьбы и пиры, тут черницы, и черници, и беззаконие: имеет на себе ангельский образ, а развратный нрав; святительский на себе имеет сан, а обычаем похабен» [1]. Обвинения монахов в жадности и стремлении к почестям и богатству столь общеизвестны, что на них нет нужды долго останавливаться. Однако эти слова и поучения проповедников имеют для нас ту несомненную ценность, что позволяют судить о тесной связи монашества с городским населением. Этим объясняется такая обстоятельная осведомлённость летописцев о городских событиях. Мирские интересы нередко странно сочетаются с типично иноческими рассуждениями и цитатами из церковных книг. В свою очередь монастырские споры находили живой отклик у горожан, как об этом мы узнаём из жития Авраамия Смоленского. Фигура монаха в чёрной рясе нередко мелькала на площадях и улицах, а сами монастыри со своими каменными церквами резко выделялись среди деревянных построек горожан.

При монастырях уже в это время находились слободки, населённые зависимыми людьми. Тут были самые различные категории зависимых людей, положение которых мало чем отличалось от крепостных. Среди них

[1] «Слово Даниила Заточника», стр. 70.

найдём «прощенников» и «задушных людей». Не входя в обсуждение, что собой представляли эти люди, вернее, каким образом они попали в феодальную зависимость от церковников [1], отметим здесь только следующее: по словам Даля, «задушьем» называлось подаяние за усопшего, «прощенниками» звали излечившихся людей, которые оставались при монастырях и церквах, как бы отрабатывая своё излечение. В монастырских слободках жили и просто холопы и крепостные люди, как это видим из вкладной Варлаама Хутынского конца XII или начала XIII столетия. Феодальный облик древнерусских церквей и монастырей создавал из них настоящие твердыни. Средневековый «дом» киевской или новгородской Софии был своего рода феодальным государством.

[1] См. *Б. Д. Греков,* Киевская Русь, 1953, стр. 255—257.

ГЛАВА 4

БОРЬБА ЗА ГОРОДСКИЕ ВОЛЬНОСТИ

1. Общие замечания

Историк Древней Руси сталкивается с одним в высокой степени замечательным фактом — несомненным усилением политической роли городов и городского населения. Летописи пестрят указаниями на вмешательство горожан в политические дела. Горожане сажают на княжеский стол своих кандидатов или, наоборот, отказывают некоторым князьям в помощи. На городских площадях разыгрываются бурные сцены, и княжеская власть отступает перед разъярёнными народными массами. Это усилившееся значение городского населения в политических делах с наибольшей отчётливостью заметно в крупных городских центрах, подобных Киеву и Новгороду. При благоприятных условиях русские города могли бы вырасти в такую же мощную силу, какой они сделались в Западной Европе, но этому помешали печальные обстоятельства — в первую очередь татарские погромы, опустошившие Русскую землю.

Из общего числа городов XII—XIII вв. лишь немногие остались впоследствии крупными экономическими центрами, причём общее число крупных городов в приднепровских областях даже несколько уменьшилось по сравнению с XI столетием (так потеряли прежнее значение Любеч, Искоростень, Овруч и Переяславль). Только в Ростово-Суздальской и Галицкой Руси мы наблюдаем появление новых больших городов, и этот факт лучше

каких-либо других доказательств подчёркивает действительное усиление этих окраинных земель в XII в.

Поэтому только в крупных центрах — Новгороде, Полоцке, Галиче, Смоленске и Киеве — мы можем наблюдать широкое развитие борьбы горожан за свои привилегии. Эта борьба, как ни слабо она отражена в наших источниках, близко напоминает борьбу горожан Западной Европы за образование городских коммун, хотя только в Новгороде, Полоцке и Пскове коммунальное устройство нашло себе место, да и то в весьма своеобразном виде.

Борьба горожан за городские привилегии с феодалами, стремившимися к установлению в городах своего господства, естественно, переплеталась с классовой борьбой среди самих горожан. Слишком разнородными были интересы купцов и ремесленников, мастеров и их учеников. «Порабощение неповинных», опутывание людей долговыми обязательствами было делом не только феодалов, но и верхушки городского общества — купцов и ремесленников-мастеров. Но тем не менее были и общие интересы, объединявшие горожан в их борьбе против князей и бояр, — это стремление расширить свои права, по крайней мере облегчить феодальные повинности.

С такими же явлениями мы встречаемся в Западной Европе, где городская торговля способствовала развитию городских вольностей. «Народам, занимавшимся преимущественно торговлей, не требовалось для этого никаких исключительных условий, свобода зародилась у них сама собой» [1].

Летописи пестрят указаниями на выступления городского населения против князей и их тиунов, против городского патрициата. Сведённые вместе, эти указания дают интереснейшую картину классовой борьбы в городах, включая и борьбу горожан за городские привилегии. С наибольшей полнотой эти явления прослеживаются на примере больших древнерусских городов [2].

2. Киев

Наиболее бурно и обострённо борьба за городские привилегии развивалась в Киеве, где рост классовых противоречий происходил гораздо быстрее, чем в других

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, М. 1938, стр. 412.

[2] См. подробнее *М. Н. Тихомиров*, Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.

городах Древней Руси. Первым острым проявлением этой борьбы является киевское восстание 1068 г.

Ход событий представляется примерно в таком виде. В 1068 г., по Ипатьевской летописи (по Лаврентьевской — в 1067 г.), русское войско под начальством трёх князей Ярославичей, сыновей Ярослава Мудрого, потерпело на Альте поражение от половцев. Двое Ярославичей, Изяслав и Всеволод, после поражения вернулись в Киев, а третий, Святослав, — в Чернигов. Воины-киевляне прибежали в Киев «и, створивше вече на торговищи», предъявили Изяславу требование выдать им оружие и коней для продолжения борьбы с половцами. Князь отказал киевлянам, и горожане «идоша с веча на гору», следовательно, из торгово-ремесленного квартала на Подоле к княжескому замку. «Люди» разграбили двор воеводы Коснячко, которого считали виновником поражения. Здесь восставшие разделились надвое: одни пошли к княжескому двору, другие к Брячиславлю двору, где сидел в тюрьме (в порубе) полоцкий князь Всеслав, вероломно захваченный Ярославичами. Киевляне освободили Всеслава, провозгласили его князем «и двор княжеский разграбили, бесчисленное множество злата и сребра, деньгами и мехами». Князья бежали из Киева. Старший из них, Изяслав, искал помощи в Польше и в Риме у папы. С иноземной помощью он выступил в поход против киевлян и Всеслава, который чувствовал, что его правление в Киеве очень непрочно. Выйдя с киевским ополчением навстречу враждебному войску к Белгороду, Всеслав тайком от киевлян ночью бежал в Полоцк. Киевляне созвали вече и обратились за посредничеством к младшим князьям, Святославу и Всеволоду, угрожая в случае отказа в помощи сжечь Киев и уйти в Греческую землю. Князья действительно обратились к Изяславу с призывом не «погубити града». Однако Изяслав послал в город своего сына, который казнил 70 киевлян, освободивших Всеслава из тюрьмы, а «других ослепил, других без вины погубил не расследовав дело». В Киев вошёл сам Изяслав, встреченный киевлянами с поклоном. В непосредственной связи с восстанием стоит перенос торга с Подола на Гору, чем закончились княжеские мероприятия по подавлению восстания [1].

[1] Ипат. лет., стр. 118—122; Лаврент. лет., стр. 163—169.

Восстание в Киеве и бегство Изяслава произошли 15 сентября 1068 г., вступление Изяслава в Киев — лишь 2 мая. Таким образом, восставший город держался семь с половиной месяцев. Следовательно, нельзя говорить о какой-то случайной и непродолжительной вспышке народного гнева, а надо думать о чём-то большем и организованном.

Волнения в Киеве, повидимому, начались ещё задолго до поражения на Альте. На это указывают слова летописи о киевлянах, заточённых в погребе («пойдем, высадим дружину из погреба»). Речь идёт, следовательно, о непосредственной связи между восставшими и узниками. Термин «дружина» в данном случае можно перевести позднейшим понятием «товарищи» — это люди, объединённые общим делом. Значительное количество киевлян, принимавших участие в восстании, устанавливается словами летописи о расправе Мстислава, который казнил «числомь 70 чади», не считая ещё позже погубленных и ослеплённых киевлян. Термин «чадь» весьма показателен. Он иногда встречается с прилагательным «простая».

«Простая чадь» — народ, простолюдины, в первую очередь городские ремесленники. С этим можно сопоставить известия о начале восстания на торговище, где было собрано киевлянами вече. Киевляне после веча пошли «на гору», т. е. в княжеский замок, к которому они шли «по мосту». Следовательно, надо предполагать, что торговище находилось внизу, под Горой, в районе Подола, населённого ремесленниками и купцами. Перенос торга знаменовал желание князя поставить рынок под свой надзор. Эта мера носила столь яркий политический характер, что летописец употребил по поводу переноса торга выражение: «изгна (възгна) торг на гору». Не вполне понятно другое место летописи, сообщающей, что киевляне угрожали младшим Ярославичам зажечь город и уйти в Греческую землю в случае агрессивных действий Изяслава («нам неволя, зажегши город свой и ступити в Грецискую землю»). Эта угроза указывает на участие в восстании купцов, торговавших с Византией, так как набеги половцев в первую очередь мешали торговле Киева с Византийской империей.

Таким образом, движущими силами восстания были купцы и ремесленники, недовольные действиями княжеских людей, в первую очередь киевским воеводой

Коснячко. Причины для недовольства заключались в стремлении князя контролировать торговлю, в особенности заморскую, господствовать над торгом, что позже, после победы Изяслава, привело к переводу торга с низа на Гору.

В летописи перед рассказом о восстании 1068 г. читаем поучение, ополчающееся «на клянущихся... во лжу и на лишающих наемников вознаграждения за работу и насильствующих над сиротами и вдовицами и на творящих суд криво». Следовательно, лжесвидетельство, ростовщичество и порабощение свободных людей — вот что, по мнению проповедника, было причиной восстания городских людей. Общее недовольство киевлян отражает летописец, осуждающий Изяслава за нарушение крестного целования полоцкому князю. Киевляне рассматривали Всеслава подходящим кандидатом на княжеский стол в Киеве, тем более что полоцкие князья вели свой род от старшей ветви потомков Владимира, не потерявшей связи с Киевом. Напомним здесь о дворе Брячиславле, отца Всеслава, где сидел в заточении полоцкий князь. Кандидатуру Всеслава поддерживал даже влиятельный Печерский монастырь. Имеются указания на какое-то особое отношение Печерского монастыря к событиям 1068 г., объясняющие нам летописный текст. В рассказе Печерского патерика об Исаакии Затворнике читаем следующие строки: «В те же дни приключилось Изяславу прийти из Ляхов. И начал Изяслав гневаться на Антония из-за князя Всеслава» [1]. Повидимому, освобождение Всеслава и его вокняжение получило поддержку со стороны Печерского монастыря и его основателя — Антония.

Нельзя не отметить и странного поведения Всеслава на киевском столе. После семи месяцев княжения в Киеве Всеслав без борьбы бежал в Полоцк тайно от киевлян, хотя тот же Всеслав пользовался славой воина, немилостивого на кровопролитие. Однако поведение полоцкого князя станет более понятным, если мы предположим, что его вокняжение в Киеве было обставлено условиями, которые не могли нравиться этому честолюбивому князю. Некоторым подтверждением этой мысли можно считать известие Новгородской летописи о бегстве Всеслава и

[1] «Печерский патерик», стр. 129.

пожаре Подола («Всеслав бежа Полотьску; и погоре Подолие») [1].

Пожар Подола, видимо, стоял в связи с волнениями в Киеве, начавшимися ещё при княжении Всеслава и заставившими его бежать из города. Намёком на особые отношения Всеслава к киевским горожанам, «людем», является то поэтическое отступление от основной темы, которое находим в Слове о полку Игореве. По нему «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше». Нельзя не отметить в этом отрывке слово «людем», так как под людьми нередко понимаются низы городского населения. Перед нами отголосок песенной традиции о судах и рядах вещего Всеслава, оставившего по себе глубокую память у киевских горожан.

Восстание 1068 г. примечательно тем, что в нём впервые выступают «люди» — горожане в широком смысле этого слова. Восстание происходило в Киеве, где раньше, чем где-либо, развилась городская жизнь, началась борьба горожан за городские вольности [2]. При всей неполноте наших сведений о киевском восстании 1068 г. мы всё-таки можем говорить о нём, как о крупнейшем политическом событии XI в. Это событие отразило усиление горожан, выступающих против княжеской власти и фактически решающих вопрос о занятии киевского стола, первого по своему значению во всей Руси.

Претензии горожан с ещё большей полнотой обнаруживаются в киевском восстании 1113 г., происшедшем после смерти Святополка Изяславича. Летописные известия о восстании этого года неполны и отрывочны. Рассказав о смерти и погребении Святополка 16 апреля 1113 г., летописец замечает, что на следующий день утром киевляне «совет сотворили» и послали к Владимиру Мономаху приглашение занять киевский стол. Владимир отказался. Между тем в Киеве началось восстание. Киевляне «разграбили двор Путятин тысяцкого, пошли на евреев и разграбили их». О серьёзности положения в Киеве говорят слова, обращённые к Мономаху: «пойди, княже, в Киев; если не пойдешь, то знай, что многое зло воздвигнется, то тебе не Путятин двор, ни сотских, но и евреев грабить, и еще пойдут на невестку твою и на бояр

[1] Новгород. лет., стр. 17.

[2] См. *М. Ткаченко*, Повстання в Київі в 1068—1069 рр. («Наукові записки» Академії наук УССР, кн. 1, 1943 р., стр. 149).

и на монастыри». Владимир согласился принять киевское княжение, «и все люди рады были и мятеж окончился» [1].

Нельзя забывать, что рассказ летописца имеет явно тенденциозный характер. Летописец стремится представить Владимира в наиболее благоприятном свете, как князя, занявшего киевский престол только после настойчивых просьб со стороны киевлян. Но у нас есть другой источник, рассказывающий о восстании 1113 г. и впервые использованный мною в другой работе, — это Сказание о перенесении мощей Бориса и Глеба, помещённое в Успенском сборнике XII в. Из него выясняется, что волнение распространилось за пределы города. Испуганные размерами восстания, представители киевских верхов пригласили Владимира на киевский стол как князя, который мог справиться с движением [2].

Недовольство насильственными действиями Святополка началось в Киеве давно. Об этом недвусмысленно говорит Печерский патерик: «Много насилия людям сотворил Святополк, домы сильных до основания без вины искоренил, имения многих отнял». Святополк был замешан в спекуляции солью. Пользуясь недостатком соли, купцы подняли на неё цену и подали князю жалобу на печерского черноризца Прохора, который раздавал пепел вместо соли. Святополк велел отобрать у монаха соль, якобы тотчас превратившуюся в пепел [3]. При всей легендарности рассказа Патерика в нём ясно проступают черты действительных событий: скупость Святополка, склонность его к спекуляциям за счёт народных масс, связи с ростовщиками.

Ссора между киевлянами и Святополком, повидимому, *началась ещё задолго до восстания*. Летописец, упомянув о солнечном затмении 19 марта, говорит, что подобное знамение бывает «не на добро», связывая его с кончиной Святополка, умершего не в Киеве, а где-то за Вышгородом. Святополка оплакивали «бояре и дружина его

---

[1] Ипат. лет., стр. 198.

[2] «Святополку преставившюся на второе лето, по устроение церкве тоя, и многу мятежю и крамоле бывъши в людьх и мълве не мале, и тъгда съвъкупившеся вси людие, паче же большии и нарочитии мужи, шедъше прячьтъмь всех людий и моляху Володимера да въшед уставить крамолу сущюю в людьх. И въшьд утоли мятежь и гълку в людьх» («Сборник XII века московского Успенского собора», стр. 38).

[3] «Печерский патерик», стр. 106, 108.

вся». Ничего не говорится о печали самих киевлян, хотя при рассказе о смерти других князей обычно сообщается о горе народа. Отказ Владимира Мономаха занять киевский стол мотивируется его скорбью по Святополке («жаляси по брате»). По смерти князя киевляне распоряжаются в городе и постановляют пригласить Владимира на княжеский стол. Во всех этих известиях чувствуется что-то недоговорённое, желание летописца скрыть некоторые факты, неприятные для господствующих классов. Тем не менее из слов самого летописца видно, что недовольство киевлян, а возможно и их открытое возмущение повлияли на отъезд Святополка из столицы. Тогда становятся понятными слова летописи о жалости Владимира по брате, изгнанном из города. Владимир не хотел занять княжеский стол, получив его из рук киевлян, подобно Всеславу. Летописец и далее допускает большую неясность изложения. С одной стороны, киевляне приглашают Владимира, а с другой — те же киевляне грабят двор тысяцкого и еврейский квартал, где жили менялы и ростовщики. Из дальнейшего выясняется, что к числу восставших киевлян не принадлежали бояре и духовенство («поидуть... и на бояры и на манастыри»), дворы которых находились также под угрозой разгрома. Это — прямое указание на классовый характер восстания 1113 г.

Противоречия, отмеченные нами, объясняются тем, что летопись говорит о двух различных группах киевского населения. «Люди», среди которых, по Успенскому сборнику, происходили «голка» и «мятеж», — это широкие круги горожан; «большии и нарочитии мужи», которые «паче» (т. е. больше других) звали Владимира Мономаха в Киев, — это городская верхушка, бояре и купцы.

Результатом восстания 1113 г. было появление устава Владимира Мономаха, внесённого в Пространную Русскую Правду. Полностью устав, видимо, не сохранился, но некоторые его черты показывают, что он являлся своего рода жалованной грамотой киевлянам [1].

Из устава Владимира Мономаха, помещённого в Русской Правде, узнаём о совещании на Берестове, выработавшем постановление о резах (процентах). В совещании участвовали три тысяцких, которые имели по своей долж-

---

[1] *М. Н. Тихомиров,* Исследование о Русской Правде, стр. 204—211.

ности прямое отношение к городскому населению. Нет ничего невероятного в том, что призвание Мономаха на киевский стол было оговорено некоторыми гарантиями для городского населения, обусловлено «рядом» — договором князя с горожанами. Подтверждение этой мысли видим в последующих событиях. После смерти Мстислава Владимировича (1132 г.), наследовавшего Мономаху, в Киеве сел на княжение его брат Ярополк, «потому что за ним послали киевляне» [1]. То же самое видим и позже, когда на киевский стол сел третий из Мономаховичей, князь Вячеслав. Он был встречен людьми и митрополитом, которые «посадили его на столе прадеда своего Ярослава» [2]. Характерный термин «посадиша» (посадили), так часто впоследствии употребляемый в новгородских летописях, показывает, что в обряд вокняжения вкладывался особый смысл: велнкий князь не сам занимал княжение по праву наследства, а с согласия людей, сажавших его на стол. Это различие в словах «седе» и «посадиша» было прекрасно усвоено древнерусскими летописями, среди которых имеются такие тексты, где новгородская республиканская терминология последовательно заменена великокняжеской [3].

Наиболее решительно борьба горожан за городские вольности развернулась в Киеве в середине XII в. Этой борьбе предшествовало ослабление княжеской власти во время междоусобиц, наступивших после смерти Мстислава Великого в 1132 г. Положение князей в Киеве несколько упрочилось после того, как в 1140 г. в Киеве сел Всеволод Ольгович, вошедший в город «с честью и славою великою».

Всеволод Ольгович, несомненно, являлся одним из замечательнейших киевских князей XII в. Опираясь на помощь польских феодалов, он обладал достаточной силой для того, чтобы прочно сидеть на княжеском столе. Всеволод ловко лавировал между требованиями своих сородичей Ольговичей и претензиями Мономаховичей, умея иногда объединять противоположные интересы этих княжеских ветвей. В походе 1144 г. против Владимирка ходили многие князья, не только Ольговичи, но и Монома-

[1] «Людье бо кыяне послаша по нь» (Лаврент. лет., стр. 286)

[2] Там же, стр. 291.

[3] *М. Н. Тихомиров*, О Вологодско-Пермской летописи («Проблемы источниковедения», сборник III, М. — Л. 1940, стр. 239).

ховичи, обнаружив редкое единодушие в борьбе против «многоглаголивого» и коварного галицкого князя. Сам Всеволод Ольгович смотрел на себя, как на продолжателя политики Владимира Мономаха и Мстислава. Желая удержать киевский стол за своим братом Игорем, он аргументировал своё право назначать преемника на великое княжение ссылкой на более ранние прецеденты: «Володимер посадил Мьстислава сына своего после себя в Киеве, а Мстислав Ярополка брата своего, а се я молвлю: если меня бог возьмет, то я после себя даю Киев брату своему Игорю» [1]. Большим препятствием для передачи киевского стола в руки Игоря являлись Мономаховичи во главе с Изяславом Мстиславичем, который тем не менее вынужден был дать на это своё согласие. Но главной, решающей силой явились уже не князья, а сами киевляне.

В 1146 г. Всеволод Ольгович заболел и призвал к себе киевлян с предложением признать Игоря своим князем: «Се вам брат мой Игорь, возьмите его». Киевляне, вслед за ними и вышгородцы признали Игоря князем и целовали ему крест. Но картина резко изменилась после смерти Всеволода Ольговича, происшедшей 1 августа, по-видимому, в Вышгороде. Игорь тотчас же по приезде в Киев созвал киевлян «на гору на Ярославль двор» и привёл их к новому крестоцелованию. Вслед за этим киевляне собрались на вече у Туровой божницы, местоположение которой надо предполагать где-то в районе Подола. Таким образом, как и в 1068 г., аристократическая «Гора», где сидел князь, вошла в конфликт с ремесленным «Подолом». Киевляне пригласили Игоря приехать на вече, но князь предпочёл остаться под охраной дружины, а на вече послал своего брата Святослава.

На вече разыгрались бурные сцены. Киевляне обвиняли тиунов Всеволода в злоупотреблениях («Ратша нам погубил Киев, а Тудор Вышгород») и требовали гарантий от князя на будущее: «Целуй нам крест с братом своим: если кому на нас будеть обида, то ты прави». Таким образом, киевляне добивались не просто смены тиунов, но определённых судебных гарантий, к тому же подкреплённых княжеской присягой. По существу, в этом требовании заключались зародыши того политического устрой-

[1] Ипат. лет., стр. 217, 227.

ства, которое привело в Новгороде к созданию своеобразной республиканской конституции, согласно которой права князя были ограничены его договором с новгородцами. Святослав дал присягу от своего имени и от имени Игоря по такой формуле, сохранённой нам летописью: «Я целую крест с братом своим, что не будет вам насилья никоторого, а се вам и тивун, по вашей воли» [1]. Игорь также целовал крест «на всей их воли и на братьни». Это было сигналом к разграблению дворов *Ратши и мечников.*

При всей краткости летописных сообщений бросается в глаза одна замечательная черта. В переговорах с князем принимает участие весь город, в том числе и «лучшие мужи». Таким образом, аристократические круги Киева совместно с городскими низами борются за автономию города. В дальнейших событиях выступают тысяцкий Улеб и киевские бояре.

Целование креста Игорем Ольговичем, казалось, должно было устранить причины для недовольства киевлян, требования которых были приняты князем. В действительности киевляне не отказались от своих враждебных замыслов против Игоря и начали тайные переговоры с Изяславом Мстиславичем. Причины недовольства объясняются летописью тем, что горожане недовольны были передачей Киева в руки Игоря как бы по наследству («не хочем быти аки в задничи») [2]. Киевляне добивались права свободного приглашения князей, как это уже установилось в Новгороде. Дополнительные и очень ценные сведения даёт Московский свод конца XV в., основанный на одном из древних источников, который был использован Ипатьевским сводом. По нему расхождение Игоря с киевлянами заключалось в нежелании первого выполнить волю людей («не поча по тому чинити, яко же людие хотяху»). Желание же людей заключалось в том, чтобы князья судили киевлян сами, «а тиунам их не судити, ни продавати». Движение против Игоря Ольговича охватило широкие круги киевлян. Во главе заговора против него стали тысяцкий Улеб и боярин Иван Войтишич, о котором упоминается уже под 1117 г., как о боярине

[1] Ипат. лет., стр. 229.

[2] Ипат. лет., стр. 230; в Лаврентьевской летописи (стр. 297) короче: «И вниде Игорь в Киев, и не годно бысть людем, и послашася Переяславлю к Изяславу, рекуще: «поиди, княже, хочем тебе»».

Владимира Мономаха. Они «совещали злой совет с киевлянами на князя своего». Во время битвы под стенами Киева городское ополчение, «многое множество», стояло отдельным полком и тотчас же перешло на сторону Изяслава Мстиславича, решив таким образом исход сражения в его пользу.

Режим, установившийся в Киеве после победы Изяслава Мстиславича, характеризовался усилившимся значением веча. Начиная войну с черниговцами, Изяслав обратился за согласием к вечу, отправив послов в Киев: «Созовите киевлян на двор к святой Софьи, пусть мой посол молвит речь мою к ним и скажет обман черниговских князей»[1]. Вече собралось во дворе св. Софии, и киевляне, возбуждённые известиями о выступлении черниговских князей, бросились в монастырь Фёдора, где находился постриженный в монахи Игорь Ольгович. Разъярённая толпа убила Игоря. Это убийство Игоря вызвало страшное возмущение среди феодалов. В одном малоизвестном памятнике, в котором прославляются греческие и русские святые, так говорится об Игоре Ольговиче: «Как бы укоряя его, киевляне возложили на него честный чернеческий образ, и в нем он воспринял нетленный венец, но безъукорной славы они (т. е. киевляне) его сподобили, а для себя получили муки вечные». Далее в том же памятнике читаем поучения, направленные против златолюбия и обращённые к князьям. «Скажу и князьям: спаситесь и вы, князья, правдою, отвергшись златолюбия; спаситесь и вы, княгини, истиною, а не злобою, ненавидя сребролюбие»[2].

---

[1] Ипат. лет., стр. 245.

[2] Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина, Румянцевское собр. № 406, CCCCVI, Сборник, перг. и бум., полов. XV в. На л. 22 — «В субботу сыропустную память творим святых отець»; далее с л. 25 — «Прославляем же и тебе честный отче руское утверждение Антоние честный и началниче блаженному житию в Руси, наченшему великую лавру святую Печеру, и Феодосию по тебе създавшему, его же по житию ревьнующе в честием ваю наместия прославляють, и мы вси веселимся с вама, с вама же честну ублажаем князя Игоря, приемше честно мучение, принесшего жрътву чисту богови, аще бо укоряюще кияне възложиша на ись честный черноризьский образ и в том въспря нетленьней венець, но безъукорныя славы сподобиша, и себе же мукы вечныа». Там же: «Реку же и князем: спаситеся и вы, князи, правдою, златолюбие отвръже, спаситеся и вы, княгине, истиною, а не злобою, сребролюбна ненавидяще».

В любопытном отрывке, процитированном нами выше, виновниками убийства Игоря выставляются только киевляне, а выпады проповедника против златолюбия обнаруживают носителей этого порока — князей и княгинь. Формирование феодальных представлений о преступности каких-либо выступлений против господствующих феодальных кругов ярко отразилось на страницах цитированного сочинения, которое я условно назвал «памятью о святых отцах». Гнусный облик Игоря Ольговича, на «златолюбие» которого намекает сам автор «памяти», не помешал введению этого князя в лик русских святых.

События 1146—1147 гг. необычайно выпукло показали, что киевские горожане являются политической силой, без которой нельзя решать сколько-нибудь важные вопросы, касающиеся самого города Киева. Утверждение Изяслава Мстиславича в Киеве достигнуто было им ценой уступок киевлянам, путём «ряда» с людьми, о которых мы узнаём далее. Показательна слабость правления Изяслава, которому киевляне отказались оказать поддержку в борьбе против Юрия Долгорукого, вследствие чего Изяслав пошёл на войну только с дружиной и добровольцами, в том числе с Улебом, на месте которого находим в Киеве тысяцкого Лазаря. Судя по всему, должность тысяцкого в Киеве, как и в Новгороде, стала к этому времени выборной. Таким образом, события 1146—1147 гг. имели для Киева важнейшие политические последствия; при дальнейшем развитии городских вольностей в Киеве установился бы образ правления, весьма близкий к новгородскому.

Правление Изяслава Мстиславича реально показало всю непрочность княжеской власти в Киеве. Уже в 1149 г. киевляне отказались поддержать своего князя и позволили Юрию Долгорукому войти в город. В следующем году Изяслав вернулся в Киев, но едва был в состоянии спасти от смерти своего дядю Вячеслава, севшего на княжеский стол после бегства Юрия. Изяслав не осмелился даже сговориться с дядей, боясь киевлян: «Нельзя мне с тобою договариваться, видишь народа силу, людей полк стоит, а много они тебе плохого замысливают». В 1150 г. киевляне во время боя покинули Изяслава, а по возвращении его в Киев не только не поддержали, но даже помогали дружине Юрия Долгорукого перепра-

виться через Днепр на Подол [1]. Непрерывными изменениями политического курса киевлян в сторону поддержки той или иной княжеской ветви объясняется непрочность положения князей на киевском столе, весьма напоминающая такую же княжескую «чехарду» в Новгороде XII в. Соглашение с киевлянами начинает являться одним из необходимых условий для утверждения князя в Киеве.

По смерти Изяслава Мстиславича в Киеве утвердился его брат Ростислав, о котором говорится, что его «посадили» киевляне. Смысл этих слов выясняется из дальнейшего рассказа летописи. Потеряв после смерти своего дяди Вячеслава, старшего из Мономаховичей, какую-либо видимость прав на княжеский стол, Ростислав Мстиславич готовился прибегнуть к голой силе и двинуться с войском против черниговских князей. «Мужи же запрещали ему пойти к Чернигову, говоря ему: вот бог взял дядю твоего Вячеслава, а ты еще с людьми в Киеве не утвердился, поезжай лучше в Киев, с людьми там утвердись, а если дядя приедет на тебя Юрий, поскольку ты с людьми утвердился, можно тебе с ним заключить мир».

Поражение и бегство Ростислава вызвало замечание летописца: «Тогда тяжко было киевлянам, не остался у них ни единый князь в Киеве» [2]. Это вызвало приглашение на киевский стол черниговского князя Изяслава Давыдовича, предварительно запрашивавшего о согласии киевлян.

Несколько позже Изяслав Давыдович откровенно объяснял своё вокняжение в Киеве приглашением киевлян: «Ци сам есмь ехал Киеве? Посадили мя кияне». Здесь князь прямо и грубовато отвечает на упрёки в стремлении к захвату города: «Что я сам что ли поехал в Киев? Посадили меня на княжение киевляне».

Длительные неудачи Юрия Долгорукого при попытках утвердиться в Киеве объясняются его стремлением мало считаться с волей киевлян, что вполне понятно для князя, опиравшегося на Суздальскую землю, где развитие городской жизни ещё только начиналось. Поэтому утверждение Юрия Долгорукого в Киеве было явно непрочным. Смерть князя развязала руки киевлянам, которые разграбили княжеские дворы в городе и за городом.

---

[1] Ипат. лет., стр. 268, 277, 279—280.
[2] Там же, стр. 324, 326, 327.

Во второй половине XII в. окончательно утверждается обычай сажать князя на киевский стол с согласия киевлян. Естественно, что подобное согласие не могло быть единодушным. Поэтому перемена на княжеском столе обычно сопровождалась репрессиями против недовольных. Взяв Киев, несомненно, не без помощи некоторой части горожан, Изяслав «всем дал прощение киевлянам, которых взяли» (т. е. арестовали).

Позже Мстислав Изяславич был приглашён на киевский стол не только братьями, но отдельно чёрными клобуками и киевлянами («киевляне от себя послали»). При вступлении в город в 1169 г. Изяслав «взял ряд с братьею, и с дружиною, и с киевлянами». О таком же «ряде» Мстислава с киевлянами говорится в 1172 г. [1]

В 1174 г. Святослав Всеволодович захватил Киев с ведома горожан, которые, однако, не могли уже оказать ему большой помощи. Узнав об отъезде Святослава из Киева, в город вернулся прежний киевский князь Ярослав Изяславич «и попродал весь Киев». Обвиняя киевлян в помощи Ольговичам, Ярослав расправился с наиболее знатными киевлянами и заставил их откупаться деньгами, а часть продал в рабство.

Разорение Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. повлекло за собой решительные изменения в отношениях между князьями и киевлянами. Новый киевский князь, Глеб Юрьевич, был посажен на княжеский стол от имени Андрея Боголюбского, и не было даже речи о согласии горожан. Мстислав Изяславич ещё пытался заключить «ряд» с киевлянами, но Боголюбский и позже не считался с желаниями киевских горожан. Он просто назначил киевским князем Романа Ростиславича в 1174 г., сказав: «даю Роману ...Киев» [2].

Попытки горожан снова оказывать влияние на выбор князей не увенчались успехом. Правда, в 1202 г. киевляне отворили своему кандидату Роману Мстиславичу «ворота Подольские». Враждебный ему Рюрик Ростиславич пытался удержаться на Горе, но вынужден был покинуть Киев и отправился в Овруч. Характерно, что инициатива призыва Романа исходила опять от демократического Подола в противовес Горе. Ответом на это было

---

[1] Ипат. лет., стр. 329, 336, 365, 375.
[2] Там же, стр. 373, 387.

новое разорение Киева в 1203 г. На этот раз «не только одно Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли» [1]. Новое разорение нанесло непоправимый вред городу, значение которого и без этого явно стало падать к концу XII в.

Общий вывод из наших наблюдений над историей Киева может быть выражен таким образом. Начиная с восстания 1068 г. киевляне вели борьбу с князьями за расширение городских привилегий, требуя смещения неугодных им тиунов и выступая против самих князей. После смерти Владимира Мономаха в Киеве установился порядок, при котором князья заключали «ряд» с горожанами, наподобие позднейших договоров Новгорода с великими князьями. К этому времени относится появление в Киеве тысяцких, выбранных не князем, а самими киевлянами, и усиление вечевой деятельности. В середине XII в. создаются условия для возникновения в Киеве устройства, близкого к новгородскому. Последовательные разорения города и общее падение в нём ремесла и торговли были причинами того, что в Киеве опять усилилась княжеская власть, что шло одновременно с захирением экономической и политической жизни Киева. При слабости экономики Киева в начале XIII в. не могло быть уже речи о прежнем влиянии горожан на политические дела. Татарские погромы окончательно подрезали вечевые традиции Киева.

3. Полоцк и Смоленск

Меньше известно о борьбе за городские вольности в таком крупном центре, как Полоцк. Обособленное положение и крупное экономическое значение рано выделили Полоцк из числа других русских городов. В нём и в его пригородах княжила своя династия князей, потомков Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды. Однако известия о Полоцке так случайны и отрывочны для XI в., что мы можем представить развитие политической жизни в этом городе только со следующего столетия.

После смерти князя Всеслава Брячиславича (1101 г.) началась борьба за полоцкий стол между его наследни-

[1] Лаврент. лет., стр. 397.

ками. При этих условиях появилась возможность и для самих полочан производить смену князей по своему выбору. Такая смена произошла уже в 1127 г., когда полочане выгнали из города Давыда с сыновьями и с согласия Мстислава Владимировича посадили у себя князем Рогволода.

Через пять лет (1132 г.) полочане снова распоряжаются своим столом, выгоняя князя Святополка. Летописец записал формулу, на основании которой полочане выгнали князя: «Лишается нас»[1]. Ослаблению княжеской власти в Полоцке способствовало дробление уделов и постоянное вмешательство в полоцкие дела более сильных князей. К середине XII в. полоцкие князья уже зависят от веча, и летописные рассказы о событиях 1151 и 1159 гг. как бы внезапно приподнимают завесу, обнаруживая картину острой борьбы горожан против неугодных князей. Многочисленные полоцкие князья вели ожесточённую борьбу за княжеские столы, чем непосредственно воспользовались полочане. В 1151 г. они «взяли Рогволода Борисовича князя своего и послали в Минск, и тут его держали в великой нужде, а Глебовича к себе увели; и прислали полочане к Святославу Ольговичу с любовью, чтобы иметь его отцом себе и ходить в послушаньи его, и на том целовали крест»[2]. Таким образом, в Полоцке в это время происходило примерно то же самое, что в Новгороде в 1136 г. Горожане, не довольствуясь признанием князя, держали его в заключении «в великой нужде», т. е. в крайнем стеснении. Одновременно они заключили договор со Святославом Ольговичем, посадив князем Ростислава Глебовича, из другой ветви полоцких князей.

Через восемь лет происходит совершенно обратное. Тот же Рогволод Борисович появился вначале под Друцком и был принят горожанами и находившимися в Друцке полочанами: «И рады были ему людие». Горожане выгнали сына Ростислава Глебовича, «двор его разграбили... и дружину его». В самом Полоцке произошёл мятеж, и только решительные мероприятия Ростислава удержали горожан: «Едва удержал людье Ростислав, и одарил многими дарами и водил их к кресту». Условия крестного целования указываются самой

[1] Лаврент. лет., стр. 282—284, 286.
[2] Ипат. лет., стр. 307—308.

летописью. Полочане принесли своему князю присягу: «ты нам князь, и дай нам бог с тобою пожить, замысла никакого же от тебя не скрыть и до крестного целования» [1]. Тем не менее дальнейшие события показали крайнюю непрочность власти Ростислава. Полочане затеяли тайные переговоры с Рогволодом Борисовичем, сидевшим в Друцке, и пытались обманом захватить Ростислава. В городе собралось вече, и Ростислав вынужден был бежать в Минск.

Наблюдения над внутренней историей Смоленска не менее трудны, чем изучение истории Полоцка. Однако общие выводы о развитии вечевой жизни, сделанные ранее для Киева и Полоцка, остаются в полной мере и для Смоленска, хотя о политической истории его известно очень мало. Прямое известие о распре между смоленским князем Давыдом и смолянами имеем лишь под 1186 г.: «В то же время встань (въстань) была в Смоленске промежи княземь Давыдом и смолняны, и много голов паде лучших мужей» [2]. Причины распри неизвестны, но с большой вероятностью можно думать, что речь шла о нарушении князем городских вольностей, сложившихся задолго до названного года. Прямое указание на участие «людей» в политической жизни Смоленска находим в уставной грамоте смоленской епископии 1151 г., в которой князь говорит: «Я привел епископа в Смоленск, сдумав с людьми своими». П. В. Голубовский справедливо указывает, что наши летописи под именем людей разумеют народ, граждан, в противоположность князьям и дружине.

Пожалуй, самое любопытное для историка заключается в том, что именно Смоленску принадлежат официальные документы, в которых мы встречаемся с «людьми», стоящими рядом с князем и принимающими участие в политических делах. В той же уставной грамоте смоленской епископии находим заключительные слова: «Да сего не посуживай никто же по моих днех, ни князь, ни людие» [3]. Связь «людей», т. е. горожан, с утверждением

---

[1] Ипат. лет., стр. 339. В подлиннике: «Извета никакого же до тебе доложити», в другом списке «совета», т. е. не изменить князю, скрыв от него заговор.

[2] Новгород. лет., стр. 38.

[3] *П. В. Голубовский*, История Смоленской земли до начала XV ст., Киев 1895, стр. 214—215, 257.

в Смоленске епископии станет понятной, если вспомнить, что городские мерила находились под охраной епископии. Собор Богородицы (Успения) в Смоленске, как и в других русских городах, имел значение хранилища правильных мер и весов. Здесь, как мы знаем, лежала «капь», служившая образцом для других подобных весовых мер.

Вторым документом, в составлении которого сказывается участие горожан, является известный смоленский договор 1229 г. П. В. Голубовский отмечает, что он был составлен также по совету князя с вечем. Действительно, в некоторых списках договора встречаем прямое подтверждение этому мнению: «Чтобы во веки стояло, и князю было бы любо и всем смолнянам». В составлении договора со смоленской стороны принимал участие Тумаш Смолнянин, в других списках именуемый по отчеству — «Тумашь Михалевичь». Послами в Ригу ездили из Смоленска поп Иеремей и Пантелей-сотский, называемый в других списках договора «умным мужем», а сотские, как мы знаем, были теснейшим образом связаны с городскими ремесленниками и купцами. Поэтому можно согласиться с Голубовским в том, что «вече Смоленской земли имело власть законодательную, которую оно разделяло с князем, что без веча невозможна была раскладка установления количества даней, дарование земли и вообще каких бы то ни было привилегий, словом, нельзя было вводить в жизни земли никаких новых условий» [1].

4. Новгород

История борьбы новгородцев за городские вольности наиболее, пожалуй, изучена в нашей литературе; поэтому мы можем ограничиться только рассмотрением отдельных вопросов, связанных с происхождением новгородских порядков, которые в законченном виде являются перед историками после монгольского завоевания. Владимиро-суздальский летописец XII в. был уже уверен, что новгородцы пользовались своими вольностями с самых древних времён и были освобождены от зависимости уже дедами и прадедами «наших князей». Кто же эти деды и

[1] *П. В. Голубовский,* История Смоленской земли до начала XV ст., стр. 215.

прадеды князей? Может быть, летописец имел в виду определённых лиц, о которых не упомянул, считая, что речь идёт о фактах общеизвестных; во всяком случае, вольности новгородцев казались в его время давним их приобретением, характерным для старых городов.

Раннему возникновению новгородских вольностей способствовали многие обстоятельства, из которых немаловажное значение имело то, что в Новгороде не создавалось постоянной княжеской династии, так как каждый великий князь стремился удержать его в своих руках. Старшие сыновья великих князей, обычно княжившие в Новгороде, естественно, смотрели на княжение в нём, как на один из этапов на своём жизненном пути, а это создавало благоприятные условия для усиления власти посадников и архиепископа. Действительно, уже в XI столетии новгородские князья вступают в конфликт с посадниками. Ярослав Мудрый велел заточить в Ростов и спустя три года убить в Муроме посадника Константина Добрынича, который помог ему когда-то победить Святополка Окаянного. Летопись несколько смутно связывает гнев Ярослава на посадника с началом княжения Владимира Ярославича и грамотой, данной в это время Новгороду. В другой своей работе я указывал, что эта грамота относится к 1016 г. и сохранилась в виде первых статей Древнейшей Правды в краткой редакции Русской Правды [1]. Новгородская традиция считала Константина вторым новгородским посадником, тотчас же после легендарного Гостомысла, может быть, по недостатку письменных данных, а может быть, и потому, что он был первым самостоятельным посадником, оставленным в Новгороде Ярославом после переезда в Киев. Известный рассказ о волхве, возмутившем новгородцев при князе Глебе Святославиче, показывает, что положение новгородских князей нельзя было назвать прочным — «людье все пошли за волхва, и был мятеж между ими» [2]. Это событие поставлено в летописи под 1071 г., но чисто условно, представляя собой особый рассказ, начинающийся словами — «сице бо волхв, встал при Глебе в Новгороде», что можно поставить в прямую связь с киевским восстанием 1068 г.

---

[1] *М. Н. Тихомиров,* Исследование о Русской Правде, стр. 48—61.
[2] Новгород. лет., стр. 196.

Решительные события в Новгороде развёртываются с начала XII в. Летописец сообщает о последовательной смене трёх новгородских посадников (в 1117—1119 гг.): Добрыни, Дмитра Завидича и Константина (Коснятина) Моисеевича. После этого сообщается, что в 1120 г. «пришел Борис посадничить в Новгород». Эту несколько неясную фразу расшифровывают другие летописи, добавляя, что Борис пришёл из Киева [1]. Незадолго до этого события в Новгороде происходили волнения. Древнейшая Новгородская летопись сообщает под 1118 г.: «В том же году привёл Владимир с Мстиславом всех бояр новгородских в Киев, и приводил их к честному кресту и пустил их домой, а иных у себя оставил; и разгневался на тех, которые грабили Даньслава и Ноздречю, и на сотскаго на Ставра и заточил их всех». Слова об ограблении Даньслава стоят в связи если не с восстанием, то с волнением, происходившим в Новгороде в 1118 г. и последовавшим после переезда князя Мстислава в Киев к отцу, Владимиру Мономаху. Вокняжение Всеволода, сына Мстислава, вызвало волнения, связанные со стремлением расширить новгородские вольности. Поэтому понадобилось вызывать новгородских бояр в Киев и приводить их к присяге, а в 1120 г. даже прислать Бориса на посадничество в Новгород.

Неустойчивое положение княжеской власти в Новгороде даже при Владимире Мономахе ещё более усугубилось после его смерти. Новгородский летописец сообщает нам два многознаменательных известия: «В то же лето (1125 г.) посадиша на столе Всеволода новгородци», «в то же лето (1126 г.) дали посадничество Мирославу Гюрятиничу» [2].

Оба известия стоят в явной связи друг с другом. Глагольные формы «посадили» («посадиша») и «вдали» («въдаша») подразумевают подлежащее «новгородцы», или «люди». Замечательно и то, что о Мстиславе, сыне Мономаха, новгородский летописец говорит: «посадили на столе отца». Это уже определённое представление о свободном выборе князей самими горожанами. В прямой связи с указанными событиями стоит свободный выбор посадника в Новгороде, которому должность также дают

---

[1] ПСРЛ, т. IV, Пгр. 1917, стр. 144; Новгород. лет., стр. 21.
[2] Новгород. лет., стр. 21.

сами новгородцы. Нашему предположению как будто противоречит известие о приходе в 1129 г. Данилы из Киева посадничать в Новгороде [1]. Но это только попытка великого князя утвердить в Новгороде порядки более раннего времени, что и привело в дальнейшем к изгнанию Всеволода Мстиславича.

Новгородское восстание 1136 г. достаточно известно в исторической литературе, чтобы на нём необходимо было долго задерживать наше внимание, в особенности после работ Б. Д. Грекова. В истории Новгорода 1136 год должен считаться переломным, после которого в нём окончательно утверждается вечевой строй. Кто же был основной силой, направлявшей движение против Всеволода? Об этом узнаём из рассказа о попытке Всеволода снова сесть на княжение в Новгороде. Когда в Новгороде услышали о тайных переговорах Всеволода с некоторыми боярами, «мятеж был велик в Новгороде, не восхотели людье Всеволода». Далее оказывается, что новгородцы брали деньги на боярах, «кто Всеволоду приятель», и давали конфискованные деньги купцам для сборов на войну. Озлобление против Всеволода среди купцов и ремесленников было явным и открытым.

Возникает вопрос о том, какие силы принимали участие в свержении Всеволода, чем объясняются выступления против него горожан.

Некоторый ответ на это даёт привлечение других источников, кроме летописи, в первую очередь устава Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опоках и церковного устава того же князя. Устав церкви Ивана Предтечи на Опоках связывается с двумя известиями Новгородской летописи 1127 и 1130 гг. о построении каменной церкви на Петрятине дворище. Можно предполагать, что вокруг Иванского ста объединились не только купцы-вощники, что это купеческое объединение носило более широкий характер. Так, в церковном уставе Всеволода упоминается «локоть еваньскый», т. е. мера длины, необходимая не для купцов-вощников, а для торговцев суконом и другими тканями. В том же церковном уставе названы некоторые лица, приглашённые князем на совещание о торговых весах и мерилах: староста Болеслав, би-

[1] Новгород. лет., стр. 22.

рич Мирошка, староста иванский Васята. Из них бирич Мирошка может быть отожествлён с Мирославом Гюрятиничем, дважды занимавшим посадничество в Новгороде, в 1126 и 1134 гг. Уменьшительное название Мирошка, вместо Мирослава, ни в какой степени не может помешать этому отожествлению, потому что в этой уменьшительной форме ничего не было обидного. Например, так прозывался знаменитый посадник конца XII в., дети которого также именовались Мирошкиничами. Указание на участие в совещании старосты Иванского ста обнаруживает, что совещание произошло уже после составления устава церкви Ивана Предтечи на Опоках.

Некоторые известия летописи действительно указывают на тесные связи Всеволода Мстиславича с новгородским владыкой Нифонтом. В 1135 г. Всеволод вместе с Нифонтом заложил каменную церковь Богородицы на торговище. Зимою Нифонт «ходил в Русь» мирить киевлян с черниговцами.

После изгнания Всеволода Нифонт отказался обвенчать нового князя Святослава Ольговича, женившегося в Новгороде. Тогда же «милостьници Всеволожи» стреляли в Святослава. В поход на Псков, где засел Всеволод, ходили «князь и людье» — выражение, подчёркивающее, из кого состояли сторонники Святослава Ольговича [1]. Близость Всеволода к духовенству, возможно, объясняет раннее начало почитания Всеволода как святого.

Борьба новгородцев за городские вольности не была закончена в 1136—1137 гг. Она развивалась и дальше, приведя в конечном итоге к созданию Новгородской феодальной республики, гордо именовавшей себя «господином Великим Новгородом». Окончательное завершение борьбы за городские вольности произошло в Новгороде уже в XIII столетии. Этому предшествовал ряд крупных восстаний, из числа которых наиболее значительным было восстание 1209 г. Классовая борьба в Новгороде была ожесточённой и сопровождалась многими кровавыми событиями. Но изложение её выходит уже за пределы поставленной нами темы.

---

[1] Новгород. лет., стр. 24—25.

5. Галич

Вечевая жизнь развивалась не только в городах, лежавших на древнем пути «из Варяг в Греки», но и в городах новых, возникших в Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской землях. Это положение, впрочем, нуждается в подтверждении, так как в литературе имеются противоположные высказывания. Так, С. В. Юшков полагает, что в Галичине не было крупных торговых центров, подобных не только Киеву и Новгороду, но даже, например, Смоленску или Владимиру. По его же мнению, «вече из граждан Галича не имело особого влияния» [1]. Нельзя сказать, чтобы этот взгляд на политическую жизнь Галича был особенно новым, так как примерно такие же суждения о значении горожан в Галицко-Волынской земле были высказаны ещё М. Смирновым: «Итак, во всех важнейших случаях действователями являются бояре; они призывают князей, они составляют заговоры, захватывают управление земли в свои руки и т. д., а граждане молчат или являются в страдательной роли приверженцев высшего сословия, исполнителей его предначертаний; то значение, которое сохраняло народонаселение в Киеве, где бояре казались пришельцами, потому что с новым князем являлись и новые бояре, это значение в Галиче всецело перешло к боярам, важным по своему богатству и тому влиянию, которое они постоянно сохраняли над народом, благодаря своим должностям. Народная масса, предоставленная самой себе, без средств, без вождя, конечно, должна была разделиться на части и склониться на сторону того или другого боярина» [2].

На самом деле борьба за городские привилегии и вечевая жизнь очень ясно сказались в Галицко-Волынской земле. Это особенно заметно на примере Галича. Как и в других русских землях, движение галицких горожан начинает развиваться в тесной связи с княжескими усобицами. Борьба между князьями открыла возможности для попыток горожан оказать влияние на выбор князей.

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 248—249.

[2] *М. Смирнов,* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения её с Польшей, СПБ 1860, стр. 118—119.

Галицкие горожане готовы были поддержать младшего князя Ивана Ростиславича Берладника в противовес его дяде Владимирку. Очень вероятно, что такая поддержка исходила не от всех горожан в целом, а от определённых кругов, видевших в Иване защитника интересов демократических слоёв населения. Недаром же во время осады Ушицы Иваном Берладником смерды перескакивали через городскую стену в его лагерь, «и перебежало их 300».

Случайные известия о берладниках, получивших своё название от города Берлада, или Бырлата, на юге Молдавии, позволяют видеть в них предшественников позднейших бродников. В их числе должны были находиться беглые холопы, смерды, разорённые горожане. Таким образом, склонность смердов к Берладнику не случайна, как не случайна и особая ненависть к нему старших князей. Недаром же Юрий Долгорукий обращался с Иваном, как с преступником, держал его в оковах и готов был выдать его на расправу Ярославу. Ещё ранее против Ивана Ростиславича была создана целая коалиция князей. Ярослав Галицкий «подмолвил князей русских и короля (надо понимать — венгерского) и польских князей, чтобы были ему помощники на Ивана». Это объединение князей объясняется общим страхом перед Берладником как руководителем движения городских и сельских низов. Летописи зловеще говорят о судьбе князя-берладника, давая возможность предполагать, что его смерть на чужбине была вызвана отравой, «иные так молвят, что с отравы была ему смерть» [1].

Галичане с самого начала, повидимому, были недовольны княжением Владимирка и во время похода Ольговичей на Галич в 1144 г. вынудили его начать с ними переговоры. Своё отношение к Владимирку галицкие горожане проявили в том же году. Воспользовавшись отсутствием князя, «послали галичане за Иваном Ростиславичем в Звенигород и ввели его к себе в Галич». Владимирко три недели осаждал Галич и бился с Иваном, пока не отрезал последнего от города и не вынудил бежать за Дунай. Но и после этого горожане «всю неделю бились за Ивана с Володимиром». Горожане только

[1] Ипат. лет., стр. 335, 341, 355.

«нужею» сдались в руки Владимирка, который произвёл над ними жестокую расправу [1].

Сношения галицких горожан с Иваном Берладником продолжались и далее. В 1159 г. они посылали к Ивану с предложением выступить на войну: «только покажешь стяги, и мы отступим от Ярослава». Позже «галицкие мужи» сносились с его сыном Ростиславом Ивановичем. Уже В. И. Сергеевич подметил характерную черту летописного известия о событиях, связанных с приглашением на галицкий стол сына Берладника в 1159 г., говоря, что «в нём ясно различены два слоя галицкого общества: бояре (галицкие мужи) и просто галичане — и показано участие в призвании князя не только первых, которые весьма рано обособились в сильное сословие, значение которого не может быть подвергаемо сомнению, но и последних» [2]. Сергеевич указывает и на другое, ещё более важное известие, рисующее нам роль горожан в Галицкой Руси, относящееся к 1235 г. Во время осады Галича венгерским королём горожане сражались с венграми («нападшим же на не гражаном»). Летописец неоднократно подчёркивает, что врагами Даниила были «безбожные» галицкие бояре. В тяжёлый момент борьбы с боярами Даниил созвал вече, которое обещало ему поддержку. Ещё позже видим прямое противоположение бояр галицким горожанам. Даниил обращается к галичанам со словами: «О, мужи градскии, доколе хощете терпети иноплеменных князей державу». Галичане перешли на его сторону, и летописец замечает: «Любили его гражане». Из дальнейшего выясняется, что врагами Даниила были епископ Артемий, дворский Григорий и бояре [3].

Особый характер Галицко-Волынской летописи, всё ещё мало изученной как исторический источник, мешает нам приглядеться к внутренней истории Галича, но и то, что известно, позволяет думать о развитии в нём вечевых порядков. И это было особенностью не одного Галича, но и других городов Галицко-Волынской земли.

Прямые указания на значение горожан, или «людей», нередко находим в летописях. Например, Даниил Романович обращается с предложением о сдаче к жителям

[1] Ипат. лет., стр. 226.
[2] *В. И. Сергеевич*, Вече и князь, М. 1867, стр. 8.
[3] Ипат. лет., стр. 507, 508, 509, 517—518.

Звенигорода («послали ко гражанóм», «предáлися звéнигородцы»). Здесь между «гражанами» и звенигородцами поставлен знак равенства [1], а это показывает, как неправ С. В. Юшков, видящий под «киянами», черниговцами и другими по преимуществу бояр и снижающий роль веча в самом Галиче.

6. Владимир Залесский

Новый город Владимир-на-Клязьме быстро воспринял вечевые порядки древних центров. В смутах, начавшихся после смерти Андрея Боголюбского, владимирцы держали сторону его брата Михалки Юрьевича. Измученные осадой и голодом, они заключили договор с другим претендентом — Ярополком Ростиславичем. «А Ярополка князя посадили володимерци с радостью в городе Володимери на столе, в святей Богородице, весь поряд положивши». Таким образом, Ярополк садится на княжеский стол во Владимире, заключив с горожанами «поряд» — договор, так же как поступали князья в Киеве и Новгороде XII в.

В последующей княжеской междоусобице ещё ярче заметна роль владимирских горожан. Известное противоположение ростовцев и суздальцев, как давних и старейших, новым «мизинным» — младшим людям — владимирцам — получает глубокий смысл при сравнении его с сообщением летописи об одновременных событиях в Суздале. Заявляя о своём присоединении к Михалку Юрьевичу, суздальцы говорили, что они не выступали против него: «Мы, княже, на полку том со Мстиславом не были, но были с ним боляре». Здесь перед нами совершенно ясное указание на соглашение князя с горожанами: «люди» противополагаются боярам, враждовавшим с князем. Это было торжество нового порядка, основанного на соглашении княжеской власти с горожанами в противовес боярству. Что речь шла о противопоставлении «людей» боярству, видно из дальнейшего изложения. В летописи читаем такие фразы: «Ростовци привели и боляре», «крестную силу, которой изменили ростовци и боляре» [2].

---

[1] Ипат. лет., стр. 486.
[2] Лаврент. лет., стр. 354, 359—362.

Действия Михалка Юрьевича против бояр носили планомерный характер, так как он опирался на горожан не только во Владимире, но и в Суздале и в Ростове: «Михалко же ехал в Суждаль и из Суждаля в Ростов, и створи людям весь наряд, утвердився крестным целованьем с ними» [1]. Здесь, в Ростове, выступают перед нами не бояре, а «люди», с которыми Михалко также заключил договор, скреплённый клятвой, как ранее Ярополк с владимирцами.

В 1177 г. во Владимире произошёл «мятеж велик». Бояре и купцы требовали от Всеволода Большое Гнездо расправы с пленными князьями. Всеволод успокоил восставших, «по мале же дний всташа опять людье вси и бояре» [2].

Вечевые традиции в Суздале и Владимире пережили страшное монгольское разорение и сказались во второй половине XIII в. В 1262 г. «люди» «изволиша вечь, и выгнали из городов, из Ростова, из Суждаля, из Ярославля» татарских откупщиков. Вечевые пережитки сохранялись во Владимиро-Суздальской земле даже в XIV в., что показывает, как прочно они утвердились в древнерусских городах.

О суздальском князе Александре Васильевиче в первой половине XIV в. записано такое полусказочное, полуистинное происшествие, во всяком случае не лишённое исторического значения: «Сий князь Александр из Володимеря вечный колокол святей Богородицы возил в Суздаль, и колокол не стал звонить — как раньше во Владимире. И помыслил в себе князь Александр, что сгрубил святой Богородице, и повелел его опять везти в Володимерь. И привезши колокол, поставили его на свое место, и опять был глас богоугоден» [3]. В XIV в., видимо, ещё хорошо знали, какой колокол на звоннице Успенского собора во Владимире был вечевым.

Отрывочные, но от этого не менее ценные свидетельства имеем о вечевой деятельности в других городах. В 1138 г. «людье черниговци воз[о]пиша ко Всеволоду» и заставили его мириться с Ярополком [4]. Это прямое и, к сожалению, редкое указание на значение «людей»

[1] Лаврент. лет., стр. 359.
[2] Там же, стр. 365—366.
[3] Новгород. лет., стр. 469.
[4] Лаврент. лет., стр. 290.

в Чернигове. В древнем проложном житии Кирилла Туровского говорится, что Кирилл «умоленьем князя и людей того града возведен был на стол епископьи» [1].

Горожане, или «люди», становятся такой силой в городах Древней Руси XII—XIII вв., что с ними всегда приходится считаться князьям и боярам. Участие горожан в политической жизни и военной защите городов привело к тому, что наряду со словом «люди» начинает употребляться почётный термин «мужи». «Мужи новгородцы», к которым обращаются на вече посадники и князья, — это жители города, бояре, купцы, ремесленники — вся совокупность свободного населения городов с вечевым устройством.

---

[1] *Н. К. Никольский,* Материалы для истории древнерусской духовной письменности, стр. 63.

ГЛАВА 5

ГОРОДСКИЕ ВЛАСТИ

1. Князь и город

Большинство русских городов выросло вокруг княжеских замков. С. В. Юшков вполне прав, когда пишет, что города строились преимущественно князьями, хотя это «преимущественно» и нельзя превращать в общее правило. Поэтому вопрос о княжеской власти в городе не может быть нами игнорирован.

«Княж двор» был центральным местом политической и административной жизни города. Сюда вели на расправу воров, пойманных за ноч на месте преступления, здесь разбирались князем и его тиуном тяжбы между горожанами, сюда сходилось городское ополчение перед выступлением в поход — одним словом, «княж двор» или заменявший его двор посадника в небольших городах был местом, вокруг которого сосредоточивалась городская жизнь. Тем не менее развитие городов и формирование «людей» — ремесленников и купцов в сплочённую группу горожан, «мужей», осознавших своё значение в городе, приводило к постепенному ограничению роли князя.

В своей вековой борьбе за городские вольности горожане стремились сажать к себе на стол только угодных им князей. Историки, наблюдающие непрерывную смену князей в стольных городах, до сих пор ещё не учитывают роли горожан в княжеских усобицах. Смена князей и их междоусобицы рассматриваются только как проявление борьбы между князьями. Чрезвычайно характерно, что

такой крупный исследователь, как А. Е. Пресняков, видит в княжеской борьбе господство двух «конкурировавших тенденций в сфере княжого владения Древней Руси. Отчинное начало привело к полному обособлению всех областей русских, кроме киевской... Старейшинство, связанное с владением Киевом, должно было или погибнуть, или переродиться...» [1]

Высказывания Преснякова показательны для нашей исторической литературы, мало интересующейся городом. Поэтому в его лекциях мы не найдём даже намёка на существование горожан и городской жизни, начавшей в XII—XIII вв. выливаться в определённые и устойчивые формы. Между тем летописи дают нам ясные указания на время, с которого горожане начинают влиять на междукняжеские отношения. Усобицы между сыновьями Святослава в конце X в. происходят ещё вне широкого участия горожан. Но уже в борьбе Святополка Окаянного с Ярославом Мудрым после 1015 г. киевские и новгородские горожане играют далеко не пассивную роль. Однако периоду изгнаний и приглашений новых князей в города кладёт начало киевское восстание 1068 г., являющееся, таким образом, одним из важнейших событий в истории Киевской Руси.

Выше приводились уже примеры того, как горожане вмешивались в княжеские отношения; здесь же остановимся только на целях и результатах подобного вмешательства.

Прежде всего бросается в глаза нежелание горожан считаться с княжеским старейшинством. Первые нарушения старейшинства исходят от горожан, которые после киевского восстания 1068 г. поддерживают Святослава Ярославича в противовес его старшему брату Изяславу. Позже киевские горожане опять нарушают права старейшинства, приглашая на киевский стол Владимира Мономаха, а не его двоюродного брата Олега Святославича. В борьбе Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким киевские горожане всё время стоят на стороне первого в противовес второму, на стороне племянника против дяди. Так же поступают галицкие горожане, поддерживая Ивана Ростиславича Берладника против князя

[1] *А. Е. Пресняков*, Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь, М. 1938, стр. 237.

Владимирка. Можно, конечно, найти и обратные примеры, но общая тенденция горожан поддерживать князей по собственному выбору остаётся несомненной. В законченном виде эта тенденция проявляется в новгородской практике начала XIII в. в словах посадника Твердислава, обращённых к вечу: «А вы, братье, в посадничестве и в князьях». Иными словами: «Вы распоряжаетесь выбором и посадников и князей».

С точки зрения новгородца князь сам должен добиваться высокого стола, о чём с предельной ясностью говорит Слово Даниила Заточника: «С добрым ведь думцею думая, князь высокого стола добудет, а с плохим думцею, меншего лишен будет»[1]. Мысли Даниила Заточника более пространно изложены в одном любопытном памятнике, который может восходить к раннему времени. Речь идёт о статье в Златоусте смоленского происхождения, где имеется «поучение» христолюбца к «духовным братиям». Проповедник всё время говорит афоризмами со ссылками на «приточника». У него читаем: «Приточник сказал: «в мудром муже слава князю, а в безумном сокрушение или падение, с мудрым мужем и думцем князь, думая (т. е. совещаясь) высокого стола добудет, а с безумным думая и малый стол потеряет; у князя в благом сердце почиет премудрость, в гордом же сердце почиет безумие; слушая клеветника, гневится на давшего ему княжение; оправдывая виновного ради взятки, неумолимый суд обрящет в день оный»»[2].

В устах проповедника и Даниила Заточника князь — искатель высокого стола; он добивается его с помощью советника — думца.

Города, как мы видели, охотно поддерживали претензии младших князей на высокие столы, потому что ослабление княжеской власти в конечном итоге давало возможность получить больше городских привилегий за счёт князей. В XII в. окончательно утверждается порядок за-

[1] «Слово Даниила Заточника», стр. 26.

[2] «Приточник рече: в мудре муже слава князю, а в безумне сокрушение или падение, с мудрым мужем и думцем князь, думая, высока стола добудеть, а с безумным, думая, и мала стола избудеть, князю во сердци блазе почиеть премудрость, во сердци же горде почиеть безумие, слыша клеветника, гневить, даваше ему княжение, оправдая иже криваго мзды ради, неизмолим суд обрящеть в день он». (Рукопись Государственного Исторического музея в Москве, Увар. № 782 (Леон. № 315), Златоуст XVI в., в 4°, 336, л. 66 об. и далее).

ключения договора — «ряда» — между князьями и горожанами. Примерными образцами таких договоров, правда относительно поздними, являются договоры великих князей с Новгородом, древнейший из которых относят к 1264 г. Конечно, этот договор составлен по определённому, более или менее установившемуся формуляру и даёт представление о более ранних «рядах».

Договор 1264 г. ставит своей задачей ограничение княжеской власти в Новгороде, урегулирование пошлин и повинностей, идущих в пользу князя. Князь обязывается раздавать волости только новгородцам, да и то совместно с посадником, а также не отнимать волости без вины от тех, кто их получил от прежних князей. В сущности, это — основное требование, выполнение которого Новгород требует от тверского великого князя Ярослава Ярославича в договоре 1264 г. Остальные условия договора вытекают из первых его строк: «На сем, княже, целуй крест к всему Новугороду, на чем целовали деды и отцы, и отець твой Ярослав. Новгород тебе держать по старине... а волостей тебе Новгородских не держати своими мужами, но держати мужами новгородскими; а дар брать от тех волостей» [1].

Соглашения с князьями и наличие особых договоров, или «рядов», с ними возможно было только при существовании каких-то городских властей, от имени которых велись переговоры с князьями. В новгородских договорах это посадник и тысяцкий, действующие в XIII в. от имени веча как верховного распорядителя Великого Новгорода. Но было ли вече и эти должностные лица особенностью одного только Новгорода или вечевое устройство было характерным для ряда русских городов — вот тот вопрос, который возникает перед исследователем. Поэтому нам придётся последовательно рассмотреть вопрос о характере городского веча и выборных магистратов городов (к числу которых, по нашему мнению, относятся посадник, тысяцкий и сотские).

2. Вече

Вопрос о начале и характере вечевых собраний на Руси нередко разбирался в исторической литературе. Больше других этим вопросом занимался В. И. Сергеевич,

[1] «Грамоты Великого Новгорода», стр. 9.

по мысли которого «вече не создано князем; оно составляет первоначальную форму быта». Основная мысль Сергеевича выражена в следующих словах: «Вечевой быт был явлением необходимым в древней России, а потому и всеобщим... Слабость собственных сил князя естественно заставляла его искать опоры в согласии с народом, выдвигала народ на первый план. Хотя вече и не было создано князем, но он должен был обращаться к нему. Таким образом, вече не есть явление одиночное, стоящее вне прямой связи с другими учреждениями княжеской России: оно составляет необходимое к ним дополнение» [1].

В новом издании своей книги, включавшей только часть первоначальной работы, но написанной вновь, «по новому плану и на новые темы», Сергеевич значение веча объясняет тем, что собственные силы князя были ещё недостаточно развиты, а «свободное население являлось довольно внушительной силой, которая могла оказать князю или деятельное сопротивление, или существенную поддержку... Где сила, там и власть, а в начале истории народные массы составляли силу».

Вече представляется Сергеевичу существующим с незапамятных времён. Оно исчезает после татарского завоевания, так как «татарский погром должен был надолго приостановить у нас развитие городской жизни» [2]. Сергеевич отмечает, что вечевые порядки в XIV—XV вв. ещё сохраняются в тех местностях, которых не коснулось татарское нашествие, например в Новгороде и Полоцке.

Заслуга Сергеевича состоит в том, что он первый разработал вопрос о значении веча в русской истории, посвятив ему крупное исследование и фактически использовав все основные материалы, относящиеся к вечевым собраниям. Правильно отмечена и связь вечевой жизни с развитием городов, но окончательного вывода о причинах особой деятельности веча в XII—XIII вв. не сделано, так как во взглядах В. И. Сергеевича господствует представление о незапамятном происхождении веча, значение которого падает в связи с развитием княжеской власти.

Вопрос о происхождении и значении веча снова привлёк к себе внимание историков за последнее время

---

[1] *В. И. Сергеевич,* Вече и князь, стр. 1, 20.

[2] *В. И. Сергеевич,* «Русские юридические древности», т. II, вып. 1. Вече и князь, СПБ 1893, стр. V (предисловие), стр. 32—33, 38.

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы» [1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников» [2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору» [3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

созыву веча в большинстве русских земель»[1]. С этим замечанием можно согласиться для большинства известных нам вечевых собраний, но ведь и в Новгороде о вече говорится в летописях обычно в связи с исключительными случаями. Вероятно, и сам С. В. Юшков не стал бы отрицать, что новгородские посадники утверждались на вече, а между тем в списках посадников имеются такие имена, о которых ничего неизвестно по летописи. Упоминаются в летописи и такие посадники, об утверждении которых вечем не сказано ни слова. И это совершенно естественно, так как летописи являются сводом различных известий, а не официальными документами. Совершенно непонятно, почему С. В. Юшков игнорирует указание на «ряд» — договор между князьями и киевлянами; непонятно, как можно игнорировать свидетельства о целовании креста не только «людьми» к князю, но и князя к «людям», имея подлинные тексты договоров Новгорода с князьями. Слова о новгородцах, полочанах, смолянах и киевлянах, которые, «яко же на думу на веча сходятся», т. е. совершенно ясное свидетельство современника трудно объяснить желанием летописца сказать только то, что «старшим» городам должны подчиняться пригороды. Далее, как быть с известием западнорусской летописи об исконном существовании веча в Полоцке, как быть с существованием уставной грамоты смоленской епископии, которую князь дал «сдумав с людьми», — на это мы не получим ответа у С. В. Юшкова.

Свои наблюдения над вечевой деятельностью Юшков приводит в более кратком виде в учебном пособии по истории государства и права СССР. По его словам, «с развитием процесса феодализации, когда города превращались в центры феодального властвования, всякого рода совещания, претендующие на значимость и действенность своих решений, конечно, были совещаниями феодальных групп или групп, так или иначе связанных с феодалами; возможно, что сюда относились крупные торговцы, являвшиеся одновременно землевладельцами, торговцы — посредники в торговле предметами дани»[2].

---

[1] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 360; *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 216.

[2] *С. В. Юшков,* История государства и права СССР, ч. 1, М. 1940, стр. 72—73.

По мнению С. В. Юшкова, ни в одном вечевом совещании «не могла быть основной силой демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы». Поэтому и участники совещания 1113 г. в Киеве и даже веча у Туровой божницы в 1146 г. (у С. В. Юшкова опять ошибочно показан 1139 г.) представляются исследователю «не мелкими торговцами и ремесленниками», а «основной киевской феодальной группой», так как они явились на конях в полном вооружении, стало быть, были теми самыми крупными торговцами, являвшимися одновременно и землевладельцами. Прекращение вечевых собраний представляется Юшкову следствием того, что «местные феодалы перестали нуждаться в широких городских совещаниях».

Высказывания С. В. Юшкова стоят в явном противоречии с характером и значением вечевых собраний. Прежде всего Юшков в своих построениях точно забывает о классовой борьбе в русском городе XII — начала XIII в. Основная масса городского населения — ремесленники и мелкие торговцы — и составляла тех «чёрных людей», об участии которых в вечевых собраниях говорят новгородские летописи уже с начала XIII в. Вечевое собрание 1068 г. в Киеве было собранием «людей», а вовсе не феодальной верхушки. Юшков почему-то считает, что на конях могла появляться только верхушка городского населения, модернизируя понятие ремесленников и забывая о том, что в средневековом городе ремесленники являлись зажиточной группой населения, тесно связанной с торговлей, ещё не отделившейся от ремесла. В среде ремесленников были свои социальные различия, резко заметные между мастерами и учениками. Сам Юшков думает, что веча были «массовыми собраниями руководящих элементов города и земли для совета по наиболее важным вопросам», но почему-то не считает возможным признавать, что этими руководящими элементами могли быть порой и «чёрные люди». Таким образом, классовая борьба внутри города недостаточно освещена новейшим исследователем истории города в Киевской Руси, хотя история веча в средневековых русских городах совершенно неотделима от истории развития этих городов.

Наша точка зрения на вечевые собрания в основном сходна с воззрениями Б. Д. Грекова, высказанными им в последнем издании его книги «Киевская Русь». Возражая Юшкову, говорящему, что основной силой, на которую опиралось вече, были только феодальные верхи города, Греков отмечает важнейшие периоды в истории русских народных собраний: «Время расцвета новых городских центров и есть период господства того вечевого строя, который нам хорошо известен». В этой фразе ясно выражена мысль о том, что вечевые собрания тесно связаны с развитием городов и появлением новой силы, которой является «город с его купеческим и ремесленным населением» [1]. Без признания этой силы Киевская Русь действительно останется для нас малопонятной и бедной по своему политическому содержанию.

Как мы видели выше, В. И. Сергеевич собрал большое количество сведений о вечевых собраниях в Древней Руси, стараясь с чисто юридической точностью ответить на все вопросы, касающиеся истории веча. Он делает следующие заключения: в вечевом собрании участвовало всё свободное население («это «людие» без всяких ограничений»); вече собиралось по мере потребности и всякий раз по особому приглашению; вече сходилось на свободных местах под открытым небом; вече не имело председателя и представляло шумные и беспорядочные сборища; вече избирало князей, заключало с ним «ряд-договор», решало вопросы управления, суда, войны и мира.

Сергеевич очень полно аргументировал свои выводы, и едва ли ему можно поставить в упрёк то, что он пользуется известиями источников в самых широких хронологических рамках, поскольку его работа прежде всего требовала полного подбора фактов. Но в исследовании Сергеевича есть другая черта, к сожалению, оставившая глубокий след в исторической науке, — представление о крайне беспорядочном характере вечевой деятельности. Между тем с этим далеко не согласуются наблюдения, которые можно сделать над историей вечевых собраний.

В этом смысле очень показателен рассказ Ипатьевской летописи о киевском вече 1147 г.: «В то время Изяслав послал в Киев к брату своему Владимиру, потому что его Изяслав оставил в Киеве, и к митрополиту

[1] *Б. Д. Греков*, Киевская Русь, 1953, стр. 368.

Климу и к тысяцкому Лазарю, и сказал им: «Созовите киевлян на двор к святой Софии, пусть мой посол скажет к ним мою речь и расскажет об обмане черниговских князей». Когда же все киевляне от мала до велика сошлись на двор к св. Софии и встали («въставшем же им в вечи») на вече, посол Изяслава им сказал: «Целует вас князь ваш, я вам объявил, вот думал я с братом своим Ростиславом и с Владимиром, с Изяславом Давыдовичем, пойти на своего дядю Юрия и вас с собой звал, а вы мне сказали — не можем поднять рук на племя Володимерово, на Юрия, но, если на Ольговичей, то, хоть с детьми, идем с тобою... Ныне же, братья киевляне, чего вы хотели, что мне обещали, идите за мной («по мне») к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь от мала и до велика, кто имеет коня, кто же не имеет коня, то в ладье, те ведь не меня одного хотели убить, но и вас искоренить». Киевляне же сказали: «Рады, если нас бог тобою избавил от великого обмана, идем по тебе и с детьми, как хочешь»» [1].

Рассказ об этом же вече имеем в Лаврентьевской летописи в таком виде: «Изяслав... послал в Киев к брату Владимиру и к тысяцкому Лазарю 2 мужей, Добрынку и Радила: «Брат, поезжай к митрополиту и созови всех киевлян, пусть эти мужи расскажут об обмане черниговских князей». И Владимир поехал к митрополиту, приглашая киевлян. И пришло киевлян многое множество народу и сели у святой Софии слушать; и сказал Владимир митрополиту: «Вот прислал брат мой 2 мужей киевлян, пусть скажут своей братье». И выступили Добрынка и Радило и сказали: «Целовал тебя брат, а митрополиту клялся, и Лазаря целовал, и всех киевлян». Сказали киевляне: «Скажите, с чем вас прислал князь?» Они же сказали: «Так молвит князь: «Целовали ко мне крест Давыдовичи и Святослав Всеволодович, которому я сделал много добра, а теперь хотели меня убить обманом, но бог меня спас и честный крест, который они ко мне целовали; а теперь, братья, идите за мной («по мне») к Чернигову, кто имеет коня, если не имеет его, то в ладье, они ведь не меня одного хотели убить, но и вас искоренить»» [2]. Дальше в обеих летописях говорится о

[1] Ипат. лет., стр. 245—246.
[2] Лаврент. лет., стр. 299—300.

спорах на вече по поводу действий Игоря Ольговича и смерти последнего от толпы.

Свидетельства о киевском вече 1147 г. представляют нечто совершенно исключительное в наших летописях. Прежде всего становится ясным, что двор св. Софии в Киеве был постоянным местом вечевых собраний. Присутствующие сидели в ожидании начала веча. Сергеевич даже думал, что там были устроены скамьи, на которых народ мог сидеть. Картина сидящего народа очень далека от представлений о шумной и беспорядочной сходке.

Напрасно думать, что прения на вече шли сами собой, что первое слово говорил тот, кто собрал вече, как обычно изображается вече в нашей исторической литературе. В известии 1147 г. ясно видны лица, руководившие вечем: князь, митрополит, тысяцкий. Характерно само выражение, с которым посол Изяслава говорит от имени своего князя митрополиту: «а митрополиту ся поклонял». Тверской великий князь Михаил Ярославич (между 1295—1305 гг.) начинает свой договор с Новгородом словами: «поклон от князя от Михаила к отцу ко владыке». Перед нами уже сложившаяся терминология, которая сохранится на севере даже после татарских погромов. Одинаковая передача, хотя и с различными подробностями, вечевых споров 1147 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях позволяет думать, вопреки Сергеевичу, о существовании протокольных записей вечевых решений. Новгородский вечевой дьяк появился не в XV в., а имел своих предшественников в более ранние столетия.

Процедура киевского веча была обычной и для вечевых собраний других городов. Это видно из свидетельства о новгородском вече 1218 г. Князь Святослав присылает на вече своего тысяцкого в качестве посла с требованием сменить посадника Твердислава, и Твердислав выступает на вече в свою защиту. Наши летописи рассказывают о вече только в исключительных случаях, но это не значит, что вечевая деятельность ограничивалась лишь теми моментами, о которых говорит летопись. «Люди» гораздо чаще «думали» вместе с князем или без него, чем это обычно представляется в нашей литературе. А самое главное, вечевая деятельность была характерна

для всех крупных русских городов. Верховные советы города Котора на Адриатическом побережье Балканского полуострова также назывались великим и малым вечем [1].

3. Городское управление

Городское население не было неорганизованным. Во главе его стояли тысяцкие и сотские. Однако правильное понимание значения этих должностей в древнерусском городе невозможно без некоторых предварительных изысканий. А. Е. Пресняков считал, что тысяча появилась у нас только при установлении княжеской власти. Как и другие исследователи, он был склонен думать, что тысяцкие были лишь представителями княжеской администрации в городах. Так понимали значение тысяцких и другие авторы, касавшиеся истории этой важной должности. Но уже Никитский в своих замечательных статьях об Иванском сте внёс решительные поправки в представление о тысяцких, как о воеводах, назначаемых князем для командования над городским населением. Новгородский тысяцкий в исследованиях Никитского выступает прежде всего как глава торгового суда и вообще как судья над городским населением [2]. Выводы Никитского для Новгорода являются неоспоримыми и подтверждаются нашими источниками. Но в какой мере они являются столь же неоспоримыми для Киевской Руси в целом? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего установить значение названий тысяча и тысяцкий.

Первый известный нам киевский тысяцкий Путята упоминается в 1097 г. как воевода князя Святополка Изяславича. Через два года тот же Путята был представителем Святополка на съезде в Уветичах, а в 1104 г. ходил как воевода с войском своего князя на Минск. В 1106 г. Путята вместе со своим братом Яном Вышатичем воевал против половцев. Таким образом, узнаём о принадлежности Путяты к знаменитому боярскому роду, родоначальник которого Вышата предводительствовал

---

[1] *И. Синдик,* Комунално уредженье Котора, Београд 1950, стр. 93 (на заседание великого веча созывали звоном).

[2] *А. Никитский,* Очерки из жизни Великого Новгорода (ЖМНП № 8, 1870 г., стр. 201—224).

русскими войсками во время похода на Царьград в 1043 г. В известии о киевском восстании 1113 г. говорится о дворе тысяцкого Путяты, который был разграблен киевлянами: «Кияне же разграбиша двор Путятин тысячьского»[1]. Память об этом дворе Путятине сохранилась в известной былине о Соловье Будимировиче и Забаве Путятишне. С какого времени Путята сделался тысяцким — неизвестно. Но влияние его при дворе Святополка Изяславича можно проследить на протяжении 15 лет. Утверждение Владимира Мономаха в Киеве положило конец политическому значению Путяты как боярина и тысяцкого; по крайней мере о нём более уже не упоминается в наших источниках; не принимал он участия и в совещании тысяцких в Берестове.

Следующим по времени киевским тысяцким был Улеб. В 1146 г., после смерти Всеволода Ольговича, его брат Игорь призвал Улеба и сказал ему: «Держи ты тысячю, как еси у брата моего держал»[2]. Следовательно, Улеб был киевским тысяцким уже при Всеволоде Ольговиче. Однако из дальнейшего изложения можно сделать вывод, что Улеб не был ставленником Ольговичей. Так, он был одним из инициаторов измены киевлян, передавшихся на сторону Изяслава Мстиславича. Видимо, Улеб был киевлянином по происхождению. Некоторый намёк на это находим в упоминании Ивана Войтишича, участвовавшего вместе с Улебом в заговоре. Иван упомянут в летописи вначале как боярин Владимира Мономаха и его сына Мстислава, а позже — как боярин Всеволода Ольговича. Перед нами, таким образом, боярин, связанный уже не столько с князем, сколько с определённым городом. Дальнейшие известия летописи говорят об Улебе как о воеводе Изяслава, ходившем в поход на Чернигов. На месте Улеба в 1147 г. видим тысяцкого Лазаря. Новое достоверное упоминание о тысяцких в Киеве имеем только от 1238—1240 гг., когда Даниил Галицкий посадил в Киеве тысяцкого Дмитрия «и вдал Киев в руки Дмитрия держать его против иноплеменных народов, безбожных татар»[3].

Институт тысяцких существовал не только в Киеве. В Ипатьевской летописи упоминается о существовании

[1] Ипат. лет., стр. 198.
[2] Там же, стр. 231.
[3] Там же, стр. 521.

тысяцких в Чернигове, Переяславле, Ростове и других городах [1]. О ростовском тысяцком Георгии и его родословной от Шимона-варяга говорится в Печерском патерике.

В известиях о тысяцких мы обычно обнаруживаем непосредственную связь их деятельности с жизнью городского населения. Тысяцкие командуют городским ополчением — «тысячью». Если принять во внимание, что городское ополчение Древней Руси, как во всех средневековых городах, состояло из вооружённых ремесленников и купцов, то значение тысяцкого в городах становится понятным. Это предводитель городского ополчения. Переход тысяцкого на сторону другого князя нередко решал вопрос о том, кто будет сидеть на княжеском столе. Как мы видели в 1147 г., измена тысяцкого Улеба передала власть в Киеве в руки потомков Мономаха. В разгар сражения он бросил знамёна и обратился в бегство. Наряду с командованием над ополчением тысяцкие выполняли другую важную функцию: они ведали судом и расправой над городским населением. С наибольшей полнотой эта функция выясняется из Русской Правды, которая связывает совещание тысяцких на Берестове с ограничением размера процентов, взимаемых с должников. Вынесенное ими постановление об ограничении процентов следует сопоставить с летописным известием о грабеже двора тысяцкого Путяты во время киевского восстания 1113 г. Следовательно, тысяцкие имели непосредственное отношение к таким вопросам, как ростовщичество, которое вызывало постоянные волнения среди городского населения и в западноевропейских городах средневековья.

Военное командование и суд над городскими людьми создавали для тысяцких исключительное положение среди боярства. Некоторые тысяцкие вырастали в фигуры крупного политического значения. Таким, например, являлся галицкий тысяцкий Демьян в начале XIII в. Впервые Демьян упоминается как боярин князя Василька Романовича, сидевшего в Белзе; спустя три года он назван боярином Даниила Романовича, ещё позже носит звание тысяцкого [2]. В это время, как и позже, Демьян командует войсками и ведёт переговоры от имени своего князя Даниила Романовича. В 1229 г. Демьян ведёт вместе со

[1] Ипат. лет., стр. 214, 357.

[2] Там же, стр. 493, 494. В 1213 г. тысяцким в Галиче был ещё Дмитр (там же, стр. 491).

своим князем борьбу против боярина Судислава, опиравшегося на венгерскую помощь. В 1230 г. он предупредил Даниила о заговоре его двоюродного брата князя Александра. Последний раз о Демьяне упоминается под 1231 г. Таким образом, деятельность этого тысяцкого может быть прослежена на протяжении 23 лет. Возможно, что имя тысяцкого Демьяна сохранилось в предании о Демьяне Куденетовиче. Древнее значение тысяцкого нашло своё отражение и в народных свадебных обрядах. Чины царских свадеб рисуют нам важную роль в них тысяцкого.

С какого же времени появились на Руси тысяцкие? Этот вопрос тесно связан с вопросом о появлении сотских. В данном случае нас интересует вопрос не об исконном или позднем происхождении тысяцкого и сотенного деления, а о том значении, какое тысяцкий и сотские получили в древнерусских городах XI—XIII столетий.

Кажется, нельзя сомневаться в том, что тысяцкие как начальники над городским населением окончательно утверждаются с конца XI в. Первое и характерное упоминание о них относится к 1089 г.: «воеводьство держащю кыевскыя тысяща». В этом известии тысяча приравнивается воеводству, что соответствует переходному понятию от воеводы к тысяцкому. Известие 1089 г. отражает переходный момент, когда одинаково употребляется понятие тысяцкого и воеводы. Этот вывод вовсе не обозначает, что тысяча появилась лишь с конца XI в., а обратное: тысяча как городское ополчение получает особое значение только с развитием городов. Поэтому тысяцкий, хотя и назначается князем, становится представителем городского населения. Городское ополчение получает большее значение при защите от нападений извне, чем дружина, в чём легко убедиться при более подробном изучении летописных известий о военных действиях под Киевом, в которых участвуют киевские горожане.

Такую же эволюцию, повидимому, наблюдаем с должностью сотских, которые начинают играть особо крупную роль с XII в. В 1113 г. наряду с двором тысяцкого Путяты были разграблены дворы сотских, в 1118 г. был заточён новгородский сотский Ставр, в 1178 г. были заточены псковские сотские, Пантелей-сотский участвовал в составлении смоленского договора 1229 г. Все эти известия обнаруживают непосредственное участие сот-

ских в политической жизни русских городов. Во всяком случае, тысяцкие и сотские XII—XIII вв. — большая политическая сила, с которой князьям приходилось считаться. Постоянные связи тысяцких и сотских с городским населением приводили к укреплению их власти. Первым следствием такого усиления их власти было установление порядка, согласно которому должности посадника и тысяцкого сделались как бы наследственными для некоторых боярских родов. Эпизод с новгородским посадником Константином (Коснятином) Добрыничем, убитым по приказанию Ярослава Мудрого, становится понятным, если Константина считать сыном Добрыни, который так много потрудился для утверждения на киевском столе Владимира Святославича.

Некоторые биографические сведения имеем о суздальских тысяцких, рассказ о которых в наиболее исправном виде сохранился в древнейшем пергаментном (Арсеньевском) списке Печерского патерика. По словам Патерика, род суздальских тысяцких происходил от некоего князя Африкана, брата Якуна слепого, бившегося вместе с Ярославом Мудрым против Мстислава Черниговского в 1024 г. У Африкана было два сына, Фрияид и Шимон. После смерти отца они были изгнаны Якуном из принадлежавших им владений, и тогда Шимон пришёл к Ярославу. Это родословие находит подтверждение в Повести временных лет, упоминающей о тех же событиях. Повесть отмечает бегство Якуна за море после битвы при Лиственах. В других списках Патерика имя Фрияид имеет варианты: Фриад, Фридиян, Фриаид. Во всех случаях имя брата Шимона не русское, а скандинавское, что подтверждает правильность родословия суздальских тысяцких, сообщённого Печерским патериком.

Ярослав отдал Шимона своему сыну Всеволоду «да будеть старей у него». Из Патерика вытекает, что Шимон, названный уже новым именем — Симон, первоначально был католиком, но перешёл в православие «со всем домом своим в 3 000 душ» [1]. Не меньшее значение имел сын Шимона Георгий, посланный Владимиром Мономахом в Суздальскую землю, «поручил же ему (Мономах) сына своего Георгия» (Юрия Долгорукого). Георгий был позже тысяцким Юрия Долгорукого и правил

[1] «Печерский патерик», стр. 3, 221, 235, 188—189.

Суздальской областью [1]. Подтверждение этому сказанию находим в Ипатьевской летописи, где сообщается, что Георгий Ростовский, тысяцкий, оковал гроб Феодосия Печерского, а в Хлебниковском списке этой летописи находим и отчество Георгия — Шимонович [2].

Установление наследственности должности тысяцких происходило одновременно с переходом к их выборности. Эта выборность городских властей, тысяцких и посадников, устанавливается в Новгороде и Пскове; на путях к ней были Киев, Полоцк и Смоленск, повидимому также Галич, боярство которого должно было иметь сторонников среди жителей этого громадного города, что было связано с военной силой горожан.

Политическое значение больших городов держалось на их военном значении как центров, где собиралось ополчение. Основу городского ополчения составляли вооружённые горожане. Требование киевлян в 1068 г. дать им оружие и коней для борьбы с половцами напрасно объясняют отсутствием оружия у городского населения; скорее речь идёт о необходимости вновь вооружить горожан, потерявших вооружение во время поспешного бегства в Киев после поражения от половцев. В состав городского ополчения входили конные и пешие люди. Это с ясностью вытекает из слов Изяслава Мстиславича к киевлянам: «Поспевайте от мала и до велика, кто имеет коней, кто ли не имеет коня, а в ладьи». В другом случае киевляне стояли перед городом со всеми своими силами «на конях и пеши». В иных случаях городское ополчение принимало характер всенародного. Так, в 1148 г. новгородцы обещали Изяславу идти на войну со всеми людьми, годными для военного дела [3]. Во главе городских ополчений обычно стоял тысяцкий, назначаемый князем. Но в XII в. тысяцкие в больших городах нередко вели самостоятельную политику, а само ополчение не подчинялось князю и даже иногда выходило на войну не одновременно с княжеской дружиной. Участие горожан в княжеских войнах отмечается и скандинавскими сагами, например Эймундовой сагой.

[1] «Тысяцьскому же своему Георгиеви, яко отцю, предасть область Суждальскую» («Печерский патерик», стр. 189).
[2] Ипат. лет., стр. 211.
[3] Там же, стр. 246, 296, 259—260.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

ГЛАВА 6

ВНЕШНИЙ ВИД ГОРОДОВ

1. Городские укрепления

Отличительной чертой средневековых европейских городов многие исследователи считают наличие в них укреплений. Город — это прежде всего укреплённый пункт. Такое же значение имело древнее русское слово «город», что достаточно отмечено в нашей литературе, в частности Самоквасовым. Н. С. Державин указывает следующие параллели русскому термину «город» в славянских языках: «Термин же hrad в современном чешском языке сохранился только в его исконном значении — «замок». В таком же значении термин «город» сохранился и в польском языке — gród, укрепление меньших размеров, т. е. небольшой замок, — grodek» [1]. С этим последним словом почти полностью сходно название «градок», которое летописец присваивает древнейшему Киеву, построенному, по его словам, тремя братьями.

Центральная часть населённого пункта, его крепость, составляла собственно город. Насколько такое словоупотребление привилось в разговорном русском языке, показывает то обстоятельство, что ещё в начале XX столетия центральная часть Москвы, Кремль и Китай-город, в просторечии обозначалась термином «город». «Поехать

[1] *Н. С. Державин*, Из истории древнеславянского города («Вестник древней истории» № 3—4, 1940 г., стр. 147).

в город» значило отправиться в Китай-город, в торговые ряды.

В отличие от западноевропейских большинство древнерусских городов этой эпохи имело деревянные укрепления. При отсутствии огнестрельного оружия и слабом применении тяжёлых осадных машин деревянные стены являлись достаточной защитой против нападений. Отсутствие каменных стен даже в больших городах не должно характеризовать эти города как бедные пункты. В этих же городах строились великолепные каменные соборы; следовательно, для постройки каменных стен нашлись бы соответствующие мастера и средства.

Характер городских укреплений в Киевской Руси хорошо очерчен в Эймундовой саге. Эймунд, помогавший Ярославу, «послал своих мужей в лес рубить деревья, переносить их в город и ставить на городской стене... чтобы нельзя было метать стрел в город. Вне города приказал он выкопать огромный ров»[1]. Здесь отмечены три части городских укреплений: ров, городские стены и заборола (забрала) на стене — забор из деревянных брусьев, которые защищали горожан от вражеских стрел и камней. К ним надо прибавить четвёртый элемент городских укреплений — вал, обычно поднимавшийся непосредственно над рвом и нередко насыпанный из земли, взятой при выемке рва.

Крепость обычно строилась на естественном возвышении, чаще всего на мысу при впадении одной реки в другую. Возвышенное местоположение являлось наиболее существенной предпосылкой для создания новой крепости и прослеживается в расположении громадного большинства древнерусских замков (Киев, Чернигов, Полоцк, Галич, Псков, Владимир-на-Клязьме и др.). Даже Новгородский детинец расположен на некотором подвышении земли по сравнению с окружающей его территорией. Возвышенное положение, особенно типичное для ранних русских крепостей, послужило причиной, по которой во многих славянских землях городские замки назывались «вышгородами». Что касается реки, то вместо неё иногда довольствовались крутыми и обрывистыми оврагами,

[1] *М. Погодин*, Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. III, М. 1846, стр. 243.

делавшими город недоступным с разных сторон. В лесистых и болотистых землях Северной Руси крепости располагались на невысоких холмах и пользовались как прикрытиями топкими низинами и болотами, являвшимися прекрасной защитой от нападения в течение большей части года. Для таких крепостей типичен высокий вал, как, например, в Дмитрове.

Основным видом городских укреплений в Древней Руси X—XIII вв. были деревянные стены. Вместо выражения «построить» город говорили «срубить» город, так же как писали о постройке деревянных церквей. Раскопки древнерусских городов выяснили интересные подробности устройства деревянных укреплений; эти укрепления в основном состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные таким же стенам и башням позднейших острогов [1]. Городские стены состояли из деревянных срубов, наполненных землёй, — городниц, плотно приставленных одна к другой и державшихся благодаря своей тяжести. Бывали случаи, когда городницы, составлявшие звенья стены, вываливались из неё вместе с оборонявшими их людьми. Такой случай произошёл в 1185 г. в небольшом городке Римове, в Киевской земле; во время нападения половцев «полетели две городницы с людьми и на сражающихся и на прочих горожан нашёл страх». Осаждавшие, воспользовавшись несчастьем, ворвались через образовавшуюся брешь и овладели крепостью.

На верху стен, составленных из городниц, имелась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор — «забрала», или «заборола». Иногда словом «заборола» обозначали и всю крепостную стену. В заборолах были устроены щели — «скважни» — для стрельбы в нападающих. Городские стены, повидимому, не отличались большой высотой, иначе для нас оставалось бы непонятным известие летописи о смердах, перескакивавших через заборола во время осады одного галицкого города Иваном Берладником.

На заборолах происходила ожесточённая борьба во время штурма городов, отсюда защитники города бро-

[1] *Н. Н. Воронин,* Крепостные сооружения («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 439—470).

сали в нападающих камни, стрелы и копья. С заборола городской стены открывался обширный вид на окрестности. На забороле стены, по Слову о полку Игореве, плакала Ярославна, обращаясь взором к обширной и далёкой степи, где в плену находился её муж Игорь.

Стены укреплялись башнями — «вежами», — иногда на каменном фундаменте. Описание одной из веж находим под 1259 г. в Ипатьевской летописи. Башня стояла внутри крепости Холм, «якоже бити с нея окрест града». Фундамент башни на высоту в 15 локтей был сложен из камня, а сама она сделана из тёсаного дерева с побелкою, по своеобразному выражению летописи, — «убелена, яко сыр» [1]. Остатки древних каменных башен ещё в XIX столетии сохранялись в окрестностях Холма. В деревне Белавине имелись остатки старинной башни, от которой сохранилась западная стена шириною около 12 аршин и толщиною в 1,5 аршина; высота башни — до 30 аршин. Она сложена из дикого белого и синего камня, скреплённого извёсткой. Вероятным назначением её было прикрытие переправы через болота и речку. В 10 *км* от Холма, у селения Столпье, стояла четырёхугольная башня высотою до 20 аршин, сложенная из дикого камня, поблизости от неё находились остатки каменного фундамента [2]. Впрочем, обе башни не входили в состав городских стен, а были особыми укреплениями.

В город вели ворота, количество которых зависело от размеров поселения. В Киеве было по меньшей мере 4 ворот (Золотые, Жидовские, Лядские, Угорские), во Владимире на Клязьме — 4 (Волжские, Золотые, Иринины, Медяные), в маленьких крепостях довольствовались одними воротами. Значение ворот для города подчёркивается тем, что термин «отворити ворота» обозначал сдачу города.

В больших княжеских городах заметно стремление к выделению особых парадных ворот. В Киеве они получили название Золотых, вероятно, в подражание Золотым воротам в Константинополе. Парадность киевских Золотых ворот подчёркивалась устройством над ними надвратной церкви Благовещения. Митрополит Иларион в своём слове придавал этой церкви особое значение,

[1] Ипат. лет., стр. 436, 178, 341, 559.

[2] *П. Н. Батюшков*, Холмская Русь, СПБ 1887, приложения, стр. 36—37.

призывая покровительство девы Марии на всю русскую столицу [1].

Сохранившиеся Золотые ворота во Владимире дают понятие о парадном характере главных городских ворот. «Сложенные из белого камня, ворота представляют громадную четырёхугольную башню с пролётом для проезда, очень вытянутым вверх (отношение высоты к ширине 2,5 : 1). Шесть внутренних пилонов укрепляют стены пролёта, посреди которого сделана низкая арка для створок ворот; над этой аркой были деревянные настилы для воинов, чтобы возможно было отбивать врагов, если те уже успели войти в ворота. До сих пор видны в стенах гнёзда этих настилов, а равно дверь, ведущая на них изнутри башни. Наружные боковые стены поддерживаются с каждой стороны шестью массивными контрфорсами, которые сходятся арками, образуя ниши. Земляные валы непосредственно присыпались к этим нишам» [2]. К этому следует добавить, что к воротам непосредственно примыкали не только валы, но и деревянные стены на валах.

Золотые ворота в Киеве и Владимире представляли собой монументальные постройки башенного характера. Подобные надвратные башни являлись своего рода опорными пунктами и были типичны для ряда русских крепостей. Например, кроме Киева и Владимира каменные ворота находим в Боголюбове [3] и в Переяславле Русском.

В системе городских укреплений валы имели важное значение и составляли сами по себе солидную преграду, обычно подкреплённую городскими стенами или частоколом. Как остатки укреплений, они до сих пор являются

---

[1] «Русская хрестоматия», сост. Ф. Буслаев, М. 1901, стр. 17—18.

[2] *А. И. Некрасов*, Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII века, М. 1936, стр. 114—115; *Н. Н. Воронин*, Оборонительные сооружения Владимира XII в. («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 203—239).

[3] В кратком летописце с полулегендарными известиями, но с записями, очевидно сделанными жителем Владимиро-Суздальской Руси, читаем: «И потом приде от Киева Андрей Юрьевич и сътвори Боголюбный град и спом осъпа и постави церкви две камены и ворота камены, и полаты. И были у него 3 сыны: Изяслав, Мьстислав, Глеб. На 10-е лето княженья его заложи церковь камену пречистыя богородица Успенье съборъную в граде Володимере обь едином версе, да и каменные ворота. Княжив лет 28, и убьен бысть от Кучков от своих бояр». Выдержка эта взята из летописца, помещённого в Сборнике XVI в. («Исторический Архив», т. VII, М. 1951, стр. 211).

самым надёжным средством для изучения древних крепостей. Само слово «вал» встречается в наших источниках одновременно с однозначащими словами «гребля» и «соп». Возможно, что первоначальное значение этих терминов было не одинаковым, а соответствовало различным способам сооружения вала.

Археологические раскопки весьма существенно дополняют наши знания о характере валов и стоявших на них деревянных укреплений. Например, защитные сооружения Сарского городища под Ростовом Великим, относящиеся к XI—XIII вв., состояли из валов и деревянных укреплений. «В самом начале обитания городища был сооружён первый вал для защиты наиболее слабой линии — со стороны поля; со стороны вершины луки был срублен тын, который, вероятно, шёл и вдоль обрывов и по гребню первого вала. Спустя относительно небольшой промежуток времени тын, ограживавший площадь городища от вершины луки, был заменён валом (вторым), причём, как и при насыпке первого вала, в основание его были положены сплошной полосой брёвна или плахи и обожжены». В том же городище найдены были деревянные стены из «пригнанных друг к другу срубов, насыпанных землёй — культурным слоем; ширина срубов равнялась 5—5,30 *м*». Деревянные срубы, городницы, найдены были также и в других местах, например при урочище Липицы, близ Юрьева, где они были воздвигнуты для лагерного укрепления [1].

Городские стены и вал в наиболее опасных и доступных местах дополнялись рвом или гроблею (греблею). «Через греблю к воротам городным» вёл мост, иногда подъёмный, «взводный», поднимавшийся при помощи блока («жеравца»). В 1150 г. мытник «переметал» мост, который вёл в Белгород, и таким образом помешал захватить город внезапным набегом [2]. Обычно мост строился на столбах, как это изображено на миниатюре Радзивиловской летописи (л. 41 об.) к рассказу о смерти Олега в городе Вручем.

---

[1] *Димитрий Эдинг,* Сарское городище, Ростов Ярославский 1928, стр. 24—26. Особой прочностью отличался вал Белгорода (см. *В. В. Хвойка,* Древние обитатели среднего Приднепровья, Киев 1913, стр. 76—79).

[2] Ипат. лет., стр. 288, 504.

В больших городах укрепления состояли из внутренней крепости, детинца (вышгорода), и наружных укреплений. Кроме Новгорода о существовании детинцев, или внутренних замков, известно в Чернигове и Владимире Залесском. В Новгороде Детинец иногда назывался «Кромным городом» — название, прочно утвердившееся в Пскове, где внутренний замок именовался Кромом, по-видимому от слова «кромьство» — внутренность. К этому же корню, весьма вероятно, восходит московское название Кремль. В Пскове термины «Детинец» и «Кром» обозначали одинаково внутренний замок. В этом смысле любопытно употребление слова «детинец» в славянском переводе Иудейской войны Иосифа Флавия: «Церковный ведь град был граду самому, как детинец», т. е. иерусалимский храм по отношению к городу Иерусалиму был как бы детинцем. На юге Руси внутренняя крепость, или замок, имела очень распространённое в славянских странах название «вышгород». В известных глоссах к Библии 1499 г. «вышгород» переводится словом «замок» (arx), «в вышгороде — ин арсе» (in arce) [1].

Разросшиеся города скоро не стали вмещаться в узкие пределы детинцев, к которым пригораживались ближайшие части города, окружённые новой стеной. Последняя составляла внешний укреплённый пояс. В больших центрах в черту города постепенно включались городские предместья, окружённые лёгкими укреплениями в виде частокола, поставленного на невысоком валу. Подобное укрепление называлось «острогом» и окружало, например, Чернигов. «И билася дружина моя с ним, — рассказывает Владимир Мономах об обороне Чернигова от Олега с половцами, — 8 дней за малым валом, не давая им проникнуть в острог» [2]. Мономах хотел этим подчеркнуть храбрость своей дружины, успешно защищавшей слабые укрепления острога, т. е. частокола, поставленного на валах.

Нередко осаждающие успевали взять только острог, тогда как внутренний город, или детинец, оставался невредимым. В Киеве XII в. ограда из деревянных столбов,

---

[1] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 795, 457. «Обиташе Давид в кроу, ин арсе или в вышегородце» (там же, стб. 1327).

[2] Лаврент. лет., стр. 240.

«столпье», тянулась от крепости на холмах до Днепра, защищая подступы к Подолу. Половецкие отряды во время одного из своих набегов, «просекаюче столпие», ворвались в Киев [1].

Система городских укреплений хорошо вырисовывается на основании раскопок Старого Галича. Замок на Старом Крилосе стоял на возвышенности, ограниченной с двух сторон крутыми берегами реки Луквы и Мозолевого потока. Эта возвышенность на севере сходилась углом, а расширялась к югу, где был устроен вал. Каменный собор, стоявший тотчас за валом, как бы доминировал над укреплениями и служил опорным пунктом для осаждённых. По той же возвышенности между Луквой и Мозолевым потоком укрепления расширялись на юг. Вторая цепь их, протянутая между названными речками, состояла из трёх параллельных валов, ворота которых были укреплены тремя передовыми башнями.

Укрепления в Пскове вырастали вокруг города и имели характер очень близкий к системе укреплений в Галиче. Древнейшей частью был Кром на высоком холме, при впадении реки Псковы в Великую. К нему был пристроен Довмонтов город, а позже Средний город, оба расположенные между теми же реками. Значительно позже была застроена территория за рекой Псковой, так называемое Запсковье. Древняя Москва даже в XIV в. расширялась по тому же принципу, занимая холм между Москвой-рекой и Неглинной.

Деревянные стены и валы были типичны для городов X—XIII вв., но быстрый прогресс русского ремесла и культуры в эту эпоху сказался в появлении первых каменных крепостей. Вполне достоверное и неоспоримое свидетельство о построении каменной крепости в Ладоге имеем в Новгородской летописи под 1116 г. «В том же году Павел, посадник ладожский, заложил Ладогу город камен» [2]. Старо-Ладожская крепость описана в ряде работ. Исследование В. А. Богусевича, опубликованное им в одном из последних «Новгородских исторических сборников», показывает, что первоначальные стены XII в. скрываются в Ладоге под рядом позднейших наслоений.

---

[1] Ипат. лет., стр. 353; «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 112.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный» [1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви [2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

статочны для того, чтобы Кременец оказался неприступным для татар. Укрепления вокруг Киева, и притом величественные, производили большое впечатление на современников. Так надо понимать значение слов митрополита Илариона, сказанных им в честь Ярослава Мудрого: «Славный град твой Киев величеством, как венцом обложил». В Радзивиловской летописи встречаются миниатюры с изображением явно каменных городов. Особенно типична иллюстрация к словам «и возвратися с победою великой к Володимерю». На ней показана церковь Успения с 5 куполами, стоящая внутри каменных стен с четырёхугольной угловой башней на переднем плане. Однако в принадлежности рисунка первоначальному художнику, рисовавшему миниатюру Радзивиловской летописи в начале XIII в., можно усомниться, видя изображение пушки в нижнем этаже башни [1].

На создание и поддержание городских укреплений затрачивались немалые средства. Поэтому забота о городских укреплениях, типичная для средневековых городов Западной Европы, была хорошо знакома русским горожанам. Строитель городских укреплений, «городник», был важной фигурой в Древней Руси. В церковном уставе Ярослава находим указание на «городное» — пошлину, которая платилась князю и владыке «на полы». Эта пошлина, видимо, шла на «городное» строительство, находившееся под покровительством не одного князя, но и епископа. Высокое положение городников рисуется в несколько необычном известии Новгородской летописи о поставлении в Новгороде монастыря св. Евфимии женой Полюда, названной «городшиничей» по мужу-городнику. С большой вероятностью её можно считать дочерью посадника Жиславля («Жирошкина дъци»), отмеченного в летописи под 1175 г.[2] Она принадлежала к верхушке новгородского общества и обладала достаточными богатствами, чтобы построить на свои средства монастырь.

---

[1] «Радзивиловская или Кёнигсбергская летопись». Фотомеханическое воспроизведение рукописи, изд. Общества любителей древней письменности, СПБ 1902, л. 225 об.

[2] «В то же лето постави монастырь святыя Еуфимия в Плътьницких Полюжая Городьшиниця Жирошкина дъци», 1197 год (Новгород. лет., стр. 43). О Жиславе см. там же, стр. 35.

2. Детинец, посад, городские кварталы и улицы

В русских городах наблюдалось довольно обычное для средневековья деление на внутреннюю крепость (детинец, кремль) и окружающий её посад. Слово «посад», несомненно, раннего происхождения и упоминается в летописи под 1234 г. [1] Не задаваясь этимологией этого слова, отмечу только связь его с названием правителей городов посадниками, а также то, что само слово «посад» встречается обычно в северных памятниках, тогда как южные знают предградье, или предгородье. Такое же деление города на две части мы наблюдаем в других славянских землях. В Чехии различались две части города: 1) место, окружённое стеной, собственно город; 2) посад, или предгородье (suburbium), где находились жилища горожан, проживало торговое и промышленное население [2].

Библейские слова «in viculis eius et cunctis suburbanis Saron» переводились на русский язык: «и в улицах его во всех подградных Сарон» [3]. Итак, латинское suburbium соответствовало славянскому подградию, или предградию. Предградия обычно значительно превышали территорию замка, отличаясь от последнего не только размерами, но и составом населения.

То же самое наблюдаем в городах Средней Азии. Рядом с укреплённым замком (шахристаном), где раньше сосредоточивались ремёсла и торговля, в IX—X вв. вырастает предместье — рабад. Историки среднеазиатских городов отмечают, что «отмирание шахристана как дофеодального города, переход центра экономической и политической жизни в рабад в корне изменили социально-экономический, а вместе с тем и топографический облик города» [4]. Трудно подыскать более выразительный пример того, как одинаковые социально-экономические условия порождали одно и то же явление в самых отдалённых друг от друга странах.

В больших городах аристократические кварталы помещались в городе, а демократические — в предградьях,

---

[1] Новгород. лет., стр. 73.

[2] *А. Н. Ясинский,* Падение земского строя в Чешском государстве, Киев 1895, стр. 108.

[3] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. II, стб. 1055.

[4] «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент 1950, стр. 238.

что не раз отмечалось в нашей исторической литературе, правда, иной раз в несколько примитивной форме.

Жители предградья, или посада, старались селиться в непосредственной близости к стенам крепости, служившей защитой для новых поселенцев, но не слишком удаляясь от реки. Основная масса жителей посада принадлежала к ремесленникам и торговцам, для которых особенно важно было иметь удобный доступ к воде, в большом количестве требовавшейся для таких ремёсел, как гончарное и кожевенное. Поэтому, если крепость, населённая княжескими слугами и дружиной, стремилась взгромоздиться на вершины холмов, предградье спускалось вниз, к воде. Так складывалась яркая противоположность между аристократической «горой» и демократическим «подолом», где располагались дворы ремесленников, оседавшие отдельными слободами гончаров, кожевников, плотников и т. д. Само название «подол», обозначавшее низменную часть города, под горой, на которой возвышался детинец, встречается во многих городах, не только в Киеве, но и в Чернигове, в Новгороде, в Москве. Эту противоположность между аристократическими и демократическими частями города можно проследить на примере нескольких городов. Пожалуй, наиболее типичен Киев, разбросанный по холмам и прибрежной низине на громадное пространство. В нём резко сказывалось различие между аристократической «Горой» и ремесленным кварталом — «Подолом». Первоначальный город строился на высоких холмах, защищённых обрывистыми оврагами, а Подол вырос позже, когда развились ремёсла и торговля, что вызвало прилив населения к реке.

Чернигов был построен также на холме и рос в сторону от Десны в силу естественных условий, мешавших населению располагаться непосредственно у реки; поэтому в нём не было столь решительного контраста между горой и подолом.

План Владимира-на-Клязьме несколько напоминает план Киева. Первоначально город был заложен над рекой Клязьмой, на крутом холме, окружённом глубокими и обрывистыми оврагами. Он разрастался по соседним холмам. Близость планировки Владимира к планировке Киева находит своё объяснение в сознательном подражании южнорусской столице. Недаром во Владимире, как и в Киеве, находим не только Золотые ворота, но и ручей

Лыбедь. Действительно, по своему расположению на холмах над рекой Клязьмой Владимир имеет известное сходство с Киевом.

На высоких холмах над рекою возвышались Смоленск, Полоцк и некоторые другие города. По-иному рисуется план древнего Новгорода с его кольцевым строением. Наращивание поселений вокруг Новгородского детинца происходило постепенно, в результате чего городские укрепления получили форму окружности.

Полукольцевым типом отмечен план древнего Пскова, крепость которого была построена на высоком и узком мысу, образованном впадением Псковы в реку Великую. В дальнейшем городское поселение росло первоначально в одном направлении — по территории между Псковой и Великой. Позже к городу было присоединено Запсковье, а Завеличье на западном берегу Великой так и осталось городским предместьем. План Пскова сделался, пожалуй, наиболее типичным для северных городов, в числе которых особенно близка к Пскову по расположению своих городских частей Москва.

Наши отрывочные наблюдения пока ещё не могут быть сведены в единое целое — это работа будущих поколений историков, которые найдут закономерности в выборе места для городов и в их первоначальной планировке. Едва ли, например, может быть сочтён случайностью выбор места для построения города в низине, как это было сделано Юрием Долгоруким для Дмитрова и Юрьева во Владимиро-Суздальской земле. В этом случае мы сталкиваемся с особым выбором местности для постройки города, может быть характерным для определённого времени и места именно для Северной Руси в XII в. Многое зависело от истории города. Киев и Чернигов, которые выросли на основе старых замков-городищ, находившихся на вершинах холмов, расширялись в зависимости от характера окружающей их территории. Княжеские города XI—XIII вв., результат сознательной строительной деятельности князей, могли быть основаны с учётом условий местности. Можно с уверенностью сказать, что определённые планы городов совпадут с определёнными отрезками времени, которые их будут датировать.

Для обозначения городских районов в Древней Руси употреблялись слова «улица» и «конец». И. И. Срезнев-

ский считает слово «улица» русским словом, обозначающим проход между рядами домов. Названия улиц были разнообразными, но всё-таки подчинялись некоторой закономерности, что легче всего проследить на примере Великого Новгорода с его многовековой традицией. Среди названий новгородских улиц прежде всего выделяется группа улиц, получивших свои прозвища от личных имён: Даньславля, Добрынина, Иворова, Янева. Известны новгородский боярин Даньслав Лазутинич, живший в XII в., а также Даньслав XIII в., два новгородских посадника с именем Добрыни, один из которых жил в конце X—начале XI в., а другой — в XII в., новоторжец Ивор, участвовавший в политических событиях начала XIII в. [1], наконец, несколько знатных новгородцев, Янов или Иванов, во главе со знаменитым Яном Вышатичем. К разряду улиц, получивших названия от личных прозвищ новгородцев, можно причислить также Ярышеву, Бардову, Чеглову (Щеглову?), Хревкову и другие улицы. Названия их могут быть возведены к неизвестным нам прозвищам новгородцев, первых или наиболее выдающихся поселенцев на этих улицах. Так, И. И. Срезневский полагает, что Бард является именем собственным, такими же могли быть прозвища, давшие название остальным вышеперечисленным улицам.

Значительно меньше встречается названий, связанных с ремесленной или какой-либо другой специализацией улиц. К их числу принадлежат такие названия, как Щитная и Холопья улицы в Новгороде; может быть, Конюхова, если только последняя не произошла от личного прозвища. Три других названия — Варяжская, Чюдинцева и Прусская, — видимо, даны были улицам по их преобладающему населению. Прусская улица ведёт своё название от пруссов, о торговле с которыми в нашей летописи, впрочем, ничего не говорится. Однако житие Авраама Смоленского знает благочестивого Луку Прусина. Нет никакого основания отрицать возможности торговли Новгорода со страной пруссов. Купцы, торговавшие с этой страной, могли дать название улице. Поразительнее всего, что названий, связанных с топографическими особенностями местности, в Новгороде очень мало. К ним принадлежит Запольская улица, местность

[1] Новгород. лет., стр. 32, 33, 70, 54.

которой раньше обозначалась «за полем». Возможно, Боркова улица ведёт своё название от слова «борок» — небольшой лесок. Наконец, имеется ещё группа названий, связанных с церквами (Фёдорова, Яковлева, Ильина, Михайлова).

Даже этот небольшой и несовершенный экскурс позволяет считать, что улицы чаще всего получали названия от имён лиц, имевших на этих улицах чем-либо выдающиеся дворы или явившихся первыми насельниками этих улиц. Город строился постепенно, и стихийно оформлялись названия его улиц. Вот, кажется, вывод, который можно сделать из сказанного выше.

Другое название, «конец», обозначало кварталы города («Копырев конец в Киеве»), впоследствии сделавшиеся отдельными городскими частями.

Никаких известий о регулировании городских планов у нас не имеется. Поэтому улицы весьма прихотливо извиваются даже на планах русских городов XVIII в., несмотря на их регулирование в царствование Екатерины II [1]. Само оформление улиц как пространства, ограниченного с двух сторон домами, возникло только постепенно, по мере роста и расширения города и выяснявшегося удобства располагать дома в определённом порядке. В ряде городов можно наблюдать, как направление улиц было тесно связано с направлением первоначальных дорог, сходившихся к городу-крепости.

Ширина городских улиц была незначительной. Незадолго до Великой Отечественной войны в Новгородском кремле были произведены раскопки на месте прежней Епископской (Пискуплей) улицы. Обнаружилась интересная картина уличной жизни XVI—XVII вв. Ясно видно было направление деревянной мостовой, вокруг которой стояли остатки небольших жилых строений. Незначительная ширина улицы позволяла с трудом разъехаться двум повозкам [2]. Едва ли городские улицы домонгольской поры имели значительно бо́льшую ширину.

Наша мысль подтверждается археологическими исследованиями древних новгородских мостовых. Исследова-

---

[1] Планы изданы в особом томе приложений к Полному собранию законов Российской империи.

[2] Раскопки производились А. А. Строковым и В. А. Богусевичем.

тели пришли к выводам, что техника устройства древних мостовых весьма отличалась от более позднего времени. Древнейшие мостовые имеют меньшую ширину (не более 2,5 *м*), настил состоит из круглых нетёсаных жердей, концы которых входят в боковые лаги[1]. В Новгороде было открыто несколько настилов подобных мостовых, что показывает постоянную заботу о городском благоустройстве, начиная чуть ли не с X в.

Такие же мостовые существовали и в других более или менее значительных древнерусских городах. По древнему сказанию конца XIII в., во время похорон в Ярославле князя Фёдора Ростиславича «одни ударялись (в печали) о землю, другие о мост градный». Заведование мостами и мостовыми лежало в городах на особых должностных лицах — осменниках. Происхождение этого слова остаётся пока неясным; возможно, что его надо сопоставить с позднейшей пошлиной — осминичье. Во всяком случае, осменники пользовались большим почётом в городах и принадлежали к аристократическим кругам, иначе Юрий Долгорукий не пировал бы у киевского «осменника» Петрила.

В крупных городах возникла уже потребность в сооружении мостов через большие реки. Мост через Днепр в Киеве впервые был сооружён в 1115 г.[2] В Новгороде мост через Волхов, получивший прозвище Великого моста, упоминается только в 1133 г., по случаю постройки нового и разрушения старого. С этого времени он делается предметом постоянных попечений со стороны городских властей, и летописец неукоснительно отмечает случаи порчи моста от ветра или наводнений. Галицкий летописец даёт ещё чёрточку благоустройства русских городов. Даниил Романович «посади же сад красен» в своём любимом Холме (в 1259 г.), видимо, у церкви Козьмы и Демьяна. Не такой ли сад был и в Галиче, где до сих пор сохранилось урочище «Прокалиев сад», там, где стояла церковь св. Илии. «Прокалиев» — это сокращение названия «Пророка Илиев» (сад).

---

[1] *А. А. Строков* и *В. А. Богусевич*, Предварительный отчёт о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть Кремля), «Новгородский исторический сборник», вып. VII, Новгород 1940, стр. 17.

[2] Ипат. лет., стр. 336, 203.

3. Городской торг

Центральным местом города был «торг», или «торговище»; эти слова заменяли нередко друг друга и являлись тожественными.

Обычно торг располагался в низменной части города, в непосредственной близости к реке. Можно думать, что место торга определялось выгодностью его географического положения. Например, новгородский торг находился в непосредственной близости к Волхову и речным пристаням, или вымолам. В этом же районе Новгорода были расположены Немецкий и Готский дворы, а также церковь Ивана Предтечи на Опоках. Местоположение торга в других городах может быть нередко установлено современным положением рынка, по традиции помещающегося на древнем месте. Рынок в Дмитрове находился поблизости от реки Яхромы, в непосредственной близости к валу, окружавшему древнюю крепость. В Коломне торговые ряды также расположены перед городскими стенами. То же самое видим в Москве, где ряды помещались перед Кремлём в Китай-городе, на древнем месте, в непосредственной близости к Москве-реке. В Пскове ряды помещались также за пределами древнего замка — Крома. То же самое наблюдаем в Суздале, Волоколамске, Серпухове и ряде других северных городов, а на юге — в Чернигове. Таким образом, торговище, как правило, возникало вне городских стен, за их чертой, там, где селились пришлые ремесленники и купцы, но в непосредственной близости к городским воротам. Если вспомнить, что замок обычно являлся наиболее ранним ядром возникшего города, то становится ясным, что торг был явлением вторичным, тесно связанным с оседанием в городе пришлых людей.

Аналогию расположения древнерусского торга за городскими стенами, но у ворот в замок имеем в среднеазиатских городах. «Характерно истолкование первоначального слова «базар», — пишут историки Узбекистана. — Как указывает В. В. Бартольд, слово это обозначает «дело у ворот»» [1].

Известия о пожарах торга, или торговища, заставляют предполагать о существовании на нём постоянных

[1] «История народов Узбекистана», т. I, стр. 215.

сооружений для торговли. При раскопках в Дмитрове найдена была «лавка — помост на сваях» в культурном слое XII—XIII вв.[1] Чтобы решить вопрос о характере торговых помещений в Киевской Руси, конечно, этого недостаточно, и надо ждать новых раскопок.

Слово «лавка» появилось, видимо, поздно и стоит в связи со словом «лавица» — скамья. Нельзя ли в этом видеть указание, что первоначально для торга употреблялись скамьи, которые могли быть постоянными, наподобие дмитровской лавки-помоста.

Торговище, являясь центральным и наиболее оживлённым местом в больших городах, обычно было украшено одной или несколькими церквами. Патроны рыночных церквей выбирались далеко не случайно. Выбор подчинялся некоторым закономерностям. В России рыночных патронов было в сущности два: Параскева Пятница и Николай Мирликийский. Церковь Пятницы очень часто стояла на базарной площади, что можно проследить в ряде городов (Новгород, Чернигов, Полоцк, Дмитров и т. д.). Исключением, кажется, является Киев, на чём, впрочем, трудно настаивать. Даже отрывочные наблюдения позволяют говорить о широком распространении обычая сооружать на торгу церковь во имя Пятницы.

По местоположению этой церкви, по крайней мере в Северной Руси, почти безошибочно можно судить о том, где первоначально находилась торговая площадь. Обычай строить церковь Параскевы Пятницы на торгу объясняется тем, что греческое имя Параскева в переводе обозначает пятницу, которая во времена язычества была почитаемым днём недели. С этим, видимо, был связан распространённый обычай не работать по пятницам[2]. Особое почитание пятницы торговцами выросло из обычая устраивать торги и ярмарки по пятницам (так называемые пятницкие торги), что восходит к древним временам; например, большой пожар в Новгороде (1194 г.) случился «в пятницу в торг».

Связь церквей Николая Мирликийского с рынком прослеживается труднее. Однако церковь Николая находим в Киеве на Подоле как раз в районе площади; в Новгороде Николо-Дворищенский собор стоял в непо-

[1] *А. В. Арциховский*, Введение в археологию, М. 1940, стр. 141.
[2] *Дмитрий*, Месяцеслов святых, вып. I, Каменец-Подольский 1893, стр. 215—219.

средственной близости с торгом. По словам сборника чудес Николая, написанного в конце XI — начале XII столетия, церкви Николая находились во всех русских городах. Культ Николая Мирликийского был распространён и в Западной Европе, тогда как Пятница особенно почиталась в южнославянских странах. Так намечаются различные пути, по которым проникали в Россию культы Пятницы и Николая из южнославянских стран и из Западной Европы.

В связи с этим возникает один вопрос, который на первых порах кажется связанным только с историей искусства, но имеет в действительности более общий интерес. С давнего времени известны деревянные статуи Николы, изображаемого с мечом в одной руке и с подобием церкви в другой; сохранились и скульптуры Пятницы с крестом в руках.

Н. Н. Соболев, изучавший историю деревянной резьбы в России, придерживается традиционного взгляда на происхождение подобных изображений, видя в них заносное, западное явление. Всеобщее распространение статуи Николы Можайского он готов связывать с польской интервенцией начала XVII в., хотя и отмечает появление фигур Пятницы и Николы «на рези» в Пскове в 1540 г. [1]

Более категорически высказывается о деревянных скульптурах другой исследователь русского изобразительного искусства, А. И. Некрасов. Он считает статую Николы Можайского (в Третьяковской галерее) «исполненной в 20-х годах XIV в. по распоряжению московского митрополита Петра» в Белоруссии, не приводя никаких доказательств о связи этой скульптуры с митрополитом Петром [2]. Фигуры Пятницы и Николы, принесённые в Псков, тот же автор считает привезёнными из Белоруссии. Некрасов говорит о своих предположениях без доказательств, и это лишает нас возможности проверить его выводы. Так, он без всякой критики принимает католическую легенду о поездке полоцкой княгини Параскевы в Рим, с которой, видимо, связывает культ Параскевы

---

[1] *Н. Н. Соболев,* Русская народная резьба по дереву, М. — Л. 1934, стр. 380 и след.

[2] *А. И. Некрасов,* Древнерусское изобразительное искусство, М. 1937, стр. 203 и след.

Пятницы, в действительности распространившийся на Руси с появлением в ней христианства.

Однако общая идея Некрасова о заимствовании фигуры Николы из западноевропейской практики представляется правильной. Николай Мирликийский почитался в Западной Европе патроном купцов, матросов, льняного промысла и пр. Он изображался в одежде епископа с моделью церкви в руках [1]. В России Никола Мирликийский был также патроном купцов и плавающих по воде, отчего церкви Николы Мокрого нередко возникали у пристаней. Собор Николы Гостунского в Московском кремле был построен на месте старой церкви Николы Льняного. Значит, Никола и на Руси был патроном купцов, торговавших льном.

Пятница Параскева изображалась обычно, как мученица, с крестом в руках. Позднее происхождение сохранившихся статуй Пятницы не является доказательством позднего возникновения её культа. Во всяком случае, выясняется одна важная особенность в почитании резных фигур и культа Николы и Пятницы — их связь с городскими рынками, с купечеством, патронами которых они состояли. Особенно характерно изображение меча в руках Николы. Позволим себе сделать предположение, не имел ли этот меч символическое значение и не стояла ли фигура Николы первоначально в нише церковной стены или в часовне, отчего появляется обычай ставить её в киоте — «храмце». Фигура Николая, стоящая в «храмце», служила символом охраны и неприкосновенности торга, наподобие знаменитых фигур Роланда — обязательной принадлежности торговых площадей в средневековой Германии. Подобный же характер могла иметь первоначально статуя Пятницы с крестом в руках. Трудно, впрочем, сказать, какая символическая фигура появилась раньше; по нашему мнению, Пятница.

Что Древняя Русь хорошо была знакома с обычаями, строго охранявшими порядок на рынке, видно из одной скандинавской саги, содержание которой весьма живо напоминает нам некоторые постановления Русской Правды. Вот что мы в ней читаем.

---

[1] *R. Pfleiderer*, Die Attribute der Heiligen, Ulm 1898; Die Patronate der Heiligen, Ulm 1905.

«Случилось однажды, что Олав стоял на торговой площади, где было великое множество народа. Там узнал он Клеркона, который убил воспитателя его Торольва Люсаскегга. Олав имел небольшой топор в руке; он подошёл к Клеркону и вонзил ему тот топор в голову, так что он проник до мозгу. Олав побежал назад в гостиницу и рассказал это Сигурду, своему родственнику, а Сигурд тотчас повёл его во дворец конунговой супруги Адлогии и, сказав ей, как было дело, просил её помочь отроку. Она, посмотрев на отрока, молвила: неприлично умерщвлять такого пригожего мальчика, и приказала явиться всем своим телохранителям в полном вооружении. В Холмгарде (Новгороде) так строго наблюдалось всеобщее спокойствие, что каждый, убивший другого человека без суда, наказывался смертью. Теперь сбежался весь народ, по обычаю и законам их, искать Олава, где он скрылся, и хотел лишить его жизни, как повелевал закон. Тут разнёсся слух, что он был во дворце супруги конунга и что там готовы воины в полном вооружении для защищения его. Это дошло потом до конунга; он поспешил с своими телохранителями и не допустил ту и другую сторону до кровопролития, сначала успокоив их, а потом и примирив. Конунг присудил денежную пеню за убийство, а супруга конунга заплатила её» [1].

Площадь и великое множество народа на ней живо рисуют картину торговища в Новгороде. Убийство на торговой площади было тягчайшим, но едва ли очень редким преступлением. Недаром договоры Руси с Греками устанавливали, что русские купцы входят в город без оружия, во избежание кровавых ссор и насилий на рынке.

4. Городские постройки и внешний вид городов

Внешний вид города в первую очередь зависит от его застройки зданиями. Поэтому, если мы хотим правильно представить внешность улиц и площадей в древнерусских городах, нам необходимо ответить на вопрос о характере городских домов в IX—XIII вв., что является делом не совсем лёгким. Ведь количество письменных известий об

[1] «Русский исторический сборник», т. IV, М. 1840, стр. 41—43.

архитектуре и устройстве древнерусских домов малочисленно, а данные раскопок ещё не приведены в систему. К тому же письменные свидетельства касаются главным образом княжеских строений [1], нас же интересуют в первую очередь строения горожан. Эти постройки составляли основной массив городских домов и придавали определённую окраску русским городам.

Русские города были по преимуществу городами деревянными. Отсюда проистекали недолговечность городских построек и трудность их изучения даже путём археологических раскопок. Любовь русских людей к деревянным жилищам нельзя объяснять бедностью горожан. Она прежде всего зависела от бесспорно бо́льших удобств деревянной постройки по сравнению с каменной в условиях холодного климата, длинной и сырой осени и весны. Города Греции или Италии могли обходиться каменными домами без сложной системы отопления, в Древней Руси было необходимо тёплое и сухое жильё, что заставляло придерживаться менее прочных и импозантных, но зато более удобных, деревянных домов.

Древнерусские люди различали отдельные типы построек, отмечая их особыми названиями. Так, мы встречаемся с термином «клеть», которым переводились в наших источниках различные греческие слова, обозначающие дом. Клеть была деревянным строением, как это видно из рассказа о смолянах, которые «разбивали клиньем клети» (срубы) [2]. Выражение «клетцки» применялось в XVI—XVII вв. к церкви, построенной в виде четырёхугольного сруба, наподобие обычной избы.

Последний термин употреблялся также с давнего времени и имел специфическое значение тёплого помещения. Кое-что узнаём об избе из рассказа об убийстве в Киеве половецкого хана Итларя. Мономах предложил Итларю с его дружиной прийти к нему, «обувшеся в теплой избе». Когда Итларь влез «в истобку», он был заперт. После этого один из дружинников Мономаха, «взлезше на истобку, прокопаша верх», оттуда перебил стрелами половцев [3]. Из этого рассказа вытекает, что изба была

---

[1] См. *В. Ф. Ржига*, Очерки из истории быта домонгольской Руси.
[2] ПСРЛ, т. XV, СПБ 1863, стр. 443.
[3] Лаврент. лет., стр. 220.

тёплым помещением, следовательно, имела печь, верх избы имел накат, отсюда выражение «прокопаша верх».

Каждая изба, или клеть, была ли она просторной или тесной, надземной или полуподземной, находилась в особом дворе, следовательно, в особом владении, которое служило единицей обложения, как принадлежавшее одному владельцу. Ограда («тын») из кольев, или плетень, отделяла один двор от другого. В условиях городской жизни у соседей возникали споры о границе дворов. Это объясняет появление в Пространной Русской Правде наказания тому, кто перегородит дворовую межу тыном («дворную тыномь перегородить межю»). Дворы, огороженные плетнём и тыном, составляли пейзаж типичной городской улицы Древней Руси. Боярские и княжеские жилища, конечно, резко выделялись среди городских строений. К ним, собственно, и относятся наблюдения, сделанные В. Ф. Ржигой о княжеских дворцах X—XIII вв., которым порой не уступали выдающиеся боярские дворы. В Киеве, например, хорошо знали Бориславль, Воротиславль, Гордятин, Никифоров, Ратшин, Чудин и другие боярские дворы.

Боярский или княжеский двор состоял из ряда зданий, пристроенных друг к другу или соединённых переходами. Остальные помещения, видимо, не отличались особо большими размерами. В. Ф. Ржига отмечает особое значение сеней во втором ярусе дворцовых зданий. Сени «представляли собою помещение между клетями, игравшее роль поздиейшей залы: здесь собирались князья с дружиною, здесь был княжеский престол, здесь же устраивались пиры» [1]. Импозантная картина княжеского двора рисуется нам в рассказе о смерти Владимирка Галицкого. Когда Пётр, посол Изяслава Мстиславича, подъехал к княжескому дворцу, навстречу к нему с сеней сошли княжеские слуги в чёрных мантиях («мятлех»). Пётр взошёл на сени и нашёл в них Ярослава сидящим на отцовском месте [2]. Во дворце галицкого князя наблюдаем целую систему построек и различных помещений; из них названы сени и горенка; переходы и лестницы (степени) ведут на хоры (полати) дворцовой церкви Спаса.

---

[1] *В. Ф. Ржига*, Очерки из истории быта домонгольской Руси, стр. 11.

[2] Ипат. лет., стр. 319.

Особым дворцовым помещением В. Ф. Ржига считает «гридницу». Но, вероятнее, это просто другое название тех же сеней. Поэтому в гриднице также находим «отнее место», как и в сенях у галицкого князя. Конечно, это «отнее», т. е. отцовское, место только по созвучию совпадает с öndvegi, как называлось возвышенное сиденье предводителя дружины в Скандинавии, и надо иметь большое воображение, чтобы оба названия (я не говорю о фактическом значении «отнего места») сопоставить друг с другом [1].

Отдельные части богатых домов высоко поднимались над бедными жилищами ремесленников и других горожан. Выдающейся частью боярских или княжеских хором был терем — «повидимому, высокая башня или вышка, с комнатами для женщин». На Руси известно было также слово «вежа», которым обозначались не только городские башни, но и вышки при домах. Красочную картину древнерусского города даёт летописный рассказ о сожжении Искоростеня в 945 г.: «И так загорались голубьници, или клети, или вежи, или одрины» [2]. Пламя внезапно охватывает и высокие голубятни, и дома, и вышки, башни (вежи) и амбары (одрины) и т. д.

Деревянные дома русских городов украшались красивой резьбой. В Радзивиловской летописи находим рисунок, изображающий сени варягов-мучеников. На них под самым карнизом видим доску, украшенную узором. В той же летописи изображён княжеский двор в виде двора, окружённого забором с торчащими кверху остроконечными кольями [3]. Такой двор в случае нападения на него делался настоящей крепостью, за крепкими заборами и воротами которого можно было отсидеться [4]. Русская Правда образно рисует неприступность боярских хором, куда спасается от верной смерти холоп, ударивший свободного человека.

Боярская, а тем более княжеская усадьба была наполнена запасами. Во дворе галицкого боярина Судиславa взято было «вино и фрукты («овоща»), и корма,

---

[1] См. *В. Ф. Ржига*, Очерки из истории быта домонгольской Руси, стр. 9.

[2] Лаврент. лет., стр. 58.

[3] Радзивиловская летопись, л. 48 об., 100.

[4] Ипат. лет., стр 248.

и копья и стрелы»[1]. Княжеские или боярские дворы, огороженные высоким тыном, вмещали не только господские хоромы, но и подсобные помещения: медуши для хранения мёда, погреба, бани, даже темницы — порубы. В Радзивиловской летописи имеется изображение поруба в виде деревянного надземного здания с решетчатым окном вверху. Такое же сооружение с тремя оконцами, в которые выглядывают головы заточённого полоцкого князя Всеслава и его двух сыновей, изображено в другом месте той же летописи[2]. Всеслав сидел в заключении на киевском дворе своего отца Брячислава, может быть, не в обычной темнице, а в самих хоромах. Гораздо более страшными представляются нам темницы по письменным сведениям. Узники содержались в глубоких погребах, заделанных сверху брёвнами, в которых имелось одно оконце для подачи пищи. Чтобы освободить из такого погреба, нужно было «разметать» верхний слой брёвен. Нередко узники заковывались в оковы, сидели «в железах». Бывали случаи, что таких узников оставляли на долгое время в погребе вследствие забывчивости какого-либо князя. По другому описанию, погреба имели двери, запирались на ночь, причём лестница из погреба вынималась[3].

Деревянные конструкции широко применялись в церковной архитектуре. О некоторых деревянных церквах, чем-либо выдающихся по своей форме, сообщают порой летописи. Первая деревянная церковь в Новгороде (св. Софии) была воздвигнута в 989 г. — «имущи верхов 13, и стояла 60 лет». По другому известию, эта церковь была построена из дуба[4]. Можно бесплодно гадать о наружном виде деревянной церкви Софии с её 13 верхами, но нельзя пройти мимо того, что сооружение 13 верхов явно указывает на искусство плотников-строителей.

К тому же времени (991 г.) летописи относят построение дубовой церкви в Ростове Великом — «церковь дубову Успения Пречистыя». Она была настолько чудесной, что такова «не бывала и потом не будеть»[5]. Несколько более подробные сведения имеем о деревянной церкви,

---

[1] Ипат. лет., стр. 506.
[2] Радзивиловская летопись, рисунок к восстанию 1068 г.
[3] *Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 20, 60—61.
[4] «Новгородские летописи», стр. 2, 173.
[5] ПСРЛ, т. XV, стр. 115.

построенной в Вышгороде при Ярославе Мудром в честь Бориса и Глеба. Церковь была воздвигнута «о клетце», т. е. наподобие обычного четырёхугольного дома. Позже «князь украсил церковь 5 верхами, и всякими красотами, иконами и иной росписью» [1]. Видимо, получилось строение, сильно напоминавшее каменные пятикупольные церкви, как сказали бы позже в России, «на каменное дело». Современникам особенно бросалась в глаза одна особенность деревянных церквей — их высота, их верхи, красивая конструкция, вызывавшая восхищение и порой оценку церкви как «чудной». Красивые хоромы, великолепные церкви и дворцы, как мы видим, украшали древнерусские города и придавали им богатый вид. Недолговечность материала, дерева, из которого они были воздвигнуты, обрекала древнерусские постройки на быстрое уничтожение, но не лишала город богатого внешнего убранства.

До сих пор мы говорили только о деревянных постройках, но в русских городах были и каменные здания. Участь каменного зодчества Киевской Руси была более счастливой, чем деревянного, и многие церковные здания сохранились до нашего времени; о некоторых же каменных церквах становится известно только после раскопок. Поэтому предварительный список каменных церквей в Киевской Руси, составленный Е. Голубинским в его истории русской церкви, может рассматриваться не только как неполный, но даже просто как не соответствующий гораздо большему количеству сооружений церковного каменного зодчества в Древней Руси.

В задачу данной книги вовсе не входит обзор каменного строительства Киевской Руси. Это уже сделано специалистами по истории искусства, но некоторые особенности каменной архитектуры XI—XIII вв. имеют прямое отношение к нашей теме. Все сколько-нибудь крупные города стремились иметь величественные соборы, которым придавалось значение патрональных храмов города. «Умереть за св. Софию» — этот лозунг в Новгороде отождествляется с представлением о защите родного города. Каменные соборы возникают в крупных городах уже в XI в. (Киев, Новгород, Чернигов, Полоцк). По их существованию почти безошибочно можно сказать о действи-

[1] *Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 18.

тельном значении того или иного стольного города в Древней Руси. Позже величественные соборные храмы сооружаются в Галиче, Владимире Волынском, Владимире-на-Клязьме, Суздале, Ростове, Смоленске, показывая возвышение этих новых центров в XII столетии. Собор обычно был самой величественной постройкой в городе, выделяясь своей величиной и красотой среди других городских сооружений. Для усиления впечатления купола или купол собора золотились. Тогда появлялась «златоверхая» церковь, подобная Успенскому собору во Владимире Залесском. Киев и в отношении соборного строительства резко выделялся среди других городов. Одна Десятинная церковь не удовлетворяла широкие запросы киевских горожан, кроме неё были воздвигнуты Софийский и Михайловский златоверхий соборы, не считая «великой церкви» в Киево-Печерском монастыре.

Развитие городской жизни приводило к тому, что горожане стремились обзавестись каменными приходскими храмами, что особенно легко наблюдается на примере Великого Новгорода благодаря характеру записей в новгородских летописях с их особым вниманием к местным событиям.

Каменные церкви и соборы служили не только церковным и декоративным целям; как мы видели — они были одновременно надёжными складочными местами для хранения товаров и казны, а также библиотеками. Наконец, они имели определённое оборонное значение. Во время осады Галича в 1219 г. одна из галицких церквей была превращена в крепость, «бе бо град створен на церкви» [1]. Такую же роль, видимо, играла во время осады Киева татарами Десятинная церковь, рухнувшая под тяжестью взгромоздившихся на неё людей. Такое же значение могли иметь каменные монастырские церкви, окружавшие большие русские города, наподобие того, как Антониев, Юрьев, Аркаж и другие монастыри защищали подступы к Великому Новгороду.

Что касается каменных построек гражданского назначения, то их было немного, а ещё вернее — сведения о них почти не сохранились. Наиболее известен киевский каменный терем, построенный в X в., находившийся вне

[1] Ипат. лет., стр. 493

«града» и составлявший особую усадьбу — теремный двор. Палата или часть палат (может быть, только каменный переход) Андрея Боголюбского стоит до сих пор в Боголюбове. Однако каменное гражданское строительство всё-таки не характерно для Киевской Руси, удачно воплощавшей художественные замыслы в дереве. Восхищение богатством и убранством княжеских дворов выражалось словом «красный» (красивый, прекрасный), как их иногда называли современники. А вот обличительные слова древнего проповедника, направленные против роскоши: «Любим злато и берем имение, любим храмы светлы и домы украшены» [1]. Недаром в былинах так часто встречаем упоминание о светлой гриднице, где расхаживает князь Владимир Красное солнышко со своими могучими богатырями.

В сборнике поучений XII в. находим любопытнейшее слово, ярко рисующее перед нами жизнь богатого горожанина, хищнически накопившего богатства. Проповедник укоризненно противополагает жадного богача бедному человеку: «Ты ешь тетеревов, гусей, рябчиков, кур, голубей и прочее кушанье различное, а убогий хлеба не имеет, чем чрево насытить; ты же облачаешься и ходишь в паволоках и мехах, а убогий рубища не имеет на теле; ты живешь в доме, расписав повалушу, а убогий не имеет где главы подклонити. Но и ты богатый умрешь и останется дом твой, всегда обличая твоя деяния. Каждый от мимоходящих скажет: се дом оного хищника... сей сирот ограбил... вот двор его пуст» [2].

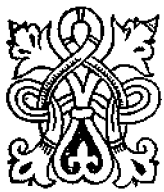
В этом обличении хорошо показано изумление перед богатствами боярского или купеческого двора, выдававшегося среди скромных построек горожан. Феодальные порядки порождали резкие классовые противоречия в городах. Эти противоречия кричали о себе на улицах и площадях древнерусских городов, так же как и городов французских, польских, армянских, узбекских и т. д. Богатая усадьба с садом, владелец которой иногда именовал её «раем» или «самораем», располагалась рядом с каменным собором или боярским дворцом. Но тут же

---

[1] Рукопись Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Румянцевское собр. № 406, Сборник полов. XV в., л. 26 об.

[2] *И. И. Срезневский*, Древние памятники русского письма и языка, СПБ 1863, стр. 203.

стояли и бедные хижины, иногда полуземлянки. Авторы, восхищающиеся красотой построек в древнерусских городах, говорят только об одной стороне городской жизни в Древней Руси, притом стороне показной. Действительность была более скромной, но и она при всей своей скромности действовала на воображение современников. И справедливо. Древнерусские города, как и все средневековые города, были явлением прогрессивным. Даже по своему внешнему виду они далеко опережали средневековую деревню.



ГЛАВА 7

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА

1. Грамотность в среде горожан

Городская культура Древней Руси почти не изучена; мало отведено ей места даже в большом двухтомном издании по истории культуры Древней Руси в домонгольское время, ещё меньше — в книгах по истории архитектуры, живописи и литературы. В этом смысле очень показателен раздел о «культуре Древней Руси» в таком обобщающем труде, как «Очерки истории СССР» (IX—XIII вв.). Здесь совершенно правильно провозглашается тезис, что «русская деревенская и городская материальная культура, культура крестьян и ремесленников, составляла основу всей культуры Древней Руси» [1]. И тут же письменность, литература и искусство, правда в несколько неясной форме, объявляются достоянием «землевладельцев-феодалов» и только фольклор признаётся достоянием поэтического творчества русского народа.

Конечно, памятники литературы, архитектуры, живописи, прикладного искусства, дошедшие до нашего времени от Древней Руси XI—XIII вв., — это произведения, сделанные по преимуществу по заказу феодалов. Но ведь и они отражают народные вкусы, притом в большей степени даже вкусы ремесленников, чем самих феодалов.

---

[1] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, стр. 206.

Произведения искусства делались по замыслу мастеров-ремесленников и руками мастеров-ремесленников. Феодалы, естественно, выражали общие пожелания, какими бы они хотели видеть здания, оружие, украшения, но сами ничего не делали, а воплощали свои пожелания чужими руками. Крупнейшая роль в создании предметов искусства в Древней Руси принадлежала мастерам-горожанам, а эта роль пока ещё не только не выяснена, но даже не изучалась. Поэтому культура Древней Руси и представляется такой однобокой во многих исторических работах. Тщетно мы стали бы искать хотя бы параграфа о городской культуре в наших общих и специальных изданиях. Город и его культурная жизнь выпали из поля зрения историков и историков культуры Древней Руси, тогда как городская культура средневекового западноевропейского города привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей [1].

Одной из предпосылок для развития городской культуры было распространение грамотности. Широкое распространение письменности в городах Древней Руси подтверждается замечательными открытиями, сделанными советскими археологами. И до них уже были известны надписи-граффити, начертанные неизвестными руками на стенах Софийского собора в Новгороде, на стенах Выдубицкой церкви в Киеве, Софийского собора в Киеве, церкви Пантелеймона в Галиче и т. д. Эти надписи сделаны на штукатурке острым орудием, известным в древнерусской письменности под названием «шильца». Делали их не феодалы и не церковники, а обычные прихожане, следовательно — купцы, ремесленники и другой люд, посещавший церкви и оставлявший по себе память в виде этой своеобразной настенной литературы. Обычай делать надписи на стенах сам по себе уже говорит о распространении грамотности в городских кругах. Обрывки молитв и молитвенных обращений, имена, целые фразы, выцарапанные на церковных стенах, показывают, что создатели их были грамотными людьми, и эта грамотность если не имела всеобщего распространения, то и не была уделом слишком ограниченного круга горожан. Ведь сохранившиеся надписи-граффити дошли до нас

---

[1] См. *Н. А. Сидорова*, Очерки по истории ранней городской культуры во Франции, М. 1953.

случайно. Можно представить, сколько их должно было погибнуть при различного рода возобновлениях древних церквей, когда во имя «благолепия» покрывали новой штукатуркой и красили стены замечательных построек Древней Руси.

За последнее время надписи XI—XIII вв. обнаружены были на различных предметах обихода. Они имели бытовое назначение, следовательно, были предназначены для людей, которые могли эти надписи прочитать. Если надписи-граффити можно в какой-то мере приписывать представителям духовенства, пусть даже низшего, то какие же князья и бояре делали надписи на горшках для вина и на колодках для обуви? Ясно, что эти надписи были сделаны представителями совершенно иных кругов населения, письменность которых становится теперь нашим достоянием благодаря успехам советской археологической и исторической науки.

Особенно распространены надписи на пряслицах, т. е. небольших грузиках, сделанных для веретён. Пряслица изготовлялись из розового шифера, который добывался около города Овруча (древнего Вручего). Отсюда они расходились по Восточной Европе. В Рязани на таком пряслице находим надпись «Молодило», в Новгороде — «Мартин», в Вышгороде, поблизости от Киева, — «невесточь», в Киеве — «Потворин пряслень» и пр. Существование надписей на пряслицах показывает, что письменность была связана с широкими бытовыми потребностями. Надписи были именными, наподобие того как это позже делалось с кольцами. Возможно, такие пряслица имели значение подарков для невест, вследствие чего и носят личные имена, а одно так и называется «невесточь». Следует особо отметить, что многие из пряслиц найдены в городах (в Киеве, Чернигове, Старой Рязани и пр.) [1]. Надписи делались грамотными людьми и в какой-то, если не в полной, мере для грамотных людей.

Ещё более замечательные находки были сделаны в Новгороде. Здесь найдено было днище одной из бочек с чёткой надписью XII—XIII вв. — «юрищина». Бочка, следовательно, принадлежала какому-то Юрию, «Юрищу», по древнерусскому обычаю уменьшать или усиливать имя. На деревянной сапожной колодке для женской

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 188—202.

буви встречаем надпись «Мнези» — повидимому, женское имя. Две надписи являются сокращениями имён, они сделаны на костяной стреле и на берестяном поплавке. Но, пожалуй, самая интересная находка — это открытие в Новгороде так называемого Иванского локтя, найденного при раскопках на Ярославовом дворище в Новгороде. Это небольшой кусок дерева в виде обломанного аршина, на котором оказалась надпись буквами XII—XIII вв.

Замечателен деревянный цилиндр, также найденный в Новгороде. На нём вырезана надпись «емьця гривны 3». Змец — княжеский слуга, собиравший судебные и другие пошлины. Цилиндр, видимо, служил для хранения гривн и был снабжён соответствующей надписью [1].

Новгородские находки показывают, что распространение письменности было значительным в ремесленном и торговом быту, по крайней мере так можно сказать о Новгороде. Однако применение письменности на предметах домашнего обихода не являлось только новгородской особенностью. Б. А. Рыбаков описал фрагмент корчаги, на которой сохранилась надпись. Большую часть её ему удалось разобрать. Полностью надпись, видимо, читалась так: «благодатчеша плона кэрчага си». Слова «неша плона корчага си» полностью сохранились на остатках этого сосуда, найденного в старой части Киева при земляных работах [2]. О такой же, только более обширной, надписи на обломке горшка, в котором хранилось вино, сообщает А. Л. Монгайт. По краю этого сосуда, найденного в Старой Рязани, начертана надпись буквами XII или начала XIII в. В. Д. Блаватский обнаружил фрагмент сосуда из Тмутаракани, на котором сделано несколько неясных букв древними начерками. Разобрать эту надпись не удалось ввиду её отрывочности.

Говоря о письменности в древнерусских городах, нельзя забывать о том, что в ряде ремесленных профессий письменность была необходимым условием, потребностью, вытекавшей из особенностей самого производства.

---

[1] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, Новгородские грамоты на бересте, стр. 44—45.

[2] *Б. А. Рыбаков*, Надпись киевского гончара XI века («Краткие сообщения ИИМК», XII, 1946 г., стр. 134—138).

Такими прежде всего были иконное мастерство и стенопись. На иконах, как правило, помещались буквы и целые фразы. Мастер-иконник или церковный живописец мог быть полуграмотным человеком, но начатки грамоты должен был знать при всех условиях, иначе он не мог бы с успехом выполнить получаемые заказы. В некоторых случаях художнику приходилось заполнять изображения открытых страниц книг или свитков длинными текстами (см., например, икону боголюбской богоматери середины XII в.). Изучение надписей на иконах и стенописях в отношении их языковых особенностей почти не производилось, а могло бы дать любопытные результаты. Так, на храмовой иконе Дмитрия Селунского, стоявшей в соборе города Дмитрова едва ли не со времени его основания, читаем подпись «Дмитрей» рядом с греческими обозначениями (о agios — святой). Здесь типично русское, простонародное «Дмитрей» сочетается с условным греческим выражением. Тем самым обнаруживается, что художник был русским, а не иноземцем.

Количество малых и больших надписей на иконах и фресках настолько велико, сами надписи сделаны так тщательно и так отражают развитие живого древнерусского языка с его особенностями, что не требуется особых доказательств, чтобы сделать вывод о широком развитии письменности среди мастеров-художников.

Знание хотя бы элементов грамотности было необходимо и для серебряников и оружейников, изготовлявших дорогие изделия. Об этом свидетельствует обычай отмечать имена мастеров на некоторых предметах XI—XIII вв. Имена мастеров (Коста, Братило) сохранились на новгородских кратирах, на медной арке из Вщижа (Константин), на кресте полоцкой княгини Евфросинии (Богша). Последний мастер, Богша, сделал на кресте ряд надписей для обозначения отдельных святынь и большое заклятье против возможных похитителей креста. Он же отметил время сооружения креста: «в лето 6000 и 669 (т. е. в 1161 г.) покладаеть Офросинья честный крест в монастыри своемь в цркви святого спаса» [1]. Имя Богши — древнерусское, оно известно по Новгородской летописи. Создателем драгоценного креста был полоцкий мастер.

---

[1] «История русского искусства», т. I, М. 1953, стр. 444—475.

Письменность имела немалое распространение и среди каменщиков-строителей. Специальные исследования показали, что кирпичи, употреблявшиеся для строительства каменных зданий в Древней Руси, обычно имеют метки. Так, на нескольких кирпичах собора в Старой Рязани оттиснуто имя мастера: Яков.

Распространение письменности находим также у резчиков по камню. Древнейшие образцы кирилловских надписей представляют собой каменные плиты с остатками букв, найденные в развалинах Десятинной церкви в Киеве конца X в. Одна из древнейших надписей сделана на известном Тмутараканском камне. К 1133 г. относится Стерженский крест; почти одновременно с ним был поставлен Борисов камень на Западной Двине. Распространённость подобных крестов и камней с памятными записями XI—XIII вв. указывает на то, что письменность прочно внедрилась в обиход Древней Руси. Об установившемся обычае ставить на межах камни с надписями говорит и так называемый «камень Степана», найденный в Калининской области.

Напомним также о существовании надписей на различного рода сосудах, крестах, иконах, украшениях, которые дошли до нас от XI—XIII вв. Невозможно допустить, что ремесленники, делавшие эти надписи, были людьми неграмотными, так как в этом случае мы имели бы ясные следы неуменья воспроизвести надписи на самих вещах. Следовательно, надо предполагать, что среди ремесленников были люди с определёнными навыками письменности.

Можно предполагать, что надписи на предметах обихода князей или высшего духовенства, как это отчётливо видно, например, из уже упомянутой надписи на старорязанском сосуде, делались иногда княжескими тиунами или какими-либо другими домашними слугами. Оклад Мстиславова евангелия был сделан между 1125—1137 гг. на средства князя. Некий Наслав ездил по княжескому поручению в Константинополь и был княжеским слугой. Но даёт ли это право отрицать существование письменности среди тех ремесленников, которые занимались производством других, менее драгоценных изделий, чем новгородские кратиры и полоцкий крест? Деревянные сапожные колодки, костяная стрела, берестяной поплавок,

деревянная чашка с надписью «смова», найденные в новгородских раскопках, свидетельствуют о том, что письменность в Киевской Руси не была достоянием только феодалов. Она имела распространение среди торговых и ремесленных кругов древнерусских городов XI—XIII вв. Конечно, распространение письменности среди ремесленников не приходится преувеличивать. Грамотность была необходима для мастеров немногих профессий и была распространена по преимуществу в больших городах, но и в этом случае археологические находки последних лет уводят нас далеко от обычных представлений о бесписьменной Руси, по которым только монастыри да дворцы князей и бояр являлись очагами культуры.

Потребность в грамоте и письменности особенно сказывалась в купеческой среде. «Ряд» — договор — известен нам и по Русской Правде и по другим источникам. Древнейший частный письменный «ряд» (Тешаты и Якима) относится уже ко второй половине XIII в., но это не значит, что подобных письменных документов не существовало раньше.

Об этом свидетельствует употребление терминов, связанных с письменностью, в юридических памятниках древнего времени. Обычно в доказательство того, что Древняя Русь не знала широкого распространения частных актов, ссылались на Русскую Правду, которая будто бы не упоминает о письменных документах. Однако в пространной редакции Правды назван «мех», особый сбор, который шёл в пользу писца: «писцю 10 кун, перекладного 5 кун, на мех две ногате». Такой знаток древней письменности, как И. И. Срезневский, переводит термин «мех» в Русской Правде именно как «кожа для письма». Сама Русская Правда указывает, что и «перекладное» и пошлина «на мех» шли писцу. Указание на пошлину с письменных сделок и записей имеем в Рукописании Всеволода Мстиславича («Руская пись»).

Среди городского населения была и такая прослойка, для которой письменность являлась обязательной, — это приходское духовенство, в первую очередь попы, дьяконы, дьячки, читавшие и певшие в церкви. Попов сын, не научившийся грамоте, представлялся для людей Древней Руси своего рода недорослем, человеком, потерявшим право на свою профессию, наряду с задолжавшим

купцом или холопом, выкупившимся на свободу[1]. Из числа духовенства и низших церковных причетников вербовались кадры переписчиков книг. В их числе найдём и попа Упыря, и дьякона Григория (Остромирово евангелие)[2], и дьяка Иоанна (Изборник 1073 г.), и просто «грешных» (Домку, Михаила и пр.).

В свою очередь среди заказчиков книг найдём князей и бояр, порой связанных с тем или иным городом, монахов и игуменов, епископов и пр. Если же вспомнить, что монастыри Древней Руси были в первую очередь монастырями городскими, то категория городских жителей, среди которых была распространена грамотность, представится довольно значительной: в неё входили и ремесленники, и купцы, и духовенство, и бояре, и княжеские люди. Пусть распространение грамотности не было повсеместным; по крайней мере, в городе было значительно больше грамотных, чем в деревне, где потребность в грамотности в это время была крайне ограничена.

Среди князей XII—XIII вв. был широко распространён обычай обмениваться так называемыми крестными грамотами, представлявшими собой письменные договоры. О крестной грамоте, которую галицкий князь Владимирко «возверже» киевскому князю Всеволоду, сообщается под 1144 г. В 1152 г. Изяслав Мстиславич прислал тому же Владимирку крестные грамоты с упрёками в вероломстве; в 1195 г. киевский князь Рюрик отослал крестные грамоты Роману Мстиславичу; на основании их Рюрик «обличи» измену Романа; в 1196 г. о таких же крестных грамотах упоминается по отношению к Всеволоду Большое Гнездо. Известно о крестных грамотах князя Ярослава Всеволодовича и т. д. Таким образом, обычай письменных междукняжеских договоров прочно утвердился на Руси в XII в. Уже в это время появляются и грамоты-подделки. Известно о ложной грамоте, посланной от имени Ярослава Осмомысла в 1172 г. галицким воеводой и его товарищами[3]. Грамота в этом известии является одним из необходимых атрибутов междукняжеских сношений.

---

[1] «Изгои трои: попов сын грамоты не умееть, холоп из холопьства выкупится, купець одолжаеть» (Новгород. лет., стр. 487).

[2] См. *И. И. Срезневский*, Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков), СПБ 1882, стр. 22.

[3] Ипат. лет., стр. 225, 318, 461, 375.

Сохранившиеся до нашего времени княжеские грамоты позволяют говорить о том, что они уже в XII в. составлялись по определённому формуляру. Две грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича, данные им Юрьеву монастырю в 1125—1137 гг., имеют одинаковое введение и заключение. Примерно по такой же форме написаны грамоты Мстислава Владимировича (1130 г.) и Изяслава Мстиславича (1146—1155 гг.) [1]. Эти документы, вышедшие из княжеской канцелярии, написаны по определённым образцам опытными писцами. Навыки княжеских канцелярий не могли сложиться мгновенно. Следовательно, им должен был предшествовать какой-то период развития. Существование договоров Руси с Греками говорит нам о том, что княжеские канцелярии на Руси появились не позднее X в.

Относительно широкое распространение грамотности в городской среде подтверждается открытием новгородских берестяных грамот. Материалом для письменности в Древней Руси служил такой предмет, как береста. Его нельзя даже назвать дешёвым, он был просто общедоступным, потому что берёзовая кора имеется всюду, где растёт берёза. Обработка же коры для письма была крайне примитивной. Свойства бересты, легко распадающейся и ломкой, делали её удобным письменным материалом только для переписки, имеющей временное значение; книги и акты писали на прочном пергамене, позже — на бумаге.

Находка берестяных грамот А. В. Арциховским развеяла легенду о крайне слабом распространении грамотности в Древней Руси. Оказывается, и в это время люди охотно переписывались по разным вопросам. Вот письмо Гостяты к Василью о тяжёлом семейном случае. В другом письме речь идёт о спорной или украденной корове, в третьем — о мехах, и т. д. Таковы находки 1951 г. [2]

Ещё полнее и ярче рисуется нам переписка горожан XI—XIII столетий в грамотах, найденных при раскопках 1952 г. Тут и требования прислать «веретица» и «медведна» (мешки и медвежьи шкуры), переписка о бесче-

---

[1] «Грамоты Великого Новгорода», стр. 139—141. Все эти грамоты начинаются словами «се аз князь» и кончаются заклятиями.

[2] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, Новгородские грамоты на бересте, стр. 36—42.

стии какого-то дворянина, распоряжения по торговле и даже сообщения о военных действиях [1].

Грамоты на бересте тем и ценны, что они дают понятие о повседневной жизни и деятельности горожан с их мелкими заботами личного и общественного порядка. Вместе с тем они являются бесспорным доказательством относительно широкого распространения грамотности в городах Древней Руси XI—XIII столетий.

2. Городские книгохранилища и ризницы

Основные книжные хранилища Древней Руси также сосредоточивались в городах. Небесполезно будет напомнить о нескольких подобных хранилищах в древнерусских городах. Повесть временных лет говорит об Ярославе Мудром, как о великом книголюбце XI в. «Ярослав любил церковные уставы и собрал писцы многие и переводил с греческого на славянское письмо, и написал книги многие», — пишет летописец об его деятельности [2]. Из дальнейших летописных сведений мы узнаём, что Ярослав любил книги и многие из них положил в церкви св. Софии в Киеве [3].

Современник только отметил особую любовь Ярослава к письменности. Но книжные собрания на Руси возникли ещё до него. Летописец приписывает любовь к книжным словесам («бе бо любя словеса книжная») и его отцу, Владимиру Святославичу.

Уже И. И. Срезневский отмечал некоторые переводы, которые, по его мнению, были сделаны на Руси и отличаются русскими языковыми особенностями. Количество таких произведений сильно увеличилось в результате исследований А. И. Соболевского и других историков древнерусской литературы. Таким образом, у нас нет никакого сомнения в истинности летописных слов о переводах

---

[1] *А. В. Арциховский,* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М. 1954, стр. 65 и далее.

[2] «И бе Ярослав любя церковныя уставы... и прекладаше от грек на словеньское писмо, и списаша книгы многы» (Лаврент. лет., стр. 148).

[3] «Ярослав же сей яко же рекохом, любим бе книгам и многы написав, положи в святей Софьи, церкви, юже созда сам» (Лаврент. лет., стр. 149).

многих греческих произведений на славянский язык, сделанных уже в первой половине XI в.

Нет сомнений и в существовании библиотеки при Софийском соборе в Киеве, от которой до настоящего времени, повидимому, ничего не осталось. «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами мы мудрость обретаем; это реки напояющие вселенную; в книгах ведь неисчетная глубина; и ими в печали утешаемся» — эти изречения принадлежат летописцу XI в. В них высказывается та же мысль о пользе книжности и наук, которую впоследствии выразил великий русский учёный М. В. Ломоносов: науки «в счастливой жизни украшают, в несчастный случай берегут».

Софийская библиотека не была исключением в самом Киеве. Есть прямое указание на другую обширную библиотеку, где имелись не только русские, но и греческие книги, — это библиотека Киево-Печерского монастыря. На хорах, «полатях», соборной церкви этого монастыря хранились греческие книги, которые были принесены мастерами, расписывавшими эту церковь. «Суть же и ныне свиты их на полатах и книгы их греческие блюдомы» (сохраняемы), — пишет автор XII—XIII в. [1]

Такие же библиотеки существовали в других русских городах. Одна из них с давнего времени была собрана при новгородском Софийском соборе. Эта библиотека находилась под наблюдением новгородского владыки. Праздничный Стихирарь, хранящийся теперь в Публичной Библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, был написан при епископе Аркадии и тиуне Тупочеле (1156—1163 гг.). На одной из пергаментных книг той же библиотеки отмечено, что новгородский архиепископ Климент смотрел в 1276 г. соборную ризницу («сосудохранильницу») и поручил книги некоему Назарию [2].

В Полоцке также существовала соборная библиотека. Здесь перепиской книг не гнушались даже лица княжеского рода. Полоцкая княжна Евфросиния сама переписывала книги и продавала их за деньги. Известно также о высокой учёности смоленского епископа Клима и о тех

---

[1] «Печерский патерик», стр. 9.

[2] *Е. Э. Гранстрем,* Описание русских и славянских пергаменных рукописей Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. 1953, стр. 19, 16.

спорах по богословским вопросам, в которых принимал участие Смоленск начала XIII в.

Об одном из ростовских епископов, Кирилле, летопись говорит, как о ревностном собирателе рукописей и различных богатств: «был Кирилл зело богат деньгами и селами и всяким имуществом («товаром») и книгами» [1]. Ему, возможно, принадлежало житие Нифонта, написанное в 1219 г. в городе Ростове. В записи Кирилл обращается с молитвенным воззванием о князе Васильке и о себе самом. Кирилл, судя по записи, был владельцем рукописи, а не переписчиком. Писцы рукописи (Иоанн и Олексей) отмечены тут же [2].

Книжные хранилища, служившие и местами хранения документов («ларь» в Троицком соборе в Пскове), а также ризницы с церковными сосудами и казной рассматривались горожанами как их городская собственность. Горожане ревниво смотрели на их расхищение. Сокровища Десятинной церкви были поручены попу Анастасу Корсунянину вместе с другими корсунскими (херсонесскими) попами. Бегство Анастаса в Польшу особо отмечается летописцем. Владимирский летописец с негодованием говорит о «молодых» князьях Ростиславичах, слушавших своих бояр, подучивших их «на многое именье». В первый же день своего княжения во Владимире князья отняли ключи от церковных хор, где хранилась ризница («первый день, ключе полатнии церковныя отъяста»). По мнению владимирских горожан, так можно было поступать лишь во вражеских городах. «Точно не собираются княжить у нас, грабят не только область всю, но и церкви», — восклицали владимирцы, призывая к выступлению против таких князей («промышляйте, братья!») [3].

Но не только соборные церкви были богаты книгами. Из летописей и других источников мы знаем о существовании книгохранилищ и ризниц при ряде монастырей. Например, в Юрьевом монастыре жил и работал монах Кирик, принимавший участие в составлении летописей. В этом монастыре с большой тщательностью сохранялись письменные документы на монастырские земли.

---

[1] Лаврент. лет., стр. 429—430.

[2] *И. И. Срезневский,* Древние памятники русского письма и языка, стр. 93.

[3] Лаврент. лет., стр. 355—356.

Драгоценный сборник копий с владельческих актов этого монастыря, написанный скорописью XVII в. и пропавший после оккупации Новгорода немецкими фашистами, заключал в себе копии с владельческих документов на монастырские земли начиная с XII в. Такие же владельческие акты сохраняли другие новгородские монастыри (Хутынский, Антониев). Отдельные книги из библиотек этих монастырей сохранились до нашего времени.

Наконец, и это особенно интересно, книжные богатства хранились и в отдельных церквах. Их заказывали знатные горожане и церковные старосты. В так называемом «Пантелеймонове евангелии», рукописи XII—XIII вв., помещена миниатюра с изображением святых Пантелеймона и Екатерины, имена которых носили заказчики книги. Тут же помещена запись с пожеланием благополучия заказчику и его жене (подружию): «Яко много муж той учини еще на потребу церкви, преж учини икону святую богородицу, потом колокол... и написа пролог, потом же и сия книгы» [1]. Заказчиком книг, написанных для церкви Ивана Предтечи, был богатый горожанин, судя по тому, что он просто назван «мужем», как обычно называли друг друга новгородцы.

Записи на рукописях показывают, что книги хранились в церквах, переписывались для церквей, считались их богатством. Отсюда жалобы летописцев на разграбление церквей и их ризниц при взятии городов, когда из церквей выносили служебные сосуды, ризы, иконы и книги. Остатки ризниц и книгохранилищ тех городов, которые не были разрушены татарами (Новгорода, Пскова) сохранились и до сих пор. Они немые свидетели высокой культуры Древней Руси.

3. Городская литература

Изучение древнерусского письменного богатства XI—XIII вв. неизбежно приводит к выводу, что письменность была распространена в различных кругах русского общества. Купцы и ремесленники нередко были грамотными, а в некоторых случаях и образованными людьми своего

[1] *Е. Э. Гранстрем*, Описание русских и славянских пергаменных рукописей, стр. 21—22.

времени. Письменность вошла в общественный быт, была непосредственно связана с жизненными потребностями, по крайней мере в условиях городской жизни.

Возникает вопрос: были ли городские круги безучастны по отношению к литературным движениям на Руси XI—XIII вв.?

Если судить по трудам о летописании А. А. Шахматова и М. Д. Присёлкова, то на этот вопрос пришлось бы ответить отрицательно. Шахматов придавал громадное значение деятельности церковных кругов в области летописания. Его основной труд по истории летописного дела — «Разыскания о древнейших летописных сводах», по существу говоря, связывает всё летописное дело с епископскими кафедрами и большими монастырями. На смену церковникам киевского Софийского собора, которым Шахматов приписывает составление древнейшего летописного свода на Руси, приходит Киево-Печерский монастырь. В нём составляются своды 1073 г. и 1093 г., а затем Повесть временных лет. Повесть редактируется в Выдубицком монастыре в Киеве и заново исправляется в Киево-Печерском монастыре. В XI же веке появляется летописный свод при новгородском Софийском соборе.

Дальнейшие исследователи истории летописания в основном идут по стопам Шахматова, с той только разницей, что, по М. Д. Присёлкову, в составлении летописных сводов XII—XV вв. принимали участие преимущественно князья. Таким образом, не остаётся места для участия в летописании каким-либо другим кругам населения.

Стремление объяснить всё летописание с точки зрения церковного или княжеского участия в составлении летописей, несомненно, затемняет правильное представление о характере русской литературы древнего времени. Между тем такая точка зрения ещё держится в литературе.

Известно, что Галицко-Волынская летопись XIII в., составляющая последнюю часть Ипатьевской летописи, отличается необычным расположением материала, который не укладывается в наше представление о летописном своде. Так, указания годов в Ипатьевском списке внесены уже в готовый летописный текст и плохо отвечают действительной хронологии событий. Существуют

и такие списки Галицко-Волынской летописи (Хлебниковский список), в которых годы совершенно не указаны.

Гражданский характер Галицко-Волынской летописи неоднократно подчёркивался исследователями, да и в ней самой находим прямое указание на то, что её составители заботились о сплошном, а не о погодном изложении исторических событий: «Хронографу же нужно писать о всем бывшем, иногда писать раньше, иногда же отступать к позднейшему, мудрый читающий поймет; числа же годам здесь не писали» [1].

Несмотря на такое замечание самих составителей Галицко-Волынской летописи, В. Т. Пашуто, написавший недавно книгу по истории Галицко-Волынской земли, считает, что в Галицко-Волынской летописи мы имеем, в сущности, несколько летописных сводов, которые были составлены по преимуществу при княжеских или епископских дворах. Так, появляется «княжеский Холмский свод митрополита Кирилла, составленный, вероятно, до отъезда его в Никею, т. е. около 1246 г.». Другая часть Галицко-Волынской летописи признаётся летописью епископа Ивана, хотя этот епископ только трижды упомянут в наших источниках. Впрочем, и сам В. Т. Пашуто, рассказав о деятельности епископа Ивана, приходит к печальным выводам: «Последующие редакции настолько деформировали Холмскую летопись владыки Ивана, что сделать ещё какие-либо выводы относительно её состава, а также датировки едва ли возможно» [2]. Так малоизвестный епископ оказывается одним из творцов великолепного памятника древнерусской письменности, брызжущего светской жизнерадостностью, столь характерной для Галицко-Волынской летописи.

Теперь, когда мы знаем о распространении письменности в кругах городского населения, купцов и ремесленников, уместно поставить вопрос о пересмотре наличного богатства нашей древней письменности. Среди дошедших до нас памятников письменности, которые попали в поле зрения историков литературы, мы как раз и найдём про-

---

[1] «Хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя; чьтый мудрый разумееть; число же летом зде не писахом» (Ипат. лет., стр. 544).

[2] *В. Т. Пашуто,* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, М. 1950, стр. 91—92 и 101.

изведение, составленное в городской среде, — это «Моление Даниила Заточника».

В «Слове» Даниила, адресованном князю Ярославу Владимировичу, перед нами выступает яркий образ русского феодала: «Гусли бо страяются персты, а тело основается жилами; дуб крепок множеством корениа; тако и град нашь твоею дръжавою. Зане князь щедр отець есть слугам многиим, мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибегают»[1]. Князь — это правитель города; подобно тому как гусляр настраивает гусли, он направляет деятельность горожан. В Барсовском списке на месте слов «тако и град нашь» читаем «тако и градницы». Градник — гражданин, горожанин. Это слово встречается в древнейших русских памятниках с XI в. Поэтому нет основания предполагать, что оно появилось в Барсовском списке в виде позднейшей поправки[2]. Из числа градников и выходят те «слуги», оставляющие отца и мать и переходящие на княжескую службу. Это жилы, которыми укреплено тело, корни, питающие дуб, т. е. княжескую власть.

Тема о слугах, которых должен привлекать и князь и боярин на свою службу, занимает важное место в Слове Даниила Заточника. В Академическом списке, принятом в печатном издании за основу, читаем, что многие «оставляют» отца и матерь, тогда как в других списках находим на этом месте слово «лишаются». Вероятно, именно это слово и стояло в первоначальном тексте.

Напрасно видеть в термине «слуга» человека, прислуживающего в *домашнем хозяйстве*. Понятие слуги в качестве феодально зависимого человека, чаще всего мелкого вассала, хорошо известно по нашим источникам XII в. и более позднего времени. Психологию такого зависимого человека и рисует перед нами Слово Даниила Заточника. Слуга находится в зависимости от своего господина: «Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится большей работы». Важное значение имеет «щедрость» князя или боярина. Щедрый князь сравнивается с рекою, щедрый

---

[1] «Слово Даниила Заточника», стр. 19.

[2] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 576; *Г. Е. Кочин*, Материалы для терминологического словаря Древней России. Слово «градьник» отсутствует в многочисленных памятниках, использованных для материалов.

боярин — с колодцем со сладкой водой; скупой князь уподобляется реке в каменных берегах, скупой боярин — солёному колодцу. В такой же среде, вероятно в среде мелких княжеских слуг, зародились памятники, подобные житию Александра Невского, автор которого близко стоял к дружинным кругам и не мог забыть княжеской милости, так же как и Даниил Заточник.

Некоторые известия в летописях были написаны людьми, вышедшими из демократических кругов русского общества. Кому иному могут принадлежать знаменитые слова Новгородской летописи под 1255 г. о боярах, которые творили себе добро, а «меньшим» зло: «и был в вятших (людях) совет зол, како победити меньших, а князя ввести на своей воли» [1].

Народные массы не оставались безмолвными свидетелями больших политических событий своего времени. Они помнили о злом тысяцком Путяте, двор которого был разграблен в киевское восстание 1113 г. Путята Вышатич под искажённым именем Мыщатички Путятина сохранился в русских былинах, как сохранились в них имена защитника новгородских прав Ставра Годиновича и посадника Мирошки.

Конечно, трудно предполагать, что гражданская литература в Древней Руси преобладала над литературой церковной. Но были особые условия для гибели памятников гражданской литературы, которые действовали на протяжении ряда веков и которые до сих пор слабо отмечены в нашей исторической литературе. Хранителями церковной письменности, как это хорошо известно, были монастыри. За их крепкими стенами скапливались рукописные богатства, но самые условия монастырской жизни мало способствовали сохранению памятников гражданской литературы. Монастырские библиотеки (Чудова монастыря, Троице-Сергиева монастыря и пр.) в большом количестве сохраняли различного рода церковные книги и произведения церковных писателей. Менее тщательно сберегались светские произведения (кроме летописей, хронографов). Повидимому, дошедшие до нас древнерусские сочинения гражданского характера сохранились только в виде исключения, в том случае если они были объединены в сборнике с каким-нибудь

[1] Новгород. лет., стр. 81.

летописцем, хронографом или с церковными статьями. Рукопись, заключавшая «Слово о полку Игореве», представляла собой сборник, в который входили хронограф и Временник, «еже нарицается летописание Русских князей и земля Русская». «Поучение Владимира Мономаха» дошло в составе Лаврентьевской летописи. «Слово о погибели Русской земли» оказалось в соседстве с житием Александра Невского, как это показывают оба его сохранившихся списка.

Иными словами, памятники гражданской литературы Древней Руси сохранились до нашего времени преимущественно при посредстве летописных или церковных произведений. Между тем гражданская литература Киевской Руси вовсе не исчерпывалась одиночными памятниками вроде «Слова о полку Игореве» или «Моления Даниила Заточника». В этом убеждают русские летописи XI—XIII вв., которые сохранили немалое количество памятников гражданской литературы, представлявших собой когда-то особые повести.

Уже К. Н. Бестужев-Рюмин подметил, что некоторые повести, известные нам теперь по летописи, когда-то представляли собой отдельные сочинения. Между тем в курсах истории русской литературы такие повести редко изучаются в виде отдельных произведений, а рассматриваются под общей рубрикой летописей, чем создаётся неверное представление об односторонности русской литературной традиции.

Можно указать несколько повестей, включённых в состав летописей XI—XIII вв., которые не имеют никакого отношения к церкви и не могут быть приписаны официальным княжеским историографам. Так, Бестужев-Рюмин указывал на существование особого сказания об Изяславе Мстиславиче, положенного в основание известий за 1146—1152 гг. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях [1].

Действительно, события названных лет описаны в Ипатьевской летописи не только подробно, но и с определённой точки зрения, враждебной Юрию Долгорукому и его союзникам, черниговским князьям Ольговичам. Но не эта черта сказаний об Изяславе, давно уже

[1] *К. Бестужев-Рюмин*, О составе русских летописей до конца XIV века, СПБ 1868, стр. 79—105.

отмеченная в литературе, привлекает наше внимание, а вопрос о том, в каких кругах возникло подобное повествование. Автор его не мог быть представителем духовенства, так как рассказ лишён почти всякого намёка на церковность, за исключением обычных слов о победе Изяслава «пособьем божиим». Наряду с этим известие о разграблении домов и монастырей в Киеве оставлено без всяких замечаний о неприкосновенности церковных имуществ [1]. М. Д. Присёлков считал, что выделяющееся «талантом изложения, живостью и жизнерадостностью описание времени Изяслава Мстиславовича» было составлено «весьма близким к князю лицом, едва ли не дружинником князя». В этом высказывании ярко выразилась тенденция Присёлкова приписывать памятники летописания лишь духовенству и феодалам. Между тем в тексте Ипатьевской летописи очень мало говорится о самом Изяславе, по крайней мере нет ничего похожего на те похвальные отзывы, которые помещает о владимирских князьях Лаврентьевская летопись. Зато некоторые другие черты заставляют предполагать в авторах рассматриваемых летописных известий горожан.

Главное действующее лицо повествования Ипатьевской летописи о междоусобных распрях князей в середине XII в. — это киевские горожане. «Кияне» (киевляне) ведут переговоры с Игорем Ольговичем, жалуясь на княжеских тиунов, «вси кияне» приносят присягу Игорю и потом изменнически переходят на сторону его противника Изяслава. Во всём рассказе нет и намёка на обычные рассуждения о нарушении крестного целования, имеется только ссылка на слова черниговского епископа о клятвопреступлениях.

Ещё интереснее рассказ Ипатьевской летописи об убийстве Игоря Ольговича. Тема рассказа о насильственной смерти князя от разъярённой толпы давала простор для церковных рассуждений о мученических кончинах и пр. Действительно, в летописном тексте помещены предсмертная молитва Игоря и другие отступления церковного характера, но трудно оспаривать их вставное происхождение [2]. Первоначальный рассказ об убийстве

[1] Ипат. лет., стр. 233.

[2] Там же, стр. 228—232. Рассказ о низвержении Игоря с княжеского стола написан с определённой симпатией к Игорю, а не к Изяславу. Вставка начинается от слов «Игорь же, услышав» и кон

Игоря лишён налёта церковности. В нём «кияне вси» сходятся на вече во дворе Софийского собора, «от мала и до велика», подробно переданы переговоры между киевлянами и послом Изяслава Мстиславича. Та социальная среда, в которой возникла мысль о необходимости убить Игоря, выясняется из речей, произнесённых на вече. «Един человек» напоминает о восстании 1068 г., поднятом киевскими ремесленниками и торговцами. В убийстве Игоря принимает участие «народ», тогда как митрополит и тысяцкие выступают против решения киевлян, что им «не кончати добром» с Ольговичами.

В рассказе об убиении Игоря нет прямых или косвенных указаний на то, что он написан дружинником, на первом месте в нём стоят не феодалы, а «вси кияне». Автор рассказа даже не считает нужным порицать киевлян. Он приписывает приближённым Изяслава фразу, складывающую вину за убийство на самого Игоря и его родичей: «не ты его убил, но убили суть братия его» [1].

Если нельзя настаивать на том, что автором рассказа о смерти Игоря был безусловно горожанин, средневековый торговец или ремесленник, то нельзя и отрицать такой возможности. Во всяком случае, такое предположение легче объясняет происхождение рассказа о смерти Игоря из городской среды, чем домыслы о княжеском дружиннике Изяслава как авторе летописного текста. Выражение «бог за нашим князем и святая Софья» [2] напоминает соответствующие выражения новгородских летописей.

Историки литературы, обращавшие внимание главным образом на церковную окраску летописных известий, почти игнорировали гражданские повести, включённые в летописные своды в виде особых повествований. Впрочем, за некоторыми из них утвердилось название «воинские повести», которое заставляет думать, что такие повести вышли из феодально-военной среды, в частности из среды княжеских дружинников. Но это

чается фразой «и то ему глаголющю». Восклицание Игоря «ох брате, камо мя ведуть» осталось несогласованным со вставкой о словах Игоря, что он будет «мученик» (стр. 247—248). В Лаврентьевской летописи, где первоначальный рассказ об убийстве Игоря подвергся сокращению, вставки церковного характера отсутствуют.

[1] Ипат. лет., стр. 250.

[2] Лаврент. лет., стр. 302.

определение содержания повестей чрезмерно сужает их значение и может быть применено далеко не ко всем произведениям гражданского характера, включённым в летопись. Да и само военное дело было знакомо средневековым купцам и ремесленникам. Поэтому, например, авторство повести о взятии Царьграда латинянами, вставленной в Новгородскую летопись под 1204 г., с равным успехом может быть приписано как дружиннику, так и новгородскому купцу.

В повести о взятии Царьграда, в частности, проявляется особый интерес к междоусобной борьбе за византийский престол, употребляются выражения, характерные для новгородской действительности XIII в. По смерти императора Исаакия, читаем в повести, «людие на сына его восстали за поджог города и ограбление монастырей; и собралася чернь и влекли («волочаху») добрых мужей, обсуждая с ними, кого поставить в цесари». «Вси люди» не дали Мурчуфлу оставить царский венец, «люди» собрались в св. Софии, цесарь Мурчуфл «много жаловался на бояр и на всех людей». Повесть лишена типично церковных терминов и даёт суммарное описание богатств св. Софии, измеряя их количественно (40 кубков великих, 40 кадий чистого золота и т. д.). Крайне показательны заключительные слова повести о гибели земли Греческой «в сваде» (в распрях) цесарей [1].

Почти уже прямое указание на автора, вышедшего из среды торговых людей, имеем в сказании об убийстве Андрея Боголюбского, помещённом в Ипатьевской летописи. Сказание это сложное по составу. Начало его представляет церковную похвалу Андрею, изображённому в виде мученика. В сущности, рассказ о самом убийстве вводится словами: «се же бысть в пятницу». Этот рассказ написан лицом, хорошо знакомым с описываемыми им событиями. Единственным человеком, позаботившимся о теле убитого князя, изображён некий Кузьмище Киянин. Имя его говорит о происхождении из Киева, на его социальное положение указывает припоминание об убитом князе, который показывал богатства церкви в Боголюбове «гостям» (купцам), приходившим из Царьграда и из иных стран. Кузьмище Киянин — это заезжий

[1] Новгород. лет., стр. 47—49.

киевский гость, свидетель трагических событий в Боголюбове [1].

И приведённые примеры показывают вероятность участия городских кругов в создании русской литературы XI—XIII вв. При более внимательном изучении это положение получит ещё большее подтверждение, чем раньше. Например, сказание о Липецкой битве 1216 г. при беглом взгляде может быть отнесено к воинским повестям. Но такое заключение будет очень поспешным. В краткой и подробной редакции этого сказания главными героями являются новгородцы и смольняне, предпочитающие сражаться пешими, а не конными. Воины слезают с коней, сбрасывают с себя верхнюю одежду и сапоги. В отличие от них «сами князи и вси вои поидоша по них на коних» [2]. Пешие воины не профессионалы-дружинники, а ополченцы; между тем они показаны главными героями победы на Липецком поле, а о подвигах дружинников нет ни слова. Особый интерес проявляется автором сказания к судьбе новгородцев и смольнян, «которые зашли гостьбою» в земли враждебных князей.

При более детальном изучении древнерусской литературы выявится немалое количество произведений, возникших в городской среде — среди городских ремесленников, купцов, приходского духовенства. Городская письменность и литература — немаловажный фактор древнерусской культуры; им должно быть отведено достойное место и в нашей исторической литературе.

---

[1] Ипат. лет, стр. 397—401.
[2] ПСРЛ, т. XXV, стр. 113.

ЧАСТЬ

II

КРУПНЕЙШИЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

ГЛАВА 1

КИЕВСКАЯ И ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛИ[1]

Обширная и богатая Киевская земля, бывшая в X—XI вв. центром Древней Руси, занимала пространство по правому берегу Днепра с его притоками Росью и Тетеревом, а также по нижнему течению Припяти. Название «Киевская земля» условное, оно не употреблялось в источниках, так как Киевская земля именовалась в древности «Русью» или Русской землёй. Отсюда, а не от мифической скандинавской Руси получила своё название и вся Русская земля.

Летописи упоминают в Киевской земле несколько десятков населённых мест, в том числе городов. Наиболее крупные города, за исключением Вручего (Овруча), стояли поблизости от Киева (Вышгород, Белгород,

[1] Общее количество городов в Киевской Руси ко времени монгольского завоевания измеряется сотнями, но нетрудно заметить, что словом «город» одинаково называется и большое поселение, подобное Переяславлю или Чернигову, и небольшой укреплённый замок. В обзоре городов в дальнейшем будет приниматься во внимание только первый вид поселения: город, состоявший из детинца и примыкавшего к нему посада. Только в таком городе мы находим постоянное население, занятое ремеслом и торговлей; следовательно, только в таких поселениях могли возникнуть условия для совдания городских порядков, «городского строя», с вечевыми традициями и участием горожан в политической жизни.

Обзор городов удобнее всего вести по отдельным землям Киевской Руси, как они сложились в IX—XIII вв., начиная от центра Руси — Киевской земли. На картах предполагаемое местонахождение городов обозначено квадратом, а не кружком.

Василев, Канев). Они окружали столицу Древней Руси кольцом непрерывных укреплений. Но названные пункты не были только замками. Перед нами явно развивающиеся городские центры, из которых особенно крупные размеры имели Вышгород и Белгород. Вообще ни в одной части Руси XI—XIII вв. мы не видим такой насыщенности городами, как в Киевской земле.

В Киевской земле мы встречаемся и с другим любопытным явлением — существованием городов, процветание которых продолжалось сравнительно недолго и на смену которым пришли новые города, возникшие по соседству. Таким был Витичев, известный ещё Константину Багрянородному, а в XI в. запустевший, Родня на устье Роси, на смену которой пришёл соседний Канев. Некоторые города Киевской земли так и не выросли за пределы укреплённых замков, хотя часто упоминаются в летописях. Таковы Юрьев и Торческ. Юрьев так запустел, что его местонахождение в районе Белой Церкви устанавливается только гадательно. Степь близко подходила к южным границам Киевской земли, начинаясь тотчас же к югу от Роси. Здесь подступы к Киеву защищала система укреплённых городов, причём «основной линией обороны были города, расположенные на левом берегу Стугны» [1]. Архиепископ Бруно, бывший в Киеве в самом начале XI в., действительно сообщает, что пределы Киевской земли для безопасности от неприятеля были на большом пространстве обведены валами (sepes) примерно в двух днях пути от Киева.

По-иному располагались города в районе нижнего течения Припяти и её притоков. Важнейшими из них были Вручий и Туров, сделавшиеся центрами отдельных княжений. Этот лесной болотистый район был мало удобен для поселений, поэтому городская жизнь в нём заметно отставала от других, более оживлённых и благоприятных для жизни областей.

Центр земли Киев был одновременно величайшим и красивейшим русским городом. Киев стоит несколько южнее впадения в Днепр его последнего большого притока — Десны. Могучий Днепр с Березиной, Припятью, Сожем и Десной образует обширный водный бассейн,

[1] *П. А. Раппопорт*, К вопросу о системе обороны Киевской земли («Краткие сообщения Института археологии», вып. 3, Киев 1954, стр. 21—26).

ключ к которому находился в Киеве. Этот город как бы господствует над обширными территориями, прилегающими к названным рекам. Недаром же летописец на своём образном языке называет Киев «матерью русских городов».

Начало поселений на месте Киева восходит к ранним временам, как об этом говорят находки монет в разных районах города, главным образом времени поздних римских императоров начала нашей эры. Во всяком случае, Киев — один из самых древних русских городов, если не древнейший. Название города выводится из славянского слова «кый» или «кий» — палка, молот. Слово это могло служить и личным именем. В таком случае Киев — это город Кия, как и объяснял происхождение названия древнерусской столицы ещё древний летописец. Поэтому предание о Кие, как об основателе города, представляется довольно обоснованным.

Киев уже в IX—X вв. был крупнейшим древнерусским центром, вокруг которого стали объединяться восточнославянские племена. Он продолжал оставаться большим городом вплоть до разрушения его полчищами Батыя. По мнению одного из ранних исследователей киевской топографии, «древнейший город Киев начинался там, где Андреевская гора отделяется небольшим оврагом от монастыря Михайловского». Город помещался «на так называемом Андреевском отделении Старокиевской горы». Более поздний исследователь также считал, что «Андреевское отделение старого города есть самое древнее» [1]. Это представление подтверждается новейшими археологическими исследованиями на территории Киева. Поблизости от Десятинной церкви найдены были остатки древнего рва, который «представляет остаток более древней оборонительной линии Киевского городища, расположенного на западной оконечности Андреевской горы, защищённой с запада и с севера крутым обрывом. Этот ров и, очевидно, находившийся за ним земляной вал ограждали Киев VIII—IX вв.» [2]. Незначительные размеры первоначального Киева только

[1] *М. А. Максимович,* Собрание сочинений, т. II, Киев 1877, стр. 97, 101; *Н. И. Петров,* Историко-топографические очерки древнего Киева, Киев 1897, стр. 100.

[2] *М. К. Каргер,* К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. («Краткие сообщения ИИМК», VI, стр. 65).

подтверждают приведённое выше предположение М. К. Каргера, из исследования которого приводятся эти строки. Повидимому, здесь и помещался маленький городок, положивший начало Киеву. Княжеский город в дальнейшем располагался по горам, как по наиболее защищённой от нападений территории города, тогда как ремесленно-торговая часть Киева возникла под холмами.

Пожалуй, самое интересное в развитии Киева то, что рост города можно проследить довольно точно. Он происходил, можно сказать, на глазах нескольких поколений киевлян. Поэтому уже неизвестный нам автор 70-х годов XI столетия сделал несколько замечаний о топографии родного города в более ранние времена, при княгине Ольге. По его словам, люди жили тогда только на Горе, а на Подоле «не седяхуть». Киевский замок, «город», стоял там, где «ныне двор Гордятин и Никифоров». Место княжеской охоты, «перевесище», находилось за городом, а княжеский двор стоял в городе. Вне города были и два теремных двора, на одном из них стоял каменный терем. Помнить эти подробности середины X в., спустя столетие, даже при помощи детских воспоминаний было невозможно. Автор этих записей, видимо, произвёл какие-то изыскания: спрашивал старожилов, может быть, сам видел остатки каменного терема, уже не существовавшего к его времени [1].

Каменный княжеский терем и был древнейшей каменной постройкой в Киеве, а вовсе не Десятинная церковь, как иногда ошибочно говорится в сочинениях по истории Древней Руси. Терем был построен при Святославе, вследствие чего для Владимира Святославича был «отцовским теремным двором» («двор теремьны отень») [2]. Остатки его найдены советскими археологами поблизости от Десятинной церкви.

«Двор теремный» был центром княжеского Киева в X столетии. «На холме вне двора теремного» Владимир Святославич устроил языческое святилище. Тут стояли деревянный идол Перуна с серебряной головой и золотыми усами и кумиры других богов. Позже именно тут и была поставлена одна из первых киевских церквей — церковь Василия.

[1] Ипат. лет., стр. 35. Терем был уже разрушен, судя по фразе: «Был ведь тут терем каменный» («Бе бо ту терем камен»).

[2] Там же, стр. 51.

Старый город сделался тесным к концу X в. Десятинная церковь, оконченная постройкой в 996 г., стояла уже за пределами старого городка, показывая, как расширились укрепления Киева. По замечанию М. К. Каргера, «вырос новый центр столицы древнерусского государства».

Десятинная церковь была одной из замечательнейших построек своего времени; для Киева она имела значение городского собора, обладавшего богатой ризницей, с иконами, крестами, церковными сосудами, книгами. Летописи, впрочем, чаще называют эту церковь церковью св. Богородицы; название же Десятинной утвердилось за ней потому, что Владимир Святославич выделил в её пользу «от имения своего и от моих град десятую часть» [1]. Из устава новгородского князя Всеволода Мстиславича выясняется особая роль Десятинной церкви; в её заведовании находились киевские торговые меры («мерила, иже на торгу»). Так окончательное утверждение христианства на Руси тотчас же связалось с установлением феодальной регламентации ремесла и торговли.

О Киеве времён Владимира Святославича известно очень мало. Поэтому таким неожиданным представляется отзыв Титмара Мерзебургского о современном ему Киеве, как об обширном городе. Повидимому, за несколько десятилетий конца X — начала XI в. произошли какие-то крупные сдвиги в развитии Киева, расширилась его территория, увеличилось население, появились каменные постройки, группировавшиеся вокруг Десятинной церкви, предположительно — дворцовые строения [2]. О том же говорят скудные и смутные летописные известия, рассказывающие о смерти Владимира (1015 г.).

Князь умер в своей загородной резиденции, в Берестове. Отсюда его тело отвезли на санях, согласно древнерусским похоронным обычаям, в Десятинную церковь. «Се же увидевше людье и сошлись без числа и оплакивали его, бояре как заступника земли их, убогие, как заступника и кормителя». В этом известии выступает облик большого города с толпами людей, сошедшимися на последние проводы князя.

---

[1] Ипат. лет., стр. 83, 85. Храмовым праздником Десятинной церкви был Успеньев день (15 августа ст. ст.).

[2] *М. К. Каргер*, Древний Киев («По следам древних культур. Древняя Русь», М. 1953, стр. 48).

Во время распри между сыновьями Владимира, поднявшейся тотчас после его смерти, впервые выявляется значение киевлян. Заняв Киев после смерти отца, Святополк начал задабривать киевлян щедрыми раздачами, но «не было сердце их с ним, потому что братья их были с Борисом» (другим претендентом на киевское княжение). Значение киевлян в политических делах подчёркивается словами летописи, сказанными будто бы Борису дружинниками: «се дружина у тебя отцовская и воины, сядь в Киеве на отцовском столе» [1]. Кто же эти «вои», отличаемые от дружины, как не те «братья» киевских горожан, которых не мог перетянуть на свою сторону Святополк. Убив Бориса и овладев княжеским столом, Святополк созвал «людей» и одаривал их одеждой и деньгами [2].

Известия летописи отчасти дополняются свидетельством Титмара Мерзебургского. Город Киев, бывший хорошей крепостью («город же Киев, весьма крепкий»), удачно оборонялся от печенегов и от войск Святополка Окаянного, осаждавшего его вместе с польским отрядом. Титмар называет в Киеве несколько церквей, в том числе церковь Спаса и папы Климента, монастырь св. Софии, в котором польский король Болеслав «нашёл много денег» [3].

Новый рост Киева начинается с середины XI в. Ещё в 1034 г. место, где позже была поставлена церковь св. Софии, оставалось «полем вне града». На этом поле в 1037 г. заложен был Софийский собор и новый город: «Заложил Ярослав город великий Киев» [4]. Главными городскими воротами сделались южные — Золотые ворота с надвратной церковью Благовещения. Оборонительные сооружения Киева, заложенные при Ярославе Мудром, включали и каменные постройки. Кроме Золотых ворот

---

[1] Ипат. лет., стр. 90—92.

[2] «Нача даяти овемь корьзна, а другим кунами» (Ипат. лет., стр. 98). Неясно, что здесь куна: меха или деньги; перевожу более общим термином — «деньги».

[3] *П. Голубовский*, Хроника Дитмара, как источник для русской истории («Киевские университетские известия» № 9, 1878 г., стр. 27—40).

[4] Ипат. лет., стр. 106. Архитектуре Софийского собора и других древнерусских зданий посвящён великолепный альбом «Архитектура Украинской ССР», т. I, М. 1954.

в город вели Жидовские, Лядские (Польские) и Угорские ворота [1].

Город в это время уже делился на две части: старый город и новый город, заложенный Ярославом. Оба города соединялись мостом. Княжеский двор находился в старом городе. Составной его частью были приёмные комнаты — «гридница» и «сени». Впрочем, слово «гридница», как тёплое помещение, стало уже заменяться в некоторых списках «истобкой» (русской избой). В XII столетии дворец нередко называли «великим», а также другим традиционным названием — «Ярославлем двором» [2].

Время Ярослава Мудрого можно считать временем наибольшего расширения нагорной части Киева. За пределами городских стен и башен, тотчас за Золотыми воротами, начинались сады и огороды. Дальнейший рост поселения происходил уже в районе Подола.

В нагорной укреплённой части сосредоточивалось как политическое, так и церковное управление Киева. Митрополичий двор при Софийском соборе, как показывают археологические изыскания, был окружён каменной стеной.

На аристократической «Горе» размещались боярские дворы; некоторые из них, получившие названия от владельцев, чаще всего бояр или почему-либо известных горожан (Бориславль, Воротиславль, Глебов, Чюдин, Ратьшин двор и т. д.), отмечены летописью. Двор Путяты, разграбленный киевлянами в 1113 г., остался в русском эпосе как своего рода образец богатейшей боярской усадьбы.

Наиболее любопытное в истории Киева как крупного городского центра — это существование в нём обширного предгородья, известного под названием Подола. После исследования Н. И. Петрова нередко повторяется мнение, что Подол был застроен только деревянными зданиями и даже церкви на Подоле строились обыкновенно деревянные [3]. Но это только недоразумение, зависящее от того,

---

[1] В указателе к Ипатьевской летописи (стр. 11) показаны ещё Кузнецкие ворота, но это ошибка. Из летописи видно, что речь идёт о воротах в Переяславле Южном (см. Ипат. лет., стр. 266—267).

[2] Ипат. лет., стр. 169, 307 и пр.

[3] *Н. И. Петров,* Историко-топографические очерки древнего Киева, Кіев 1897. См. также *А. Андриашев,* Нарис історії колонізації Київської земли, Киев 1897, стр. 165.

что подольские церкви до нашего времени не сохранились, так как эта часть города была слабо защищена и подверглась особо страшным разорениям. Тот же Петров отмечает, по летописи, существование на Подоле по крайней мере трёх церквей. Один из этих древних храмов (Борисоглебский) впоследствии обозначался как «небеси подобная церковь». Можно думать, что и Успенский собор на Подоле был достаточно великолепен, если в его стенах находилась знаменитая икона Богородицы Пирогощей, упомянутая в Слове о полку Игореве. Население Подола было разнообразным. Недаром здесь находим не только новгородскую «божницу», но позже — латинский костёл, построенный где-то «над Днепром» около 1228 г. Доминиканцы, основавшиеся в Киеве, искали опору для католической пропаганды среди разношёрстного населения Подола.

Положение Подола обеспечивало существование в этом квартале ряда ремёсел, требовавших большого количества воды (например, кожевенного, гончарного и др.). Тут же на Днепре находилась киевская пристань. Князь Глеб, спасавшийся из Киева от своего брата Святополка, «пошёл к реке, где был приготовлен кораблец»[1]. На нём он доплыл до Смоленска. Большие навыки киевлян в строительстве судов обнаруживаются из рассказа о военных ладьях Изяслава середины XII в. Здесь же на Подоле был устроен большой мост через Днепр, построенный в 1115 г. и существовавший, видимо, недолгое время[2]. С северной стороны Подол в XII столетии был огорожен частоколом («столпьем»), упиравшимся одним концом в Днепр и другим в холмы. За частоколом лежало болотистое «болонье» — городской выгон.

Киев был центром самых различных ремёсел: кузнечного, оружейного, ювелирного, стеклянного и т. д. В недавнее время открыты новые мастерские в районе Киево-Печерской лавры, сооружённые «из кирпичей XI в. (половняка), глины и шиферных плит». Главным видом продукции мастерских была мозаика[3]. Таким образом,

---

[1] «Иде к реце, иде же бе кораблець уготован» (*Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 8).

[2] Ипат. лет., стр. 203.

[3] *В. А. Богусевич*, Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве («Краткие сообщения Института археологии», вып. 3, Киев 1954, стр. 14—20).

становится реальным живой рассказ Печерского патерика об Алимпии-иконописце, научившемся от греческих мастеров мозаичному делу.

Киевская почва буквально насыщена предметами обихода, украшениями, остатками оружия древнерусского времени.

Киев был богатейшим городом средневековья с большим ремесленным и торговым населением. По Слову о полку Игореве, чехи и мораване, немцы и венецианцы оплакивали неудачу Игорева похода против половцев. Печерский патерик красочно рассказывает о спорах печерских монахов с армянами, сирийцами, евреями, латинянами (католиками). Сказание об Агапите, «безмездном враче», говорит о враче армянине («арменин родом и верою, хитр бе врачеванию») и его единоверцах, следовательно, о целой армянской колонии. Врач армянин вращался в самых высоких феодальных кругах и лечил Владимира Мономаха и бояр. В ответе Феодосия на вопрос князя Изяслава о латинянах, Феодосий говорит о распространении католицизма: «по всей земли Варязи суть; велика нужда от них правоверным христианом, иже межи тех живущеи в едином месте» [1].

В небольшом очерке невозможно исчерпать обширную тему об истории Киева, об его экономическом, политическом и культурном значении для Древней Руси. «Матерь русских городов» — это летописное определение значения Киева для истории трёх братских народов, русского, украинского и белорусского, — лучшее определение исторической роли Киева.

В ближайших окрестностях Киева находилось несколько больших монастырей. Крупнейшим из них был Печерский монастырь, основанный в XI столетии и быстро сделавшийся богатейшим землевладельцем. В непосредственном соседстве с ним стоял Выдубицкий монастырь, его называли «Всеволожим», так как он был фамильным монастырём Всеволода Ярославича и его детей. Участие обоих монастырей в литературе киевского времени известно и не требует пояснений. В частности, одно из крупнейших литературных произведений XI—XIII вв., Печерский патерик, в основном создано было монахами Печерского монастыря. Им же принадлежит обработка

[1] «Печерский патерик», стр. 93—95, 132.

летописных известий, над чем работали и монахи Выдубицкого монастыря.

В окрестностях Киева находились и другие монастыри, разбросанные на обширном пространстве от Выдубицкого до Кириллова монастыря, к северу от Подола.

Из киевских пригородов наибольшее значение имел **Вышгород**, стоявший выше Киева, на правом берегу Днепра. Название «Вышгород» — чисто славянское и притом довольно распространённое: «вышгород» — это акрополь, верхний замок, кремль, детинец. Вышгород под Киевом известен с древнейшего времени и упоминается уже Константином Багрянородным в X столетии. В летописи о нём впервые говорится как о городе княгини Ольги («град Вользин») [1]. Значение княжеского города остаётся за Вышгородом и в позднейшее время. Владимир Святославич до крещения держал в нём один из своих дворов, позже в Вышгород обращается за поддержкой Святополк Окаянный. Постоянное участие вышгородцев в крупных политических событиях вызвало даже попытку все летописные известия о Вышгороде отнести к «вышгороду» (детинцу) в самом Киеве [2]. Но это явная ошибка, так как летопись говорит о Вышгороде, как об особом городе.

Город был хорошо защищён и служил убежищем для киевских князей. По образцу Вышгорода подобные же княжеские замки основаны были владимирскими и смоленскими князьями (Боголюбово и Смядынь). Смоленское сказание так и называет Смядынь «вторым Вышгородом».

Летопись в известиях начала XI в. упоминает вышгородских «болярцев». К ним обратился Святополк Окаянный с просьбой поддержать его на киевском столе. На основании этого А. Н. Насонов сделал такое ответственное заключение: вышгородская знать «ведёт себя как знать «Русской земли», принимая участие в решениях вопросов, касающихся всей «Русской земли» или Киева. Вместе со Святополком вышгородские «болярци» пытаются решить судьбу Киевского стола, охраняя едино-

---

[1] Лаврент. лет., стр. 58

[2] См. *В. П. Ляскоронский,* Киевский Вышгород в удельно-вечевое время (ЖМНП, 1913, апрель — декабрь).

властие «Русской земли»»[1]. Так в замыслы Святополка вкладывается вдруг понятие времени централизованного государства — «единовластие», вовсе не свойственного времени феодальной раздробленности, когда и такие, казалось бы, «единовластцы», как Владимир Святославич и Ярослав Мудрый, делили Русскую землю между своими сыновьями. Сама летопись называет вышгородскую знать, которой А. Н. Насонов придаёт такое высокое значение, уменьшительным именем «боярцы», «болярцы», а сказание о Борисе и Глебе по списку XII в. — просто «вышегородскими мужами».

Известия о Вышгороде решительно опровергают представление Насонова о Вышгороде X в., как о центре, подобном «крупнейшим центрам тогдашней России» (небрежность Насонова в терминологии, в частности, сказалась и в том, что Древнюю Русь он отожествляет с Россией).

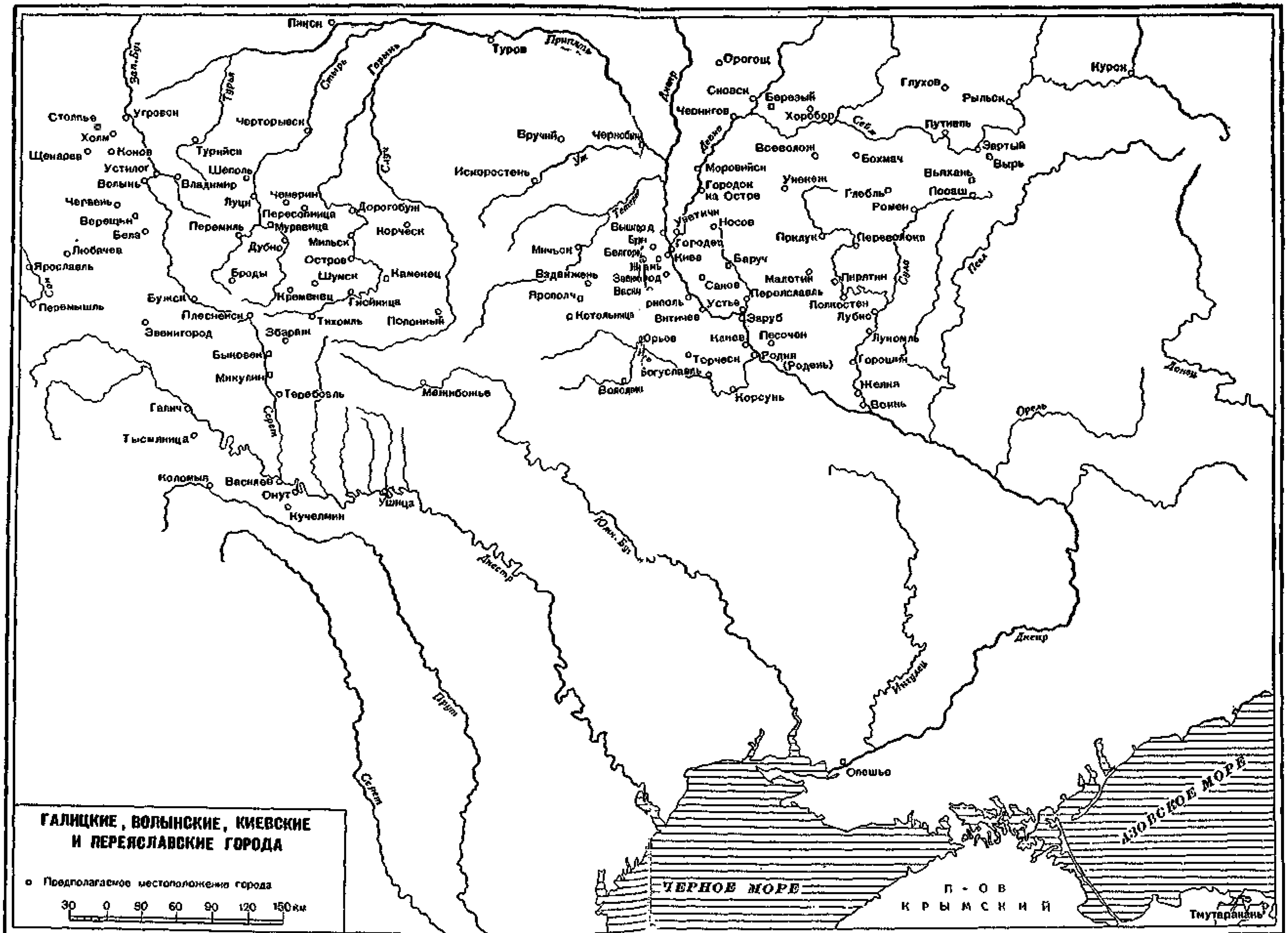
В источниках Вышгород представляется как значительный ремесленный центр. Здесь живут «древоделн» — строители деревянных зданий, «градники», или «огородники», — строители укреплений. Сказания говорят о вышгородских древоделях и градниках (огородниках), как о прочно сложившихся, устойчивых кругах населения. Старейшина древоделей и старейшины градников Миронег и Ждан известны по сказаниям XI—XII столетий. Может быть, из них и состояли те «боярцы», которые поддерживали Святополка Окаянного.

В событиях X—XII вв. Вышгород играл весьма своеобразную роль города с особым режимом, основанным на большой зависимости населения от киевского князя. Былое значение города подчёркивается необыкновенными размерами Вышгородского городища — около 3 *км* в окружности. Внутри городища найдена была гробница из плит красного шифера, связанных железными скобами. В гробу лежал скелет, на пальце которого был перстень[2]. Вышгород имел хорошие укрепления. Его окружали стены с заборолами. О них картинно упоминается в сказании об открытии мощей Бориса и Глеба: «И было

---

[1] *А. Н. Насонов*, «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 54.

[2] *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Киевской губернии, М. 1895, стр. 17—18.


ГАЛИЦКИЕ, ВОЛЫНСКИЕ, КИЕВСКИЕ
И ПЕРЕЯСЛАВСКИЕ ГОРОДА
Предполагаемое местоположение города
30 0 30 60 90 120 150 км
Пинск
Туров
Припять
Днепр
Зап. Буг
Турья
Стырь
Горынь
Случь
Уж
Тетерев
Десна
Сейм
Псел
Сула
Донец
Орель
Серет
Днестр
Юж. Буг
Прут
Ингулец
Столпье
Угровск
Холм
Щенарев
Комов
Устилог
Волынь
Владимир
Турийск
Шеполь
Черторыеск
Червень
Верещин
Бела
Любачев
Ярославль
Сан
Перемышль
Луцк
Чемерин
Пересопница
Мурвеица
Перемиль
Дубно
Дорогобуж
Корческ
Мильск
Острог
Броды
Шумск
Кременец
Каменец
Гнойница
Бужск
Плеснеск
Тихомль
Полонный
Звенигород
Збараж
Быковен
Микулин
Теребовль
Галич
Тысменица
Коломыя
Василев
Онут
Кучелмин
Ушица
Межибожье
Вручий
Чернобыль
Искоростень
Мичьск
Вышгород
Белгород
Звенигород
Здвиженьск
Ярополч
Котельница
Витичев
Орьев
Богуславль
Володарев
Торческ
Корсунь
Канев
Родня
(Родень)
Орогощ
Сновск
Березый
Чернигов
Хоробор
Всеволож
Моровийск
Городок
на Остре
Уветичи
Носов
Городец
Киев
Баруч
Санов
Переяславль
Устье
Заруб
Песочен
Малотин
Прилук
Уненеж
Глебль
Бохмач
Ромен
Переволока
Пирятин
Полкостен
Лубно
Лукомль
Горошин
Желня
Воинь
Глухов
Рыльск
Курск
Путивль
Зартый
Вырь
Выхань
Попаш
Олешье
ЧЕРНОЕ МОРЕ
П-ОВ КРЫМСКИЙ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Тмутаракань

многое множество (людей) как пчел, по всему городу, и по стенам и по заборолам».

В городе кипела оживлённая жизнь. Сказания о Борисе и Глебе говорят о пирах старейшины «огородников» Ждана (христианское имя Никола), о хоромах, где устраивали пир, о снующих взад и вперёд слугах, как бы не замечающих голодного нищего у порога. Во время перенесения мощей Бориса и Глеба собирается множество людей. Для того чтобы расчистить путь среди толпы, князья приказывают «метати людям» дорогие ткани, меха, деньги. Рядом с картинами пиров и всенародных сборищ те же сказания рисуют Вышгород как место заключения людей, провинившихся или оклеветанных перед князьями, оказавшихся на долгое время «в забытьи» князьями. Заключённые сидят в глубоком погребе, под замком, в железных оковах. На ночь лестницу, по которой спускаются в погреб, вынимают, и наступает полная тьма. Так рисуется нам феодальная тюрьма XI—XII вв. со всеми её ужасами — «тьмою, холодом и забвением» [1].

Открытие в Вышгороде мощей Бориса и Глеба ещё более возвысило значение этого города, куда стали направляться многочисленные паломничества. Это не только создавало из Вышгорода религиозный центр, но и притягивало к нему литературные силы. По крайней мере о некоторых записях, относящихся к чудесам Бориса и Глеба, можно сказать утвердительно, что они были написаны в Вышгороде. Таково, например, обращение к Вышгороду в одном памятнике XI в., где Борис и Глеб прославляются как защитники Руси: «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснёт она и не задремлет, охраняя и утверждая отчину свою Русскую землю от супостатов и от усобной войны» [2].

Характер княжеского замка в значительной мере имел **Белгород.** Название этого города чисто славянское и очень распространено в славянских землях, где имеется несколько Белгородов, из которых самый известный Белград в Сербии. Древнерусский Белгород был любимым замком Владимира, который в 991 г. «заложил

[1] *Д. И. Абрамович,* Жития Бориса и Глеба, стр. 52—66 и пр.
[2] Там же, стр. 118.

град Белгород и собрал в него от иных городов, и много людей свел в него, потому что любил град сей»[1]. Из этого известия вытекает, что Белгород был основан в 991 г., но летописец называет этот город раньше, говоря, что в нём Владимир держал до крещения 300 наложниц. Возможно, речь идёт о новом замке, построенном в Белгороде. Впрочем, слова о наложницах в Белгороде не имеют характера решительного свидетельства о существовании этого города до 991 г., если припомнить, что они взяты из жития Владимира, где немало легендарных подробностей.

Своё значение передового замка на подступах к Киеву Белгород оправдал уже во время набега печенегов в 997 г., длительную осаду которых он успешно выдержал.

Киевские князья, видимо, всячески способствовали процветанию Белгорода, где находился их замок. Этим можно объяснить существование особой белгородской епископии. В начале XII в. значение Белгорода как ближайшего города близ Киева подчёркивается тем, что в нём Владимир Мономах посадил своего старшего сына Мстислава с явным намерением передать ему Киев[2]. Юрий Долгорукий, заняв Киев в 1149 г., также окружил Киев кольцом городов, где сидели подручные князья. В Белгороде существовали Детинец и острог; следовательно, первоначальный княжеский замок в XII столетии уже разросся и был окружён предградьем.

В конце прошлого столетия село Белгородка вместе с прилегающим к нему полем было окружено высоким валом, упирающимся двумя концами в реку Ирпень. Длина вала — 2 версты, а очертание его — четырёхугольное. В западном углу городища помещался Детинец, состоявший из двух соприкасающихся между собой четырёхугольников, обведённых валами; в более обширном из них находилась церковь[3]. Возможно, это каменная церковь св. Апостолов в Белгороде, о строении которой сообщается в 1197 г.[4] Два замка, помещающиеся внутри вала, быть может, показывают место двух дворов —

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 83.

[2] Ипат. лет., стр. 204.

[3] *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Киевской губернии, стр. 19—20.

[4] Ипат. лет., стр. 473.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

ображения. Ещё ранее летописец говорит, что только несведущие люди рассказывают, будто Владимир крестился в Киеве или в Василеве [1]. Условность рассказа о крещении Владимира в Корсуне давно уже установлена А. А. Шахматовым. Поэтому упоминание о Василеве как месте крещения Владимира может иметь некоторые основания. Во всяком случае, название Василева легче всего производится от христианского имени Василий, которое получил Владимир при крещении, а принятие христианской веры киевским князем на первых порах могло быть тайным.

Город стоит на берегу Стугны; около соборной церкви имеется городище. На востоке от города лежит «Белокняжеское поле», где имеется более 400 курганов, наибольший из которых известен под названием Туровой могилы [2].

Многие города Киевской земли были типичными опорными крепостями, которые при более благоприятных условиях могли бы получить экономическое развитие. К числу таких городов-замков принадлежали Треполь, Канев, Корсунь, Богуславль, Торческ и Юрьев.

Треполь на Днепре очень часто называется в летописи как сборный пункт для русских войск, сражающихся с половцами. Впервые этот город упоминается в 1093 г. по случаю нападения половцев на Киевскую землю [3]. Название Треполь (Триполье) славянское, во всяком случае не требует для своего объяснения привлечения слов из других языков. В первом же известии о Треполе этот город рисуется как окраинный замок на подступах к Киеву. Тотчас за Треполем начинались оборонительные валы. Потерпев поражение от половцев в 1093 г., киевский князь Святополк скрывается в Треполе. И в дальнейших летописных известиях Треполь упоминается именно как укреплённый пункт, в нём названы даже «Водные ворота». Важно указание летописи на постоянное городское население в Треполе. В 1177 г. князь Мстислав тайно убежал из города, «а трепольцев предал и отворил их город» [4], впустив в него неприятеля.

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 85, 77.

[2] *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Киевской губернии, стр. 45.

[3] Ипат. лет., стр. 155.

[4] Там же, стр. 409.

Как указывал В. Б. Антонович, у Триполья на Девичьей горе имелось городище [1].

Канев, или Канов, впервые упомянут в 1149 г., происхождение его названия не ясно. Не является ли оно производным от кан или хан и не получил ли город своё название от перевоза через Днепр, который существовал у этого города. В таком случае мы имели бы Канов, т. е. ханский перевоз, откуда получил своё название город. Характер передового пункта, откуда русские князья совершали походы в степь или где они поджидали половцев, ярко выступает в летописных известиях о Каневе, который мог иметь некоторое торговое значение, поскольку купцы «гречники» и «залозники» чувствовали себя в безопасности только по миновании этого пункта [2]. Канев наследовал значение Родни, место которой определяют на территории Княжой горы, при впадении Роси в Днепр; высказывались, впрочем, предположения, что Княжая гора и была первоначальным местом, где стоял Канев [3].

Более самостоятельное значение имели такие города, как Юрьев и Торческ, на южной окраине Киевской земли.

Юрьев был известен и под названиями Гурьгев, Гуричев. Впервые он упоминается в 1095 г., но был основан значительно раньше. Город находился на южной окраине Киевской земли, в районе реки Роси. Своё название он получил по имени своего основателя — Ярослава Мудрого, в крещении Юрия, и принадлежал к числу тех городков, которые этот князь в 1032 г. основал на Роси («Ярослав поча ставити городы по Роси»). Юрьеву придавалось настолько большое значение, что в нём была основана епископия, может быть с миссионерскими целями обращения в христианство соседних кочевников.

Город был сожжён половцами и возобновлён в 1103 г. В это время укрепления его были деревянными («город» был «срублен») [4]. Юрьев появляется в известиях XII в.

---

[1] *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Киевской губернии, стр. 24.

[2] Ипат. лет., стр. 267, 361.

[3] *Михайло Грушевський*, Історія України-Руси, т. II, У Львові 1905, стр. 284—286.

[4] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 101 (под 1032 г.), 185.

очень редко и обычно в связи с нападениями половцев. Местоположение Юрьева точно не известно, предположительно его помещают на старом городище поблизости от Белой Церкви. Основанием для такого предположения служит летописное указание на Рось и его приток Рут, в районе которых находился город [1]. Юрьевская епископия ещё существовала в самом конце XII в. В 1197 г. она уже была объединена с белгородской, так как в этом году каменная церковь была освящена митрополитом и юрьевским епископом, тут же названным епископом белгородским и юрьевским [2].

Значительно больше известно о Торческе, впервые упомянутом в 1093 г. под названием «Торческий град». Своё название Торческ получил от «торков» — кочевого народа, осевшего на окраине Киевской земли. Осаждённые в своём городе половцами, торки «крепко сражались из города и убивали много врагов». Только голод принудил торков к сдаче. Половцы сожгли «город» и увели пленных в свои кочевья.

В известиях XII столетия Торческ выступает как центр торков, берендичей, печенегов и прочих племён Поросья (бассейна реки Роси). Одно время Торческ стал даже княжеским стольным городом. Сидевший в нём Михалко Юрьевич присоединил к нему («вохвоти») даже Переяславль [3].

В конце XII столетия в Торческе утвердился князь Ростислав Рюрикович, опиравшийся на помощь соседних «чёрных клобуков», враждовавших с половцами. Летописец называет Торческ его городом («прееха в Торцькый свой с славою и честью великою») [4]. Место Торческа надо искать в Поросье, может быть в непосредственной близости к Юрьеву.

Более значительные города Киевской земли размещались только в некотором отдалении от Киева, в земле древлян, которые так долго сопротивлялись напору киевских князей. Исследованию «древлянских городов» посвящена содержательная статья П. Н. Третьякова. «По берегам Тетерева, Ужа, Случи и других рек Древлянской

[1] См. *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Киевской губернии, стр. 52.
[2] Ипат. лет., стр. 473—474.
[3] Там же, стр. 152—157, 354, 365, 389.
[4] Там же, стр. 452, 460.

земли, — пишет он, — до наших дней высятся десятки древних городищ — «градов» древлянских, пока, к сожалению, почти не привлекавших внимания археологов». Среди них П. Н. Третьяков отмечает городища Искоростеня, хорошо известного по летописи.

Древлянский город **Искоростень** известен был в X столетии как столица Древлянской земли. Он стоял в том месте, где река Уж прорезает скалистую гряду. Высокие берега подходят здесь друг к другу, русло реки завалено огромными камнями. «Городища расположены на мысах по обоим берегам реки. Это были небольшие укрепления с валами и рвами». Здесь найдены были обломки глиняной посуды VIII—X вв. [1]

Разрушенный Искоростень запустел, и во второй половине X столетия центром Древлянской земли сделался город **Вручий (Овруч)**. Название города — славянское (глаголы — въручитися, въручатися и пр.). Вручий — один из древнейших русских городов, впервые появляющийся на страницах летописи под 977 г. [2] В это время в нём уже находился замок с городскими воротами и мостом перед ними, перекинутым через овраг; в городе сидел Олег, второй сын Святослава. После этого Вручий надолго исчезает из летописных известий и снова упоминается только в конце XII в., когда он стал столицей Рюрика Ростиславича.

Раньше уже говорилось о шиферном промысле в Овруче и в его окрестностях [3]. Немалое значение для развития Овруча могло иметь его местоположение в благоприятной для земледелия части Древлянской земли, где изредка попадается чернозём и возможны хорошие урожаи. Современный Овруч стоит на высотах, окружённых глубокими и крутыми оврагами. От киевского периода в Овруче сохранились остатки церкви Василия, неизвестно когда построенной. Старое предание приписывало её построение Владимиру Святославичу, но создание её с большей вероятностью можно приписать Рюрику

---

[1] *П. Н. Третьяков,* Древлянские «грады» («Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 64—68).

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 53.

[3] *Г. О. Оссовский,* Откуда привозился красный шифер («Труды III Археологического съезда в Киеве», т. II, Киев 1878, стр. 159—164).

Ростиславичу; во всяком случае, это показатель известного процветания города [1].

Вручий в конце XII в. сделался столицей особого княжества, где сидел, по крайней мере с 1170 г., Рюрик Ростиславич. Княжение его во Вручем было длительным, в последний раз о нём, как о князе, имевшем своей столицей Вручий, упоминается в 1195 г.[2] Возвышение Вручего было явлением временным, связанным с деятельностью этого энергичного и беспокойного князя.

Некоторые города стояли на Припяти, где иногда полагают существование особой Турово-Пинской земли. Само название этой земли свидетельствует об искусственно сложившемся в исторической литературе выделении её в особую область. Единственным объяснением этого является несколько обособленное положение Турова и Пинска от Киева и Полоцка. В определении границ этой земли также нет полного согласия. М. П. Погодин вводит в её состав Мозырь и Городно [3], А. Андрияшев причисляет Мозырь к Кневской земле и т. д. В действительности Турово-Пинская земля как отдельная единица со своей княжеской династией никогда не существовала и является учёной фикцией, что подчёркивается отсутствием в названной земле даже единого центра.

Наиболее крупными городами в бассейне Припяти были Туров и Пинск; последний город впрочем, по своему местоположению, теснее связан с Волынью и будет рассмотрен в числе волынских городов.

Туров, один из древнейших русских городов, стоит недалеко от впадения реки Струмень в Припять, поблизости от того места, где в неё впадает с севера река Случь. Этим, кажется, определяется раннее возвышение Турова среди других русских городов. Верховья Случи близко подступают к верховьям Немана. Таким образом, через Туров шла древняя торговая дорога от Киева к берегам Балтийского моря. Значение дороги подчёрки-

---

[1] *А. Братчиков,* Материалы для исследования Волынской губернии, вып. 1, Житомир 1868, стр. 16—18; *Забелин,* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии, ч. 1, Киев 1887, стр. 353; *П. Н. Батюшков,* Волынь, стр. 49, приложение, стр. 79—81.

[2] Ипат. лет., стр. 370—372, 442, 452, 456, 465.

[3] *М. Погодин,* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV, М. 1850, стр. 211.

вается существованием на ней других русских городов — Городно и Слуцка.

Название Туров летописец производит от некоего Туры, которого в нашей исторической литературе на основании летописи считают пришедшим из заморья, как и Рогволода. Но текст летописи, в сущности, не даёт для этого оснований, в летописи сказано: «бе бо Рогволод пришел и[з] заморья, имяше власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от него же и Туровци прозвашася». Буквальный перевод этого текста следующий: «Ведь Рогволод пришёл из заморья; имел власть свою в Полоцке, а Туры в Турове, от которого и Туровцы прозвались». Иными словами, говорится только о том, что Туры имел власть над Туровым так же, как Рогволод над Полоцком, а не о том, что он пришёл из заморья. Во всяком случае, имя Туры находит себе объяснение в славянском языке, хорошо знавшем дикого быка — тура. Отсюда Буй-тур Всеволод в Слове о полку Игореве, Турова божница в Киеве, Турова могила и т. д. [1] Отметим также существование села Туров в Черниговской земле, известного уже в 1283 г.

Первое упоминание о Турове относится к 980 г. В конце X в. Туров сделался уже стольным городом отдельного княжества. По распределению Владимира Святославича туровский стол достался третьему его сыну, Святополку, следовательно, считался видным княжением. Согласно Ипатьевской летописи, Туров сохранял своё значение в середине XI в., когда в нём до смерти отца княжил Изяслав Ярославич [2]. Относительно крупное значение Турова в X—XII вв. подтверждается основанием особой туровской епископии. Тем не менее летопись не сохранила нам каких-либо подробностей, которые могли бы характеризовать внутреннюю жизнь Турова. В ней мы находим лишь случайные замечания о Турове, сделанные в связи с какими-либо политическими событиями.

В современном своём виде Туровское городище состоит из двух частей: меньшая и древнейшая его часть расположена в виде треугольника при слиянии реки Язды

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 54. О селе Турове см. Лаврент. лет., стр. 457; см. также «Русский исторический сборник», кн. 7, Пгр. 1882, стр. 342—347.

[2] «Изяславу тогда в Турове киязящю» (Ипат. лет., стр. 114).

со Струменью, бо́льшая примыкает к ней, заполняя расширяющееся пространство между теми же реками. Между меньшим и бо́льшим отделениями городища имеется ров в 4,8 *м* глубины. Такое расположение городища в Турове совпадает с нашими представлениями о городах Киевской Руси. Меньшая и более укреплённая часть Турова соответствует первоначальному Детинцу, позже прибавилась новая и большая территория предгородья [1].

С Туровом связана деятельность крупного писателя XII в. Кирилла Туровского. Краткое житие его упоминает, что он был «рожден и воспитан во граде Турове», постригся в монахи и славен был по всей земле той, «умолением князя и людей града того» был поставлен в епископы Турова. Житие называет Кирилла вторым Златоустом («другий Златоустей нам в Руси паче всем восиа»).

Кирилл принимал участие в церковно-политической борьбе своего времени и написал несколько посланий к Андрею Боголюбскому, обличая ересь епископа Феодорца.

Сочинения Кирилла Туровского до сих пор не изучены. Е. Е. Голубинский и вслед за ним М. Н. Сперанский считали, что слова его «не могли иметь в виду широкие массы Руси, а были рассчитаны на старшую княжескую дружину, придворные круги и духовенство, и то, вероятно, в крупных центрах только». Но этот взгляд на Русь, как на полуграмотную страну, проводимый особенно Голубинским, опровергается самим текстом произведений Кирилла Туровского. В них встречается немало образов, взятых прямо из жизни. В Наказаньи Кирилла, как мы видели выше, книжное дело вменяется в обязанность не только чернецов, но и ремесленников, как раз тех людей, которые избирали Кирилла в епископы; тут же говорится о бедствиях «от человек, ли от князь». В другом слове названы «делатели с надеждою тружающиеся», рало, борозды и пр. В церковном поучении, приписываемом Кириллу, осуждается человек, который соблюдает посты, «а злобу держит и порабощает непо-

[1] «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 11, Менск 1930, стр. 373—374.

винных». В слове об исходе души говорится о немилосердных господах и самоубийствах рабов и пр.[1]

Сочинения Кирилла Туровского ближайшим образом связаны с жизнью горожан, «людей», давая понятие о степени городской культуры одного из центров Древней Руси.

О городах Переяславской земли наши источники дают лишь скудные сведения. Большинство из них (Баруч, Полкостен, Римов и пр.) упомянуты только в связи с набегами половцев или какими-либо политическими событиями. Объясняется это тем, что переяславские «города» по преимуществу были укреплёнными замками, остатки которых кое-где сохранились до нашего времени[2].

В сущности, в Переяславской земле известен только один большой город. Это столица княжества — Переяславль, ныне Переяслав Хмельницкий.

Переяславль принадлежит к числу древнейших русских городов. Летописец связывает его основание с борьбой против печенегов, когда Ян Усмошвец одолел печенежского богатыря (992 г.), но это явно позднейшее предание. Ведь Переяславль назван уже в летописном пересказе договора Руси с Греками 907 г. и в несомненно подлинном документе — договоре Игоря с Греками 945 г. Предание об основании города в конце X в. относится, возможно, к переносу его на новое место.

Рассуждая о начале Переяславля, В. Ляскоронский отмечает, что «населённые места с названием Переяславль встречаются, кроме России, ещё и в других местах, некогда имевших или даже и теперь имеющих славянское население». Он указывает Великую и Малую Преславу на Дунае и Преславу (Преншлау) у Щетина в земле западных славян[3].

Расцвет Переяславля происходит в XI в. В это время он занимает среди южнорусских городов третье место по значению и стоит тотчас же после Киева и Чернигова. Поэтому Ярослав Мудрый выделяет Переяславль во вла-

---

[1] «Рукописи гр. А. С. Уварова», т. II, стр. 1—2 (Житие), стр. 70—73 (того же Кирилла Наказанье), стр. 21 (Слово на антипасху), стр. 77—78, 113.

[2] По книге Большого чертежа в пределах бывшего Переяславского княжества было много городищ.

[3] *В. Ляскоронский*, История Переяславльской земли, Киев 1897, стр. 156—157.

дение своего третьего сына, Всеволода. В XII в. переяславский стол утвердился за княжеской линией потомков Всеволода и Владимира Мономаха, но значение Переяславля в это столетие по сравнению с предыдущим временем явно падает. В конце века переяславский князь Владимир Глебович едва отбивал нападения половцев. Таким образом, процветание города было недолговечным.

История Переяславля в некоторой мере представляет загадку. В особенности мало понятны причины, выдвинувшие Переяславль на такое видное место среди русских городов XI в., и его быстрый упадок. Некоторые попытки объяснить возвышение Переяславля и его упадок сделал В. Ляскоронский в своей монографии о Переяславской земле. Он объясняет возникновение и рост Переяславля тем, что этот город был передовым пунктом, складочным местом для идущих в глубину Руси товаров. Однако «не только торговые цели ставили Переяславль на очень видную роль; ещё больше он ценился как удобный стратегический пункт, защищавший собою Русскую землю». В. Ляскоронский отмечает и значение Переяславля для распространения религиозного влияния в соседней степи [1].

Итак, по Ляскоронскому, три причины выдвинули Переяславль в разряд крупных русских городов: торговля, стратегическое положение, церковная политика. Однако при ближайшем рассмотрении все эти три причины мало объясняют рост Переяславля. Прежде всего неясно, что создавало из Переяславля выгодный пункт для торговли. Город стоял в некотором отдалении от Днепра, на реке Трубеже, никогда не имевшей значения большого водного пути. Передовое положение Переяславля на границе Русской земли скорее задерживало его экономический рост, чем ему способствовало, так как город вынужден был непрерывно отбиваться от половецких нападений. Наконец, установление в Переяславле епископии было следствием, а не основанием его экономического и политического значения.

Единственно правильное объяснение процветания Переяславля в X—XI вв. можно видеть в том, что он был центром для большой, прилегающей к нему округи на

[1] *В. Ляскоронский,* История Переяславльской земли, стр. 157—159.

левом берегу Днепра, где в киевский период нельзя отметить ни одного сколько-нибудь значительного города и в то же время можно насчитать немалое количество городков-крепостей. Может быть, первоначальное место Переяславля надо искать на устье реки Трубежа, где в конце XI в., по предположению Максимовича, находился город Устье, разорённый половцами в 1096 г. Здесь найдены были остатки какого-то здания из кирпичей, характерных для киевских построек. Тогда становится понятным и предание об основании Переяславля как города, поставленного на новом месте. Процветание Переяславля и его последующий упадок, видимо, объясняются сдвигом русского населения с юга на север.

В X—XI вв. Переяславль был одним из значительнейших русских городов, топография которого может быть теперь установлена довольно полно. Место древней крепости указывает Михайловская церковь, построенная над древним основанием. По словам М. А. Максимовича, писавшего в середине прошлого столетия, «эта часть Переяславля смотрит уже пустырём; но в древности тут-то и был город, заложенный и укреплённый князем Владимиром» [1]. Застройка города каменными зданиями была произведена в конце XI в. переяславским митрополитом Ефремом. «Этот Ефрем, — пишет летописец, — был скопец, высокий ростом, многие тогда здания воздвиг, докончил церковь святого Михаила, заложил церковь на городских воротах во имя святого мученика Феодора, и затем святого Андрея у церкви у ворот и строение банное каменное, чего не было раньше на Руси. И город заложил каменный от церкви святого мученика Феодора, и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями» [2].

В этом известии особенно интересно указание на строительство каменного города и каменных городских ворот с надвратной церковью («церковь на воротех городных»). Вероятно, речь идёт о создании особого владычного замка в Переяславле, в том числе и каменной стены с башнями вокруг замка, а не о постройке каменных стен вокруг всего города. Впрочем, этот вопрос может быть разрешён только тщательными археологиче-

---

[1] *М. А. Максимович,* Собрание сочинений, т. II, стр. 328.
[2] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 137.

скими разысканиями. Отметим здесь, что вопрос о переяславской митрополии до сих пор остался нерешённым, так как в списках русских епархий находим в Переяславле обычную епископию. В первой половине XII в. переяславская епископия включала в свой состав не только собственно Переяславскую, но и Смоленскую землю. Существование епископского замка-дворца в Переяславле, несомненно, указывает на большое богатство переяславского епископа.

В том же Переяславле существовал княжеский двор, на котором в 1098 г. была заложена Владимиром Мономахом каменная церковь Богородицы. Это ещё более подтверждает мысль о существовании в городе двух дворов-замков, княжеского и епископского. По своему местоположению двое ворот переяславского города так и назывались: одни — Епископскими, другие — Княжими. Таким образом, в Переяславле мы имеем редкое сочетание церковной и княжеской власти над городом, каждая из которых владела своим замком [1].

Вокруг города с его замками находилось предгородье. Здесь я полагаю местонахождение Кузнечных ворот, которые, по точному смыслу летописи, располагались под горою против луга [2].

Интересный очерк древнего Переяславля сделан украинскими археологами, обобщившими разнообразный и малоизвестный археологический материал. Крепость, или Переяславский детинец, стояла при впадении реки Альты в Трубеж и занимала сравнительно небольшое пространство, площадью всего в 400 *кв. м.* Валы Детинца, как показали раскопки, имели сложную конструкцию. Это были деревянные срубы, заполненные землёй и с наружной стороны обложенные кирпичом-сырцом. Сверху возвышались деревянные «заборола». В Детинце стоял Михайловский собор, стены которого были украшены фресками и мозаиками, полы вымощены шиферными плитами. Поблизости от собора обнаружены фундаменты какого-то гражданского здания — возможно, это остатки банного строения, назначение которого авторы очерка о

[1] Ипат. лет., стр. 146, 179, 214. Летописец говорит о существовании в Переяславле митрополии, о чём имеются и другие указания. Не было ли «новое» основание Переяславля в конце X в. связано с устройством в нём русской митрополии.

[2] Лаврент. лет., стр. 317; Ипат. лет., стр. 266.

древнем Переяславле, откуда мною взяты эти археологические сведения, напрасно считают неизвестным. Баня прекрасно была известна в Древней Руси как раз под этим названием. Поэтому нет ничего мудрёного в постройке каменной бани митрополитом Ефремом, пришедшим из Византии. Применение дорогого камня для строения бани, обычно деревянной, и вызвало замечание летописца, что этого раньше не было на Руси.

К Детинцу примыкал относительно обширный окольный город, окружённый валами длиною в 3 200 *м*, значительная часть которых сохранилась до нашего времени. Окольный город, или «острог», был в то же время городским посадом. Глубокий ров ограждал Переяславль с северной стороны. Посад был населён «людьми», ремесленниками и торговцами. О существовании в Переяславле кожевников рассказывает уже летописное предание об основании Переяславля. Одни из ворот города так и назывались Кузнечными, указывая на сосредоточие кузнецов в их районе. Различные находки, сделанные на территории Переяславля в последнее время, говорят о развитии в нём производства украшений и предметов обихода. Остатки жилищ, найденные в Переяславле, дают представление о быте небогатых горожан. «Стены их сооружались на деревянной основе и обмазывались сверху глиной. В углах находились глинобитные печи» [1].

Общие черты значительного города с большим населением выступают в летописных рассказах о Переяславле.

В 1096 г. половцы осадили Переяславль, «а переяславцы затворились в городе». Это были не дружинники, а «граждане», отстаивавшие свой город от половцев. Жизнь в Переяславле была опасной; непрерывно приходилось отбиваться от половцев. «И сидел я в Переяславле 3 года и 3 зимы с дружиною; и многие беды приняли мы от войны и от голода», — вспоминает Владимир Мономах о своём княжении в Переяславле [2].

Некоторое понятие о древнем Переяславле даёт летописный рассказ о войне Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем в 1149 г. Изяслав со своими полками

[1] «Переяслав-Хмельницкий и его исторические памятники», Киев 1954, стр. 5—23 (раздел о древнем Переяславле написан А. Т. Брайчевской и Ф. Б. Копыловым).

[2] Лаврент. лет., стр. 223, 240.

пришёл к Переяславлю и стал у Трубежа, тогда как Юрий прошёл на заре мимо города и расположился на другой стороне реки «за зверинцем у рощения», следовательно, в лесу, в роще у княжеского охотничьего заповедника — «зверинца». Отслушав обедню в Михайловском соборе, Изяслав покинул город, перешёл Трубеж и, не поднимаясь на гору, остановился на лугу против Кузнечных ворот. При первой же тревоге он передвинул свои полки на поле, где стоял Красный двор. Битва началась утром на восходе солнца. Она была решена изменой переяславцев, перешедших на сторону Юрия. «А наутро Юрий, хваля и славя бога, вошёл в Переяславль и поклонился святому Михаилу» [1].

В приведённом рассказе интересны указания на топографию окрестностей Переяславля, на княжеский зверинец, «Красный» (прекрасный) двор, на поле и луг в ближайших окрестностях города.

Переяславские горожане в известии 1149 г. являются активной силой, решившей княжеское столкновение. Переяславский тысяцкий принимал участие в совещании 1113 г., на котором был составлен устав Владимира Мономаха, сохранившийся в составе Пространной Русской Правды.

---

[1] Ипат. лет., стр. 264—268.

Глава 2

ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Волынская земля занимала окраинное положение на западе Русской земли. Впрочем, границы этой земли, показанные в атласе Замысловского, очень условны и непонятны, если изучать историю Волынской земли отдельно от соседней Галицкой. Собственно Волынь представляла собой богатый обособленный край, сложившийся с отдалённых времён. Своё название Волынская земля получила от древнего города Волынь, местоположение которого указывают в 20 *км* от современного Владимира Волынского, заменившего собой этот старый племенной центр. Древняя Волынь, или Велынь, принадлежала к числу тех славянских городов, происхождение которых теряется в самых отдалённых веках. Уже Ходаковский, а вслед за ним другие историки указывали, что на месте Волыни теперь сохранился обширный вал с особым городком «Словенским» и множеством могил внутри его [1]. Описание Волынского городища даёт В. Б. Антонович: «На полуострове, омываемом извилиною Буга, урочище, называемое Старгород». Здесь находится «городище неправильно круглой формы; от него простирается более низкий вал, окружавший посад, в $^3/_4$ версты от полуострова вал в $1^1/_2$ версты длиною. По предположению, это, может быть, древний

[1] *А. М. Андрияшев,* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия, Киев 1887, стр. 58.

город Волынь»[1]. Город Волынь, по ранним известиям, действительно стоял на берегу Буга. Войска Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого стояли у Волыни «оба пол реки Буга», т. е. по обеим сторонам Буга.

Если верить Длугошу, то город **Волынь** существовал ещё в XI в. Польский историк сообщает об осаде Волыни (Wolyn) польскими войсками, называя её castrum, т. е. крепостью или городом, и рассказывая о сдаче Волыни на условиях уплаты откупа. Впрочем, показания Длугоша опровергаются его же словами, что тремя важнейшими замками Владимирской земли в это время были Волынь, Владимир и Холм (Wolyn, Wlodimir et Chelm), тогда как известно, что Холм был основан в XIII в.[2]

Центр Волынской земли город **Владимир** расположен при впадении реки Смочи в реку Луг, на правом берегу Луга, среди болот. Город получил своё название по имени строителя — Владимира Святославича, следовательно, возник в конце X или начале XI в., во всяком случае не позднее 1015 г. Первым его князем был Борис Владимирович, получивший эту область при жизни отца[3].

Основание нового города поблизости от древней Волыни, видимо, было связано со стремлением Владимира подорвать власть местных волынских князей или старшин прежнего племенного центра. Выбор места для нового города определялся стратегическим положением. Значение города было обусловлено его близостью к реке Западный Буг, но в отличие от Волыни он стоял не на самом Буге, а в 20 *км* от него. При впадении Луга в Буг находилось поселение, известное теперь под названием Устилуга (т. е. Устье Луга), где сохранилось городище. Здесь надо искать владимирскую пристань на Западном Буге. Отметим тут же, что выбор места для города очень сходен с тем, какой тот же Владимир Святославич сделал для Переяславля, построенного, как мы видели,

---

[1] *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Волынской губернии («Труды XI Археологического съезда в Киеве», 1899, стр. 65).

[2] *К. Бестужев-Рюмин*, О составе русских летописей до конца XIV в., приложение: «Русские известия Длугоша до 1368 г.», стр. 128—130 (в дальнейшем — Длугош).

[3] «Посла и потом отець и на область Владимир, юже ему дасть» (*Д. И. Абрамович*, Жития Бориса и Глеба, стр. 6).

в некотором отдалении от Днепра, на небольшой реке Трубеже, при впадении которой в Днепр также находился городок с названием Устье.

Нельзя, впрочем, пройти мимо распространённого в нашей литературе представления об ещё более раннем возникновении Владимира. Это мнение держится на известии древней венгерской хроники нотария короля Белы. В хронике сообщается, что венгры вышли из Киева в сопровождении русских и «прибыли в город Лодомер». Князь Лодомера принял венгров с почётом, дал им в заложники двух своих сыновей и богатые подарки [1]. Но название «Лодомер» (Lodomer) — это испорченная венгерская передача русского названия Владимир. Упоминание о Галиции ведёт нас также к позднему времени, когда от города Галича и вся окружающая область получила своё прозвание. Нотарий Белы, писавший во второй половине XIII в. [2], когда венгерские феодалы пытались овладеть Галицкой землёй, старался доказать, что Владимир и Галич якобы давно зависели от Венгрии.

Владимир с самого начала своего существования стал стольным городом особого княжения, хотя волынской династии князей, наподобие черниговской, не устанавливается, может быть и по случайным обстоятельствам. Довольно рано возникает владимирская епископия. Среди епископов Владимира знаем Иосафа и Василия «от Святые горы», монастыря в окрестностях Владимира. Об этом монастыре упоминается в Печерском патерике в рассказе, относящемся ко времени Изяслава Ярославича (1054—1076 гг.) [3].

Черты большого города явственно выступают в письменных свидетельствах о былой истории Владимира. Это был прежде всего хорошо укреплённый город, с деревянной стеною и башнями (вежами). На владимирских стенах во время осады города был убит князь Мстислав Святополкович через «скважину» (бойницу) в досках забора («заборола»), устраиваемого для защиты бойцов,

---

[1] Перевод этого места из хроники нотария Белы см. у Н. М. Карамзина («История государства Российского», СПБ, первое издание, стр. 392, примечание 302).

[2] *C. Horváth, A. Kardos, A. Endrödi,* Histoire de la littérature hongroise, Budapest, Paris.

[3] Ипат. лет., стр. 494; «Печерский патерик», стр. 32.

стоявших на стене. Известны названия двух ворот в стенах Владимира — Гридшины и Киевские, расположенные у Луга [1]. Название «Гридшины» ведёт своё происхождение от гридей — княжеских дружинников.

А. Андрияшев считает, что Владимир Волынский в своё время отличался необыкновенно обширными размерами. Основываясь на инвентаре церкви в селе Зимно, находящейся в 5 *км* от города, он включает это село в предместье древнего Владимира, как и село Когильно в 7 *км* от города. Далее Андрияшев отмечает, что «древнейшая церковь, выстроенная, по преданию, Владимиром Св., находится теперь за версту от города, в дер. Федоровцы, а естественно, что главная церковь в городе должна была находиться в его центре». Но эти выводы представляются в достаточной мере поспешными, так как основаны на позднейших свидетельствах. К тому же сам Андрияшев говорит, что в Зимно находился ранее княжеский загородный дворец и сохранились две древние церкви. Здесь же, на берегу реки Луга, имеется треугольное городище. Всё это признаки существования здесь княжеского или боярского замка [2].

Предания о прежнем величии городов так распространены, что на них нельзя основывать выводы о действительной территории городов в прошлом. Но есть иные, более верные показатели прежнего значения Владимира Волынского. Во Владимире и в его округе сохранились каменные здания, восходящие по своей архитектуре к киевским временам. Величественным памятником архитектуры был Успенский собор, построенный при князе Изяславе Мстиславиче. По Никоновской летописи, в 1160 г. «князь Мстислав Изяславич расписал святую церковь во Владимире Волынском и украсил ее дивно святыми и дорогими иконами и вещами многими чюдными и священными сосудами златыми и серебряными, с жемчугом и с каменьем дорогим» [3]. Предание и называет собор Мстиславским. Этот собор по ширине был равен церкви св. Софии в Киеве, а по длине превосходил

---

[1] Ипат. лет., стр. 178, 334.

[2] *А. М. Андрияшев*, Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия, стр. 55—57; *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Волынской губернии, стр. 63.

[3] ПСРЛ, т. IX, стр. 229.

её. Под храмом обнаружены шесть великокняжеских и две епископские гробницы, остатки фресок и т. д. [1]

В 1 *км* от города, близ деревни Фёдоровцы, сохранились остатки фундаментов, известных под названием «старая катедра». Это остатки собора Успения. О впечатлении, которое Владимир Волынский производил на иноземцев, читаем в рассказе о походе венгров в 1231 г. Когда венгерский король подошёл к Владимиру, он подивился на него и сказал: «Такого города я не видел и в Немецких странах». На укреплениях стояли воины (оружники), блестели щиты и оружие, подобно солнцу. Из дальнейшего рассказа летописи выясняется, что воевода Мирослав, командовавший городским гарнизоном, сидел во Владимире с большим количеством людей («с великими вои») [2].

О больших размерах укреплений во Владимире узнаём из другого свидетельства, относящегося уже к 1261 г. Татарский полководец Бурундай требовал уничтожения городских стен Владимира, как, впрочем, и ряда других городов. Василько Романович вынужден был на это согласиться, и «так как невозможно было вскоре разбросать город из-за его размеров («величества»), повелел зажечь его» [3]. Из этого известия видно, что стены Владимира сделаны были из дерева; их можно было разбросать и зажечь.

Большой материал для истории Владимира дают археологические изыскания. Владимирский замок, «город», находился при слиянии Смочи с Лугом. Защитой для него служили обширные болота, окружавшие его почти с трёх сторон. Размеры первоначальной крепости, видимо, были незначительны. Вскоре вокруг неё вырос большой город. О его границах можно судить по валам, на которых должны были стоять деревянные стены и башни, известные нам по летописи. Общий контур сохранившихся валов напоминает неправильный полукруг. Но город XI—XIII вв. уже не вмещался в их пределы. К северу от валов, в непосредственной близости к ним, стояли Пятницкая и Никольская церкви, в предместье

---

[1] Сообщения проф. Прахова на VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г.

[2] Ипат. лет., стр. 510.

[3] Там же, стр. 562.

«Запятниче». «Заречье», расположенное к югу от реки Луга, было укреплено валом с южной стороны.

В разных частях города находят фундаменты старинных зданий. Фундаменты трёхабсидной церкви найдены были в урочище «Стара катедра». Это название указывает на существование здесь местопребывания первоначальных епископов Владимира, их прежней, или старой, «кафедры». В урочище Белые берега («Білі берега») открыты были остатки фундаментов, в урочище Ильинщина виднеются грубые и глубокие фундаменты какой-то неизвестной постройки и т. д. В разных концах города найдены такие же остатки 20 фундаментов.

Во Владимире дважды были найдены скелеты воинов, похороненных в панцырях и шлемах. В 1923 г. в районе Владимира обнаружили людской костяк в панцыре и шлеме, тут же лежали меч и перстень. При устройстве дороги в село Зимно нашли костяк в панцыре и шлеме. Очень интересны также многочисленные находки во Владимире медных крестов, в том числе энколпионов, серебряных гривен, образков и т. д.

Подобные находки указывают на значение Владимира как одного из центров ремесленного производства металлических изделий, в том числе медных крестов, образков, оружия и т. д. О развитии строительного дела во Владимире свидетельствуют находки кирпичей со знаками трезубца. На урочище «Запятниче» ещё в недавнее время жили гончары. О существовании во Владимире старинной еврейской колонии говорят найденные плиты со староеврейскими надписями, надгробные еврейские плиты у Городельской улицы относятся уже к XIV столетию [1].

Владимир был крупным торговым центром, связанным с Германией, Балканским полуостровом, Крымом. В рассказе о смерти владимирского князя Василька Владимировича, правда относительно позднем (1288 г.), умершего князя оплакивали «немци, сурожци и евреи» [2].

---

[1] «Матеріали до археології Володимирського повіту» («Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. CLIV, Львів 1937, стр. 183—214).

[2] Ипат. лет., стр. 605. О торговле Владимира Волынского см. *В. Т. Пашуто,* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 166—176.

В политической жизни города большое участие принимали горожане. Владимирское вече уже в конце XI столетия заставило князя Давыда подчиниться своим решениям. Участниками вече были «горожане», «люди». Непосредственно с ними вели переговоры князья Василько и Володарь, говоря, что они пришли не на город, а на своих врагов (на Туряка, Лазаря и Василя). «Горожане же, слышав это, созвонили вече. И сказали Давыду людье на вече: «Выдай этих мужей, мы не бьемся за них, а за тебя можем биться, а за тех не бьемся; если же нет, то отворим город, и промышляй сам о себе». И была неволя их выдать». Туряк с товарищами бежали из города (Туряк в Киев, а Лазарь и Василь в Турийск). «И слышали люди, что они в Турийске, и кликнули люди на Давыда: «Выдай, кого требуют у тебя; если нет, то сдадимся»». Князь вынужден был выдать Лазаря и Василя, повешенных на заре и расстрелянных воинами Василька, ослеплённого раньше по их наущению [1].

В конце XIII столетия владимирские горожане, видимо, имели уже своё управление. Догадку такого рода сделал Грушевский, ссылаясь на летописный рассказ 1288 г. и грамоту владимирских горожан в Штральзунд 1324 г. Завещание владимирского князя Владимира Васильковича было прочитано в соборной церкви, «во епископьи», куда он созвал «бояры володимерьския брата своего и местиче русци и немце». «Местич» — это позднейшее название горожанина на Украине. Следовательно, совещание во Владимире было прототипом земского собора или генеральных штатов с участием духовенства (епископа), феодалов (бояр) и горожан — «местичей», как русских, так и немецких, осевших в это время в городе. Особые отношения Владимира Васильковича к горожанам подчёркиваются летописью в рассказе об его похоронах: «горожане же от мала до велика, мужи и жены и дети, с плачем великим проводили своего господина». Особо отмечается печаль «лепших» мужей владимирских: «хорошо было бы нам, господин, с тобою умереть, сделавшему толикую свободу, как и дед твой Роман освободил от всех обид» [2].

---

[1] Ипат. лет., стр. 175.

[2] Там же, стр. 596, 604—605.

В этих словах заключается прямой намёк на существование особых городских пожалований, в первую очередь «лепшим» мужам Владимира — богатейшим горожанам, верхушке купеческого и ремесленного населения. Они получили «свободу» — право, возможность действовать по своей воле. В таких же выражениях говорят летописи о привилегиях Великого Новгорода: «Новгород выложиша вси князи в свободу: кде им любо, ту же собе князя поимають». «Обида» — ущерб, оскорбление. Слово это так часто употребляется в связи с торговыми делами, судебными исками и пр., что не требует пояснений [1]. Упомянутая раньше грамота 1324 г. уже была написана от имени городских магистратов и всех горожан Владимира («consules et universitas civitatis Ladimirien-sis») к консулам и горожанам Штральзунда [2]. Приведённая выше ссылка владимирских горожан на князя Романа Мстиславича ведёт нас по крайней мере к концу XII — началу XIII в. Начало привилегий владимирских горожан относится к этому времени.

Владимир Волынский был одним из крупнейших центров древнерусской образованности. Замечательный рассказ об ослеплении Василька был написан очевидцем события или человеком, слышавшим о нём от очевидцев во время пребывания во Владимире («мне ту сущю в Володимере») [3]. В библиотеке Владимира Васильковича конца XIII в. хранились многие церковные книги, в том числе пролог на 12 месяцев. Пролог — это книга, содержавшая краткие жития святых и поучения на каждый месяц в году. Она была рассчитана на домашнее чтение. Сохранилась Кормчая книга или Номоканон (собрание церковных и гражданских законов и правил), написанная в 1286 г. «боголюбивым князем Владимиром сыном Васильковым» и его княгинею Ольгою Романовной. Это остаток того большого литературного богатства, которым некогда обладал Владимир Волынский.

Наибольшее количество городов Волынской области находилось по верховьям Стыри и Горыни. Важнейшими

---

[1] Новгород. лет., стр. 43; см. также под 1229 г.: «И вда свободу смьрдом на 5 лет даний не платити» (стр. 68); см. *И. И. Срезневский*, Материалы, т. II, вып. 2, стр. 502—506.

[2] *М. Грушевский*, Історія України-Руси, т. II, стр. 376—377.

[3] Ипат. лет., стр. 173.

из них были Луцк, Бужск, Пересопница, Дорогобуж, Белз.

Луцк, или Луческ, расположен на возвышенном месте при слиянии Стыри с её маленьким притоком Глущем. Название своё он, видимо, получил от крутой луки, которую здесь образует Стырь, охватывающая город с трёх сторон. Впрочем, известно племя лучан, упоминаемое уже Константином Багрянородным в X в. В таком случае Луцк был племенным центром, как и город Волынь.

Длугош уверяет, что первоначальный замок в Луцке был построен Владимиром Святославичем, но впервые Луцк упоминается в 1085 г. по случаю бегства Ярополка Изяславича в Польшу. В это время он был уже хорошо укреплённым городом, где Ярополк рискнул оставить свою семью под охраной дружины. Древний Детинец Луцка стоял, по всей видимости, там, где теперь находится Высший замок, или замок Любарта, на возвышенном месте. Это делало из Луцка хорошо укреплённый пункт, впрочем мало приспособленный для долгой осады вследствие недостатка питьевой воды [1].

В XII столетии Луцк стал стольным городом особых князей. Довольно частые упоминания о Луцке в XII—XIII вв., а также указания на фундаменты древних церквей в его окрестностях говорят, что этот город был довольно крупным пунктом в киевское время. В каменной церкви Ивана Богослова, по описанию XVI в., находились «тела умерших (змерлых) господарей християнских, великих князей руских и гробы их».

В событиях, описанных летописью под 1227 г., ясно выступает перед нами политическая роль, которую играли в судьбах своего города лучане. Они сопротивляются Даниилу Романовичу («затворишася лучане»), а позже передаются на его сторону («предашася лучане») [2].

Почти на границе с Галицкой землёй стоял **Бужск**, или Божьск. Своё название город получил от Западного Буга, в верховьях которого он стоит. Летописец называет его Божском. Впервые Бужск назван под 1097 г. Но это не значит, что город возник в это время, так как название Бужск тесно связано с племенным прозвищем бужан,

---

[1] Ипат. лет., стр. 144, 272—273. В 1149 г. войска, осаждавшие Луцк, не давали защитникам воды «почерети за 3 неделе».

[2] Ипат. лет., стр. 501.

впоследствии волынян («зане седоша по Бугу, после же велыняне») [1]. Между тем древность племени волынян засвидетельствована арабскими источниками, которые приписывают им первоначальное объединение славян. Предание о том, что бужане позже назвались волынянами, отражает какое-то древнее припоминание, может быть имеющее бо́льшую ценность, чем это можно первоначально предполагать. Писатель VI в. Иордан рассказывает о победе готского короля Винитара над антским вождём Божем, который был распят вместе с 70 старейшинами. Славянское имя Божа давно уже привлекало к себе внимание историков, по своему же корню оно совпадает с племенным названием бужан (впоследствии волынян), в стране которых надо искать первые государственные объединения среди восточных славян. Замечательно, что Бужск иногда назывался Бозком.

Однако история Бужска в XI—XIII вв. гораздо менее замечательна, чем его возможное прошлое. Город был яблоком раздора между галицкими и владимирскими князьями, ибо находился на границе их владений [2]. Во второй половине XII в. в нём сидят порой отдельные князья, но это всё-таки второстепенный центр, каким он и остаётся в течение всего киевского времени.

Пересопница впервые упоминается под 1149 г. Название своё город получил, повидимому, от земляного укрепления — «переспа» [3]. Город был хорошо укреплён («бе утвержден город»), в нём сидели особые князья из числа младших членов княжеских родов. Пересопница имела значение передового замка Волынской земли; в этом смысле она и упоминается в летописях. По мнению Антоновича, древний город прежде находился на реке Струбел; здесь было большое городище, обнесённое рвом и громадным валом («переспа») до 10 *м* высоты с наружной стороны [4].

Значительно больше сведений имеем о Дорогобуже, впервые упоминаемом под 1084 г., когда он был отдан

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 177, 13.

[2] Ипат. лет., стр. 487, 313.

[3] «И пришедше сташа у переспы» под Новгородом Северским (Ипат. лет., стр. 270, 235).

[4] Ипат. лет., стр. 281, 284. «Труды XI Археологического съезда в Киеве», стр. 54, 153.

в княжение Давыду Игоревичу [1]. **Дорогобуж**, впрочем, возник значительно раньше и упоминается в Правде Ярославичей. В ней говорится, что за убийство старого (старшего) конюха при стаде надо платить 80 гривен виры, «его же убили дорогобудьци». Штраф на дорогобужцев был установлен Изяславом Ярославичем (умер в 1078 г.), по моему предположению, в связи с киевским восстанием 1068 г., для подавления которого Изяслав с войском шёл из Польши [2]. Название Дорогобуж было распространено на Руси, где известен другой город Дорогобуж — в Смоленской земле.

На довольно крупное значение Дорогобужа в конце XI в. указывает то обстоятельство, что он был дан Давыду Игоревичу взамен Владимира Волынского. В 1150 г. «дорогобужьци» встретили крестным ходом Изяслава Мстиславича, шедшего со вспомогательным венгерским отрядом. Слова Изяслава Мстиславича, обращённые к дорогобужцам, — «вы есте людие деда моего и отца моего» — говорят о том, что под дорогобужцами понимаются летописью в первую очередь горожане [3].

По словам Андрияшева, Детинец Дорогобужа стоял на самом возвышенном месте города; с севера и запада он примыкал к речке и пруду, а с остальных сторон его окружали вал и рвы. Город был расположен на восток от Детинца на низменности и занимал всё пространство до нынешней деревни Подоляне, около которой и теперь видны остатки рвов и валов [4]. Название «Подоляне» можно сопоставить со словом «Подол», как нередко называлась ремесленная часть городов Киевской Руси, но для этого следовало бы более подробно изучить топографию Дорогобужа.

Одним из ранних городов Волынской земли был **Червень**, по названию которого одно время именовались и другие русские города на западной окраине. О взятии Червеня, ранее захваченного поляками, летопись сообщает под 981 г. [5] Название города — славянское; червень обозначал тёмнокрасную ткань, а червец — пурпур или багряную краску; в переносном смысле это могло обо-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 135.
[2] *М. Н. Тихомиров*, Исследование о Русской Правде, стр. 46.
[3] Ипат. лет., стр. 285.
[4] *А. Андрияшев*, Очерк истории Волынской земли, стр. 76.
[5] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 58.

значать красивый город или город, стоявший в красивой местности. Местонахождение древнего Червеня было не вполне ясно. Раскопки польских археологов доказали, что древний Червень находился на месте городища у современного Чермно, на реке Гучве, притоке Западного Буга. Городок был создан примерно в начале X в. Материал, найденный на городище, указывает на то, что Червень принадлежал к числу древнерусских городов. В этом же районе находились и другие русские городки и деревни с характерными названиями Переспа, Майдан Переспа и Вакеево[1].

Название деревни «Вакеево» совпадает с именем некоего Вакея, по имени которого во Владимире Волынском был известен двор Вакеев конца XI. в. Близость деревни Вакеева к Владимиру позволяет видеть в этой деревне одно из древнейших сельских поселений.

В середине XII в. Червень был укреплённым городом[2], игравшим немалую роль в столкновении русских с поляками.

В непосредственной близости к Червеню находился **Белз.** В летописях Белз впервые упоминается в 1030 г.: «Ярослав взял Белз». Об этом событии говорится в непосредственной связи с сообщением о походе Ярослава в Польшу и взятии Червенских городов. Повидимому, уже в это время Белз был относительно крупным городом. Позже Белз указывается в числе значительных волынских городов в связи с княжеской междоусобной борьбой 1188 г. В это время он был княжеской резиденцией, правда, одного из младших волынских князей. Такое же значение Белз сохранял в начале XIII в.[3], хотя известия о нём крайне отрывочны.

Понятие о древнем Белзе XI—XIII вв. дают остатки его укреплений. Город стоял на берегах реки Солокии, впадающей в Западный Буг. Эта река двумя своими рукавами образует небольшой остров в виде неправильного четырёхугольника с общей поверхностью приблизительно в 38 тыс. *кв. м.* С трёх сторон городок был окружён валом, а с южной стороны, где вала нет, защищён крутым

---

[1] *Aleksander Gieysztor,* Polskie badania na Grodach Czerwieńskich w latach 1952 i 1953 («Kwartalnik Institutu Polsko Radzieckiego» № 1 (6), Warszawa 1954, стр. 149—150).

[2] Ипат. лет., стр. 334, 483.

[3] Там же, стр. 105, 446, 487.

спуском. По валу, надо предполагать, шла деревянная стена, окружавшая город и продолжавшаяся там, где не было вала.

Внутри городок разделён был поперечным валом, отделявшим, видимо, Детинец от предградья, или окольного города. При земляных работах на территории городища находили пряслица из белого и красного шифера, стеклянные бусы, черепки и пр., относящиеся к временам Волынского княжества. В XVI в. в Белзе ещё жило больше украинцев, чем поляков [1].

К числу волынских городов я отношу также Пинск и Берестье, хотя и можно говорить о Пинской и Берестейской землях как особых районах.

Известия о Пинске крайне скудны и отрывочны. Впервые Пинск упоминается в 1097 г. в качестве крепкого города, выдержавшего семинедельную осаду [2]. Название своё город получил от реки Пины: он стоит при впадении реки Струмень в Пину. Местоположение Пинска очень выгодное: к нему как бы сходятся многочисленные реки, образующие Припять. В летописи Пинск упоминается обычно наряду с Туровом и Берестьем. Во второй половине XIII в. становятся известны «пинские князья» [3], — видимо, мелкие феодалы. В целом же письменные известия о Пинске так отрывочны, что не могут дать представления об этом городе.

Ещё дальше к западу находилось **Берестье** — позднейший Брест-Литовск. Название города — славянское (берестье — берёзовая кора). Своё значение он получил благодаря расположению на Западном Буге, там, где в него впадает река Мухавец. Берестье было связано этой рекой с системой Припяти. Город упоминается уже в 1019 г. в связи с бегством Святополка Окаянного в Польшу и рисуется как последний русский пункт перед Польской землёй. Опираясь на Берестье, Ярослав Ярополчич в 1101 г. воевал со Святополком Изяславичем [4]. В начале XIII в. «приехали берестьяне» к польскому князю Лешку и просили на княжение детей Романа Мстиславича. По их просьбе польский князь Лешко

[1] «Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. CLIV, Львів 1937, стр. 15—31.
[2] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 171.
[3] Ипат. лет., стр. 543.
[4] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 98, 182.

(Лестько) Белый отпустил к берестьянам малолетнего Романа — «да владеють ими». В 1229 г. берестьяне снова вели самостоятельную политику во время княжеских усобиц и потерпели полный разгром от Владимира Ростиславича [1].

Порубежное положение города приводило к тому, что Берестье нередко попадало в зависимость от соседней Польши. О походе на Берестье, совершённом в 1182 г. польскими войсками, сообщает Татищев [2]. В результате этого похода Берестье было разорено.

История Берестья и его земли до сих пор ещё не разработана и ждёт новых исследований.

---

[1] Ипат. лет., стр. 482, 503.

[2] *В. Н. Татищев,* История российская, кн. третья, М. 1774, стр. 247.

ГЛАВА 3

ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Небольшая по размерам, но густо населённая Галицкая земля тем не менее не может похвастаться обилием крупных городов, что, впрочем, характерно и для нынешней Галичины. Современный Львов вырос после монгольского нашествия, а до него крупнейшим городом этой земли был Галич, появляющийся на страницах летописи очень поздно, только в середине XII в. Между тем оформление Галицкой земли в особую область произошло гораздо раньше, по крайней мере в XI в. Отсутствие сколько-нибудь крупного центра в Галицкой земле до XII в. — явление весьма своеобразное и требующее особого объяснения. Возможно, что оно связано с поздним обособлением русских земель на этой окраине от Польши и Венгрии.

Сколько-нибудь значительными размерами во всей Галицкой земле отличались только Галич, Перемышль, Звенигород, Теребовль, позже Холм. Впрочем, о Теребовле известно крайне мало. За исключением Перемышля, остальные города появляются на страницах летописи очень поздно: Звенигород и Теребовль с конца XI в., а Галич только с первой половины XII в. Звенигород и Теребовль очень быстро сходят со сцены и теряют своё прежнее значение.

Случайное ли это явление или оно связано с какими-то сдвигами населения? Раннее возвышение Теребовля, лежавшего на юге Галицкой земли, как будто указывает

на последнее. Падение первого Болгарского царства вызвало отлив населения из Болгарии на северные берега Дуная, где галицкие князья создают своё княжество в Берладе. Позже набеги половцев сбивают русское население на север, а с конца XII в. притягательным центром для придунайских областей становится второе Болгарское царство, что почти совпадает со смертью Ярослава Осмомысла, который распространял свою власть до Дуная, по свидетельству Слова о полку Игореве.

Главный город Галицкой земли принадлежал к числу крупнейших русских городских центров. **Галич** появляется в наших летописях как бы внезапно в 1140 г., когда в нём оказывается князем знаменитый Володимерко Володаревич [1]. Длугош, однако, сообщает, что отец Володимерка — Володарь после своего поражения от польского короля в начале XII в. бежал в Галич, где собирал войско [2]. Следовательно, город возник ранее, и, вероятно, значительно ранее 1140 г. В первой половине XIII в. ещё существовало предание о Галиче, начало которого связывалось с соседней «Галичиной могилой» — каким-то высоким курганом. Название «Галичина могила» указывает на некоего Галича, основателя города, жившего ещё в языческие времена, судя по характеру его погребения в виде насыпной могилы. Конечно, преданию XIII в. нельзя придавать значение решительного свидетельства, но оно всё-таки очень показательно. Во всяком случае, название города — славянское (галити — радоваться, галичь — галочий крик и пр.).

Рост Галича объясняется прежде всего его центральным положением в Галицкой земле. Река Днестр была значительным торговым путём, а в районе Галича имеются залежи соли. Печерский патерик рассказывает, что во время войны киевского князя Святополка Изяславича с Володарем и Василько в конце XI в. прекратился приезд купцов и подвоз соли «из Галича» [3].

Известия о Галиче рисуют его как крупный город. Во второй половине XII в. появляется особая галицкая

---

[1] Ипат. лет., стр. 218—219.

[2] Длугош, стр. 184.

[3] «И не пустиша гостий из Галича и лодий с Перемышля, и соли не бысть во всей Русьской земли» («Печерский патерик», стр. 207).

епископия, находившаяся при церкви Успения, где галицкие князья садились торжественно на стол. Ничего неизвестно о других галицких церквах, но фундаменты каменных церквей, обнаруженные при раскопках в районе древнего Галича, показывают, что каменное строительство получило в нём немалое развитие.

Изучение истории Галича долгое время не могло быть успешным без планомерных археологических изысканий. Само место древнего Галича точно не установлено. Одни предполагали древний город на месте современного Галича, другие — на запад от него, на высотах у реки Ломницы, третьи местом древнего Галича считали Крилос, или так называемую старую кафедру (катедра), в 5 *км* на юг от нынешнего города. Этот вопрос казался мне разрешённым удачными раскопками, установившими нахождение древних зданий в районе Крилоса, в нескольких километрах от современного Галича. Так я и писал в первом издании своей книги, пока лично не познакомился с местоположением древнего Галича. Теперь мне ясно, что на Крилосе находилась галицкая епископия — «старая катедра», а не древний город, так как летопись непосредственно связывает город с рекой Днестром.

По летописному рассказу 1229 г., войска Даниила Романовича стояли в Угольницах «на берегу Днестра». Галичане и венгры стреляли со льда реки, когда же вода в реке поднялась, они сожгли мост, через неё перекинутый. Мост не сгорел целиком, «и утром войска Даниила перешли мост и стали по берегу Днестра». Вскоре после этого горожане напали на венгров, многие из которых «впадаху в реку». Река, в которую падали венгры, тут же названа Днестром [1].

Таким образом, если придерживаться летописи, то Галич неотделим от Днестра; его надо искать на берегу этой реки, а не в районе Крилоса, стоящего в отдалении от Днестра, на берегу Луквы. К сожалению, в работах о старом Галиче и его древнем местоположении правда так перемежается с фантастикой, предположения и догадки так часто выдаются за реальность, что трудно отличить выдумку от действительности. Старое предположение, что древний Галич стоял на том же месте, где

[1] Ипат. лет., стр. 506—507.

он стоит теперь, представляется мне наиболее отвечающим известиям о Галиче. На Старом Крилосе находилась епископия, стоял величественный собор. Другой собор мог находиться в самом городе. Летопись, действительно, сообщает не об одном соборе, а о соборах в Галиче («передо всими сборы») [1]. Такое же расположение города с княжеским замком отдельно от резиденции епископа можно видеть во Владимире Волынском, о чём говорилось в предыдущей главе [2].

Тем не менее раскопки на Крилосе бросают яркий свет на древний Галич, известия о котором в письменных документах так неясны и противоречивы.

Раскопки открыли фундаменты древней церкви Успения, отличавшейся большими размерами. Галицкая соборная церковь занимала площадь 32,5 *м* × 37,5 *м* и значительно превышала размеры остальных галицких церквей, фундаменты которых были раскопаны. Большими размерами в украинских землях отличались только собор св. Софии и Десятинная церковь в Киеве. Подобно Софийскому собору, Успенская церковь имела 5 кораблей, или отделений. Стены её были сложены из тёсаного камня с забутовкой внутри по типу владимиро-суздальских храмов. Архитектурные резные украшения указывают на вторую половину XII в. как на время построения собора, церковь была построена при Ярославе Осмомысле (умер в 1187 г.).

В фундаментах церкви найден был каменный саркофаг со скелетом старого человека, в котором видят останки Ярослава, а также гроб молодой женщины, может быть княжны, судя по золототканной повязке на голове [3], а также ряд разнообразных предметов.

Местоположение древней епископской резиденции рисуется в таком виде: она находилась на широком и плоском хребте, который острым языком тянется на север и с трёх сторон (с запада, севера, востока) ограждён крутыми скатами в долину Луквы и в овраг Мозолевого

---

[1] Ипат. лет., стр. 442.

[2] Литература и полный свод сведений о Галиче имеется в книге Пеленьского: *Józef Pełeński*, Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej, Kraków 1914.

[3] «Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. CLIV, Львів 1937.

потока. В этом месте так называемая Крилосская гора достигает приблизительно 75 *м* высоты. Замок был доступен только с юга, где валы защищали подступы к Детинцу. Южную часть городка занимал Успенский собор, сложенный из белого камня.

Здесь надо искать двор галицких епископов, власть которых пережила галицких князей и дала название всей местности (Крилос от греческого клирос — собор духовенства). Первоначальный замок был расширен в южную сторону, где между Луквой и Мозолевым потоком была сооружена новая оборонительная линия из трёх параллельных валов. Площадь между этими валами и замком известна была под названием «Качків»; в древности она составляла территорию внешнего замка.

На другом, низменном берегу реки Луквы находилось «підгородде». Это название представляется многообещающим в смысле будущих археологических раскопок, потому что оно напоминает нам «передгородье» киевского времени, когда этим термином обозначалась не укреплённая или слабо укреплённая часть города с ремесленным населением, посад, как его называли бы в XVI—XVII вв.

Процветание Галича продолжалось примерно 100 лет, после чего его постигла печальная участь. Крилос остался как центр епископии, а пристань в устье Луквы сохранила некоторое торговое значение и сохранила название Галича.

В XIV в. город сделался беззащитным и не имел стен (locus sine muris), о чём узнаём из одного документа [1].

Раскопки в районе древнего Галича показали, что этот город был крупным ремесленным центром. Найдено было большое количество разнообразной керамики, бронзовые украшения, золотые перстни. При раскопках «Юрьевского» урочища были обнаружены бесформенные куски бронзовых сплавов, три матрицы для отливки бронзовых крестиков, железные ножи, железный шлак, гончарная печь и т. д. Если бы внимание археологов устремлялось бы не столько на описание «золотых токов» для воображаемых турниров, мы могли бы пред-

---

[1] Historica Russiae Monumenta (изд. А. И. Тургеневым), т. 1, стр. 34, № XXXVII, документ ошибочно отнесён к 1232 г. Он дан был в Авиньоне, вероятно, папою Григорием XI (1370—1378 гг.).

ставить себе картину богатого средневекового города с развитым ремеслом.

Что касается торговли древнего Галича, то она засвидетельствована летописями и не требует особых подтверждений.

Основание подъёму Галича среди других городов верхнего Поднестровья было положено ещё в первой половине XII в. Об этом свидетельствует заметка о смерти в Галиче Ивана Васильковича, после чего «прия волость его Володимерко Володаревичь; седе во обою волостью княжа в Галичи». Следовательно, усиление Галича произошло уже при Иване, а Володимерко только наследовал этот город. Позже Володимерко именуется в летописях князем «галичским».

В случайных летописных заметках о Галиче всё-таки проскальзывают черты, рисующие его одним из крупнейших русских городов. Ярослав Осмомысл, чувствуя приближение смерти, велел созвать «соборы все и монастыри, и ницих и сильных и худых» [1]. Интересно указание на соборы духовенства, т. е. объединения белого духовенства вокруг какого-нибудь собора, и на галицкие монастыри, которые, стало быть, находились в городе и в его окрестностях.

Раскопки украинских археологов давно уже установили существование нескольких каменных церквей в районе Галича. Некоторые из них были довольно значительных размеров, другие занимали площадь, типичную для небольших приходских храмов. Город, повидимому, был окружён монастырями и слободами и раскинулся, подобно Киеву, на большое пространство. Возможно, князья имели загородный двор или замок с каменной церковью, как это было в других городах. Это способствовало забвению того места, где находился город до его разорения. Во всяком случае, княжеский дворец с церковью св. Спаса находился в городе, как это видно из рассказа о смерти Володимерка, а Ярослав был похоронен в церкви Богородицы. На одной из церквей Галича было устроено укрепление, в котором горожане долго защищались в 1219 г. («бе бо град створен на церкви»). Одни из ворот Галича нам известны по их характерному названию — Немецкие ворота.

---

[1] Ипат. лет., стр. 221, 273, 442.

Галицкие «граждане» настолько ясно отличаются в летописных известиях от галицких бояр, что надо обладать очень большой невнимательностью к текстам, чтобы спутать тех и других. Недаром же Даниил Романович, обращаясь к галицким горожанам, восклицает: «О мужи градскии, доколе хощете терпети иноплеменных князей державу» [1].

Галич был крупным литературным центром. В нём составлялась известная Галицко-Волынская летопись XIII в. Ряд письменных памятников XII—XIII вв. отличается местными, «галицкими» особенностями. «Галич богатый» хорошо известен и в народном эпосе. С ним тесно связана былина о Дюке Степановиче.

Галич не сразу сделался столицей одноимённой земли. До него центрами Поднестровья были Звенигород и Теребовль. Звучное название Звенигород распространено в русских землях. Известен второй Звенигород в Галицкой земле, Звенигород под Киевом, Звенигород под Москвой. Впервые Звенигород упоминается под 1086 г., но в Галицкой земле показывают два города с этим названием: один на месте современного Дзвинигорода к юго-востоку от Львова, а другой — южнее, на левом берегу Днестра, между устьями рек Серета и Збруча. Н. П. Барсов не решался сказать, к какому из этих городов отнести летописный рассказ 1086 г.[2] Однако именно северный Звенигород и был тем городом, который известен по летописи.

Звенигород находится недалеко от Львова, на болотистой равнине. На небольшой возвышенности среди болот стоял замок, поблизости от которого находят предметы, относящиеся к каменному и бронзовому векам, а также и ко времени летописного Звенигорода XI—XIII вв. Из наиболее важных находок следует отметить печать киевского митрополита Константина с греческой надписью: «Константин божиим изволением митрополит всея Росии». Две печати носят имя св. Василия. На одной из них имеется надпись: «Господи, помози рабу своему Васили[ю]». Возможно, что печать связана со знаменитым Васильком, князем соседнего Теребовля в конце

---

[1] Ипат. лет., стр. 493, 517—518.

[2] *Н. П. Барсов*, Очерки русской исторической географии, Варшава 1873, стр. 102.

XI — начале XII в. В значительном числе найдены были в Звенигороде медные и каменные крестики, иконки. Эти находки указывают на действительное существование в районе Звенигорода поселения в XI—XIII столетиях. Ещё в 1705 г. Звенигород назывался «градом», хотя с середины XV в. это было уже село [1].

В Звенигороде сидел Иван Ростиславич, когда за ним прислали галичане с призывом сесть у них в городе. Выгнанный из Галича дядею Володимерком, Иван бежал к Дунаю и основался в Берладе. Киевский князь Всеволод Ольгович в 1144 г. ходил войною против Володимерка, подошёл к Звенигороду и остановился с одной стороны города, а Володимерко — с другой. Врагов разделяла река Белка, после перехода которой Всеволод занял горы в тылу Володимерка, расположившегося «в болоньи», т. е. на низменном месте. Рассказ о том же походе помещён в Ипатьевской летописи дважды — под 1144 г. и под 1146 г., но в разных редакциях.

Что речь идёт об одном и том же походе, видно из перечисления его участников. К сожалению, в Ипатьевском своде текст дефектный, что отчасти восполняется Московским сводом конца XV в., опиравшимся на какую-то южнорусскую летопись, где событие отнесено, как и следовало, к 1144 г. Из неё узнаём о существовании вокруг города острога, сожжённого уже в первый день осады. За острогом находился город, около которого на третий день осады шёл бой от ранней зари до поздней вечерни. Город был зажжён в трёх местах, но «граждане» погасили огонь. Замечательно, что перед этим «звенигородцы» хотели сдаться и созвали вече, но воевода Володимерка сбросил со стен города трёх заговорщиков и тем испугал горожан [2].

Сведения о Звенигороде, взятые нами из русских летописей, дополняются известиями Длугоша. По его словам, Звенигород после смерти Володаря перешёл во владение его сына Владимирка. Между последним и его двоюродным братом Ростиславом разгорелась жестокая вражда. Ростислав осадил Звенигород (castrum Swini-

---

[1] «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1899 г., т. XXXI и XXXII, стр. 22—28.

[2] Лаврент. лет., стр. 295; Ипат. лет., стр. 225—226, 228; ПСРЛ, т. XXV, стр. 36.

grod), защищаемый тремя тысячами воинов, но затем был вынужден снять осаду [1].

На Серете стоял **Теребовль**, отданный в княжение Васильку. Появляется он впервые в летописях под 1097 г. [2] Название города, кажется, можно произвести от слова теребить, требить, т. е. расчищать лес. Но окончание на «ль» скорее указывает на какое-то личное имя, от которого произошло название города. Известия летописи о Теребовле крайне скудны. На его значительность указывает только то обстоятельство, что Теребовль и Звенигород в конце XI в. были княжескими резиденциями.

На западной окраине Галицкой земли стоял значительный город — **Перемышль**. Владимир Святославич в 981 г. отнял у поляков «Перемышль, Червен и ины грады» [3]. Название «Перемышль» нередко в русских землях (например, город Перемышль поблизости от Калуги). Чехи и поляки, однако, называли этот город Пржемысл. Это имя носили некоторые польские и чешские владетели. Имеется ли тут простое совпадение или нет, сказать очень трудно, но наиболее понятное объяснение названия «Перемышль» находим в происхождении его от личного имени. Нет ничего невероятного, что Перемышль принадлежал некогда чехам, поскольку границы пражской епископии устанавливались до Буга и Стыри. Недаром об этом читаем в документе чешского происхождения (грамота Оттона II и папы Бенедикта VI) [4].

Перемышль стоит на правом берегу реки Сана, при впадении в неё Вагры. Здесь должен был проходить древний торговый путь из Регенсбурга через Прагу на Краков и далее в Русь. Этим и определялось торговое значение города, бывшего одновременно и порубежным городом и складочным пунктом. В конце XI столетия Перемышль достался в руки Володаря Ростиславича, что является показателем относительного процветания города как удела одного из младших князей. Порубежное положение Перемышля сказалось во время многочисленных войн галицких князей с венгерскими феодалами. У Длугоша находим немало подробностей о столкновениях под

[1] Длугош, стр. 186—187.
[2] Ипат. лет., стр. 167.
[3] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 58.
[4] *А. Андриашев*, Очерк истории Волынской земли, стр. 84.

Перемышлем между русскими, с одной стороны, венграми или поляками — с другой. Он называет Василька и Володаря перемышльскими князьями, подчёркивая этим выдающееся положение Перемышля. Показания Длугоша подтверждаются Густынской летописью, по которой Владимир Мономах взял за своего сына Володаревну из Перемышля. В 1152 г. Перемышль видел в своих стенах галицкого князя Влодимирка, который спасался от венгров, разграбивших княжеский двор на Сане [1]. Позже Перемышль всюду выступает как крупный город Галицкой земли, упоминаемый тотчас после Галича и Владимира.

В Перемышле, по сообщению того же Длугоша, Володарь построил церковь св. Иоанна, в которой был и похоронен [2]. После него Звенигород достался Владимирку, а Перемышль — Ростиславу.

В Перемышле, по предположениям некоторых авторов, составлялся особый летописный свод, частично дошедший до нас в составе Киевской летописи XIII в.

---

[1] Ипат. лет., стр. 310.
[2] Длугош, стр. 185.

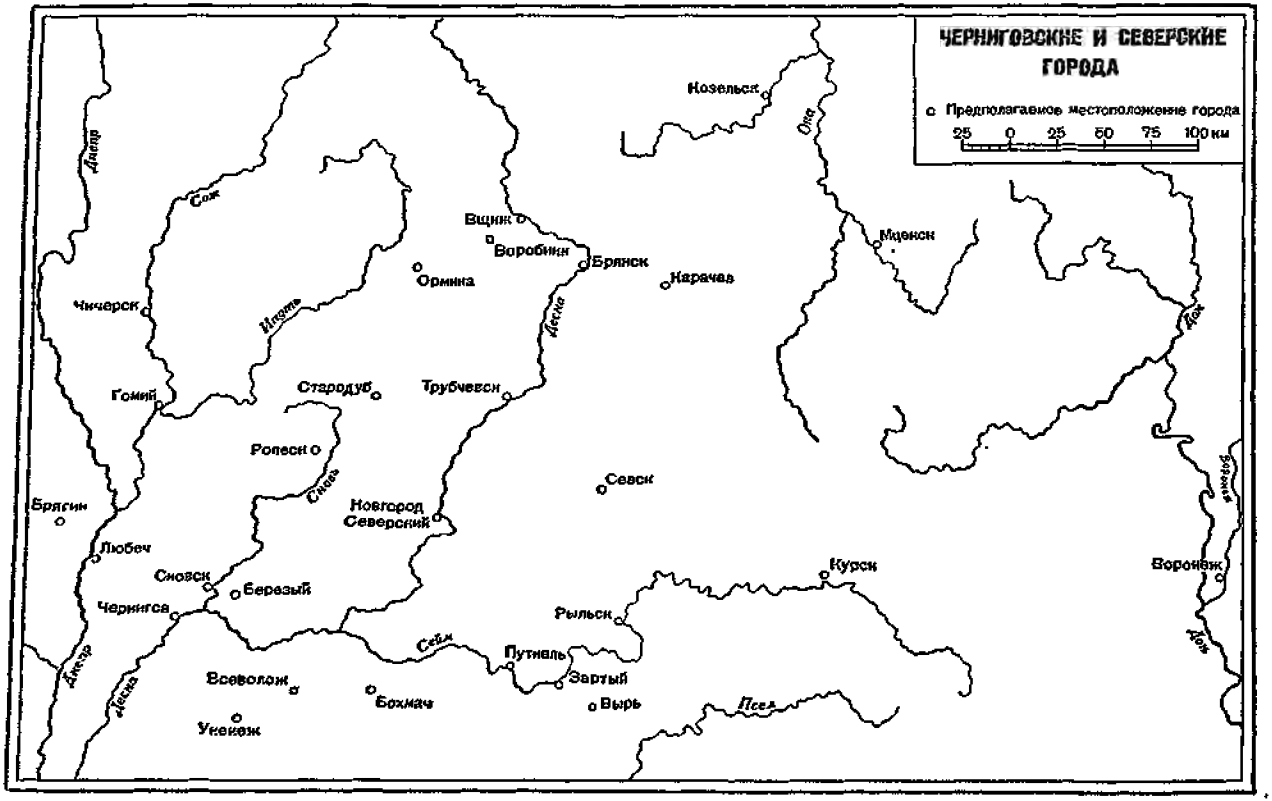
ГЛАВА 4

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Черниговская земля в основном лежала по течению Десны с её левым притоком Сеймом. В ней упоминается значительное количество городов, но подавляющее большинство из них были небольшими населёнными пунктами-крепостями. Выделялись только немногие города — Новгород Северский, Путивль, Брянск, не говоря о самом Чернигове, одном из крупнейших центров Киевской Руси. Небольшое количество крупных городов Черниговской земли объясняется тем, что она лежала далеко от больших водных путей. Только Десна в той или иной мере могла считаться важной водной артерией. По ней в основном располагались крупнейшие города Черниговской земли. Характерно, что и позже, даже в XVIII—XIX вв., на всей территории бывшей Черниговской земли отсутствовали крупные торговые города. Эта область продолжала оставаться районом мелких городков и местечек.

Чернигов был единственным подлинно большим городом Черниговской земли. Его возникновение восходит к отдалённой древности. Он упоминается в договоре Руси с Греками 907 г. в числе русских городов, получавших дань от греков. В науке существует сомнение о подлинности этого договора, но участие Чернигова в получении дани с Византии подтверждается несомненным свидетельством договора 945 г., в котором упомянуты три города: Киев, Чернигов и Переяславль[1]. Константин Багряно-

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 25, 36.


ЧЕРНИГОВСКИЕ И СЕВЕРСКИЕ ГОРОДА
Предполагаемое местоположение города
25 0 25 50 75 100 км
Козельск
Ока
Днепр
Сож
Вщиж
Воробиин
Брянск
Мценск
Ормина
Карачев
Чичерск
Ипуть
Десна
Дон
Гомий
Стародуб
Трубчевск
Ропеск
Сновь
Севск
Брягин
Новгород Северский
Воронеж
Любеч
Курск
Сновск
Березый
Воронеж
Чернигов
Рыльск
Сейм
Путивль
Днепр
Десна
Всеволож
Зартый
Бохмач
Вырь
Псел
Дон
Укекеж

родный также знает Чернигов под именем Чернигога, в котором нетрудно узнать его подлинное название. Название Чернигова — славянское, хотя этимология его неясна.

Причины раннего возвышения города и его позднейшее значение понятны. Чернигов лежит в том месте, где река Десна резко поворачивает на юг к слиянию с Днепром. Таким образом, к Чернигову сходились пути по Десне и Сейму, которые охватывали обширную площадь, населённую северянами. В смысле удобства географического положения ни один город Северской земли не мог конкурировать с Черниговом. Поэтому совершенно правы исследователи древних судеб Киевской земли, когда они пишут, что Чернигов для Северской земли был тем же, чем был Киев для всей Руси.

Крупное экономическое значение Чернигова подтверждается его политической историей. В X в. в Чернигове, повидимому, сидит один из тех «светлых князей», о которых упоминается в договоре Руси с Греками 911 г. Поразительнее всего, что Чернигов не упомянут в числе городов, розданных Владимиром Святославичем своим сыновьям, хотя он уже существовал как крупный центр Руси. Это можно объяснить или тем, что Чернигов остался за самим Владимиром до его смерти как один из городов, ближайших к Киеву, или тем, что в Чернигове сохранялась своя династия князей, подвластных киевскому князю, подобно тому как в Древлянской земле сидел князь Мал, а в Полоцке княжил Рогволод. Существование «Чёрной могилы» с её погребением неизвестного князя X в. говорит в пользу второго предположения.

В 1024 г. в Чернигове стал княжить Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, пришедший из Тмутаракани. Только после смерти Мстислава Черниговская земля отошла под власть киевского князя (1036 г.). Черниговское княжество стало вновь самостоятельным в 1054 г., когда оно перешло в руки Святослава Ярославича. Во владении его потомков Чернигов с областью оставался и в последующее время. Таким образом, в Черниговской земле мы наблюдаем почти столь же раннее образование постоянной княжеской династии, как и в Полоцке, — прямое указание на раннее обособление Черниговского княжества от других русских земель.

Чернигов стоит на холмах над рекою Стрижень, недалеко от того места, где она впадает с правой стороны в

Десну. Пространство между городом и Десной в самом узком месте занимает около 150 сажен. В отдалённые времена река Стрижень была значительно шире, чем в настоящее время, по крайней мере по описаниям XVIII в. она имела до 10 сажен ширины; устье её в половодье могло служить пристанью для небольших судов.

Местоположение Детинца определяется холмом, примыкающим к реке Стрижень. Что именно в этом месте надо искать Детинец, доказывается тем, что здесь были построены собор Спаса Преображения и древняя Борисоглебская церковь. В этом месте Черниговский кремль показан уже на плане реконструкции древнего Чернигова, помещённом в историческом атласе Погодина [1].

В XII в. город состоял из Детинца и острога, или передгородья. О Детинце и остроге Чернигова идёт речь в древней заметке об осаде Чернигова в 1078 г. Владимир Мономах «приступил ко вратам восточным, от Стрежени, и взял врата, и взяли град окольный, и пожгли его, люди же вбегали в днешный град» [2]. «Днешный град» обозначает внутреннюю крепость от слова «днешьный» — внутренний. Окольный город — соседний, окрестный. Позже «окольный» город существовал в Пскове. Следовательно, «днешный град» обозначает детинец, окольный город — предгородье, или острог. Черниговский детинец, возможно, был сложен из камня, однако никаких определённых доказательств в пользу такого мнения привести нельзя.

Окольный город, или предгородье, было обнесено валом и острогом, т. е. оградой из брёвен. Черниговское предгородье занимало большую площадь; протяжение вала в окружности измеряется в $3^1/_2$ версты. Площадь древнего города впоследствии уменьшилась, и внутри древнего вала был проведён новый. Новое уменьшение города отмечается в конце XVII в., когда был построен другой внутренний вал окружностью не более чем в $1^1/_2$ версты [3]. В цветущие времена Чернигова городские строения не вмещались даже в пределах большого вала.

[1] *М. Погодин*, Древняя русская история, т. III, отд. 1, Атлас исторический, М. 1871.

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 133; см. Ипат. лет., стр. 315, под 1152 г.

[3] *П. Смолічев*, Чернігів та його околиці за часів великокнязівських («Чернігів і північне Лівобережжя», 1928, стр. 127—128). В статье *Б. А. Рыбакова* «Древности Чернигова» («Материалы и

Под горою на южной стороне города в XVIII в. помещалось предместье с древним названием «Подол». По словам Шафонского, писавшего в конце XVIII в., «Подол для того называется, что он под горою внизу лежит». Впрочем, в Чернигове поселение на Подоле не получило большого развития. На это указывает отсутствие здесь древних каменных строений. Площадь города расширялась в сторону Пятницкой церкви, которая в XVIII в. находилась «за старым земляным валом, где торговая площадь на скатистом месте». Она обозначалась «за старым валом на торговой площади, где скотопродажная часть»[1]. Вал этот в начале XII в. был невысоким. По словам Владимира Мономаха, он защищал Чернигов «8 дней о малу греблю (вал), и не вдадуче внити им (врагам) в острог»[2]. Таким образом, ремесленная часть начиналась от Кремля на север, где находился окольный город, предгородье, или острог, т. е. городское предместье, обнесённое валом. Пятницкая церковь является постройкой XII или начала XIII в.[3]

Цветущее состояние Чернигова в домонгольское время подтверждается каменными постройками и их остатками, восходящими к XI—XIII вв. Черниговские строения отличаются не только архитектурными достоинствами, но и своей величественностью. Спасо-Преображенский собор, начатый постройкой между 1024—1036 гг. и оконченный в середине XI в., представляет обширное здание, достойное стольного города сильных черниговских князей. Величественным памятником черниговской архитектуры является Успенская церковь Елецкого монастыря, создание которой относят к XII в., как и постройку Пятницкой церкви на торге. Такая датировка позволяет думать, что каменное строительство в Чернигове не прекращалось и в XII в., следовательно, не снижалось и значение Чернигова как городского центра[4].

исследования по археологии СССР» № 11, стр. 7—93) черниговские укрепления показаны в виде четырёх примыкающих друг к другу городов: 1) днешный град или детинец, 2) окольный город, 3) третьяк, 4) передгородье.

[1] *А. Шафонский,* Черниговского наместничества топографическое описание, Киев 1851 (описание Чернигова).

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 160.

[3] «Очерк истории города Чернигова. 907—1907», Чернигов 1908.

[4] «Чернигів і північне Лівобережжя» (статья И. Моргилевского).

В первом издании этой книги приходилось ссылаться на недостаточное количество сведений о ремесленном производстве Чернигова. Теперь имеется возможность говорить о нём с большой полнотой. На территории Чернигова были найдены разнообразные предметы ремесленного производства: оружие и доспехи (мечи, шлемы, луки, наконечники стрел), различного рода украшения (застёжки, бляшки, подвески), предметы быта, кончая деревянными вёдрами и пр. Некоторые предметы отличаются высокой художественностью. Такова отделка турьих рогов, найденных в кургане «Чёрная могила» под городом. Серебряная оковка рогов украшена фигурами невиданных зверей; это мотивы так называемого звериного (тератологического) орнамента, хорошо известного по русским рукописям XII—XIV вв. Работой черниговских мастеров является чаша князя Владимира Давыдовича, убитого в сражении при реке Руте.

Развитие гончарного дела в Чернигове подчёркивается находками поливных изразцов. Особо следует отметить производство мозаики, употреблявшейся иногда для настила полов. Замечательна была также строительная деятельность черниговских мастеров, создавших выдающиеся памятники архитектуры в самом Чернигове (соборы Преображения, Елецкого монастыря и др.) [1].

Подводя итоги исследованиям черниговских древностей, Б. А. Рыбаков справедливо пишет: «Раскопки в Чернигове открыли новые, не известные ранее по другим источникам, стороны блестящей древнерусской культуры и искусства, одним из центров создания и развития которых был Чернигов, и внесли ясность в историю Черниговского княжества, в особенности в её древнейший, долетописный период» [2].

В этих словах заключается скорее недооценка, чем переоценка того, что сделала археология для изучения Чернигова и в летописное время, так как летописи крайне отрывочно говорят об этом городе и не дают никакого представления об его хозяйственной жизни. Исследования археологов — это и есть основной материал для суждения о Чернигове как долетописного, так и летописного времени.

[1] *Б. А. Рыбаков*, Древности Чернигова («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 7—93).

[2] «По следам древних культур. Древняя Русь», стр. 98.

Внутренний строй черниговского общества мало известен. Только под 1139 г. имеем прямое указание на людей — черниговцев («людие черниговци»), под которыми надо понимать, как и в других подобных же случаях, горожан — ремесленников и торговцев [1]. Впрочем, в Чернигове мы наблюдаем особые условия, в силу которых не замечается частой смены князей. Это связано с большой мощью черниговских князей, державшихся несколько особняком от князей других древнерусских земель. Недаром Слово о полку Игореве называет черниговских князей храбрым Ольговым гнездом, потомками Олега Святославича.

Любопытную характеристику черниговского князя, «старейшего» среди своих сородичей, даёт одно сочинение («притча») XII в. Речь идёт о черниговском князе Давыде Святославиче, умершем в 1123 г. «Жития его, — пишет автор притчи, — в Чернигове большом, в его княжении лет 70 и 3, и той был князь старейший в своей братии. Если какой брат делал по отношению к нему нехорошо («кривину к нему творяше»), он все на себя возлагал... Братия же его, видя благодушное его терпение, все слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину». Это, конечно, идеальный образ князя-правителя, но и он позволяет судить о том, что черниговские князья, действительно, составляли родовое гнездо. Впрочем, они постоянно враждовали и нарушали взаимные присяги, недаром в черниговской притче подчёркивается верность князя Давыда своим обещаниям. «Если кто не выполнил данную ему присягу, он однако же ее исполнял» [2].

Чернигов был крупнейшим древнерусским культурным центром. Остатки его замечательной архитектуры сохранились до нашего времени. В древнерусской литературе с Черниговской землёй связано величайшее поэтическое произведение Древней Руси — Слово о полку Игореве. Из Черниговской земли вышел Даниил Паломник, ходивший в Палестину вскоре после первого крестового похода. Память о древнем богатом Чернигове прочно удержалась в народном эпосе.

Ни один из других черниговских городов по своему значению даже отдалённо не напоминал Чернигова,

---

[1] Ипат. лет., стр. 216.

[2] *Д. И. Абрамович,* Жития Бориса и Глеба, стр. 129—130.

только немногие из них заслуживают внимания не как крепости, а как центры ремесла и торговли.

Одним из древнейших черниговских городов был Любеч на Днепре. В X в. он принадлежал к числу городов, тесно связанных своей торговлей с Киевом. Летописное предание относит его возникновение к ещё более раннему времени и упоминает Любеч уже в 882 г. В пересказе договора Олега с Греками, помещённом в летописи под 907 г., в числе русских городов, получающих дань с Византии, назван и Любеч. Одна эта особенность летописной передачи договора 907 г. заставляет осторожнее отнестись к распространённому мнению о его вымышленности. Любеч известен Константину Багрянородному в числе русских городов, торговавших с Византией.

Название города не требует пояснений; оно, несомненно, славянского происхождения (от слова «любы» — любовь, «любый» — милый, любимый). Любеч играл роль передового города на пути к Киеву с севера. Встреча враждебных войск Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого в 1015 г. произошла у Любеча. В 1097 г. в нём, как центральном месте, состоялся княжеский съезд, утвердивший за потомками Ярослава их владения [1]. Указание на культурное состояние Любеча даёт сообщение о происхождении основателя Киево-Печерского монастыря Антония из Любеча: «Был некий человек, именем мирским, от града Любеча» [2]. Антоний посетил Афон и здесь постригся в монашеский чин. В лице Антония имеем одного из образованных русских людей, а это бросает свет на культурное развитие Любеча в это время.

В источниках XII в. встречаем несколько упоминаний о Любече, но лучшие времена города, видимо, относятся к прошлому. В 1159 г. он назван опустевшим городом. В конце XVIII в. в нём ещё существовало «земляное обвалившееся укреплейие, близ которого ярами вокруг отделённое, 20 саженей вышины, необширное, а ровное, ничем не укреплённое место, замок называемое» [3].

Два значительных города Черниговской земли, Путивль и Курск, стояли на Сейме, важнейшем притоке Десны.

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 20, 24, 96, 170.

[2] Там же, стр. 105.

[3] Ипат. лет., стр. 343; *А. Шафонский*, Черниговского наместничества топографическое описание, стр. 315.

Путивль стоит на нижнем течении реки Сейма. Городком в Путивле именовался «утёсистый холм посреди города между реками Сеймом и Путивлькой, который был укреплён высоким валом, срытым после взрыва порохового погреба в начале XIX в.» [1] Город мог получить своё название от речки Путивльки, но точно так же от какого-нибудь личного имени — Путша или Путята (ср. Мстиславль, Изяславль, Ярославль и т. д.). Впервые Путивль упоминается под 1146 г. как город, уже существовавший ранее. Во всяком случае, в это время Путивль был городом, который оказал упорное сопротивление большой воинской силе. Путивльцы («путивлечи») крепко бились с городских укреплений; в городе у них сидел посадник черниговского князя Святослава. Летопись отмечает особое богатство двора Святослава под Путивлем, где в погребах находилось 500 берковцев мёда и 80 корчаг вина. В летописном известии 1146 г. Путивль рисуется крупным городом со значительным населением. Во второй половине XII в. Путивль становится стольным городом одной из линий черниговского княжеского дома. В битве при Калке принимали участие «путивлици» со своим князем [2]. О Путивле говорится в Слове о полку Игореве. На забороле городской стены Ярославна оплакивала своего мужа и русских воинов.

В верховьях Сейма стоял **Курск**, расположенный на берегах Тускори и Кура, при впадении Тускори в Сейм. От реки Кур он и получил своё название: Куреск — Курск (ср. Видбеск, Друтеск и пр.). Отметим здесь же, что в древности существовал другой Курск, в Новгородской земле. В летописи Курск впервые упоминается под 1095 г., причём уже в качестве города, где сидел свой князь. В борьбе Владимира Мономаха с Ольговичами Курск также выступает как самостоятельный город [3]. Но Курск возник гораздо раньше, чем о нём упоминает летопись. Сведения о нём мы находим в житии Феодосия Печерского. Родители Феодосия жили первоначально в Василеве под Киевом, откуда по княжескому приказанию переселились в Курск (Куреск). Это произошло в ранней юности Феодосия, т. е. примерно в начале княжения

[1] *В. П. Семёнов*, Россия, т. II, Центрально-Черноземная область, стр. 616.
[2] Ипат. лет., стр. 236—237, 496.
[3] Лаврент. лет., стр. 221, 282.

Ярослава Мудрого. В это время в городе сидел посадник, которого житие Феодосия именует, согласно вычурной манере изложения, то властелином, то судьёй [1].

Курск, впрочем, не считался особенно завидным уделом. Это видно из слов Андрея Владимировича, которого хотели выгнать из Переяславля, предлагая взамен этого города дать ему Курск. «Лучше того мне смерть на своей отчине и на дедине, нежели Курское княженье» [2], — заявил Андрей. Курск имел пограничное значение и поэтому связывался с Посемьем — областью по реке Сейму [3]. Это положение Курска хорошо подмечено в фразе Слова о полку Игореве о курянах — ведомых кметях — известных воинах. Нет никаких данных особенно преувеличивать значение Курска как городского центра. Однако Курская область богата кладами монет, которые указывают на старинные связи этого района с отдалёнными странами. В селе Троице на реке Рати был найден клад с 283 римскими монетами I—II вв. н. э., начиная от Октавиана Августа, а также монетами, отчеканенными в Нишапуре, Самарканде и т. д. [4]

Ряд значительных городов Черниговской земли стоял по течению Десны, выше Чернигова. К их числу принадлежали Новгород Северский, Трубчевск, Брянск и Вщиж.

Новгород Северский упоминается впервые под 1146 г. [5] как один из значительных черниговских городов. Когда он возник — неизвестно. Местные предания уверяют, что город существовал с древнейшего времени и что церковь Успения была построена «первыми князьями на месте, где стоял идол северян». Но подобные рассказы дают много для фантазии и очень мало для историка, потому что не подтверждены документами. Одно только ясно, что Новгород Северский получил своё второе название от страны северян. Неизвестно также, откуда взяты сведения, помещённые в «России» Семёнова о разорении города половцами в 1080 г. [6]

---

[1] «Печерский патерик», стр. 143—146, 16—18.
[2] Лаврент. лет., стр. 291.
[3] Ипат. лет., стр. 268.
[4] *Т. А. Горохов,* Монетные клады Курской губернии («Известия Курского губернского общества краеведения» № 4, 1927 г., июль — август, стр. 39).
[5] Ипат. лет., стр. 234.
[6] *В. П. Семёнов,* Россия, т. VII, СПБ 1903, стр. 440.

Новгород Северский получает значение только во второй половине XII в., когда происходит возвышение и других городов (Путивля, Курска) на восточной окраине Черниговской земли. В 1152 г. город состоял уже из двух частей — внутреннего замка (града) и острога. «Месяца февраля, — говорится об осаде Путивля, — пошли с полками своими к городу и тут начали биться у города, у острожных ворот, и тако вбили их в град и острог у них взяли; и когда же вышли из острога, отступя от града, пошли в обозы свои» [1]. Таким образом, взятие острожных ворот и самого острога ещё не означало полного падения Новгорода, внутри города находился ещё Детинец, «град».

На возросшее политическое значение Новгорода Северского указывает то обстоятельство, что в нём сидят ближайшие кандидаты на черниговский стол. Впрочем, выделение особого Новгород-Северского княжества, как это нередко делается в нашей литературе, особенно в картографии [2], неправильно, ибо для такого выделения нет прочных оснований. Летописи не знают особой Новгородско-Северской земли, хотя знают Посемье («была скорбь и печаль лютая, как никогда не бывала во всем Посемьи и в Новгороде Северском, и по всей волости Черниговской») [3]. Посемье и Новгород Северский в этом известии причислены к общей Черниговской волости.

Новгород Северский прославлен в нашей литературе Словом о полку Игореве.

В верховьях Десны находился **Брянск**, или **Дебрянск**, получивший своё название от лесных оврагов — дебрей, среди которых он был построен. Впервые в летописи он назван в 1146 г. под старым названием Дьбрянска. Редкие упоминания о Брянске в домонгольское время как будто говорят о его небольшом значении. Развитие города относится к более позднему времени, когда под влиянием татарских погромов население двинулось в густые леса в верховьях Десны и Оки [4].

---

[1] Ипат. лет., стр. 317.

[2] *Е. Замысловский*, Учебный атлас по русской истории, СПБ 1869, карта № 2. Все позднейшие атласы и карты также особо выделяют Новгород-Северское княжество, вплоть до картографических трудов И. А. Голубцова.

[3] Ипат. лет., стр. 435.

[4] Ипат. лет., стр. 239; *Р. В. Зотов*, О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время, СПБ 1892.

В XII в. гораздо большее значение имел соседний Вщиж на Десне, впервые появляющийся в летописях в 1142 г. В 1156 г. «бежал Володимирич, племянник Изяслава из Березого во Вщижь, и отнял у него все города подесненские». Здесь Вщиж выступает как головной город всей округи, прилегавшей к верхнему течению Десны. Город был хорошо укреплён и в 1160 г. выдержал пятинедельную осаду [1]. В середине XII в. в нём длительное время сидел князем Святослав Владимирович, умерший в 1167 г.

Вщижское городище предстало перед нами в совсем новом виде, после того как были опубликованы результаты сделанных на нём в последнее время раскопок.

Заселение «вщижского мыса», где впоследствии стоял город, произошло, по Б. А. Рыбакову, в IX—X столетиях. Позже, в XI—XII вв. «Вщиж представлял собой небольшую крепость на мысу, занимавшую примерно половину позднейшего Детинца». Уже в это время поселения не ограничивались Детинцем, а выходили за пределы рва и вала. Следовательно, во Вщиже существовал посад или по крайней мере населённые слободы. Решительное расширение городской территории произошло в середине XII в., когда Вщиж сделался столицей княжества. Территория Детинца была расширена, а посад окружён оборонительными сооружениями. Вокруг Детинца появилась новая стена, составленная из больших городен в 3×5 *м* и усиленная деревянной же башней. К этому времени относится построение каменной церкви на посаде.

Инвентарь, найденный во Вщиже, отличается большим разнообразием. Здесь различные предметы обихода и мастерства (топоры, кирки, долота, зубила, сковороды и т. д.), украшения (бусы, стеклянные браслеты и пр.). Особенно многочисленны предметы гончарного производства. По наблюдениям Б. А. Рыбакова, одновременно во Вщиже работало около 15—20 гончаров [2].

На территории Вщижа найдены были ценные художественные предметы. Так, давно известны бронзовые арки работы мастера Константина, найденные во Вщиже. В 1945 г. был найден бронзовый водолей XII—XIII вв.

[1] Ипат. лет., стр. 333, 349.

[2] *Б. А. Рыбаков*, Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. («Краткие сообщения ИИМК», XXXVIII, 1951 г., стр. 34—41); *его же*, Вщиж — удельный город XII века (там же, XLI, стр. 56).

русской работы. Он сделан в виде легендарной птицы с человеческой головой. Вещи княжеского и дружинного быта свидетельствуют о торговых связях Древней Руси с далёкими странами. Вщижский подсвечник был сделан в Лиможе во Франции; он украшен замечательными лиможскими эмалями XII—XIII вв. Картину древнего Вщижа красочно, я бы сказал — вдохновенно, восстанавливает Б. А. Рыбаков [1] в книге «По следам древних культур».

Кратковременный расцвет Вщижа говорит об очень многом, в первую очередь о том, что страна вятичей сделалась многолюдной, что в ней стали возникать значительные города, феодальные центры.

Вместе с тем быстрое запустение Вщижа после его разорения, вероятно в 1237 г., и одновременно подъём соседнего Брянска, или Дебрянска, показывают, что существование двух значительных городов в близком соседстве не могло иметь места в этом районе Черниговской земли. Вщиж захирел, и значение его перешло к Брянску, заметно выросшему в XIII в.

Ещё один город Черниговской земли, Трубчевск, впервые упоминается в 1185 г. в связи с походом черниговосеверских князей на половцев [2]. Позднее появление Трубчевска в летописи, возможно, объясняется тем, что первоначальное поселение в этом районе находилось в другом месте, в 10 *км* от города, где сохранилось Кветунское городище «на неприступной площадке правого коренного высокого берега р. Десны» [3]. Ранний период жизни этого городища был очень интенсивным. Славянское поселение существовало на нём вплоть до XIII в., т. е. как раз до времени появления Трубчевска в наших летописях.

Некоторое понятие о древнем Трубчевске дали раскопки на Соборной горе, расположенной на берегу Десны. С юго-запада поселение на Соборной горе было ограничено «глубоким и широким естественным рвом, который в древние времена, несомненно, соединялся с другим рвом, идущим также от реки к нему навстречу, огибая современный городской сад».

---

[1] «По следам древних культур. Древняя Русь», стр. 98—120.
[2] Ипат. лет., стр. 430.
[3] *В. А. Падин,* Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска («Краткие сообщения ИИМК», XXIII, 1948 г., стр. 86—92).

Древнейшие жилища, раскопанные на горе, относятся, судя по керамике, к IX—X вв. Ряд предметов, найденных в этом районе, датируется XI—XIII вв., в том числе куски плинфы, стеклянные бусы и браслеты, височное кольцо. Керамика имеет метки, в том числе так называемые знаки Рюриковичей. Здесь, как и во многих других приречных поселениях, найдены рыболовные грузила.

Сведения об остальных городах Черниговской земли так отрывочны и случайны, что нет никакой возможности составить о них должное суждение. Чаще всего это были небольшие города-замки, так и не развившиеся в сколько-нибудь крупные населённые пункты. Только общепринятая система ограничиваться перечислением черниговских городов и общими рассуждениями об их обилии и экономическом значении позволила Д. Багалею и другим исследователям сделать заключение, что в Черниговской земле было множество городов. Черниговских городов, действительно, было немало, но эти города были незначительными пунктами, и в этом отношении Черниговское княжество явно отставало от других русских земель.

К числу черниговских городов относится и далёкая Тмутаракань на Таманском полуострове, но суждения об этом городе следует отложить до опубликования результатов новейших раскопок этого отдалённого центра Древней Руси.

ГЛАВА 5

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

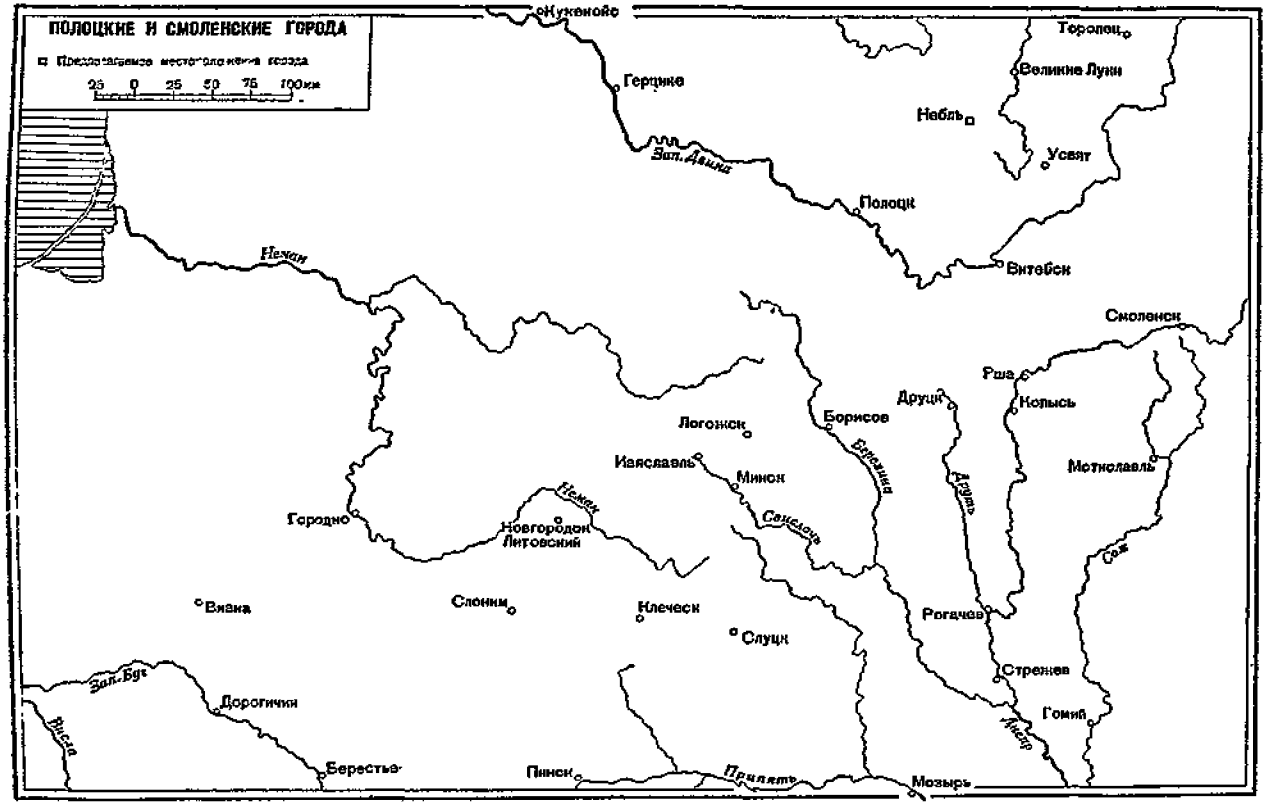
В верховьях Днепра и Западной Двины, издавна населённых кривичами, располагалась Смоленская земля. Крупнейшими городами в ней были Смоленск и Торопец.

Смоленск, по начальной летописи, был городом кривичей. Летописи относят его возникновение к древнейшим временам; впервые он назван под 882 г. как уже существовавший город [1]. Название города — славянское. Имя смолян было известно не только на верховьях Днепра, но и далеко на юге, на Балканском полуострове.

По своему географическому положению Смоленск выгодно выделяется из общего ряда других городов. Смоленск стоит на Днепре, там, где к нему близко подходит Каспля, приток Западной Двины. Здесь находился древний волок между Двиной и Днепром. С юга к Смоленску подходят верховья Сожа, течение которого образует как бы вторую водную дорогу, текущую параллельно Днепру, с севера на юг. Днепр соединял Смоленск с Киевской землёй, а далее с бассейном Чёрного моря. Таким образом, Смоленск стоял на великом пути «из Варяг в Греки».

Верховья Днепра связывали Смоленск с Волгой (через Вазузу) и Окой (через Угру). Древность волжской дороги из Смоленска в Ростово-Суздальскую землю доказывается тем, что по ней ехал в 1015 г. князь Глеб,

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 13, 20


ПОЛОЦКИЕ И СМОЛЕНСКИЕ ГОРОДА
Предполагаемое местоположение города
25 0 25 50 75 100км
Кукенойс
Герцике
Зап. Двина
Полоцк
Небль
Торопец
Великие Луки
Усвят
Витебск
Неман
Смоленск
Рша
Копысь
Друцк
Борисов
Логожск
Изяславль
Минск
Березина
Друть
Мстиславль
Сож
Городно
Неман
Новгородок Литовский
Свислочь
Вязна
Слоним
Клеческ
Слуцк
Рогачев
Стрежев
Гомий
Днепр
Зап. Буг
Дорогичин
Висла
Берестье
Пинск
Припять
Мозырь

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие черница Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

чтению, — 12 сотен и 19. Голубовский по этому поводу замечает: «Это уже не официальный акт, а явление обыдённой жизни»[1]. Немецкая колония группировалась около «латинской» церкви Богородицы, упоминаемой в договоре 1229 г.

Значение Смоленска заметно усиливается в княжение Ростислава Мстиславича. В 1141 г. Ростислав «устроил град великий Смоленск»[2]. При нём же была создана особая смоленская епископия. До этого времени Смоленск был приписан к епископии Переяславля Русского.

По одному краткому летописцу XV в., первым князем в Смоленске был «Мстислав Владимиров сын, а сын его Ростислав, создавый первую епископию у Смоленску, святую Богородицю».

В этом же летописце Давыду Ростиславичу приписывается построение церквей Михаила, Бориса и Глеба на Смядыне, куда он перенёс мощи Бориса и Глеба из Вышгорода «в лето 6000 7-сотное 46», т. е. в 1238 г., следовательно, за два года до взятия Киева. Далее в летописце говорится о том, что Мстислав Ростиславич создал церковь Спаса на Поле и устроил «великий град Смоленск, а княженьа его 60 лет. Мстислав на Вехре его же ставленна»[3].

---

[1] *П. В. Голубовский,* История Смоленской земли, Киев 1895, стр. 253.

[2] «Смоленская Старина», вып. 1, ч. 1, Смоленск 1909, стр. 209.

[3] Рукопись Государственного Исторического музея в Москве, Увар. № 515 (Лсон. № 1788), Сборник в 4°, на 391 л., полууставом конца XV века. В нём помещён краткий летописец от «потопа» с общими событиями. Далее на листах 340 об. — 341 об. помещено следующее:

«Начало Руси. Тогда живяху кождо роды. И приведоша собе новгородци князя от немець Рурика, и родися в него сын именем Игорь и приведе себе жену от Пьскова Олгу, от нея же родися Святослав.

В лето 6453. Убиша древляне Игоря и бысть начало княженья Святославля.

В лето 6463. Иде Олга в Царьград и крестися.

В лето 6477. Умре Олга именемь Олепа.

В лето 6480. Убиша печенезн Святослава.

В лето 6487. Начало княж/е/нь/я/ Владимира.

В. лето 6496. Взя Владимир Корсунь град греческий.

О крещении. В лето 6497. Крестися вся земля Рускаа и первый епископ Иоаким.

В лето 6519. Преставися Анна Владимировна.

В лето 6523. Преставися Владимир, и Бориса и Глеба уби Святополк.

В лето 6523. [Надо читать 6623.] Бысть на Смоленьсце первый

О топографии древнего Смоленска имеем противоречивые представления. По мнению Голубовского, в древнейшее время главная часть города лежала на низменной стороне, что доказывается нахождением там развалин церквей и монастырей, только Детинец возвышался на нагорной стороне. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи местной старины, ссылаясь на большое количество развалин древних церквей. И. И. Орловский, написавший исследование о топографии древнего Смоленска, считает, что «со времён Ростислава Смоленск окончательно разделяется подобно Новгороду на две части: главный город, где был Успенский собор, и торговый пригород, состоявший из княжеского «города» на Смядыни с княжескими храмами и пристанью, из построенных князьями монастырей и соседней Немецкой слободы. Первый город был исстари вечевой, второй — более зависел от авторитета князя, хотя впоследствии, повидимому, и в нём собиралось вече»[1]. Но мнение И. И. Орловского мало обосновано, ибо Смядынь имела значение княжеского замка, подобного Боголюбову и Вышгороду, и не может быть противополагаема Смоленску.

Древний Смоленск, как и другие русские города, состоял в основном из двух частей: собственно города и предградия. Указание на основание Ростиславом великого города в Смоленске говорит о большой строительной деятельности этого князя, видимо расширившего пределы первоначального города. Сохранившиеся каменные церкви и довольно многочисленные развалины каменных церквей на территории Смоленска напоминают об его прежнем значении. В их архитектуре отмечают некоторые черты, сближающие смоленские церкви с романским зодчеством. В развалинах неизвестной по названию

князь Мьстислав Владимиров сын, а сын его Ростислав, създавый первую епископью у Смоленьску, святую Богородицю.

В лето 6000 7-сотное 46. Давид Ростиславичь создав церков святаго Михаила, и Бориса и Глеба, а на Смядыни, принесь мощи святаго Бориса и Глеба из Вышегорода от святаго Василья. Мьстиславь Ростиславич создав церков святаго на Поль и устрои великий град Смоленск, кн/я/женья его лет 60. Мстислав на Вехре его же ставлениа».

[1] *И. Орловский,* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин («Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, стр. 221).

церкви на речке Рачевке найдены пилястры романского характера, но знаки на кирпичах этой постройки аналогичны знакам на кирпичах Свирской церкви. Этот факт говорит о связях смоленской архитектуры с романской, однако нельзя видеть в ней «восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих» [1]. Отличающийся прекрасными качествами смоленский кирпич выделывался в Смоленске, где найдена печь для обжига кирпича XII—XIII вв.

Повидимому, крепость (или собственно «город») уже в XI—XII вв. помещалась на Соборной горе, где Владимир Мономах построил собор Богородицы. В строительстве городов Мономахом проявляются некоторые общие черты. Для города было выбрано высокое место, как и во Владимире-на-Клязьме, но в некотором отдалении от реки. О размерах древнего Смоленска можно судить по тому обстоятельству, что в позднейшее время в городской стене, обращённой к церкви Иоанна Богослова на посаде, находим Пятницкую башню и Пятницкие ворота. Здесь протекал Пятницкий ручей, известный под таким названием ещё в середине XIX в. Это и было место Пятницкого конца. «Саженях в 50» от церкви Иоанна Богослова была найдена стена «толщиною более двух аршин», а при ней несколько черепов, что заставляет предполагать существование в этом месте церкви [2]. Пятницкая церковь и дала название концу. Она, как и другие церкви того же наименования, обычно стояла на торговой площади на посаде, вне городских укреплений.

Судя по расположению церквей, население Смоленска жило разбросанно, причём занимало не только нагорную часть города, но и приречные районы. По словам Голубовского, «город разделялся на Гору и на Подолие», о котором упоминается в житии Меркурия Смоленского. Место Смоленского подола неизвестно; возможно, он находился на правом берегу Днепра, где сохранилась древняя Петропавловская церковь.

Особую часть Смоленска представляла собой Смядынь. Это был «княжеский замок типа Вышгорода и

---

[1] *И. М. Хозеров,* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска («Краткие сообщения ИИМК», XI, 1945 г., стр. 20—26).

[2] «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», СПБ 1864, стр. 222.

Боголюбова. Сказания о Борисе и Глебе рисуют нам местность на Смядыни ещё пустынной. Глеба убили и бросили в пустыни под колодою. Дальше упоминается об охотниках (ловцах), посещавших это место. Таким образом, Смядынь начала XI в. представляется ещё местом пустынным и мало заселённым. По летописной повести, Смядынь рисуется уже как «место строино», поблизости от Смоленска.

Развитие Смядыни относится, следовательно, уже к XI—XII вв. Сказание о перенесении гроба Бориса и Глеба из Вышгорода в Смоленск говорит, что это произошло в 1191 г., когда смоленский князь Давыд Ростиславич захотел сделать из Смядыни «вторый Вышегород».

Среди населения Смоленска крупную роль играли купцы и ремесленники. В 1216 г. в Переяславле Залесском сидело в заточении 15 смоленских купцов. «Смоленские гости» наравне с полоцкими и низовскими упоминаются в уставной грамоте церкви Ивана Предтечи на Опоках. В 1210 г. Лудольф, «разумный и богатый человек из Смоленска», вёл в Риге переговоры от имени полоцкого князя Владимира. Шумная вечевая жизнь Смоленска нашла отражение в житии Авраамия Смоленского. Оклеветанный Авраамий был отведён на княжеский двор — «и провели сквозь град... и весь град и по торгу и по улицам, везде полно народа, мужи глаголющие, и жены и дети». По уровню развития своей экономической и вечевой жизни Смоленск в XII—XIII вв. стоял наравне с другими городами — гигантами своего времени, подобными Новгороду и соседнему Полоцку.

В культурной жизни Древней Руси такому большому городу, как Смоленск, принадлежало видное место. Архитектурные памятники Смоленска, избежавшие полного разрушения во время фашистской оккупации города, свидетельствуют о развитии строительного мастерства. Церкви Петра и Павла, Свирская церковь, церковь Ивана Богослова — это лишь то немногое, что осталось от древнего Смоленска. В Смоленске проходила деятельность одного из образованнейших писателей Древней Руси — Климента Смолятича, позже киевского митрополита. Замечательным памятником смоленской литературы является житие Авраамия Смоленского.

Из других городов Смоленской земли крупное значение имел только **Торопец**, поставленный на острове.

образуемом никогда не замерзающей рекой Торопой. Река Торопа разделяется у города на два рукава и затем вливается в озеро. Замечательно, что часть реки между городом, т. е. Детинцем, и подгородием до самого озера на пространстве версты не замерзает, а в самые сильные морозы покрывается льдом всего дня на два, на три. По всей вероятности, в этой-то части реки и была гавань Торопца [1]. По исследованию И. Побойнина, старый Торопец занимал возвышенную полосу земли — «Большое Городище», с прилегающим к нему «Старым посадом». В XVII в. оно называлось «Старое большое Городище Кривитеска» [2]. Городище представляет собой мощный укреплённый Детинец округлой формы [3]. Город занимал большую площадь с окружностью 2,5 *км*. В настоящее время Торопец расположен в глухой лесистой и озёрной местности, но его прежнее торговое значение тотчас же угадывается при взгляде на карту. Он стоит на волоке между бассейнами Западной Двины и Ловати. Это неизбежный перевальный пункт в одном из самых неудобных мест на великом водном пути «из Варяг в Греки». Кроме того, Торопец стоит в непосредственной близости к истокам Волги. Поэтому возникновение города надо относить к самому раннему времени, хотя он впервые вполне достоверно упоминается лишь в уставной грамоте смоленской епископии. Более глухое, но тем не менее достоверное известие о Торопце имеется в Печерском патерике. В нём рассказывается о печерском затворнике Исаакии — «еще ему сущу в мирстемь житии богат бе купець родом Торопчанин». Исаакий постригся ещё при основателе монастыря Антонии, следовательно, в первой половине XI в. В миру Исаакий имел прозвище Чернь («именем Чернь») [4].

В середине XII в. Торопец был крупнейшим центром Смоленской земли после Смоленска. По уставной грамоте смоленской епископии 1150 г. он платил 400 гривен дани («а в Торопчи дани четыреста гривен»). Немалое значение имели рыбные ловли в озёрах Торопецкой ок-

[1] *П. В. Голубовский,* История Смоленской земли, стр. 61.

[2] См. *И. Побойнин,* Торопецкая старина («Чтения в Московском обществе истории и древностей Российских», 1897 г., кн. 1).

[3] *Я. В. Станкевич,* Итоги археологических работ 1950 года в Великолукской области («Краткие сообщения ИИМК», XLVII, 1952 г., стр. 92).

[4] «Печерский патерик», стр. 128, 270.

руги. В XIII в. в Торопце находим особую княжескую линию — показатель того, что этот город чем-то выделялся из других населённых пунктов Смоленской области. В 1169 г. «торопчане» упоминаются наравне с полочанами и смольнянами, что указывает на развитие городской жизни в Торопце. Намёком на вечевую деятельность служит сообщение летописи о том, что в 1225 г. против литовцев ходили «торопчане с князем своим Давыдом» [1].

Ряд смоленских городов известен по уставной грамоте смоленской епископии, но показания о них так разрозненны, что трудно сказать о каком-либо из этих городов, как о значительном населённом пункте. К тому же и в позднейшие времена в Смоленской земле, кроме Смоленска, Торопца, Мстиславля и Рославля, не встречаем значительных городских пунктов. Об их существовании в XII—XIII вв. по изданным летописям ничего неизвестно. Правда, А. Н. Насонов считает, что «крепости Мстиславль и Ростиславль, судя по их названиям, были построены только в первой половине XII века» [2], но остаётся непонятным, почему их названия ведут обязательно к XII в., да ещё к его первой половине. Смоленских князей Мстиславов и Ростиславов было немало и во второй половине XII в. и в XIII столетии. Строение Мстислава на Вехре, как мы видели выше, летописец XV в. приписывает Давыду Ростиславичу, умершему в 1197 г.

[1] Новгород. лет., стр. 221, 269.

[2] *А. Насонов,* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 159; буквально та же фраза помещена и на стр. 171.

ГЛАВА 6

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Полоцкая земля охватывала большую часть современной Белоруссии и лежала в основном по Западной Двине, Неману и Березине с их притоками. Границы Полоцкой земли, показанные в Атласе Замысловского [1], сильно преуменьшены на западе. Владения полоцких князей доходили почти до Рижского залива, поблизости от которого на Западной Двине стояли города Герцике и Кукенойс, где княжили русские князья. Русское население жило также в районе Гродно (Городно), хотя неясно, относилась ли так называемая Чёрная Русь к Полоцкой или Волынской земле.

В отличие от Смоленской земли Полоцкое княжество насчитывало несколько относительно крупных городов, в том числе таких, как Витебск и Минск.

Центром земли был **Полоцк** — несомненно, один из древнейших русских городов, начало которого восходит к незапамятной древности. Название своё он получил от реки Полоты, впадающей в Западную Двину. Полоцк, или Полотеск, — город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску — от реки Видьбы и т. д.

Ранний рост и процветание города тесно связаны его удобным географическим положением. Полоцк

[1] *Е. Замысловский,* Учебный атлас по русской истории, табл. № 2.

стоял там, где к Западной Двине близко подступало верховье Березины. Путь от Полоцка на юг шёл «Западною Двиною, Уллою и Эссою, из которой переправлялись волоком в озеро Плавье, дающее начало реке Сергуту, притоку Березины»[1]. Таким образом, Полоцк был связан с Киевом почти непрерывной водной дорогой. Древность этой дороги и её действительное значение может быть доказано лишь систематическими археологическими исследованиями; здесь же отметим только, что летописные известия подтверждают существование пути из Полоцка в Киев по Березине. Так, три брата Ярославича зимой 1067 г. ходили войной на Полоцк. По дороге они взяли Минск, следовательно, шли на Полоцк именно вдоль течения Березины. Позже, в 1127 г., тем же путём (на Логожск) ходило войско Мстислава Владимировича из Киева, тогда как отряды его союзников вторглись в Полоцкую землю другими путями[2].

Непосредственная связь Полоцка с бассейном Березины и Днепром объясняет нам раннее знакомство скандинавов с Полоцком, постоянно упоминаемым в скандинавских сагах. Путь по Западной Двине до Полоцка и оттуда по Березине и Днепру до Чёрного моря, возможно, был вариантом знаменитого пути «из Варяг в Греки». Ещё бо́льшее значение имела водная дорога по Западной Двине от Полоцка на восток, к Витебску и далее к Смоленску, вглубь русских земель.

Полоцк стоит на правом (северном) берегу Западной Двины. Река Полота разделяет город на две части. Древнейшей частью является Верхний замок, занимающий возвышенное положение в углу при впадении реки Полоты в Западную Двину. Древность этого места в качестве основного центра Полоцка подтверждается существованием здесь каменного храма св. Софии. Историки искусства относят постройку каменной церкви Софии в Полоцке к концу XI — началу XII в., но Софийский собор в Полоцке уже упоминается в Слове о полку Игореве в связи с биографическими подробностями из жизни Всеслава Полоцкого и его кратковременного княжения в Киеве (в 1068 г.). К Верхнему замку прилегает Нижний

---

[1] *В. Е. Данилевич*, Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV ст., Юрьев 1898, стр. 9.

[2] Лаврент. лет., стр. 162, 283.

замок и территория на другом берегу реки Полоты, так называемое Заполотье.

Известия о древнем Полоцке так малочисленны и настолько мало изучены, что о топографии древнего города можно сделать только несколько беглых замечаний. В Полоцке довольно чётко бросается в глаза деление города на два квартала — аристократический верхний город (Верхний замок) и Подол. В этом смысле любопытно свидетельство Гейденштейна конца XVI в.: «Полоцк состоит из двух замков — Верхнего, лежащего на возвышенном месте, и Нижнего, или, как его называют москвитяне, Стрелецкого, и города Заполотья. Город некогда стоял на левой стороне Полоты внизу холма» [1]. В этом свидетельстве надо видеть отголоски предания о существовании поселений непосредственно под замком, у берегов Западной Двины, так называемого Подола. Современное Заполотье, видимо, явилось следствием дальнейшего расширения города.

Внутренняя история Полоцкой земли слабо известна, и нам трудно представить даже её политическую историю. Однако и то, что мы знаем, рисует Полоцк как один из крупнейших центров Киевской Руси. Прежде всего бросается в глаза выдающееся положение полоцких князей в X—XII вв. В конце X в. в Полоцке сидел самостоятельный князь Рогволод. Независимое положение Полоцка подчёркивается утверждением в нём потомков Владимира Святославича от Рогнеды, т. е. ветви старинных полоцких князей по женской линии, первым из которых был Изяслав. Летописец объясняет этим страшную вражду между полоцкими князьями и потомками Ярослава: «*И оттоле* мечь взимають Роговоложи внуки противу Ярославли внуков» [2].

С развитием ремесла и торговли Полоцк стал крупнейшим городом Древней Руси, стоявшим на уровне таких городов, как Новгород и Смоленск. Памятниками его прошлого являются каменный собор Софии, церковь Спаса в Евфросиниевом монастыре, развалины на Бельчицах. Великолепным памятником полоцкого искусства является драгоценный крест полоцкой княжны Евфросинии, сделанный в 1161 г. Делал крест Лазарь, наречён-

[1] См. *В. П. Семёнов*, Россия, т. IX, Верхнее Поднепровье и Белоруссия, СПБ 1905, стр. 503.

[2] Лаврент. лет., стр. 226—227, 284—285.

ный Богша, — по всей видимости, один из местных мастеров. Имя другого Богши, жителя Старой Русы, упомянуто Новгородской летописью под 1224 г.

Позднейшие документы (XIII—XIV вв.) говорят о большом торговом значении Полоцка и его постоянных связях с Ригой. Главными предметами вывоза из Полоцка были воск и мёд, лён, сало и пр. По грамоте второй половины XIII столетия, полочанам и витеблянам «вольное торгованье в Риге, на Готском береге и в Любеке». Тут же говорится о «старом мире» между Полоцкой землёй и немецкими городами [1]. Памятниками заботы полоцких князей о водных путях являются камни с надписями, найденные в Западной Двине [2].

В XII в. в Полоцке происходит непрерывное усиление политической роли горожан. Полочане, как и жители других больших городов, «как на думу на веча сходятся» [3]. Позже в Полоцке видим законченные черты вечевого устройства, подобного новгородским порядкам. В очень путаном и позднем свидетельстве западнорусских летописей начало городских вольностей приписывается князю Борису, который «был ласков до подданных своих и дал им волости и вече мити (т. е. иметь) и звон звонити и потому ся справовояти, яко ся рядет в Великом Новгороде и во Пскове». После смерти детей Бориса полочане «почали вечом справоватись, как в Великом Новеграде и во Пскове, государя над собою не имели» [4]. В этом позднем предании наиболее интересна

---

[1] «Русско-ливонские акты», стр. 13.

[2] *В. П. Тарановіч.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР («Советская археология», VIII, М. — Л. 1946, стр. 249—260).

[3] Лаврент. лет., стр. 358, под 1176 годом.

[4] ПСРЛ, т. XVII, СПБ 1907, стб. 362—363. Западнорусские летописи обычно путают известия, чтобы сделать полоцких князей потомками литовского великокняжеского рода. Князь Борис оказывается Гипвалом, сыном Мингайла. Борис строит в Полоцке собор Софии, церковь Спаса и монастырь на Белчицах. Дочь его, Парасковья, постриглась в монахини и позже уехала в Рим, где была похоронена и называется святая «Праскыдус», братом её был Глеб. Здесь явно искажена биография Прасковьи-Евфросиньи, умершей в Полоцке. Но была другая Прасковья, или Праксида, русская княжна, вышедшая замуж за Генриха IV и враждовавшая с ним. Не ей ли и была посвящена церковь в Риме, так как она была связана с папским престолом, см. *С. П. Розанов*, Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна («Известия Академии наук СССР» № 8, Л. 1929).

ссылка на вечевое устройство, утвердившееся в Полоцке по образцу соседних Пскова и Новгорода.

О высокой культуре древнего Полоцка свидетельствуют остатки каменных построек в самом городе и в его окрестностях, на Бельчице. Письменные памятники Полоцка почти не сохранились. Об их существовании говорит замечательное житие полоцкой княжны Евфросинии. Отрывки полоцкой письменности сохранились и в «Истории России» Татищева (рассказ о Святохне и пр.). Песни о подвигах Всеслава Полоцкого широко известны по русскому эпосу. Как показывает Слово о полку Игореве, они существовали уже в XII в.

Витебск, второй по значению город Полоцкой земли, лежит на левом (южном) берегу Западной Двины, там, где эта река ближе всего подходит к верхнему течению Днепра. Таким образом, Витебск стоял на древнем пути «из Варяг в Греки». Прямая дорога из Витебска на юг, видимо, первоначально шла по системе небольших рек и озёр к Орше.

Другой путь по Каспле позволял пройти от Западной Двины к Смоленску. Путь на север к Ловати шёл на Усвят, что отмечено летописными свидетельствами. Наконец, Западная Двина выводила из Витебска к Полоцку и далее в Рижский залив.

Своё название город получил от реки Видьбы, при впадении которой в Западную Двину он стоит. С названием «Видбеск» он впервые появляется на страницах летописи в 1021 г. в связи с войной полоцкого князя Брячислава с Ярославом Мудрым. Одержав победу, Ярослав заключил с Брячиславом мир и дал ему два города — Восвячь (Усвят) и Видбеск[1]. На основании этого известия можно сделать предположение, что война Брячислава с Ярославом шла как раз из-за этих городов и что Витебск издавна принадлежал к Полоцкой земле.

Относительно позднее появление Витебска на страницах летописи не мешает видеть в нём один из древнейших русских городов. Поздний Витебский летописец приписывает основание Витебска княгине Ольге, которая в 974 г. заложила замок деревянный, назвала его по реке Видьбе Витебском, построила, wymurowała (т. е. сделала

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 328.

из камня), церковь в Верхнем замке — св. Михаила и в Нижнем — Благовещения.

Позднее происхождение этого известия доказывается прежде всего неверной датой, так как в 974 г. Ольга давно уже была похоронена, но существование города в X в. вполне возможно и даже вероятно, ибо Витебск, как мы видели, стоял на большой водной дороге. В XII в. Витебск уже выделяется в особый удел.

После известия 1021 г. упоминания о Витебске надолго исчезают из письменных источников, и сведения о нём появляются лишь со второй половины XII в. В этом отношении история Витебска очень напоминает историю соседнего с ним Смоленска. Оживление торгового пути по Западной Двине тотчас же сказывается на Витебске. В 1165 г. «Давыд Ростиславичь седе в Витебьски». С этого времени Витебск переходит под власть смоленских князей. Из дальнейших событий выясняется, что полоцкие князья не оставили претензий на Витебск. В 1180 г. в нём снова сидел Брячислав из рода полоцких князей. В княжеских спорах о владении землями Витебск занимает немалое место, что указывает на значение этого пункта в Древней Руси [1].

Древнейшую часть Витебска надо искать на территории Верхнего замка, построенного на холме, при впадении Видьбы в Западную Двину. По чертежу Витебска 1664 г. площадь Верхнего замка была сравнительно невелика. Очень рано была заселена территория Нижнего замка, что доказывается существованием там древней Благовещенской церкви, относящейся по своей постройке к XII в. Повидимому, уже в древние времена Витебск не вмещался в пределы Верхнего и Нижнего замков, а имел посад, место которого показывает «Острог» или «Взгорский город» XVI—XVII вв. В 1664 г. в нём находился гостиный двор, располагавшийся в непосредственной близости к Верхнему и Нижнему замкам. Место гостиного двора, несомненно, древнее. Он стоял за пределами замка, но в непосредственной близости к нему — у его ворот, как обычно располагались торговые площади [2]. Древнее название «Острог», обозначавшее местность по

---

[1] Ипат. лет., стр. 359, 361, 419, 465.

[2] «Чертежи» гор. Витебска 1664 г. («Труды Витебской учёной комиссии», кн. 1, Витебск 1910).

правой стороне реки Видьбы, может восходить к домонгольским временам.

В документах второй половины XIII — начала XIV в. Витебск выступает как большой город, ведущий торговлю с Ригой и немецкими городами.

В непосредственной близости к Западной Двине находился **Усвят**, или Въсвят (Въсвяч, Восвято), расположенный при реке Усвяче и озере Усвят, от которых город ведёт своё название в различных вариантах. Город стоял там, где начинался волок между Ловатью и рекой Усвячь, выводившей к Западной Двине. Возможность такого пути признаёт и С. В. Бернштейн-Коган, относящийся скептически к различного рода гипотезам о волоках между Ловатью и Западной Двиной. Он справедливо подчёркивает возможность такого пути зимой, когда «не пользовались никакими волоками» [1].

Усвят упоминается в летописи впервые вместе с Витебском под 1021 г.[2]

О древностях Усвята за недостатком данных судить трудно. Известно только, что на старом его городище, называвшемся Межево, в 1566 г. был построен замок. Происхождение Межева, таким образом, можно возводить к гораздо более раннему времени. В районе Усвята имеется немало земляных памятников древности, в том числе «насыпные горы» на восточном берегу Усвятского озера, при соединении его узким протоком с озером Узмень, в 250 саженях одна от другой. «Высота гор от 6 до 8 сажен, а площадь около четверти десятины» [3]. Большая заселённость Усвятской округи свидетельствует о возможности существования здесь относительно крупного городского пункта Древней Руси.

В стороне от Западной Двины и Днепра находилась группа полоцких городов, лежавших в районе современного Минска. Одним из древнейших городов этого района был **Минск** (Меньск или Менеск). Название это происходит от реки Менки, впадающей в Птич поблизости от города. В 1066 г. Минск впервые упомянут в лето-

---

[1] *С. В. Бернштейн-Коган*, Путь из Варяг в Греки («Вопросы географии», сборник двадцатый, М. 1950, стр. 259).

[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 328.

[3] *А. М. Сементовский*, Белорусские древности, вып. 1, СПБ 1890, стр. 59, 32—33.

писи как относительно крупный город, осаждённый тремя князьями Ярославичами. «Меняне затворились в граде; братья же взяли Менеск, и иссекли мужчин, а жещин и детей взяли в плен и пошли к Немиге» [1]. Значит, в Минске был не только укреплённый замок, но и жители его («меняне») были достаточно многочисленны, чтобы решиться на сопротивление соединённым силам трёх князей.

Город расположен на небольшой реке Свислочь, правом притоке Березины. Верховье этой реки близко подходит к Рыбчанке и Уше, впадающим в Вилию. Повидимому, здесь шёл древний путь от Днепра к Неману. Таким образом, Минск был крупным перевалочным пунктом на большой дороге от Киева к берегам Балтийского моря.

Крупное значение Минска в конце XI — начале XII в. подчёркивается словами Владимира Мономаха, упоминавшего в числе своих подвигов разорение этого города в 1119 г. «Напали на город, и не оставили в нём ни челядина, ни скотины» [2]. Второй поход Мономаха на Минск был менее удачен: этот князь только «стоял у Минска» [3]. Вообще говоря, в войнах киевских князей с полоцкими Минск играет важную роль передового города на пути из Киева в Полоцк [4]. В начале XII в. в Минске сидит полоцкий князь Глеб Всеславич, с которым Владимир Мономах ведёт непрерывные войны.

Древнейшая часть города, повидимому, находилась в районе Низкого рынка, где имеются остатки валов, известные под названием «Замчища». Интересные результаты дали раскопки Замчища в 1950 г. Следы первого поселения на Замчище относятся к XI в. Это тонкий культурный слой, лежащий на материке. На нём залегает поверхность, на которой был воздвигнут каменный храм XII в., повидимому разрушенный в том же столетии. Постройка каменного храма на Замчище сама по себе говорит о значительности древнего Минска. С большим основанием можно предположить, что разрушение храма связано было с разорением города в 1119 г., о чём говорилось

---

[1] «Исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты и поидоша к Немизе» (Лаврент. лет., стр. 162).

[2] «Изъехахом город», то есть, внезапно на него напали. (Лаврент. лет., стр. 239).

[3] Лаврент. лет., стр. 276.

[4] Ипат. лет., стр. 185.

выше. Возможно, работой местных мастеров-ювелиров является найденный в храме при раскопках золотой браслет, витый из трёх толстых проволок и заканчивающийся змеиной головой. Тонкий культурный слой XI в. на Замчище указывает на то, что здесь был только княжеский замок, к которому должен был прилегать посад.

В городе было развито кожевенное ремесло и обработка металла, не говоря уже об обработке кости, ибо костяные изделия характерны почти для всех городов домонгольского времени [1].

Заселённость Минской округи подтверждается существованием ещё нескольких городов, известных по летописям как довольно крупные населённые центры.

Друцк, или Дрютеск, в настоящее время небольшой белорусский город, стоит на верховьях реки Друти, от которой, следовательно, получил своё название. Впервые он упоминается в 1092 г. в числе полоцких городов [2]. В событиях середины XII в. Друцк выступает как один из крупнейших городов Полоцкой земли. Навстречу одному из претендентов на полоцкий стол, Рогволоду Борисовичу, выехало «более 300 людий дрьючан и полочан». Здесь дручане и полочане упоминаются наравне, хотя Друцк был только полоцким пригородом. Особенно ценно в летописи указание на участие дручан в княжеских междоусобицах, как показатель развития городской жизни.

О прошлом города свидетельствовали «следы земляного вала и глубокого рва», сохранившиеся на острове среди озера, через которое протекает река Друть [3]. Это остаток древнего Друцка, значение которого держалось на том, что река Друть верховьем своим подходит к рекам бассейна Западной Двины.

Значительно меньше мы знаем о Борисове, стоящем на верхнем течении Березины, т. е. на прямом водном пути из Киева в Полоцк. Впервые **Борисов** упоминается в 1128 г. в связи с походом Мстислава Владимировича против полоцких князей. Татищев, впрочем, сообщает,

---

[1] *В. Р. Тарасенко,* Раскопки Минского Замчища в 1950 году («Краткие сообщения ИИМК», XLIV, стр. 125—132); *его же,* Раскопки Минского Замчища («Краткие сообщения ИИМК», XXXV, стр. 122—128).

[2] Лаврент. лет., стр. 208; Ипат. лет., стр. 339.

[3] *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 399.

что в 1102 г. «Борис Всеславич Полоцкий ходил на ятвяг и победя их возвратясь поставил град Борисов во свое имя и людьми населил»[1]. Подобное происхождение города вполне вероятно, тем более что поздние западнорусские летописи также сообщают, что князь Борис построил «во свое имя» город Борисов на реке Березине, впрочем путая полоцких князей с литовскими[2].

Некоторое значение имел **Логожск**, стоящий на реке Гайне, близко подходящей к верховьям рек бассейна Вилии. Логожск и «логожане» впервые упомянуты в 1128 г., о них говорит и Владимир Мономах. Своё название Логожск, повидимому, получил от слова «лог» — долина, так как лежит в долине среди возвышенностей[3].

Одним из древнейших городов Минской округи был **Изяславль.** По летописному сказанию, он был построен Владимиром Святославичем, который назвал его в честь своего сына Изяслава, родоначальника полоцких князей, Изяславлем[4]. Город стоит в верховьях реки Свислочь, которая, как мы выше видели, выводила к бассейну Вилии. О судьбах этого города известно очень мало, если отвлечься от легенд и домыслов о крупном значении Изяславля в XI в.[5] Вполне достоверное сведение об Изяславле находим под 1127 г. по случаю войны Мстислава Владимировича с полоцкими князьями. В Изяславле в это время, несомненно, был укреплённый замок[6]. Под городом указывают озеро, будто бы носившее название Рогнедь, а также валы. Церковь Спаса Преображения считается построенной на месте монастыря Рогнеды, в крещении Анастасии, — предание, может быть, и вероятное, так как соборные храмы древних городов нередко получали наименование в честь Спаса Преображения. Впрочем, где легенда и где истина в рассказах о древностях Изяславля, отличить почти нельзя. Археологические раскопки А. Н. Лявданского установили позднейшее (не ранее XV в.) происхождение валов Изя-

[1] Ипат. лет., стр. 210; см. *В. Н. Татищев,* История Российская, кн. 2, М. 1773, стр. 199.

[2] ПСРЛ, т. XVII, стр. 479.

[3] Ипат. лет., стр. 210; Лаврент. лет., стр. 239; *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 410.

[4] Лаврент. лет., стр. 285.

[5] *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 516; здесь передаются легендарные сведения о могиле Рогнеды и пр.

[6] Лаврент. лет., стр. 283.

славля [1]. В XII в. город явно теряет своё значение, которое переходит к соседнему Минску.

К числу значительных городов Полоцкой земли надо отнести и Городно, более известное под позднейшим названием Гродно. Впрочем, известия о Городно в летописи чрезвычайно отрывочны, так что не всегда можно даже сказать, идёт ли в них речь именно об этом городе. О Городно упоминается в 1132 г. Ипатьевская летопись под этим годом рассказывает о походе киевского князя Мстислава Владимировича против Литвы вместе «с Всеволодом Городеньским» [2]. Следует отметить, что в позднейших белорусских летописях Городно носит название как «Городень» [3], так и «Городня», «Городок». Участие городеньского князя в походе на Литву указывает на местоположение Городно в непосредственной близости к литовским землям. В 1127 г. тот же Всеволод ходил в поход на кривичей; полки шли из Турова, Владимира Волынского, Городна и Клечьска [4].

Вновь о Городене упоминается под 1183 г., в связи с большим пожаром, когда выгорел весь город и его каменная церковь [5]. В Городно, или Городене, была построена каменная церковь, пожар которой и привлёк к себе внимание летописца. Городень упоминается также в 1253 и 1260 гг. Любопытнее всего, что в одном и том же известии 1260 г. город упомянут под двумя названиями: Городен и Городно [6].

Название города славянское; может быть, оно происходит от слова «городьня» — устой моста или звено крепостной стены. Городно, как известно, стоит на реке Немане и связь его названия с существованием здесь моста через реку весьма вероятна. О мостовых городницах у старого города напоминает и название речки Городничанки, впадающей в Неман у старого города.

---

[1] «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 5. Працы катэдры археалёгіі, т. I, Менск 1928 (статьи А. Н. Лявданского и др.).

[2] Ипат. лет., стр. 212. Под 1141 г. сообщается уже о смерти Всеволода Городеньского (стр. 221).

[3] ПСРЛ, т. XVII, стб. 56.

[4] Лаврент. лет., стр. 282—283.

[5] «Городен погоре весь, и церкы каменая от блистания молнии и шибения грома» (Ипат. лет., стр. 428).

[6] Ипат лет., стр. 544, 561; «ити на Городен», «ити к Городну». В указателе к Ипатьевской летописи (изд. 1871 г.) Городен и Гродно почему-то признаны различными городами.

Скудость летописных сведений о Городене, или Городно, восполняется археологическими материалами, рисующими этот город как значительный центр на окраине Руси. Древний город («старый замок») находился на высоком мысу, при впадении в Неман реки Городничанки. Глубина культурного слоя в старом замке достигает 8 *м*, при общей высоте холма над уровнем Немана в 32 *м*, т. е. $^1/_4$ общей высоты замкового холма. По заключению Н. Н. Воронина, население на Замковой горе должно было возникнуть примерно в начале XII в., когда и появляются первые сведения о Городене.

Многочисленные находки, сделанные на Замковой горе при раскопках, обнаруживают, что Городно, или Городен, был большим ремесленным и торговым центром. Особенно интересны литейные формы «для ложно-зерненых бус, для звездчатой подвески и отливки перстня с орнаментом». Они указывают на существование в Городно ремесленных мастерских. Любопытны остатки шитого золотом пояса с подвешенными к нему ключами, — это, возможно, наряд господского ключника, делавшегося, по Русской Правде, холопом, если он брался заведовать хозяйством феодала и в знак этого привязывал к себе ключи. В городке найдены были также зёрна ржи, проса и гороха, железный сошник, кроме того, различные металлические и деревянные предметы быта.

Остатки 16 деревянных построек представляют собой срубы 4×4 *м*, пазы в которых были проконопачены мхом; кровля была двускатной.

К замку примыкал посад, тянувшийся за речкой Городничанкой, где на холме стояла Борисоглебская церковь XII в. Кроме неё в Городно существовали и другие каменные здания. Такова нижняя церковь на Замковой горе, которую украшали майоликовые плитки.

Кроме нижней церкви на Замковой горе найдены были остатки какого-то здания, названного первоначально «теремом», кладка которого аналогична кладке нижней церкви. Н. Н. Воронин предполагает, что это «часть крепостной башни». К западу от неё сохранились остатки стен толщиной до 1,4 *м*, высотой до 1,8 *м* и длиной около 4,5 *м*[1]. Не об этой ли башне рассказывает

[1] *Н. Н. Воронин*, Древнее Гродно («Материалы и исследования по археологии СССР» № 41, М. 1954). См. также *Н. Н. Воронин*, Раскопки в Гродно («Краткие сообщения ИИМК», XXVII, стр. 138—141).

Ипатьевская летопись под 1277 г., говоря о Городно. «Каменный высокий столп стоял ведь перед воротами города и в нем заперлись Пруссы, и нельзя было пройти мимо его к городу, потому что побивали с того столпа; и так приступили к нему и взяли его. Страх же великий и ужас пали на город, и были (горожане) точно мертвы, стоя на городских стенах, по случаю взятия столпа, потому что то было их упование»[1]. Время создания такого столпа можно отнести к XIII в., когда появляются сведения о таких же столпах в других городах на западе Руси, а не к первой половине XII в., как предполагает Н. Н. Воронин[2].

Общие выводы Н. Н. Воронина о том, что Гродно не было одиноким русским островком среди иноземного населения, а «имело прочную опору в других русских городах Принеманья», являются вполне обоснованными.

В Городно, на рубеже Русской земли с Литвою, развивалась своеобразная культура, свой особый архитектурный стиль. Не будет чрезмерно дерзким предположение, что в нём существовала и своя литература. Поэтичный рассказ «Слова о полку Игореве» о Изяславе Васильевиче, который один позвонил своим мечом о шлемы литовские, а сам был убит на кровавой траве литовскими мечами, заканчивается возгласом: «Трубы трубят Городеньские»[3]. Комментаторы «Слова» едва ли будут теперь сомневаться, что Изяслав был связан с Городно, или Городенем.

---

[1] Ипат. лет., стр. 579.

[2] *Н. Н. Воронин*, Древнее Гродно («Материалы и исследования по археологии СССР» № 41, стр. 202).

[3] «Слово о полку Игореве», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л. 1950, стр. 34.

ГЛАВА 7

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

Характерной особенностью Новгородской земли являлось небольшое количество городов, разбросанных к тому же на значительном пространстве. Только Старая Руса находилась в 60—70 *км* от Новгорода, отделённая от него мощной водной преградой озера Ильмень; остальные новгородские города — Ладога, Торжок и Псков — были отделены от стольного города расстоянием в 200—250 *км*.

Сам **Новгород** отличался невиданными размерами по сравнению с другими городами на севере Древней Руси.

Исключительный рост Новгорода объясняется прежде всего его центральным положением на разветвлённой водной системе Ильменя и Волхова. Город лежал на великом пути «из Варяг в Греки», как раз в том месте, где к этому пути ближе всего подходит верховье Волги. Таким образом, он был местом стыка двух величайших водных дорог Восточноевропейской равнины.

Река Волхов соединяла Новгород с Ладожским озером и далее через Неву — с Финским заливом. Волховские пороги не представляли непроходимого препятствия для торговых судов, направляемых местными лоцманами, но затрудняли в то же время возможность внезапных пиратских нападений на Новгород, в особенности набегов шведских феодалов, которые так часто посещали берега Финляндии и никогда не могли продвинуться в новгородские пределы далее Ладоги.

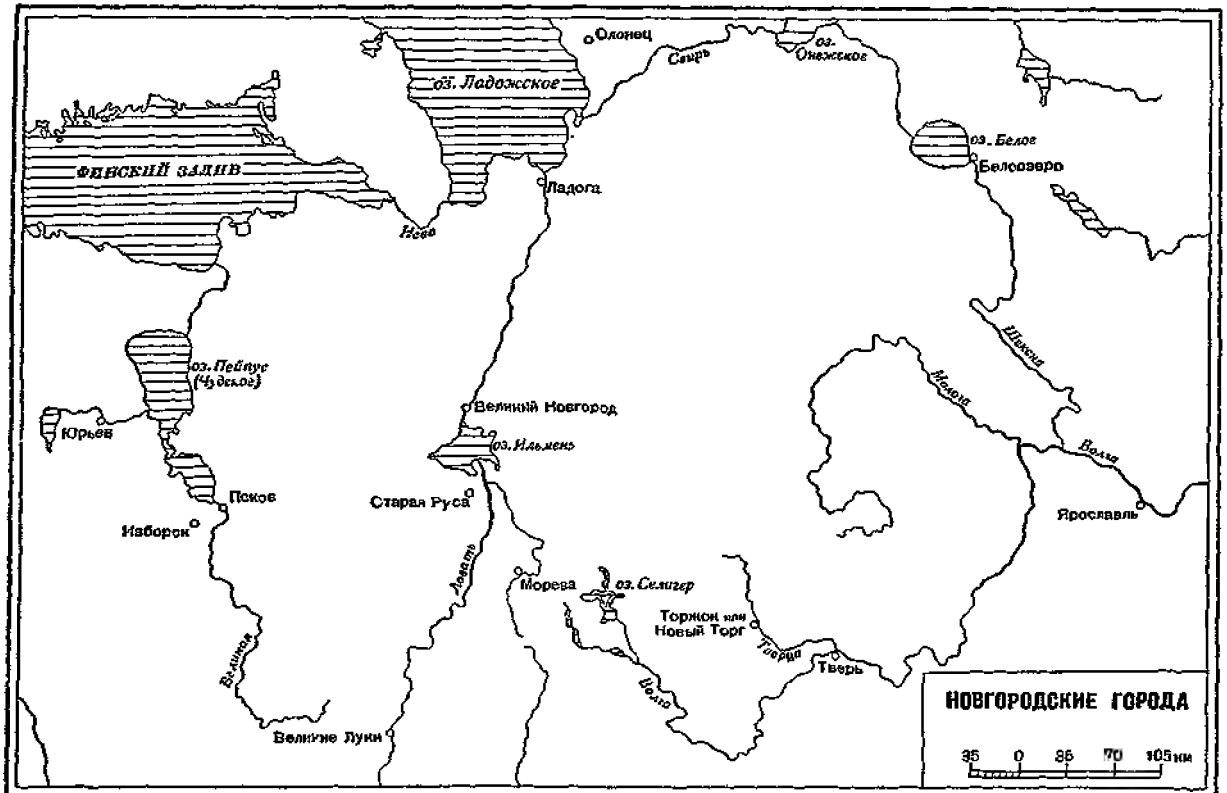
На юг от озера Ильмень шло несколько водных дорог по крупным рекам, сходившимся к озеру, как к одному центру. Крупное значение имел путь, связывающий Новгород с Волгой. Первоначальное его направление выводило по реке Поле и её притокам к озеру Селигер и верховьям Волги. Древние Стерженский и Селигерский пути засвидетельствованы летописными известиями о походе новгородцев на Волгу в 1216 г., о нашествии татар на Новгород, шедших по Селигерскому пути и добравшихся только до креста. Крест, поставленный на Стержне в 1133 г., напоминает о посаднике Иванке Павловиче, убитом в битве на Ждане горе в 1134 г.

Значительно позже, повидимому, был проторён водный путь по реке Мсте, а также по суше на Торжок. От Торжка шла прямая дорога по Тверце до впадения её в Волгу, получившая большое значение с XIII в. До этого времени основная дорога вела, возможно, по реке Мсте и далее — Медведице. Значение Медведицы заключалось в том, что она выводила к Волге там, где в неё впадала река Нерль, по которой можно было двигаться на Переяславль Залесский, вглубь Ростово-Суздальской земли. На запад от Новгорода шла река Шелонь, близко подходившая к Череху, притоку Великой, на которой стоял Псков. Что касается реки Луги, то в X—XIII вв. она ещё не имела большого значения, так как сухопутная дорога к её верховьям была проложена значительно позже, на что указывает позднее возникновение таких городов, как Ям и Копорье [1].

Система озёр и рек соединяла Новгород с русским севером. Путь от него шёл к Белому озеру, Сухоне, Онеге, Белому морю.

Лаврентьевская летопись относит возникновение Новгорода к древнейшему времени и считает его строителями словен, которые «сидели около озера Илмеря, прозвалися своим именем и сделали град и нарекли его Новгород». Ипатьевская летопись приписывает построение Новгорода князю Рюрику, в чём можно усомниться, так как об этом ничего не знает Новгородская летопись, основаная на начальном своде, предшествовавшем Повести временных лет. При всех условиях у нас есть право

[1] Интересный очерк водных путей, которые вели к Новгороду, сделала С. А. Тараканова («Труды Государственного Исторического музея», вып. II, М. 1940, стр. 161—163).


НОВГОРОДСКИЕ ГОРОДА
35 0 35 70 105 км
ФИНСКИЙ ЗАЛИВ
оз. Ладожское
Олонец
Свирь
оз. Онежское
оз. Белое
Белозеро
Ладога
Нева
оз. Пейпус (Чудское)
Юрьев
Великий Новгород
оз. Ильмень
Псков
Старая Руса
Изборск
Ловать
Морева
оз. Селигер
Торжок или Новый Торг
Тверца
Тверь
Волга
Шексна
Молога
Волга
Ярославль
Великая
Великие Луки

считать Новгород одним из древнейших городов, существовавших уже в IX в. В следующем столетии он выступает в качестве крупнейшего русского города после Киева, вследствие чего в Новгороде сидят обычно сыновья великих князей: при Игоре — его сын Святослав, как об этом говорит Константин Багрянородный, позже — Владимир.

Традиционное деление Новгорода на две стороны — Софийскую и Торговую — восходит уже к XI в., как это видно из сообщения о пожаре 1097 г. в Новгороде: «На весну погорела другая половина, а на 3-ий день Детинец, сгорел город» [1]. В этом известии выясняется существование трёх частей города: это Детинец, Торговая и Софийская стороны.

До самого последнего времени древнейшей частью Новгорода считался Славенский конец. Археологические исследования А. В. Арциховского на холме Славно, раскопки А. А. Строкова и В. А. Богусевича на Ярославовом дворище сильно подорвали эту уверенность. На месте Дворища был открыт дохристианский могильник X в., а это заставляет думать, что Дворище не было в это столетие заселено; наоборот, «здесь было важное культовое урочище древнего Новгородского поселения» [2].

Таким образом, есть основания предполагать, что древнейшей частью Новгорода была не Торговая, а Софийская сторона с Детинцем. Во всяком случае, «город», т. е. Детинец, существовал уже в 989 г. [3] В нём была построена деревянная церковь Софии, стоявшая в конце Епископли, или Бискупли, улицы.

Отсутствие указаний на заселение Славенского конца и даже Ярославова дворища до XI в., что подтверждается и археологическими раскопками, позволяет сделать вывод, что новгородский посад стал складываться в основном с X в. В известии 1016 г. о ссоре Ярослава с новгородцами довольно рельефно выступают небольшие размеры города. Новгородцы, возмущённые насилиями

---

[1] Новгород. лет., стр. 202.

[2] «Новгородский исторический сборник», вып. III—IV, стр. 199—205. То же мнение на основании новых раскопок на Дворище высказывает А. В. Арциховский («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 158—159).

[3] «И иде пидьбляпин рано на реку, хотя горъщи всти в город» (Новгород. лет., стр. 160).

пришлых варягов, перебили их в Поромоне дворе, когда Ярослав находился вне города. Ярослав «разгневася на гражаны» и перебил их обманом, «другие бежали из града». Узнав о смерти отца, Ярослав раскаялся в своём поступке «и сотворил вече на поле» [1].

При всей неясности топографических указаний, взятых из летописи, всё-таки видно, что основное население жило в «городе», под которым надо понимать Детинец.

Древнейшим из новгородских концов, возможно, был Людин, или Гончарский, впервые названный под 1194 г. [2] Название «Людин» восходит к глубокой древности, когда слово «люди» обозначало массу простых людей, в данном случае горожан. Противоположение людина княжьему мужу находим в известном Пушкинском списке Русской Правды: за убийство первого платится 40 гривен, тогда как за второго — 80 [3]. Это значение термина «людин» как незнатного и даже зависимого от князя человека подчёркивается текстом Закона судного людем: «Аще людин бегает от князя, да бьют его добре».

Материал для истории заселения Новгорода получаем из анализа названий древних новгородских улиц. По писцовым книгам XVI в. в Гончарском (Людине) конце были улицы: Добрыня, Волосова, Черницына, Рядитина, Воздвиженская, Лукина [4]. Из перечисленных 3 названия (Черницына, Воздвиженская и Лукина) выводятся от названий одноимённых церквей и девичьего (Черницына) монастыря. Не берёмся объяснить происхождение названия Рядитиной улицы, но Волосова и Добрыня улицы имеют древнее происхождение. Название Волосовой улицы произошло от имени Волоса, скотьего бога, позже отожествленного с Власием. Название Добрыни улицы ведёт нас к определённому времени: или к знаменитому воеводе Владимира Святославича (начало XI в.), или к посаднику Добрыне, умершему в 1117 г.

О такой же древности говорят названия некоторых других улиц Софийской стороны, в их числе Прусской и Чудинцевой. Не вдаваясь в рассуждения о происхождении

---

[1] Новгород. лет., стр. 174.

[2] Там же, стр. 41.

[3] «Правда Русская», т. I, стр. 404 (вариант из Археографического списка).

[4] *В. В. Майков,* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., СПБ 1911, стр. 159—189.

названия Прусской улицы, отмечу только, что название «Пруссы» не одиноко в древнерусской номенклатуре. На Прусковой горе у реки Колокши, поблизости от Владимира, произошло сражение 1177 г.[1] Нет ничего невероятного в том, что название «Пруссы» ведёт своё начало от поселения купцов, торговавших с Прибалтикой (Пруссией). Такого же происхождения название соседней Чудинцевой улицы — от купцов, торговавших с Чудью (Эстонией) или от самих эстов, поселившихся в Новгороде.

Древность Людина конца подтверждается некоторыми топографическими соображениями. Обычно посад вырастал непосредственно под стенами города-замка. Так было и в Новгороде, где Людин конец являлся непосредственным продолжением Детинца. Это доказывается направлением Епископли (Бискупли) улицы от Софийского собора к Людину концу, где она продолжалась Добрыней улицей. Раскопки древнего города в Детинце показали, что эта улица была заселена ещё в XVI—XVII вв.; теперь она уже не существует.

Вполне понятно дальнейшее падение торгового значения Людина конца по сравнению с Торговой стороной. Людин конец был расположен слишком далеко от реки Волхова, и таким образом создавалось большое неудобство для погрузки и выгрузки товаров на речных пристанях. Торговля перешла на другую, восточную половину города, а Людин конец сохранил только своё прежнее ремесленное значение.

Новгородский посад, естественно, рос не только на юг от Детинца, но и на север, где находился Неревский конец, известный с таким названием уже с 1172 г.[2] Этот конец в XI—XII вв. был одной из населённейших частей Новгорода, где было построено значительное количество каменных церквей. Тут и были найдены берестяные грамоты.

Отдельные поселения на Торговой стороне существовали уже в IX—X вв., но они не были непосредственно связаны с городом. Таким древнейшим населённым пунктом справедливо может считаться холм Славно с позднейшей церковью Илии пророка. Во многих русских го-

[1] «Юрьев Польский и Романовские вотчины Смердово и Клины», М. 1912, стр. 32—33.

[2] Новгород. лет., стр. 34.

родах церкви Илии пророка принадлежат к древнейшим. Это связано с переносом культа Перуна-громовержца на Илию с его огненной колесницей.

Большое значение Торговая сторона получила тогда, когда возникли поселения у берегов реки Волхова. Одним из основателей этих поселений был Ярослав Мудрый, именем которого впоследствии называлась вечевая площадь. Твёрдая память о месте поселения Ярослава сохранялась ещё в XVI—XVII вв., когда был сложен Летописец новгородский церквам божиим: «И жил великий князь Ярослав на Торговой стране, близ реки Волхова, где ныне церковь каменная Николая чудотворца, яже и доныне словет Ярославле дворище» [1].

Ко времени Ярослава ведёт нас ещё другое название. Один из вымолов — пристаней — назывался «Гаралдов вымол», что напоминает нам об имени Гаральда, искателя руки Елизаветы, дочери Ярослава Мудрого. Торговая сторона имела ряд преимуществ для торговых операций по сравнению с Софийской, так как берег Волхова здесь невысокий, но и незатопляемый; река делает поворот, что увеличивает протяжение береговой линии и вымолов. Вероятно, имела значение и бóльшая глубина реки у правого берега по сравнению с левым.

Дальнейший рост Торговой стороны происходил быстро, но в основном он падает на XI в. Каменные церкви на Торговой стороне были построены в начале XII в. «На княжи дворе» воздвигли собор (теперь Николо-Дворищенский), на Петрятине дворе церковь Ивана Предтечи на Опоках. Новгородский торг (или «торговище») окончательно утвердился на Торговой стороне.

Известие о пожаре 1105 г. позволяет глубже присмотреться к топографии Торговой стороны. В пожар погорели дворы «от ручия мимо Славьно до святого Илии». Под ручьём здесь надо понимать Фёдоровский ручей, протекающий примерно посередине Торговой стороны. Славно находилось значительно южнее ручья, а поблизости от него — церковь Илии. Таким образом, погоревшие дворы занимали на Торговой стороне почти всю площадь позднейшего Славенского конца. Фёдоровский ручей, повидимому, обозначал первоначальную границу посада на Торговой стороне и служил рвом, окружавшим

[1] «Новгородские летописи», стр. 180.

вал Славенского конца, за которым далее к северу находились только отдельные поселения. В пожар 1152 г. Торговая сторона опять погорела от торга до ручья и до Славна, стало быть, всё ещё обозначавшегося отдельно от других частей Славенского конца [1].

Фёдоровский ручей — название позднейшее, от церкви Фёдора Стратилата, стоявшей на ручье, который ранее именовался Плотницким ручьём. В самом конце XII в. местность за Фёдоровским, или Плотницким, ручьём носила обозначение «в Плотьниках», додержавшееся до XIV в. [2]

Основная городская территория Великого Новгорода, таким образом, сложилась уже в XII в., причём посад разбросался на неизмеримо большее пространство, чем сам Детинец, — первый признак большого города с крупным торговым и ремесленным населением.

О развитии новгородского ремесла говорилось уже неоднократно выше. Новгород был центром самых различных производств; его почва крайне богата всякого рода древними остатками. В нём было развито и кожевенное, и гончарное, и оружейное, и ювелирное производства. Сведения об этих ремёслах, основанные на глубоком изучении археологических источников, читатели найдут в работах А. В. Арциховского и его учеников [3].

Богатство города подчёркивается большим каменным строительством в XI—XIII вв., причём может быть отмечена одна важная особенность исключительного порядка. Наряду с величественными княжескими сооружениями, подобными Софийскому собору, собору Николы на Дворище, Юрьевскому собору, в Новгороде развернулось строительство зданий знатными горожанами. Величественным памятником этого времени является Антониев монастырь, собор которого был построен в 1119 г., а расписан фресками в 1125 г. [4] «Строителем» его был Антон, по позднейшему его житию — богатый купец. Летописец, конечно, знал, кем был этот Антон, и поэтому оставил его имя без пояснения, как всем известное в его время;

---

[1] Новгород. лет., стр. 19, 29.

[2] Там же, стр. 43.

[3] *А. В. Арциховский,* Раскопки на Славно в Новгороде, *его же,* Раскопки восточной части Дворища в Новгороде («Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, стр. 119—151, 152—176).

[4] Новгород. лет., стр. 21.

недаром же летописец отмечает год поставления Антона, или Антония, в игумены и год его смерти. По своему богатству Антониев монастырь не уступал княжескому Юрьеву монастырю, а это говорит о больших деньгах, накапливавшихся в руках отдельных новгородцев.

Отметим также существование в Новгороде дворов для приезжих купцов — Готского и Немецкого, варяжской божницы, патрональных церквей купеческих объединений (Пятница у заморских купцов, Иван Предтеча на Опоках у вощников), чтобы картина богатого и населённого города стала нам вполне ясной. Нет ничего удивительного, что именно здесь, в Новгороде, с особенной полнотой развились и оформились городские порядки, приведшие к созданию особого государства — «господина Великого Новгорода».

В истории русской культуры Новгороду принадлежит исключительное место, наравне с Киевом. Здесь составлялись обширные летописные своды, существование которых восходит уже к XI в. Краткая и пространная редакции Русской Правды одинаково связаны с Новгородом. Древнейшие их списки — новгородского происхождения. Подавляющее количество древних рукописей имеет новгородское происхождение, так как Новгород сохранил и приумножил культурное богатство Древней Руси. Ведь за всю свою вековую историю он потерпел только одно разорение от внешних врагов: город был опустошён фашистами во время Великой Отечественной войны. Сердце обливается кровью, когда вспоминаешь старый Новгород до его разорения. Только подлые банды фашистов могли так разорить его седую старину.

Громадное культурное значение Новгорода подчёркивается русским эпосом. Былины «новгородского цикла» о Василии Буслаеве, о богатом госте Садко и т. д. принадлежат к золотому фонду русской народной литературы.

Новгород как бы поглощал всё городское население в округе радиусом в 200 *км*. Другие города Новгородской земли, за исключением Пскова, никогда не могли достигнуть большого процветания и самостоятельности. Наиболее значительными центрами в собственно Новгородской земле были Ладога, Торжок, Старая Руса.

Ладога стояла недалеко от впадения реки Волхова в Ладожское озеро. К ней близко подходили реки Сясь

и Тихвинка, верховья которых непосредственно примыкали к Чагодоще, притоку реки Мологи. Древний путь от берегов Балтийского моря к верховьям Волги шёл примерно по линии современной Тихвинской водной системы и отмечен целым рядом курганов и могильников. От Ладоги начинался путь по Свири и Ковже к Белоозеру, где находилось племя «Весь». Этот район был известен в X в. как страна, богатая пушным зверем. Для древнейшей стадии скандинавской торговли с востоком Ладога являлась, несомненно, более удобным центром, чем Новгород. Поэтому предание о Ладоге, как о первом месте поселения Рюрика [1], может указывать на большое значение этого города в глубокой древности, как отправного пункта движения скандинавской торговли на юг и юго-восток.

Особое отношение варягов к Ладоге подтверждается скандинавскими сагами, нередко упоминающими об Альдейгаборге. По скандинавским сказаниям, Ладога была отдана Ярославом Мудрым в вено Ингигерд (Ирине), дочери короля Олафа. Ингигерд изъявила своё согласие на брак с условием, чтоб ей предоставлен был «в свадебный дар Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится». Ингигерд вышла замуж за Ярослава и отдала крепость Альдейгьюборг с областью Рогнвальду [2]. Таким образом, скандинавские саги рисуют нам положение Ладоги как опорного пункта для варягов, приходивших из-за моря.

В. И. Равдоникас отмечает, что курганы в местности Плакун, поблизости от Ладоги, отличаются по своему устройству и обряду погребения «от обычных и одновременных им приладожских курганов с сожжением и чрезвычайно близки (собственно даже идентичны) к шведским курганам этого времени, например, к курганам около г. Бирки» [3], хотя этническая принадлежность насе-

---

[1] «И придоша к словеном первее и срубиша город Ладогу, и седе старейший в Ладозе Рюрик» (Ипат. лет., стр. 11).

[2] *Н. Е. Бранденбург,* Старая Ладога, СПБ 1896, стр. 7—14; см. также статью Е. А. Рыдзевской «Сведения о старой Ладоге в древнесеверной литературе» («Краткие сообщения ИИМК», XI, стр. 51—65).

[3] *В. И. Равдоникас,* Старая Ладога («Краткие сообщения ИИМК», XI, стр. 30—41); *его же,* Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг. («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 34—36).

ления древнейшей Ладоги к восточным славянам несомненна.

На древность поселений в районе Ладоги указывают находки арабских монет VIII—IX вв. около древней Георгиевской церкви в крепости.

С установлением постоянных торговых и политических сношений Новгорода с Ростово-Суздальской землёй по верхнему течению Волги значение Ладоги сильно упало, так как открылись более близкие и безопасные пути на восток. Тем не менее Ладога долго оставалась крупнейшим городом на севере Новгородской земли. В Ладоге были построены каменные церкви и воздвигнут в 1116 г. каменный замок, заложенный ладожским посадником Павлом [1]. Большое значение Ладоги объясняет участие ладожан в решении важнейших политических вопросов, касавшихся Новгородской земли в целом, хотя замечается подчинённое положение Ладоги по отношению к Новгороду.

В торговом отношении Ладога имела значение перевалочного пункта, которое она сохраняла ещё в XIII в., когда в Ладоге находилась католическая церковь св. Николая. При ней надо предполагать существование двора для приезжих купцов, как это было в Новгороде. Из проекта договора Новгорода с Готландом XIII в. видно, что церковь была построена в давнее время, так как пользовалась «как и в старину», особыми отведёнными ей лугами. Повидимому, она находилась на Варяжской улице, упоминаемой в переписной книге Ладоги 1500 г. [2] Из той же переписной книги выясняется, что в Ладоге был посад с несколькими улицами и церквами. О существовании его известно уже по летописному рассказу о нападении шведов на Ладогу в 1164 г. [3]

Другой новгородский пригород — **Торжок**, или Новый Торг своё название получил от торга, ярмарки (торжка), образовавшегося на Тверце, на пути из Новгорода к Волге. По всей видимости, это был пункт, где новгородские купцы встречались с купцами из Владимиро-

[1] Новгород. лет., стр. 20.

[2] *Н. Е. Бранденбург*, Старая Ладога, стр. 50—51.

[3] «Придоша Свье (Свея) под Ладугу и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде» (Новгород. лет., стр. 31). Как видно, речь идёт о сожжении посада, лежавшего вне города.

Суздальской Руси, и это значение Торжок сохранил даже после возникновения Твери. Путь по Мсте и Тверце, конечными пунктами которого с XIII в. были Новгород на северо-западе и Тверь на юго-востоке, быстро приобрёл большое значение по сравнению с менее удобными дорогами от Ильменя к верхнему течению Волги. Уже в 1147 г. новгородское войско ходило войной на Суздаль по новому пути и «воротишася на Новемь Тьргу».

Местоположение Торжка оказалось очень выгодным, потому что рядом мелких рек он был соединён с озером Селигер и, таким образом, со старинным Селигерским путём, с одной стороны, с рекой Медведицей — с другой. Название «Торжок» появилось относительно поздно, и в древнейших известиях город носит ещё название Нового Торга, поэтому и жители его обычно именуются новоторжцами. Центральное и выгодное торговое положение Торжка выясняется из летописного известия 1196 г., по которому Ярослав Всеволодович был на княжении «на Торжку в своей волости, и дани поимал на всему Верху и на Мсте и за Волоком взял дань» [1]. Впрочем, в изучаемый период Торжок не получил ещё того крупного значения, которое он приобрёл в более позднее время.

В Торжке имелся укреплённый замок, способный выдержать длительную осаду, вокруг которого надо предполагать существование посада.

Земляной вал на Борисоглебской стороне города даёт представление о Кремле Торжка. По описаниям позднейшего времени, этот вал имел в вышину 6 сажен и простирался в длину на 150 сажен. С востока крепость примыкала к реке Тверце. В позднем житии Ефрема Новоторжского говорится, будто бы Ефрем был родом угри, т. е. венгерец, и приходился родным братом Георгию, отроку Бориса, убитому на Альте. Ефрем принял монашество и построил Борисоглебский монастырь в Торжке (умер в 1058 г.). Сказочность жития Ефрема доказывается уже тем, что Борис и Глеб не были ещё канонизированы в 1058 г., когда Ефрем будто бы построил в их честь монастырь. Поэтому относить построение Торжка

[1] Новгород. лет., стр. 27, 43.

к первой половине XI в., как это делается в некоторых работах, пока нет оснований [1].

Крупным городом Новгородской земли была **Старая Руса** (или Русса).

Название «Старая Руса» всегда интересовало учёных в связи с вопросом о начале Руси. Не имея возможности дать ему правдоподобное объяснение, отметим только, что в древних памятниках город обозначался с одним «с» (Руса). Впервые этот город назван под 1167 г. [2], но он, безусловно, существовал с очень давнего времени.

Старая Руса представляла довольно значительное поселение, сосредоточенное около крепости. Остатки древнего вала обнаружены в ней при недавних раскопках. В 1199 г. в Старой Русе была построена крепость, а годом раньше — каменный собор Преображения в монастыре [3].

Присматриваясь к географическому положению Старой Русы, мы не можем признать его очень удобным с торговой точки зрения. Город стоит в некотором отдалении от Ловати и Полы на берегу реки Полисти, вытекающей из озера, лежащего среди болотистых и лесных пространств на водоразделе водных систем реки Великой и озера Ильмень. Прямая дорога из Новгорода на юг обычно шла по соседней Ловати, а не по Полисти. Кажется, с самого начала своего существования Старая Руса имела значение не столько торговое, сколько промышленное, так как в её районе находились богатые соляные варницы, разрабатываемые с давнего времени.

Самым южным новгородским пригородом были **Великие Луки**, называемые в летописи обычно просто Луками. Добавление «великие» показывает, что этот город был значительным поселением, так как подобное добавление применялось редко и обычно к таким большим городам, как Новгород и Ростов.

Значение Великих Лук определялось тем, что они стояли на верхнем течении Ловати, а это придавало

---

[1] *И. Красницкий,* Тверская старина. Очерки истории древностей и этнографии, вып. 1. Город Торжок, СПБ 1876. Сочинение Красницкого основано на более ранней работе Иллиодора «Историческо-статистическое описание города Торжка», Тверь 1860.

[2] Новгород. лет., стр. 32, 43; в 1199 г. «в Русе город обложиша» (стр. 45).

[3] Там же, стр. 43, 45.

городу характер перевального пункта, последнего новгородского города на юге. Это видно уже из первого летописного известия 1166 г., когда князь Ростислав пришёл «из Киева на Луки» и призвал к себе на совещание новгородцев. Через 25 лет поблизости от Лук «на рубежи» происходило совещание полочан с новгородцами по поводу приготовлений для похода на Литву и на Чудь.

Стратегическое значение Великих Лук выясняется также из других летописных известий; недаром же новгородцы смотрели на Луки, как на «оплечье» для Новгорода от Литвы.

Как и в других русских городах, в Луках находим «город» — крепость, окружённую посадом. Литовцы и полочане во время набега на Луки «пожгли хоромы, а лучане устереглись и спаслись в городе» [1], следовательно, городские дома (хоромы) стояли вне города.

Из всех новгородских пригородов наибольшее значение имел Псков, который уже с начала своей истории представлял особый центр обширной территории. Псковская земля отличалась относительным плодородием, в особенности по сравнению с соседними новгородскими пределами, а размеры её кажутся нашим историкам небольшими только при сравнении с необозримыми пространствами остальной Руси. В Западной Европе территория Псковской земли равнялась бы значительному герцогству, вроде Фландрии. А так как экономическое и торговое положение определяется не размерами территории, а развитием производства и обмена, то Псковскую область надо считать немаловажной в Древней Руси. Достаточно сказать, что в Псковской земле XIV—XV вв. было больше каменных крепостей, чем во всей Московской Руси.

Географическое положение Пскова способствовало его будущему развитию как крупного торгового и ремесленного центра. Чудское озеро с его притоками, к которому близко подходит Салис, впадающий в Рижский залив, соединяли Псков с Балтийским морем. Древняя дорога по Салису засвидетельствована находкой на острове Сарема серебряника Ярослава Мудрого [2]. Очень ранней

---

[1] Новгород. лет., стр. 44.

[2] *А. А. Ильин,* Топография кладов древних русских монет X—XI вв., Л. 1924, стр. 13.

была и другая дорога к Рижскому заливу по обеим Аа (Гойвам), выводившая к устью Западной Двины. После построения Риги получила большое развитие зимняя дорога из Пскова в Ригу — «горный» путь. Она, видимо, шла через Изборск и Оденпе (Медвежью голову), судя по словам Ливонской Хроники, упоминающей о разграблении русских купцов в Унгавнии в стране эстов [1]. Важное значение Пскова для торговли с Ригой и Эстонией засвидетельствовано многими документами и не требует особых доказательств.

Начало Пскова относится к глубокой древности, хотя в предании о призвании князей говорится не о Пскове, а об Изборске, где сидел легендарный Трувор. Уже летописец вынужден был сделать своеобразный исторический экскурс о начале Пскова: «А о Плескове граде от бытописания не обретается воспомянуто, от кого создан бысть и которыми людьми» [2]. В сущности, и современный историк на основании письменных источников может только отметить, что Псков уже существовал в X в. Предание утверждало, что княгиня Ольга была приведена в жёны Игорю из Пскова.

Название «Псков» — древнее; оно, вероятно, является сокращением обычно употребляемого слова «Плесков» — названия, известного и в Болгарии Дунайской, где стоял город Плисков, или Плискова. В какой мере название «Плесков» связано с русским словом «плеск», предоставляем судить лингвистам. В древнерусском словаре существовало и слово «плескание» для обозначения свадебного языческого обряда или языческих игр. В этом значении это слово употреблено в послании митрополита Фотия в Псков начала XV в. Между тем при раскопках Псковского кремля был найден языческий жертвенник VII—VIII вв. Случайное ли это совпадение или нет, оставляем вопрос пока без рассмотрения.

Древнейшая часть Пскова («Кром») занимала высокий холм на узком мысу при впадении реки Псковы в Великую. В дальнейшем город в основном рос в южную сторону, занимая пространство между теми же реками [3],

---

[1] *Генрих Латвийский,* Хроника Ливонии, стр. 113.

[2] Псковская летопись, изд. М. Погодиным, М. 1837, стр. 2.

[3] *А. Никитский,* Очерк внутренней истории Пскова, СПБ 1873, стр. 82 и след.

хотя рано стало заселяться и Запсковье. Поражают незначительные размеры Крома, к которому только во второй половине XIII в. присоединили некоторое пространство, окружённое каменной Довмонтовой стеной. Между тем в известиях XII в. Псков появляется перед нами как крупный городской центр. Поэтому надо думать, что Кром являлся только замком, за которым лежал посад, укреплённый валом и рвом, как это было в других русских городах. В Завеличье, на западном берегу реки Великой, уже в XII в. стояли богатые монастыри.

Название «Кром» не вполне ясное по своей этимологии. Вернее всего оно связано со словом «кромьство» — внутренность. Известно и другое древнерусское слово «крома» — краюшка хлеба. По Далю, «кром» — ларь, место для хранения хлеба на случай осады. Название города — Кромы — происходит от того же корня.

О населённости Пскова говорит сообщение о гибели 600 мужей псковских в неудачной битве под Изборском [1]. Значительность Пскова подчёркивается попытками псковичей отделиться от Новгорода уже в 1136—1137 гг., когда в него бежал новгородский князь Всеволод Мстиславич. В Пскове существовал свой Немецкий двор, позже находим Псковский двор в Новгороде [2].

Что Псков был действительно большим и богатым городом уже в XII в., неоспоримо доказывается крупным каменным строительством, мало уступающим даже строительству в Новгороде. Таковы собор Спаса Преображения в Мирожском монастыре в Завеличье, построенный и расписанный фресками в 1156 г., собор Иоанна Предтечи, также в Завеличье, XIII в. [3]

Таким образом, в изучаемую нами эпоху Псков принадлежал уже к числу выдающихся русских городов, что объясняет нам раннее развитие в нём вечевой жизни, в результате которой общественный строй Пскова в XIV—XV вв. получил законченное развитие в сторону образования в нём боярской республики, власть которой простиралась на всю прилегающую к Пскову землю.

---

[1] «Псковские летописи», стр. 13; речь идёт только о воинах.
[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 103.
[3] «История русского искусства», т. II, М. 1954, гл. II — Искусство Пскова (стр. 307—374).

Большой материал по истории Пскова IX—XIII вв. дали археологические раскопки в городе, главным образом в Кроме [1]. Они дают представление о раннем Пскове, VIII—X вв. К сожалению, позднейшая история Пскова пока ещё слабо освещена; для её изучения важно было бы провести раскопки на территории посада, примыкающей к Крому.

Другим древнейшим городом Псковской земли является Изборск, названный летописцем в числе других городов IX в., но история его почти неизвестна.

---

[1] См. *С. А. Тараканова,* Древности Псковской земли («По следам древних культур. Древняя Русь», стр. 187—216).

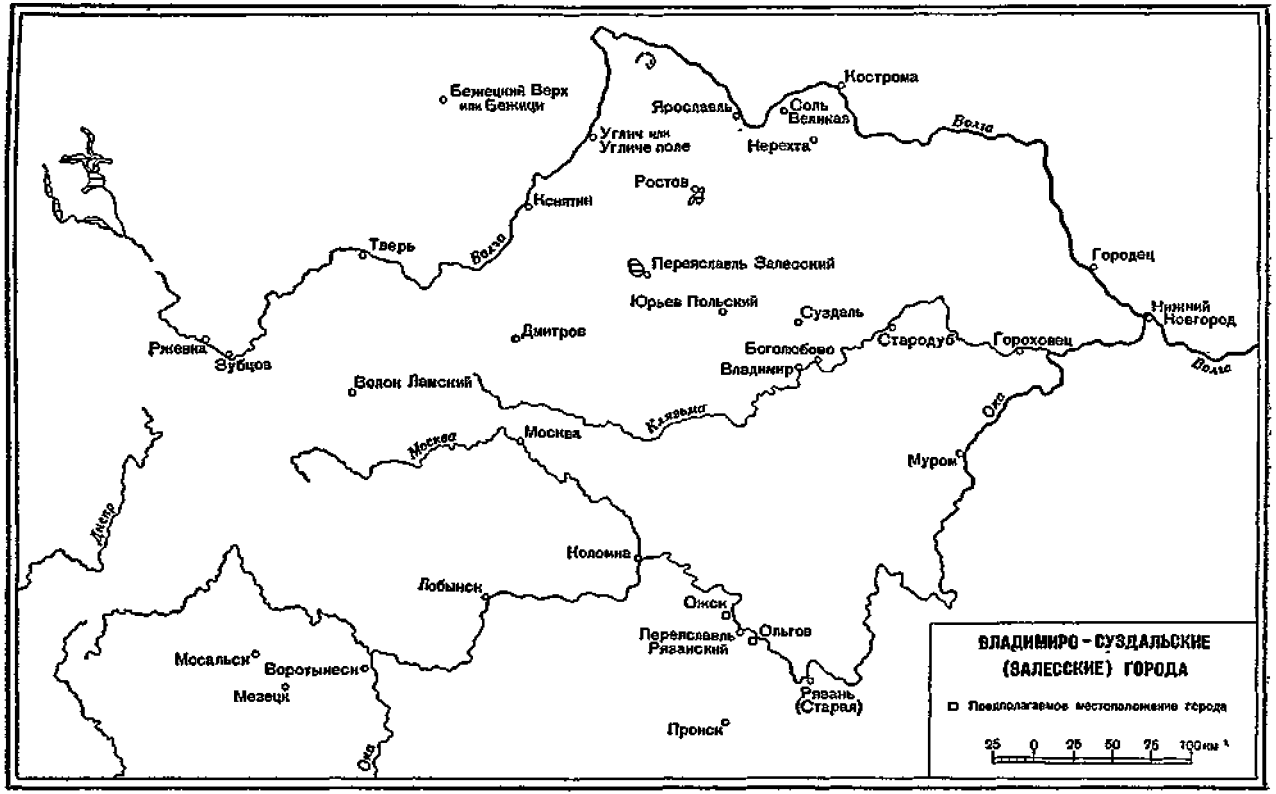
ГЛАВА 8

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Замечательной особенностью в развитии городов Ростово-Суздальской земли являлось отсутствие какого-либо одного бесспорно крупнейшего центра. Уже в древнейший период развития городской жизни в этом отдалённом крае параллельно существовали два центра — Ростов и Суздаль. В XII в. к ним прибавился третий — Владимир. Поэтому и сама земля носит обычно двойное название — Ростово-Суздальской, или Владимиро-Суздальской, Руси. Древние памятники не знали этих искусственных названий, а именовали всю землю, лежавшую в междуречье Волги и Оки, просто Залесской. Поэтому в дальнейшем своём изложении я буду нередко пользоваться этим термином, как более простым и удобным, тем более что он применялся к городам междуречья Оки и Волги в XIII—XV вв. [1]

Отыскивая причины, по которым Залесская земля в изучаемый период не выделила единого центра, подобно Новгородской, Смоленской, Полоцкой и другим землям, мы обнаружим их в отсутствии какого-либо крупного пункта, к которому сходились бы водные и сухопутные пути Залесской земли. Ни Ростов, ни Суздаль, ни Владимир, ни Переяславль не могли похвастаться своим географическим положением на мировых торговых

[1] В «Списке русских городов» конца XIV в. указаны киевские, волынские, литовские, смоленские, рязанские и «залесские» (Новгород. лет., стр. 475—477).


Бежецкий Верх
или Бежицы
Кострома
Ярославль
Соль
Великая
Углич или
Угличе поле
Нерехта
Волга
Ростов
Ксятинь
Тверь
Волга
Переяславль Залесский
Городец
Юрьев Польский
Суздал
Нижний
Новгород
Дмитров
Ржевка
Зубцов
Стародуб
Гороховец
Боголюбово
Владимир
Волга
Волок Ламский
Клязьма
Москва
Москва
Москва
Муром
Ока
Коломна
Лобынск
Ожск
Ольгов
Переяславль
Рязанский
Рязань
(Старая)
Мосальск
Воротынеск
Мезецк
Пронск
Ока
ВЛАДИМИРО - СУЗДАЛЬСКИЕ
(ЗАЛЕССКИЕ) ГОРОДА
Предполагаемое местоположение города
25 0 25 50 75 100 км

путях, подобно Новгороду и Киеву. Поэтому они всегда имели характер местных городских центров, терявших своё значение очень быстро в связи с изменением политического соотношения сил. Большинство городов Залесской земли возникли как местные центры, связанные с определённым округом. Историки давно уже отметили, что древнейшие города Залесской земли были построены в так называемых опольях, т. е. своеобразных полях, с получернозёмной почвой, находившихся среди громадных лесных пространств. Такие ополья окружали Суздаль, Ростов, Переяславль. От них получили свои дополнительные прозвища города Юрьев Польский и Угличе поле. Характер подобного ополья очень резко бросается в глаза в районе Переяславля, если ехать к нему с юга. После больших лесов бассейна Дубны и Вели путник попадает на широкую и плодородную местность. Крестьяне болотистого и лесистого Дмитровского района называли места под Переяславлем «Украиной», желая этим отметить их урожайность. В этих опольях и возникли древние городские центры Залесской земли.

Ростов — несомненно один из древнейших русских городов, существовавший, по летописи, уже в IX в. «Здесь город старый», — отзывается летописец о Ростове конца XII в. Город лежит на берегу обширного озера Неро, в названии которого угадывают племенное имя мери, населявшей, по летописи, большую часть Залесской земли в IX—X вв. Какая-то примесь мери к славянскому населению обнаруживается в Ростове и в более позднее время. По житию Авраамия Ростовского, в городе существовал Чудской конец, где стоял каменный идол Велеса, которому поклонялись жители [1]. Если житие и было составлено поздно, то указание на Чудской конец не внушает особых сомнений, так как выдумывать его не было никакой необходимости. Какие-то припоминания чувствуются в указании на идола Велеса. В XIV—XV вв., когда было составлено житие Авраамия, память о Велесе, или Волосе, — скотьем боге — уже должна была ослабнуть и сохранение древнего имени легче всего приписать устной традиции. О пережитках древней языческой религии в Ростове говорит известие летописи

[1] *Е. Голубинский.* История русской церкви, т. I, вторая половина тома, стр. 763—775.

о волхве, появившемся в Ростове в 1024 г.[1] Память о почитании Велеса в Суздальской земле запечатлелась в постройке здесь храма Власия (Иоанна Милостивого).

В XI в. в Ростове была основана епископская кафедра, которая занимала третье место в ранге русских епископий. Длинный список ростовских епископов насчитывал в своих рядах несколько выдающихся имён. Позднейшие перестройки, в особенности строительные работы при митрополите Ионе Сысоевиче в XVII в., сильно изменили топографию древнего Ростова, но некоторые выводы об его первоначальном положении можно всё-таки сделать.

Древний Ростовский кремль, вероятно, занимал более обширную площадь, чем в настоящее время, так как собор Успения находится теперь за его пределами. Между тем соборная церковь, как правило, находилась в Кремле, чему можно привести множество примеров (Киев, Новгород, Владимир, Переяславль и т. д.). В начале XIII столетия в городе помещались дворы князя и епископа.

О богатстве города говорит каменное строительство Ростова. Собор в Ростове, по сообщению Печерского патерика был воздвигнут при Владимире Мономахе во всём по подобию Великой церкви Печерского монастыря в Киеве: «всем подобиемь созда церьковь в городе Ростове, и в высоту, и в широту и в долготу»[2]. Тогда же ростовская церковь была расписана фресками, расположенными по образцу изображений на стенах Печерской церкви. По другому известию, «святая Богородица в Ростове каменная» была освящена в 1162 г.[3], что, впрочем, не противоречит первому известию, ибо церкви освящались не только после построения, но и после пожаров и ремонтов.

В пожар 1211 г. ростовский собор сгорел, и к этому времени надо относить его падение. В 1213 г. «на первом месте падшая церкве» был заложен новый собор, частично сохранившийся до нашего времени после многочисленных переделок и ремонтов. Другая каменная церковь была заложена в Ростове на княжеском дворе

[1] Лаврент. лет., стр. 144.
[2] «Печерский патерик», стр. 194.
[3] ПСРЛ, т. XV, стб. 234—235.

в 1214 г., была каменной и церковь Иоанна Предтечи на епископском дворе[1].

Город уже рано перестал вмещаться в тесные пределы внутренней крепости, к которой примыкал посад. Некоторое понятие о размерах Ростова Великого, как он до сих пор ещё называется в народной памяти, даёт сообщение о пожаре 1211 г., когда сгорело 15 церквей «и погоре мало не весь» город. Эта цифра очень далека от нескольких сот церквей, указываемых летописью для Киева, но всё-таки значительная и показательная для большого древнерусского города.

Отдельные находки, сделанные в Ростове, показывают, что этот город был оживлённым ремесленным и торговым центром, заслуживающим глубокого археологического изучения. Местные мастера богато украсили соборную церковь, наполнив её «множеством всяких узорочей»[2].

В летописях нередко упоминаются ростовские «мужи» и просто ростовцы. В известиях о междоусобиях в Залесской земле после смерти Андрея Боголюбского постоянно упоминаются «ростовци и бояре» как две различные общественные группы. С особой чёткостью это видно из сообщения летописи о приходе князя Мстислава Ростиславича в Ростов: он «собрал ростовцев, и бояр, гридьбу и пасынков, и всю дружину». Бояре и дружина выделены здесь в особую группу, под ростовцами же надо понимать ростовских горожан. О них уже прямо говорится в известии о приходе Олега Святославича[3].

Развитие боярского землевладения в Ростовской области, на наш взгляд, объясняется особым значением земледелия в плодородной Ростовской земле. Воспоминание о подобном боярине-феодале сохранялось в Ростове в позднее время в образе Александра Поповича (прототипа былинного Алёши Поповича), сражавшегося за Ростов вместе со своим слугой Торопом. Этот «храбр», богатырь, поставил себе город «под Гремячим колодязем на реце Где, иже и ныне той соп стоит пуст»[4].

Ростов остался в русских былинах как синоним богатого города. Ростовская письменность XI—XIII вв. представлена главным образом житиями местных святых.

---

[1] Лаврент. лет., стр. 416, 414.
[2] Там же, стр. 435.
[3] Там же, стр. 360, 229 («И прияша и (Олега) горожане»).
[4] ПСРЛ, т. XV, стб. 338.

Второй древний город Залесской земли — **Суздаль** появляется на страницах летописи только в 1024 г. в связи с восстанием волхвов, избивавших во время голода «старую чадь». Подобное же восстание повторилось в Ростовской земле в 1071 г. И в том и в другом случае волхвы были представителями языческих кругов.

Название «Суздаль» трудно объяснить из славянского языка, если не считать, что окончание «ль» надо понимать так же, как в словах «Ярославль», «Ростиславль», «Изяславль», т. е. видеть в нём указание на строителя: Суздаль, или Суждаль — город Сузда, или Сужда, но и в этом случае корень названия остаётся без объяснения.

Своим ростом и значением Суздаль обязан плодородному ополью, в центре которого он находится. Современный пейзаж Суздаля в этом отношении очень показателен. Перед путником, едущим в Суздаль, на громадное пространство расстилается безлесная равнина с обработанными полями — яркий контраст по сравнению с лесными массивами к югу от Клязьмы.

Суздальский кремль расположен на небольшой реке Каменке, впадающей в Нерль. Остатки вала и рва сохранились ещё и теперь.

О топографии древнего Суздаля дают представление интереснейшие наблюдения, сделанные А. Д. Варгановым путём изучения культурных напластований на территории города. Наиболее мощные культурные слои оказались на площади бывшего Кремля и прилегающего к нему посада, или острога, окружённых старыми валами. Варганов устанавливает на территории бывшего «острога» существование довольно большого поселения [1]. Земляной кремлёвский вал в Суздале, с целым рядом подновлений, сохранившийся до нашего времени, возник уже в XI—XII вв. Крепость в Суздале показана уже в известии под 1096 г., а в 1192 г. срублена была заново [2]. Едва ли речь идёт о простом сооружении новой городской стены, срубленной из дерева, вернее думать — о расширении первоначальной площади Суздаля. В XVII в. ещё существовала острожная осыпь, примыкавшая

---

[1] *А. Д. Варганов,* Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.). «Краткие сообщения ИИМК», XII, стр. 127—134.

[2] «Заложен бысть град Суждаль и срублен бысть того же лета» (Лаврент. лет., стр. 388).

к внутреннему замку с северо-востока [1], сооружение которой могло восходить к рубленому городу конца XII в.

В древнейших известиях Суздаль обычно упоминается как второй центр Залесской земли, наравне с Ростовом. Ростов и Суздаль, «ростовци» и «суздальци» — вот постоянное сочетание в летописных известиях домонгольской поры. И епископы Залесской земли обычно назывались ростовскими и суздальскими. Как политический центр Суздаль имел особенно крупное значение в середине XII в., до возвышения соседнего Владимира.

В Суздале было построено несколько каменных церквей. Древнейшей из них был собор Рождества Богородицы, воздвигнутый впервые при Владимире Мономахе [2]. В 1222 г. каменный собор в Суздале стал разрушаться, и после падения верха на его месте было заложено новое каменное здание, перестроенное в 1528 г. Старые белокаменные стены, впрочем, сохранились почти на две трети всей высоты собора. Остатки древнего храма с колончатым поясом, с древней каменной резьбой оставляют впечатление большого великолепия.

Археологические раскопки и известия летописи подымают завесу, опущенную над прошлым Суздаля, рисуя его как город с ремесленным населением, среди которого, несомненно, выделялись каменщики-строители.

За пределами старого города, под горой б. Александровского монастыря, была обнаружена древняя печь. Несколько обломков обожжённых тонких квадратных кирпичей, или плинф (длиною и шириною в 21 *см* при толщине в 3—4 *см*), находились тут же. Такие же плинфы были употреблены при создании суздальского собора в начале XIII в. В ремесленной землянке, раскопанной в Суздальском кремле, оказались плиткообразные кирпичи, поливные плитки от пола и пр.

Первоначальный собор Владимира Мономаха, судя по его остаткам, являлся работой киевских мастеров. Он не простоял и 50 лет, после чего в 1148 г. на его месте был поставлен новый каменный собор, но уже по иному строительному способу, не из плиткообразного кирпича с рядами бутового камня на розоватой цемянке, а «из

[1] «Суздаль и его достопамятности», изд. Владимирской учёной архивной комиссии, М. 1912, стр. 12.

[2] «Та бо церкы создана прадедом его Володимером Мономахом и блаженымъ епископом Ефремом» (Лаврент. лет., стр. 423).

крупного бутового камня, выровненного по всему периметру двумя рядами плиткообразного кирпича»[1]. Это новое здание не простояло и сотни лет; в 1222 г. суздальский собор уже падал «старостью и безнарядьем».

Здесь мы как бы присутствуем при рождении каменного строительства во Владимиро-Суздальской земле. Суздальские мастера искали новые строительные способы, но не сумели ещё применить их к обширным зданиям. Перестройка собора в 1222—1225 гг. обнаруживает возросшее мастерство строителей, умело использовавших остатки собора 1148 г.

О развитии строительного дела в Суздале говорит и летописное известие 1233 г. о замощении собора красивым разноцветным мрамором[2]. «От этого убранства при раскопках найдены обломки майоликовых плиток (жёлтого, зелёного, тёмнокрасного и чёрного цвета) иногда со знаками мастеров на обороте»[3].

К концу XII в. строительное дело в Суздале достигло таких успехов, что при епископе Иоанне смогли капитально отремонтировать собор Рождества Богородицы при помощи только местных мастеров. «И покрыта была оловом от верху до закомар и до притворов; и то чуду подобно, молитвою святой богородицы и его верою, а что не искал он мастеров у немцев, но нашел мастеров из слуг святой богородицы и своих, одних олово лить, иных крыть, иных известью белить».

Замечание о чудоподобном явлении, что не обращались к немцам, вызвало целую бурю в исторической литературе как доказательство неуменья русских строить и украшать каменные здания. Между тем перед нами типичный литературный приём для возвышения действий епископа Иоанна, применённый одним из клириков, — «отверзены ему были от бога очи сердечные на церковную вещь, чтобы заботиться о церковных вещах и о клириках»[4]. Упоминание о немцах имеет определённую направленность, понятную в устах суздальского клиро-

---

[1] *А. Д. Варганов,* К архитектурной истории суздальского собора («Краткие сообщения ИИМК», XI, стр. 99—106).

[2] «Измощена моромором красным разноличным» (Лаврент. лет., стр. 437).

[3] См. *А. Д. Варганов,* К архитектурной истории суздальского собора («Краткие сообщения ИИМК», XI, стр. 104).

[4] Лаврент. лет., стр. 390—391.

шанина в применении к соседнему Владимиру, где немецкие мастера принимали участие в строительстве. Конечно, не чудом же епископ нашёл («налезе») мастеров из числа зависимых людей («от клеврет святое богородици»), умевших лить олово, белить известью, чинить каменные своды, — стало быть, мастеров-оловянщиков, маляров, каменщиков. Свидетельство о клевретах соборных и епископских слугах указывает на существование в Суздале ремесленных слободок, зависевших от соборного клира и епископа.

Наряду со строительным делом в Суздале получила развитие обработка металла. В одной землянке, обнаруженной в Суздальском кремле при раскопках, оказались куски медных и железных шлаков, в другой — железная крица, в третьей — «несколько поделок из железа неопределённого назначения, два ножа, три куска железного и медного шлака»[1]. Об искусстве суздальских мастеров свидетельствует замечательный памятник древнерусского искусства — западные и южные двери суздальского собора. Двустворчатые двери обиты изнутри медными листами, образующими на каждой двери 28 медных пластинок, или тябел, с рисунками на них, выполненными золотой насечкой. По сюжетам рисунков, связанным с чудесами архангела Михаила, двери приписывались без особых доказательств Михаилу Хоробриту, убитому в битве с литовцами в 1248 г.[2] Однако приписывание заказа этих дверей Михаилу Хоробриту мало обосновано, так как этот князь появляется на политической арене только после татарских погромов, когда трудно было думать о роскошных подарках для храмов, стоявших посреди опустевших и сожжённых городов. Да и Михаилу ко времени татарского разорения исполнилось не более 17 лет[3].

Однако по изображениям на самих дверях можно установить время их изготовления. По среднему валику западных дверей изображены в медальонах святые: Фео-

---

[1] *А. Ф. Дубынин,* Археологические исследования г. Суздаля («Краткие сообщения ИИМК», т. XI, стр. 91—99).

[2] *И. Толстой* и *Н. Кондаков,* Русские древности в памятниках искусства, вып. VI, СПБ 1899, стр. 72.

[3] Лаврент. лет., стр. 446; его старший брат Александр родился не раньше 1218—1220 г., вернее — в 1220 г.; ещё старше был Феодор, родившийся в 1219 г. и рано умерший.

дор, Иоанн, Митрофан, Димитриос и др. Подбор святых в медальонах ведёт нас к определённым лицам и определённому времени: Феодор было крещёное имя Ярослава Всеволодовича, Иоанн — имя его племянника Всеволода Константиновича, Дмитрий — имя другого Константиновича, Владимира. Наконец, Митрофан — имя владимирского и суздальского епископа в 1227—1237 гг. Не было ли связано устройство дверей с размолвкой Ярослава с Юрием, закончившейся примирением в 1229 г.? Княжеский съезд («снем») состоялся в Суздале в праздник Рождества Богородицы, т. е. в престольный праздник суздальского собора; в нём активное участие принимал епископ Митрофан. Ярослав тогда «отлучил», привлёк на свою сторону трёх сыновей своего старшего брата Константина: Василька, Всеволода, Владимира [1]. Из них покровители Всеволода, Владимира и самого Ярослава изображены на дверях, как и патрон посредника между князьями — епископа Митрофана.

Не противоречит нашей датировке и особое внимание мастеров, делавших двери, к Михаилу Архангелу. Этот святой был особенно почитаем Ярославом, на шлеме которого читаем надпись: «великий архистратиже господень Михаиле помози рабу своем(у) Феодору».

Итак, суздальские двери, по всей вероятности, — работа суздальских мастеров, исполненная по заказу князей между 1227—1237 гг. Это дополняет наши сведения о клевретах богородицы, ливших олово и покрывавших кровли, о каменщиках, мостивших мраморные полы. Суздаль выступает перед нами как один из крупных ремесленных центров Залесской Руси, «сильной земли Суздальской», до сих пор ещё богатой чудесными памятниками древнерусского искусства [2].

Остатки памятников суздальской письменности сохранились в записях Лаврентьевской и других летописей. Суздаль хорошо известен и в русских былинах.

Третий центр Залесской земли — город **Владимир** — начал развиваться только с XII в. Время возникновения

---

[1] Лаврент. лет., стр. 429.

[2] К аналогичной датировке суздальских дверей пришла и Е. С. Медведева в своей статье «О датировке врат суздальского собора» («Краткие сообщения ИИМК», XI, стр. 106—111). Впрочем, Е. С. Медведева не связывает появление суздальских врат со «снемом» 1229 г.

Владимира ряд летописей относит к 991 г. По Супрасльской летописи, Владимир Святославич, когда шёл в Словенскую землю, «на реке на Клязме поставил город именем Владимир во свое имя, ветшаной город, и поставил соборную церковь святую Богородицу древяную, и валом осыпал и ставил церкви, и крестил людей и посадил наместников». То же известие в несколько иной редакции найдём в некоторых других летописях [1]. Таким образом, это летописное известие говорит о построении Владимиром «ветшаного», т. е. «старого» города, обнесённого валом («спом»), внутри которого стояла деревянная церковь Богородицы. Однако приведённое выше свидетельство может быть заподозрено в достоверности, так как другие летописцы называют строителем города Владимира Мономаха. В них говорится, что Владимир построил первую церковь св. Спаса, «за 50 лет до богородичина ставления», т. е. за 50 лет до создания каменной церкви Успения, возведённой Андреем Боголюбским в 1158 г. Следовательно, Владимир Мономах основал город примерно в 1108 г.

В пользу возникновения Владимира в конце XI или начале XII в. при Мономахе свидетельствует то обстоятельство, что летописный рассказ о походе князя Олега из Мурома на Суздаль не упоминает о Владимире. Между тем путь из Мурома к Суздалю шёл через Владимир [2].

Пересматривая вопрос о времени возникновения Владимира, Н. Н. Воронин считает, что на месте будущего города «задолго до Мономаха, в IX—X вв., находилось значительное ремесленно-торговое поселение, занимавшее, очевидно, восточную низменную часть береговых высот», а Мономах на соседних высотах построил княжеский город между 1098 и 1108 гг. К сожалению, Н. Н. Воронин не объясняет, что собою представляло это «ремесленно-торговое поселение», не имевшее, видимо, укреплений. Примеров такого поселения для XI—XIII вв. мы не знаем, так как неукреплённые рядки и слободы известны только с XIV—XV вв. Поэтому, принимая конец XI — начало XII в. за время если не возникновения, то

[1] ПСРЛ, т. XVII, стб. 1; в 991 году ходил Владимир в Суздальскую землю и «постави град во свое имя Володимер» (ПСРЛ, т. VII, стр. 313).

[2] *А. Бунин*, О времени основания города Владимира на Клязьме («Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом» №№ 5—6, 1898 г., стр. 179—189).

развития Владимира как города, оставляем вопрос о его ремесленно-торговом предшественнике в стороне [1].

Город возник как княжеский замок на реке Клязьме. Место, выбранное для его построения, несколько необычно, если думать, что он возник в качестве будущего торгового центра. В этом случае город было бы удобнее поставить при впадении реки Нерли в Клязьму, где Андрей Боголюбский позже основал свою резиденцию — Боголюбово. Следует отметить, что водная дорога из Владимира на Рязань, которая так чётко рисуется на картах речной сети современного Владимирского края, не могла иметь большого значения для нового города. Прямой дорогой из Рязани на Владимир не пользовались даже в XIII в., предпочитая кружный, но удобный путь по Клязьме, Москве-реке и Оке.

Клязьма имела большое транспортное значение, как прямой путь с востока на запад. Но этот путь получил своё развитие довольно поздно, только в XII в., что было связано с усилением торговли Залесской земли как с западом, так и с востоком. В связи с этим учащаются военные походы владимирских князей против «Великого града», т. е. Великих Болгар. О международном характере болгарской торговли говорит упоминание летописи о том, что в Болгарах был убит некий Авраамий, отказавшийся изменить христианству [2]. Почитание Авраамия во Владимире, куда его тело было перенесено из Болгар, показывает, что он был единоверцем русских, вероятнее всего — грузином или армянином, так как сношения Залесской земли с Закавказьем в XII в. были довольно оживлёнными. Сын Андрея Боголюбского, как известно, женился на грузинской царице Тамаре.

С середины XII в. начинает развиваться торговля Залесской земли с западом, в первую очередь со Смоленском. Об этих связях говорит сообщение о приезде во Владимир в 1206 г. смоленского епископа [3]. Клязьма и Москва-река постепенно становились оживлёнными водными артериями, кратчайшей дорогой между Смоленском на западе и Великими Болгарами на востоке.

---

[1] *Н. Н. Воронин,* Социальная топография Владимира XII—XIII веков и «чертежи» 1715 г. («Советская археология», VIII, М.—Л. 1946, стр. 166).

[2] Лаврент. лет., стр. 430. Авраамий торговал в разных городах.

[3] Там же, стр. 404.

Широкая известность города Владимира на востоке и западе засвидетельствована в плаче Кузьмища Киевлянина над телом Андрея Боголюбского[1]. Греки, русские, латиняне (т. е. католики), камские болгары и евреи — вот обширный круг людей, приезжавших для торговли во Владимир Залесский.

Расцвет Владимира во второй половине XII и первой половине XIII в. тесно связан с его значением как резиденции сильных князей — Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Владимирцы поддерживают князей в борьбе против других претендентов на княжеский престол, выставляемых «старыми» городами — Ростовом и Суздалем.

Перенос постоянной княжеской резиденции во Владимир имел большое значение для развития города. Вместе с князем селилась многочисленная дружина — главный потребитель оружия и дорогих предметов. Постоянная связь между ремесленниками и княжеским двором особенно видна из рассказа о восстании в Боголюбове по смерти Андрея Боголюбского.

Ремесленный и торговый состав городского населения во Владимире проступает явственно в летописных известиях XII в.

Даже владимирский летописец был согласен с тем, что его сограждане — люди «мизинии володимерьстии», люди «новии», т. е. младшие, по сравнению с ростовцами. «Это наши холопы каменьщики», — восклицают о владимирских жителях ростовцы и суздальцы[2]. Здесь выступает перед нами одна из специальностей владимирских ремесленников — каменное строительство. Недаром же именно во Владимире оно получило особенное развитие. Успенский и Дмитровский соборы во Владимире, собор в Боголюбове, удивительная по красоте церковь Покрова на Нерли, знаменитые «прилепы» соборов во Владимире и в Юрьеве Польском требовали упорной и мастерской работы строителей и резчиков по камню. По летописям можно назвать несколько каменных церквей,

[1] Ипат. лет., стр. 400—401. «Латинин» в данном случае, вероятно, обозначает итальянца (венецианца или генуэзца), колонии которых находились в Константинополе и в крымских городах. Впрочем, с не меньшим основанием латинянами можно считать и немцев. Интересно, что летописец отмечает не народность купцов, а их вероисповедание: католики, мусульмане, евреи.

[2] Лаврент. лет., стр. 355.

построенных в Залесской земле в XI—XIII вв. Но каменных церквей, построенных в домонгольскую пору, было, несомненно, значительно больше, чем отмечено в летописях. Потребность в каменщиках и камнерезах таким образом не прекращалась.

Значительное количество мастеров работало и над внутренним украшением церковных и гражданских построек. При раскопках во Владимире были обнаружены поливные изразцы XII—XIII вв. Одни из них покрывали церковные полы, другие украшали карнизы и стены. В. А. Александровский, изучавший подобные плитки, найденные во Владимире при раскопках надворной церкви в Детинце, предполагает, что их обжиг производился в русской печи, но не в одном месте. Количество людей, принимавших участие в их изготовлении, было больше пяти.

Отсюда Александровский делает вывод: «Поскольку изготовление плиток производилось разными лицами и при разных условиях, то, повидимому, оно происходило в домашней обстановке, в семье, а обжиг плиток производился в русской печи». Этот интересный вывод можно продолжить и предположить, что во Владимире существовало несколько семей мастеров, изготовлявших поливные плитки по заказу. Для покрытия полов в надвратной церкви понадобилось большое количество плиток (примерно 3 460). Они были заказаны различным мастерам, давшим различную продукцию, в частности и недоброкачественную, «внешне искусно прикрытую гладкой лицевой поверхностью» [1].

Ремесленники составляли видную часть владимирского населения, но ведущая роль принадлежала боярам и купцам. Едва ли является случайностью, что во всей Лаврентьевской летописи купцы в Залесской земле упоминаются только дважды и оба раза — в числе городского населения Владимира. В 1177 г. «бояре и купцы» требуют казни пленных Ростиславичей, в 1206 г. бояре и купцы провожают князя Константина в Новгород [2]. Таким образом, в отличие от Суздаля и Ростова во Владимире видим особенно большое развитие торговли наряду с ремеслом.

---

[1] *В. А. Александровский,* Поливные половые плитки из раскопок Детинца во Владимире («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 239—243).

[2] Лаврент. лет., стр. 365, 401.

Местоположение Владимира во многом напоминает местоположение Киева. Город стоит на высоком северном берегу Клязьмы, извивающейся здесь в песчаных берегах. В отдалении, на южном берегу Клязьмы, видны далёкие леса. Холмы круто обрываются к реке и создают неприступные высоты, на которых был построен первоначальный замок, окружённый глубокими оврагами.

Небольшие размеры первоначального укрепления не могли удовлетворить Андрея Боголюбского, когда он сделал Владимир своим стольным городом. Начав строить собор Успения, он «город заложил больший» [1]. Примерные размеры Владимира времён Андрея Боголюбского можно очертить, если принять во внимание, что территория города замыкалась Золотыми воротами, построенными в 1164 г. В пределах валов пространство города превышало обычные размеры какого-либо укреплённого княжеского замка. Во время великого пожара 1185 г. во Владимире погорели 32 церкви, «мало не весь город» [2].

Обстройка Владимира продолжалась усиленными темпами при Всеволоде Большое Гнездо, в особенности после нового большого пожара в 1193 г. В следующем году Всеволод заложил Детинец во Владимире [3]. Слово «заложи», а не «срублен» как будто указывает на каменные стены. Раскопки Н. Н. Воронина подтвердили, что стена Детинца была каменной, небольшой толщины, от 1 до 1,7 *м*. В Детинец вели каменные ворота [4].

По мнению исследователей владимирской старины, «весь холм, где находились собор и княжеский двор, был обнесён каменными стенами и приобрёл значение не только главного, отдельного от прочих частей центра города, но ещё и нового, замкнутого укрепления, которое получило название Печерного города (впоследствии Кремля)» [5].

---

[1] «Город заложи болий» (Лаврент. лет., стр. 330—331).

[2] Там же, стр. 372; в пожар 1193 г. «города половина погоре», а церквей 14 (стр. 389).

[3] В 1194 г. «заложи... детинець в граде Володимери» (Лаврент. лет., стр. 390).

[4] *Н. Н. Воронин*, Оборонительные сооружения Владимира XII в. («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 215—223).

[5] «Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии», Владимир 1913, стр. 23 (в дальнейшем — «Спутник по Владимиру»).

В Детинце находился собор Успения и поблизости от него — двор епископа («владычные сени»). Несколько в стороне стоял «княжь двор великий»[1] с прекрасным собором Дмитрия Селунского. Собор имел значение дворцовой церкви и был соединён с дворцом переходами. Остатки их ещё были заметны в XIX в. Особо упоминается о дворе Константина Всеволодовича, при котором находилась церковь св. Михаила, сгоревшая в 1227 г. в числе других 27 погоревших церквей Владимира[2].

Общую картину Владимира представим лучше всего словами исследователей местной старины:

«В начале XIII века мы видим Владимир людным городом, хорошо обстроенным и сильно укреплённым при помощи двойного ряда укреплений, из которых одни опоясывали внутренний, или Печерний, город, образуя на возвышенном месте его крепкий детинец, а другие охватывали новый город (впоследствии получивший название Земляного), почти огибавший с запада город Печерний. Новый город раскинулся на запад от детинца и облегал его с трёх сторон. Летопись не упоминает о посаде, третьей части Владимира, вероятно включённой впоследствии в черту города и примкнувшей к нему с востока»[3]. Топографические особенности Владимира вынуждали посад распространяться по нагорной части города. Владимир имел свой Подол, т. е. низменную часть города, спускавшуюся к Клязьме; упоминается также церковь Воздвиженья на торговище[4].

В развитии русской культуры Владимиру Залесскому принадлежит виднейшая роль. С ним связана летописная традиция XII—XIII вв. и ряд ранних житийных произведений. Владимир хорошо известен и в русском эпосе.

В XII столетии появляются сведения сразу о трёх городах Залесской земли: о Москве, Дмитрове и Юрьеве. По преданиям, основание их связывается со строительной деятельностью одного и того же князя — Юрия Долгорукого.

Раннее заселение местности, занятой впоследствии Москвой, подтверждается некоторыми находками,

---

[1] Ипат. лет., стр. 426.
[2] Лаврент. лет., стр. 427.
[3] «Спутник по Владимиру», стр. 23—24.
[4] Лаврент. лет., стр. 419.

сделанными на её территории. В 1847 г. при постройке здания Оружейной палаты были обнаружены 2 массивные серебряные витые шейные гривны и 2 серебряные семилопастные подвески. На месте храма Спасителя при устье ручья Черторыя и у Симонова монастыря найдены диргемы IX в.

Впервые в летописи **Москва** упоминается в апреле 1147 г., когда Юрий Долгорукий виделся в ней с черниговским князем Святославом Ольговичем. Неизвестно, находился ли в это время в Москве «город» или была только княжеская усадьба, или село. Тверская летопись сообщает, что в 1156 г. «князь великий Юрий Володимеричь, заложил град Москву, на усти же Неглинной, выше реки Яузы». Это известие иногда оспаривается, как внесённое в поздний летописный свод, но, в сущности, не внушает особого подозрения. Ведь сведения о построении в Москве города и примерная дата его построения (на точности хронологии нельзя настаивать) могли оставаться в памяти или в записи.

Сказание о начале Москвы говорит о боярине Кучке, которому принадлежали сёла на месте Москвы и который был убит Юрием Долгоруким. Это предание связывается с другим названием Москвы — Кучково. Следовательно, легенда, дошедшая в записи XVII в., сохранила долю исторической правды. К тому же Кучковичи были историческими лицами: они были убийцами Андрея Боголюбского. Ненависть Кучковичей к Андрею Боголюбскому, таким образом, находит объяснение в действиях Юрия против их отца, знатного боярина Кучки. Другой вопрос — было ли «Кучково» селением или городом. Сказания о Москве, составленные в XVI—XVII столетиях, говорят не о городе, а о «красных» сёлах боярина Кучки [1].

К интересным выводам о начале Москвы пришёл М. Г. Рабинович на основании раскопок в «Зарядье», старинном московском квартале у подножия Китайгородской горы. Рабинович пишет, что в Москве X—XI вв. уже существовал посад: «удалось установить и конфигурацию посада, шедшего узкой полосой вдоль реки». Этот посад имел уже развитое металлургическое, литейно-ювелирное и кожевенно-сапожное производство, поддерживая об-

[1] См. «История Москвы», т. I, М. 1952, глава первая.

ширные торговые связи: на западе до Германии, на востоке до Средней Азии и Армении. Однако наблюдения М. Г. Рабиновича основаны на ряде произвольных допущений. Разве находка диргемов в том или ином месте обязательно свидетельствует о непосредственной связи этого места со Средней Азией? Ведь это следы торгового движения в районе Верхнего Поволжья. Диргемы могли совершить сложный и долгий путь раньше, чем попасть в Москву. То же самое можно сказать о пломбе, которую Рабинович точно датирует концом XI в., хотя надпись на пломбе прочитать не удалось. Позволительно сомневаться в том, что груз с пломбой прямым трактом был доставлен, скажем, из Кёльна в Москву в конце XI в.[1] Удивляет также и то обстоятельство, что почти все находки в Зарядье датируются Рабиновичем X—XI вв.; к XII в. отнесена только сапожная мастерская, а находок XIII в., видимо, не было сделано вовсе. Выходит, что Москва была более богатой в X—XI вв., а в XII—XIII столетиях наступил какой-то необъяснимый регресс. Датировка археологических памятников в данном случае требует уточнения.

М. Г. Рабинович много сделал для изучения древней Москвы, но напрасно оторвал понятие «посада» от города; ведь посад — это только городской квартал, где жили ремесленники и торговцы. Без крепости, «города», посад в XII столетии не мог существовать, а все свидетельства, как летописи, так и сказания, единогласно указывают на Юрия Долгорукого, как на основателя города Москвы, хотя это вовсе не значит, что в районе Москвы до этого не было поселений и даже укреплённых городков.

Тем не менее раскопки в Зарядье проливают новый свет на историю Москвы с тем только условием, что «ремесленный посад, где было развито металлургическое, литейно-ювелирное и кожевенно-сапожное производство», надо передвинуть в XII—XIII вв. Летописное известие о разорении Москвы татаро-монголами в 1237 году говорит о ней, как о богатом и цветущем городе[2]. При всех условиях, находки М. Г. Рабиновича заставляют пересмотреть взгляд на Москву, как на захудалый древнерусский город.

[1] *М. Г. Рабинович*, Раскопки в Москве в 1950 году («Краткие сообщения ИИМК», XLIV, стр. 116—124).

[2] См. *М. Н. Тихомиров*, Древняя Москва, М. 1947.

В начале XIII в. Москва становится особым уделом, из-за которого происходила борьба между старшими князьями. В 1214 г. летопись говорит о «москвичах», отделяя их от княжеской дружины, а в сказании о татарском нашествии 1237 г. Москва показана как большой и населённый город. Татары «град и церкви святые огню предали и монастыри все и села пожгли и много именья взявши ушли» [1]. Однако даже во времена Даниила, основателя рода московских князей, Московский кремль занимал лишь угол современного Кремля, посад же тянулся узкой полосой под Кремлём и носил название Подола, продолжаясь далее в районе позднейшего Зарядья.

О Дмитрове становится известно почти одновременно с Москвой. «В лето 6662 (в 1154 г.) родился Юрью сын Дмитрий, — читаем в летописи, — был он тогда на реке Яхроме и с княгинею и заложил град во имя сына своего и нарек Дмитров, сына же назвал Всеволодом» [2]. Известие носит характер позднейшего припоминания, но не заключает в себе чего-либо недостоверного.

Дмитров стоит на реке Яхроме, в том месте, где эта река резко поворачивает на запад. Яхрома когда-то была удобной водной дорогой, имевшей немалое значение. По ней от Дмитрова начинался путь, выводивший к верхнему течению Волги. Новый город должен был прикрывать Залесскую землю с северо-запада, так как Дмитров находился поблизости от Москвы, где начинался прямой путь по Клязьме на Владимир. Таким образом, одновременное появление двух крепостей — Москвы и Дмитрова — объясняется строительной деятельностью Юрия Долгорукого по укреплению северо-западных рубежей Залесской земли.

Стратегическое значение Дмитрова выясняется из рассказа о войне Святослава Всеволодовича с Всеволодом Большое Гнездо в 1180 г. Двигаясь из Черниговской земли на север, Святослав соединился с новгородцами и вошёл в землю Суздальскую. Встреча двух враждебных войск произошла на реке Влене, где войска две недели стояли на разных берегах реки, вступая в отдельные схватки. «Была ведь река та, — говорится в Ипатьевской летописи, — твердо текущая, бережистая. Суздальцы же

---

[1] Лаврент. лет., стр. 438.
[2] ПСРЛ, т. XXV, стр. 58, или т. IX, стр. 198—199.

стояли на горах, во пропастях и ломах»[1]. Боясь приближающейся распутицы, Святослав повернул обратно из Суздальской земли и по дороге сжёг «город Дмитров».

Для понимания описанных событий следует исходить из двух географических пунктов: реки Влены и города Дмитрова, упоминаемых в летописи. Под Вленой нельзя видеть какой-либо другой реки, кроме притока Дубны — Вели, текущей километрах в 25 от Дмитрова. Встреча черниговского войска с новгородским должна была произойти на Верхней Волге. Оттуда соединённые силы Святослава и новгородцев вошли в Суздальскую землю, вверх по Дубне, выводившей вглубь Залесской земли — к Переяславлю и Юрьеву. Недалеко от впадения Вели в Дубну их ожидали суздальцы. Веля действительно течёт в обрывистых берегах, «бережиста», на восточной её стороне подымаются холмы, разделённые оврагами. Здесь-то стояли суздальцы в «пропастях и ломах». Память о какой-то битве на Вели до самого последнего времени сохранялась в окрестных деревнях, видевших, впрочем, и нашествие французов в 1812 г. Святослав отступил к Волге уже не по Дубне (дело было зимой), а другой дорогой — на Дмитров, который защищал, таким образом, подступы к Залесской земле с запада.

Местоположение крепости в Дмитрове необычно. Она занимает небольшой холмик, окружённый теперь мощным валом, несколько в стороне от Яхромы. Крепость прикрывали болотистые луга с севера и запада от вала. Почти под самым валом течёт небольшой проток Старая Яхрома, который в более раннее время, особенно в полую воду, был доступен для небольших судов. К юго-западу от крепости, между валом и протоком, был расположен рынок, а поблизости от неё — церковь Пятницы, обычно сооружавшаяся на торговых площадях.

В известии 1214 г. говорится уже о «преградиях», т. е. предместьях, сожжённых дмитровцами во время нападения на Дмитров москвичей во главе с Владимиром Всеволодовичем[2]. В это время Дмитров был городом

---

[1] Ипат. лет., стр. 418.

[2] «Слышавше же дмитровци, оже идеть на них Владимир, и пожгоша сами все преградие и затворишася. Владимир же приехав не доспе им ничто же, зане дмитровци крепко бнахутся з города» («Летописец Переяславля Суздальского», стр. 112).

переяславского князя Ярослава Всеволодовича. В столкновении москвичей с дмитровцами перевес оказался на стороне последних, но оба города выступают ещё как примерно равноправные единицы по своим силам.

Построение Юрьева связывается преданием с той же строительной деятельностью Юрия Долгорукого, который в 1152 г. «град Юрьев заложил нарицаемый Польский». Указанная дата является, конечно, приблизительной, но предание имеет все черты исторической достоверности. Из Лаврентьевской летописи узнаём о существовании в Юрьеве каменной церкви, сломанной Святославом Всеволодовичем, «иже бе создал дед его Юрги Володимеричь» [1].

Юрьев был построен в центральной части Залесской земли. Поэтому во время княжеских междоусобий «поле Юрьевское» служило местом великих побоищ. В 1177 г. здесь произошёл бой на Колокше у Прусковой горы. По словам С. Шереметева, на старом пути от Владимира к Юрьеву стоит при реке Колокше село Ставрово, в 27 верстах от города. В 6 верстах от Ставрова есть владельческое село Турино, через него протекает река Колочка, впадающая справа в реку Колокшу. Неподалёку находится урочище Каковинский лес, а у села — Бабаева гора, доныне называемая Прусковой, при сельце же Турине — Пруссово поле [2].

Ещё более знаменитая битва имела место под Юрьевом в 1216 г. между горами Юрьевой и Авдовой, «где ныне стоит село Числовские Городищи, сохранившее до сих пор древнее земляное укрепление» [3]. Липицкая битва, названная так по речке, возле которой она происходила, была одним из крупнейших сражений в домонгольскую пору.

Кратковременное процветание Юрьева продолжалось не более полустолетия. Впрочем, и в это время Юрьев далёк от того, чтобы его считали завидным уделом. При разделе Залесской земли после смерти Всеволода Большое Гнездо город достался третьему сыну — Владимиру, который «не хотел княжити в Юрьеве» и бежал на Волок, а оттуда — на Москву, где сел князем, конечно не

[1] Лаврент. лет., стр. 433.

[2] «Юрьев Польский и Романовские вотчины Смердово и Клины», стр. 32—33.

[3] «Спутник по Владимиру», стр. 362.

без согласия москвичей[1]. Позже юрьевским князем делается Святослав — четвёртый из сыновей Всеволода. В 1230—1234 гг. он воздвиг знаменитый юрьевский собор, сплошь украшенный каменной резьбой.

Юрьев был построен на берегу реки Колокши, «в болотистой низменной местности, окружённой возвышенностями», там, где в реку Колокшу впадает река Гза[2]. Город представляется стоящим как бы в яме; следовательно, по выбору места для крепости, валы которой сохранились до сих пор, напоминает соседний Дмитров, основанный почти одновременно с ним.

Название «польский» город получил от окружающего его ополья — волнообразной, во многих местах холмистой и безлесной местности. Почва Юрьевской округи считалась наиболее плодородной во всей бывшей Владимирской губернии.

Позднее других крупных городов Залесской земли возвышается **Переяславль**, обычно называемый Переяславлем Залесским. Местность в районе Переяславского, или Клещина, озера была издавна населена. Название «Клещино озеро» с указанием, что вокруг него жило племя меря, находим уже на первых страницах летописи: «А на Клещине озере меря же». Название своё озеро получило от древнего поселения — города Клещина, упоминаемого ещё в списке русских городов конца XIV — начала XV в. Имя этого города, кажется, славянское. Место Клещина города видят в обнесённом валом укреплении на возвышенном восточном берегу озера, вблизи нынешнего села Городища. «Его довольно мощные земляные укрепления, окружностью до 500 *м*, сохранились до сих пор в виде оплывших и осевших валов с четырьмя разрывами на месте ворот»[3]. Таким образом, на берегу Переяславского озера город стоял с давнего времени.

Условия для развития городской жизни были здесь примерно такие же, как и в районе Ростова. Озеро изобиловало большим количеством рыбы, из которой особенно ценилась переяславская сельдь. Плодородная почва Переяславского ополья благоприятствовала земле-

---

[1] «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 111.
[2] «Спутник по Владимиру», стр. 361.
[3] *Н. Н. Воронин*, Переяславль Залесский, М. 1948, стр. 6.

делию. Некоторое торговое значение должна была иметь река Нерль, впадающая в Волгу.

Первоначальный Переяславль, или Клещин, однако, не имел большого значения, иначе летописец упомянул бы о городе, говоря об одноимённом озере. Рост города связан с колонизационной деятельностью Юрия Долгорукого, который в 1152 г. «град Переяславль от Клещина перенес и создал больше старого, и церковь в нем поставил каменную святого Спаса» [1].

Новый город назван был Переяславлем в честь южного Переяславля, хорошо знакомого Юрию Долгорукому. Небольшая речка, при впадении которой в озеро был создан город, получила название Трубежа, ибо южный Переяславль также стоит на Трубеже. Города Южной Руси были образцами для княжеских городов Руси Залесской.

Вновь сооружённый город стал иногда называться Переяславлем Новым. В 1195 г. город был заново «заложен», стены его срублены из дерева [2]. Остатки древнего вала, нередко возобновляемого позже, и следы рва сохранились до сих пор. Раскопки Н. Н. Воронина доказали, что основание города и постройка собора в Переяславле «происходили на совершенно пустынном и необитаемом месте» [3]. Валы имели протяжение в 2,5 *км* и по длине значительно превосходили валы крепостей Дмитрова, Юрьева, Москвы.

По своему местоположению Переяславль очень напоминает Дмитров. И здесь высокий вал и окружающие его болота служили главной защитой от нападения.

Переяславль в XII в. явно выделялся из числа других городов Залесской земли. Особое внимание к нему со стороны князей доказывается сооружением в нём собора Спаса Преображения, начатого постройкой при Юрии Долгоруком в 1152 г. и законченного при Андрее Боголюбском. Реликвией, восходящей к первым годам существования Переяславля, является известный переяслав-

---

[1] ПСРЛ, т. IX, стр. 197.

[2] «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 73, под 1157 г. «Того же лета заложи великий князь Всеволод город Переяславль, месяца июлия в 29 день. Того же лета и срублен бысть» (там же, стр. 102).

[3] *Н. Н. Воронин,* Раскопки в Переяславле-Залесском («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 196).

ский потир, или чаша, изготовленная русскими мастерами в XII в. и имеющая изображение Георгия — патрона Юрия Долгорукого [1].

В междоусобной войне после убийства Андрея Боголюбского впервые выступает значение Переяславля как крупного городского центра. «С переяславцами имели володимерци едино сердце» [2], — говорит о событиях этого времени переяславский летописец. Этот союз знаменателен как показатель единства новых городов в их борьбе со старыми центрами. Владимирцы и переяславцы всюду действовали совместно. Впрочем, Лаврентьевская летопись обычно говорит только о владимирцах, а переяславский летописец всюду добавляет «и переяславци». В событиях конца XII в. Переяславль явно занял по крайней мере четвёртое место среди городов Залесской Руси. Перед смертью Всеволод Большое Гнездо отдал Ростов старшему сыну Константину, Владимир — второму сыну, Юрию, Переяславль — третьему сыну, Ярославу.

Время Ярослава Всеволодовича было эпохой наибольшего, хотя и кратковременного процветания Переяславля, сделавшегося на этот раз стольным городом сильного князя. О размерах переяславской торговли говорит известие о расправе Ярослава с новгородскими и смоленскими купцами в 1216 г., «иже бяху зашли гостьбою в землю его». Новгородцев погибло 150, а смольнян — 15.

Почти одновременно с Переяславлем на арену исторической жизни выступает **Ярославль.** Он был основан при впадении реки Которосли в Волгу. Время его построения точно не известно, и только название «Ярославль» указывает на более или менее определённое время — княжение Ярослава Мудрого. Наиболее вероятным временем его основания считают 1026—1036 гг., когда Ярослав будто бы объезжал Ростовскую область [3]. Но дата основания города может быть отодвинута далее в древность. По летописи, Ярослав первоначально княжил в Ростове, а только после смерти старшего брата

---

[1] *А. Орешников,* Заметка о потире переяславль-залесского собора («Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом», год V, № 11, М. 1897, стр. 337—345).

[2] «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 86.

[3] *П. Семёнов,* Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V, СПБ 1885, стр. 972.

Вышеслава перешёл в Новгород. Случилось это не позже 1015 г. Между тем связь Ярославля с Ростовом совершенно явная, так как Которосль берёт начало из Ростовского озера. Построение Ярославля, таким образом, имело задачей охрану пути от Волги к Ростову. Следовательно, с полным основанием можно считать, что Ярославль был основан до 1015 г.

В летописи о Ярославле впервые упоминается в 1071 г. Как и в самом Ростове, в нём было сильно языческое влияние. «Два волхва» от Ярославля явились зачинщиками восстания в Ростовской земле [1].

Замечательной особенностью в истории Ярославля было его слабое развитие в XI—XII вв. как городского центра. Между тем Ярославль стоял на великой волжской дороге в отличие от Ростова, находившегося от неё в стороне. Это обстоятельство лишний раз показывает, как опрометчивы суждения о происхождении многих городов в виде торговых пунктов. Общее оживление волжского пути, происходившее в начале XIII в., сказалось и на Ярославле.

В известиях этого времени Ярославль — значительный город. В пожар 1221 г. в Ярославле сгорело 17 церквей, в нём существовал особый княжеский двор, на котором Константин Всеволодович поставил каменную церковь Успения. Возросшее значение Ярославля в начале XIII в. подчёркивается титулованием ростовского епископа пастырем и учителем «Ростову и Ярославлю и Углечю полю», а также появлением в Ярославле особой княжеской династии [2].

Раскопки разведочного характера, произведённые на территории бывшего Детинца в Ярославле, пока дали сравнительно немного для истории города в XI—XIII вв. Можно отметить только, что в быте древнего Ярославля немалое значение имело рыболовство, «о чём говорят многочисленные грузила от сетей, наличие ладей с набоями на железной клёпке» [3]. Найдены были также остатки каменной церкви, предположительно — Успенского собора 1216 г., обломки плиткообразного кирпича,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 170.

[2] Там же, стр. 423 («загореся град Ярославль, и мало не весь погоре, и церквий изгоре 17»), стр. 416, 434, 420.

[3] *Н. Н. Воронин,* Раскопки в Ярославле («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 177—192).

почти тожественные кирпичу Успенского княгинина монастыря во Владимире начала XIII в. Впрочем, незначительные результаты раскопок в Ярославле могут зависеть и от случайных причин, в частности от того, что поиски велись на ограниченной площади.

Древний город стоял на мысу при впадении Которосли в Волгу, где находится Успенский собор и несколько церквей. Впоследствии эту часть Ярославля называли «Рубленым городом», к которому примыкал «Земляной город».

В известиях XII столетия впервые появляется **Углич**, или «Угличе поле». Он упоминается в 1149 г. по случаю войны новгородцев с суздальцами [1]. Название Углича объясняют тем, что Волга делает в районе города изгиб наподобие угла, но, насколько это словопроизводство вероятно, судить трудно. Баснословная история Углича говорит, что на его месте некогда жили люди, «древле называемыя угляны, разселенными слободами по берегом тоя реки Волги», а город был построен некиим княжичем Яном в X в., но это типичное баснословие XVII—XVIII вв., ничем не подтверждённое [2]. Редкие упоминания об Угличе, называемом ещё раз под 1231 г., говорят о небольшом значении этого города в Залесской земле до монгольского нашествия.

В начале XIII в. начинает возвышаться **Нижний Новгород**, заложенный в 1221 г. Юрием Всеволодовичем [3]. Местоположение нового города было совершенно исключительным по своим географическим выгодам: город построен на холме при впадении Оки в Волгу, на высотах, называемых Дятловыми горами. П. И. Мельников убедительно доказал, что до города, построенного Юрием, в этом же месте существовал другой, более старый русский город [4], которому, впрочем, должно было предшествовать ещё более раннее поселение. По старинному и достоверному преданию, район позднейшего Нижнего

---

[1] Лаврент. лет., стр. 304.

[2] *Ф. Гиляров*, Предания русской начальной летописи, М. 1878, стр. 321—325; см. также *Ф. Киссель*, История города Углича, Ярославль 1844.

[3] «Заложи град на усть Окы» (Лаврент. лет., стр. 423).

[4] *П. И. Мельников*, О старом и новом городах в Нижнем Новгороде («Труды IV Археологического съезда в Казани», 1877, стр. 178—185).

Новгорода был населён мордвою. «А владели тою землею погании, мордва», — читаем в позднем и путаном Нижегородском летописце.

Повидимому, на месте Нижнего Новгорода раньше стоял мордовский городок, а русское поселение на устье Оки стало увеличиваться с того времени, как усилились сношения Залесской Руси с Волжской Болгарией [1].

Нижний Новгород сделался опорным пунктом для походов русских князей в мордовские земли. К татарскому нашествию Нижний Новгород уже так выделялся среди других русских городов Залесской земли, что летописец называет его вторым Новгородом. Внешними признаками, выделяющими Нижний Новгород из общего уровня русских городов, было существование каменной церкви Спаса, построенной в 1225 г. [2], и монастыря Богородицы за городом. Чудесное местоположение Нижнего Новгорода — на горах, над могучей рекой, — напоминающее Киев, и здесь привело к переносу киевских топографических названий на новый город. Так, в Нижнем Новгороде появилась речка Почайна, а монастырь стал называться Печерским.

Волок-Ламский упоминается впервые в 1135 г. как место сбора новгородского и киевского войска [3]. Название «Волок» указывает на существование водного пути по Ламе, Шоше и Волге. В половодье Лама могла быть доступна для небольших судов, несмотря на свои небольшие размеры. Город возник, вероятно, там, где водный путь прекращался и начинался «волок» к Тростенскому озеру, откуда берёт начало Озерна, впадающая в Рузу, приток Москвы-реки. Древнее городище с валами сохранилось до сих пор. Оно расположено на небольшом холме, который возвышается над местностью от 11 до 17 *м*. С двух сторон крепость омывается речкой Городнёй, впадающей в Ламу в 2 *км* ниже города. Никакого указания на крупное значение этого города в XII—XIII вв. не имеем. В Летописце Переяславля Суздаль-

---

[1] *Л. М. Каптерев*, Нижегородское Поволжье X—XVI веков, Горький 1939, стр. 75—78; см. также *С. Агафонов*, Горький — Нижний Новгород, М. 1947.

[2] Лаврент. лет., стр. 425—429.

[3] Лаврент. лет., стр. 287, 367; *И. П Машков*, Воскресенский собор в Волоколамске («Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой», М. 1916, стр. 295—310).

ского упоминается о Волоке как поселении под 1213 г. В него бежал князь Владимир Всеволодович из Юрьева [1].

Под 1209 г. впервые упоминается **Тверь**, основание которой Татищев, а вслед за ним Борзаковский относят к 1181 г., когда «на Вълзе устье Тьхвери» встретились новгородцы и черниговцы [2]. Своё название город получил от реки Тверцы, или Твери, при впадении которой в Волгу он был первоначально построен. В том, что город был создан на северном берегу Волги, видят указание на то, что первоначальный городок был поставлен новгородцами для укрепления своих границ со стороны Суздальской земли, но в 1215 г. Тверь уже, несомненно, входила в состав волостей переяславского князя Ярослава Всеволодовича [3]. В известиях о «розмирьи» Ярослава с новгородцами явственно выступает значение нового города, через который шёл самый удобный путь из Новгорода в Суздальскую землю. Захватив Торжок и Тверь, переяславский князь прекратил подвоз продовольствия к Новгороду, что вызвало в нём голод.

Вопрос о первоначальном местоположении Твери до сих пор ещё полностью не разрешён, хотя указание на устье Твери в летописи может говорить о первоначальном поселении на северном берегу Волги. На раннее заселение этой местности намекает находка германских монет X в. в черте города, на северном берегу Твери. Некоторые авторы считают ранним указанием на заселение Твери упоминание об игумене Отроча монастыря, бывшем во Владимире в 1206 г. Но это явное недоразумение. Летопись пишет, что во Владимире в это время пришлось быть «и смоленьскому епископу, Михаилу, игумену Отрочего монастыря, потому что они приехали из Смоленьска от Мстислава молиться о извиненьи его». Речь здесь идёт об Отроче монастыре в Смоленске [4].

Начало XIII в. — это только время оформления Твери как города.

---

[1] «И бежа в Волок, а с Волока на Москву» («Летописец Переяславля Суздальского», стр. 111).

[2] Новгород. лет., стр. 36.

[3] *В. С. Борзаковский*, История Тверского княжества, СПБ 1876, стр. 17—19.

[4] *А. Н. Вершинский*, *Возникновение феодальной* Твери («Проблемы истории докапиталистических обществ» № 9—10, 1935 г., стр. 114); Лаврент. лет., стр. 404.

Коломна тоже появляется только в XII в. как город, стоявший на пути из Владимира в Рязань. Впервые она названа в качестве такого пункта в 1177 г., когда Всеволод Большое Гнездо узнал на Коломне, что рязанские князья прошли к Владимиру «иным путем» [1]. Водная дорога по рекам Клязьме, Москве и Оке была торным путём для движения в Рязанскую землю и обратно.

В это время уже оформилось значение Коломны как узла путей. Город связывал верхнее и нижнее течения Оки с бассейном Москвы-реки [2]. Коломна упоминается в восточных летописях по случаю того, что под ней был убит Кулькан, сын Чингиз-хана [3].

Город был построен при впадении реки Коломенки, от которой он получил своё название, в Москву-реку. Выбор места для города был вызван интересами обороны, так как место при впадении Москвы в Оку затопляется ежегодными весенними разливами [4]. Современный Кремль в Коломне занимает более обширное место, чем древний город. Торг в Коломне, как и в других древних городах, был расположен тотчас же у крепостных стен, но вне Кремля. Пятницкие ворота Кремля напоминают о церкви Пятницы, традиционно украшавшей торговую площадь города.

Своеобразным городским поселением было **Боголюбово.**

Летописец даёт понять, что этот город возник как княжеский центр, во всём подобный Вышгороду под Киевом. Место, выбранное для Боголюбова, было удачным. Он стоял поблизости от впадения Нерли в Клязьму и до известной степени в силу этого господствовал под Владимиром и Суздалем. Но в этом и заключалась экономическая слабость нового города, чересчур близкого к двум мощным и ранним городским пунктам, что вызвало его быстрое захирение [5].

На отдалённом севере Залесской земли можно отметить четыре города — Белоозеро, Устюг, Вологду и Кострому.

---

[1] Лаврент. лет., стр. 363—364.

[2] Там же, стр. 382.

[3] *В. Г. Тизенгаузен,* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л. 1941, стр. 36.

[4] *О. П. Булич,* Коломна, М. 1928, стр. 8.

[5] О Боголюбове см. статью Н. Н. Воронина «На берегах Клязьмы и Немана» в сборнике «По следам древних культур. Древняя Русь», стр. 255—288.

Белоозеро упоминается уже на первых страницах летописи: «На Белоозере седять Весь». По сказанию о призвании варягов, на Белоозере княжил легендарный Синеус. Предание о прежнем значении Белоозера и сидевшей на ней «Веси» находит опору в сказаниях Ибн-Фадлана о стране Вису, откуда привозят соболей и чёрных лисиц [1]. Впрочем, сомнительно, чтобы Белоозеро представляло собой крупный населённый пункт в XI—XIII вв.; вернее, это был небольшой укреплённый городок, где ещё в XI столетии прочно держалось язычество, как это видно из рассказа о восстании волхвов в 1071 г.

Устюг впервые упоминается в 1218 г. по случаю взятия его болгарами [2]. Название его — русское и обозначает, что город находился на устье реки Юг (Усть-Юг) при её слиянии с Сухоной. Выгодное положение города было предпосылкой его дальнейшего развития. В XIII—XVII вв. Устюг сделался крупнейшим городским центром в бассейне Сухоны и Северной Двины.

Местом, где первоначально стоял Устюг, считается гора Гледень на правом берегу Сухоны при слиянии Юга с Сухоной. Позже город был перенесён на левый берег Сухоны, в 4 *км* от Гледеня. На месте старого города остался Троицкий гледенский монастырь.

Причиной, вызвавшей перенос города на новое место, устюжские предания считают постепенное подмывание горы Гледень рекою Юг, что будто бы угрожало опасностью городку. Но Троицкий гледенский монастырь до сей поры стоит на месте прежнего городка, и непосредственная опасность от обвалов ему не угрожает. Вероятнее думать, что перенос города был вызван причинами торгового и стратегического характера, в связи с участившимися нападениями камских болгар в начале XIII в.

Город был поставлен на северном берегу Сухоны, которая, таким образом, должна была защищать его от нападения с юга. Действительно, Устюжское городище, находящееся несколько в стороне от позднейшего центра города, представляет собой укрепление, поставленное в низине и окружённое болотом и долиной небольшой речки, впадающей в Сухону. По своему типу оно примыкает

[1] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 74.

[2] Лаврент. лет., стр. 476 («взяша болгаре Устюг»). В Устюжской (Архангелогородской) летописи болгары ошибочно названы татарами.

к городищам Владимиро-Суздальской Руси (Дмитровскому, Переяславскому). Городище стоит в непосредственном соседстве с Сухоной, где должна была находиться речная пристань. В документах старый город уже назывался в XVII в. городищем «в старой осыпи», т. е. за старым валом [1].

Предания о древнем Устюге рисуют его как богатый и довольно населённый пункт. Так, к 1212 г. относят основание Архангельского монастыря, связывая его начало с временем великого князя Константина Всеволодовича. В предании о татарине Буге говорится об устюжском вече. Бывший татарский ясащик, насильничавший на Устюге, «добил челом устюжаном на их воле, и крестился». Это известие, впрочем, относится уже к 1262 г. Старинное предание добавляет, что крещёный татарин Иван Буга однажды поехал с соколом на охоту за утками, но одержим был сном, слез с коня, привязал его к дереву, посадил сокола на луку у седла, лег на землю и заснул. Во сне он имел видение поставить церковь Ивана Предтечи, которую и воздвиг, «еже есть на Соколье горе» [2].

В этом предании особенно интересно указание на то, что в Устюге существовало вече. Слова летописца о Буге, «добившем челом на всей воли устюжан», типичны и для новгородских памятников. Тем не менее Устюг никогда не принадлежал к новгородским владениям, а был связан с Ростовом. В 1220 г. в ответ на более раннее нападение болгар великий князь Юрий Всеволодович велел ростовскому князю послать на болгар свои полки. Тот отправил один полк из Ростова, а другой «с Юстьюга на верх Камы». Устюжане, по словам летописи, отпущены были воевать вниз по Каме и взяли много городков и сёл [3].

При всей краткости и неполноте известий об Устюге этот город предстаёт перед нами как один из значитель-

---

[1] *Борис Дунаев,* Город Устюг Великий, изд. т-ва «Образование», 1919.

[2] «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)», М.—Л. 1950, стр. 45; *И. К. Степановский,* Вологодская старина («Историко-археологический сборник», Вологда 1890, стр. 26, 150—159).

[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 116—117.

ных русских городов на далёком севере. Таким он рисуется и в «Слове о погибели Русской земли», по которому Русская земля на востоке простирается до Устюга, а за ним живут уже «тоймицы погании» — языческие народы.

Среди северных городов должна быть отмечена **Вологда**. Старое предание сообщает, что Герасим Вологодский пришёл на Вологду из Киева в 1147 г. — «еще до начала града Вологды». Житие Герасима — источник поздний и ненадёжный, но дата прихода Герасима на Вологду могла быть записана в монастырских книгах, например на полях или в послесловии. В XIII в. Вологда уже существовала, как это видно из договора Новгорода с Ярославом Ярославичем 1263 г.

В раскопках, произведённых в Вологде, был найден «обломок чёрного ложновитого стеклянного браслета XI—XIII веков», что указывает на существование здесь какого-то поселения в домонгольское время [1].

До монгольского нашествия возникла и **Кострома**, о сожжении которой летописец сообщает в 1214 г. [2]

Ещё в конце прошлого столетия было доказано, что предание о первоначальном расположении Костромы на месте селения Городище на правом берегу Волги не подтверждается археологическими данными. Материал, обнаруженный в районе Городища, относился к ранним векам, тогда как предметов XI—XII вв. обнаружено не было. Ряд находок определённо указывал на то, что до середины XIII в. Кострома находилась на левом берегу Волги, на территории нынешнего города, получив своё название от реки Костромы.

Первоначальный Детинец Костромы находился при впадении реки Сулы в Волгу, на высоком холме, где когда-то стояла деревянная церковь Феодора Стратилата, о которой упоминается в летописном известии 1276 г. Ещё в XVII в. здесь находилась «старая осыпь», т. е. вал. Раскопки дали богатый керамический материал. Сосуды, найденные в Костроме, отличаются своими местными особенностями, «ширина их всегда больше высоты».

---

[1] *А. В. Никитин*, Раскопки в Вологде в 1948 году («Краткие сообщения ИИМК», 52, 1953 г., стр. 99—104).

[2] «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 111.

Замечательной находкой явилась глинобитная печь, в непосредственной близости от которой лежали куски застывшей белой стеклянной массы и железный шлак, применявшийся для изготовления стекла. «Обнаруженный материал даёт возможность говорить о существовании в домонгольской Костроме специальной мастерской стеклянных браслетов». Таким образом, Кострома уже в домонгольское время имела стеклоделательные мастерские, которые были пока обнаружены для этого периода только в Киеве [1].

---

[1] *М. В. Фехнер,* Раскопки в Костроме («Краткие сообщения ИИМК», XLVII, стр. 101—108).

Глава 9

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

По списку русских городов конца XIV — начала XV в. в Рязанской земле насчитывалось значительное число городских поселений, но все эти населённые места были, повидимому, просто укреплёнными пунктами с незначительным городским населением [1]. Во всей Рязанской земле можно указать 4 города с более или менее многочисленным населением — Рязань, Муром, Пронск и, может быть, Переяславль Рязанский.

Рязань, называемая теперь Старой Рязанью, стояла на возвышенном правом берегу Оки, несколько ниже впадения в неё реки Прони. Впервые Рязань упоминается под 1096 г. по случаю войны Олега Святославича с Владимиром Мономахом, но, несомненно, она существовала ранее [2]. Д. И. Иловайский производил название города от местного слова «ряса», обозначавшего топкое, несколько болотистое место [3]. Но этот домысел нельзя назвать удачным. Гораздо вероятнее название «Рязань» искать в корнях мордовских слов и сближать его с племенным названием мордвы — «эрзя».

В источниках Рязань появляется поздно, только с 1096 г., но с этого времени Рязань и рязанцы уже не сходят со страниц летописи. Рязанцы и рязанские князья

[1] *М. Н. Тихомиров,* «Список русских городов дальних и ближних» («Исторические Записки» № 40, 1952, стр. 214—259).

[2] Лаврент. лет., стр. 223.

[3] *Д. Иловайский,* История Рязанского княжества, М. 1858, стр. 23.

ведут постоянную борьбу с великими князьями владимирскими за преобладание в Северо-Восточной Руси. К сожалению, характер известий о Рязани таков, что мы с трудом можем из них извлечь сведения о самом городе, кое-как пополняемые только с помощью археологии.

Рязанская земля по течению Оки и Прони была населена в XII—XIII вв. довольно густо, как об этом можно судить по указаниям на отдельные поселения в этом районе. Верховья Прони близко подходили к верхнему течению Дона. Рязань как бы замыкала собой один из караванных путей от междуречья Волги и Оки к берегам Азовского моря. Роскошные заливные луга, река, богатая рыбой, плодородная почва создавали здесь особые условия для роста города.

Крупнейшим рязанским городом была **Старая Рязань.** Остатки древнего вала сохранились в Старой Рязани до настоящего времени. Вал окружал город с трёх сторон, с четвёртой Рязань была прикрыта природной крутизной речного берега. Город по размерам занятой площади выделялся из числа обыкновенных укреплённых замков.

А. Л. Монгайт, наиболее полно исследовавший за последнее время топографию Старой Рязани, так описывает её городище: «Старорязанское городище, в настоящее время представляющее собой распаханное поле, с южной и восточной сторон обнесено валом и глубоким рвом. Северная сторона городища упирается в овраг, по дну которого протекает ручей Серебрянка, впадающий в Оку. Южная сторона городища частично примыкает к правому берегу Чёрной речки, а западная омывается Окой. Вал отделяет от поля территорию древнего города, по площади равную 48 гектарам, в плане близкую к четырёхугольнику» [1].

Важной особенностью Старорязанского городища является наличие на нём возвышенной северной части, холма, отделённого от остального городища оврагом, размытым на месте рва. Монгайт предполагает, что здесь и возникло древнейшее славянское поселение X в., которое потом распространилось на всю территорию, отделённую теперь внутренним валом. В XI столетии тут

[1] *А. Л. Монгайт*, Топография Старой Рязани («Краткие сообщения ИИМК», XLIV, стр. 104—115).

находился Кремль Старой Рязани. В XII в. Рязань была окружена обширными валами; князь и бояре переселились в более удобную южную часть города, в район Успенского и Борисоглебского соборов.

Схема, предложенная А. Л. Монгайтом, заслуживает ещё дальнейшей проверки, но очень вероятна. В частности, она находит аналогию в топографии древнего Киева, где первоначальный город сосредоточивался в районе Десятинной церкви, а позже передвинулся к Софийскому собору. Сомнительно, впрочем, чтобы валы окружали все кварталы города, так как некоторые ремесленные производства требуют большого количества воды и обычно располагались на низменных речных берегах. Как далеко шли ремесленные слободы Старой Рязани, сказать невозможно, ибо в позднейшее время город потерял своё прежнее значение и память об его прежней топографии стёрлась. Во всяком случае, остатки их надо искать поблизости от городка, может быть в районе современного села Старая Рязань.

В городе стояли каменные Успенский и Борисоглебский соборы. В крестчатом плане Борисоглебского собора некоторые исследователи видят несомненное влияние кавказской архитектуры XII в., как и в церкви Ольгова городка при впадении Прони в Оку [1]. Это наблюдение имеет для историка большой интерес, если вспомнить о несомненных связях соседней Залесской земли с Кавказом.

О былом богатстве Рязани говорят клады, найденные на её территории. В 1822 г.. местные крестьяне внутри вала наткнулись на клад золотых предметов, находившийся на глубине до 0,6 *м* ($^3/_4$ аршина) в истлевшем кожаном мешке. Клад заключал 11 круглых блях нагрудного убора («бармы»), украшенных самоцветными камнями, эмалью и жемчугом. Уже первые издатели клада отметили, что медальон с изображением Ирины имеет надпись «Орина», что указывает на русского мастера [2].

Толстой и Кондаков прямо говорят, что некоторые медальоны клада — «местной рязанской работы». Они

---

[1] *Л. И. Некрасов,* Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII века, стр. 76—77.

[2] «Рязанские русские древности или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ села Старая Рязань», СПБ 1831.

отмечают, что «работа сканных украшений, оставаясь прежнего типа, отличается здесь редким совершенством и небывалою тонкостью, ясно показывая, до чего могла достигать ловкость русских мастеров»[1]. Судя по богатству украшений, рязанские бармы сделаны в княжеской мастерской.

Для оценки былого богатства Рязани важно отметить периодические находки кладов в районе Рязани, что исключает представление о случайном заносе драгоценностей в эти отдалённые земли Древней Руси. Такие клады были найдены в Старой Рязани в 1868 г. при распахивании земли возле остатков вала древнего городища, в 1887 г. — при обвале от дождя одной из сторон холма, на котором находится сельское кладбище. Вещи второго клада были завёрнуты в кусок ткани и помещались на глубине в 32 аршина от поверхности холма[2]. Замечательнее всего, что рязанские клады в той или иной мере однородны по подбору предметов. В большинстве это наплечные украшения, на которых, видимо, специализировались рязанские мастера. Различие в богатстве украшений говорит за то, что оплечья изготовлялись не только для княжеского двора, но были рассчитаны на более широкий сбыт.

Раскопки, произведённые в Старой Рязани за последние годы, показывают широкое развитие в этом городе металлического производства. Ремесленники Старой Рязани занимались обработкой чёрного и цветных металлов. В одной землянке были обнаружены «слитки олова и многочисленные обрезки тонких листов меди, медные мелкие изделия, медная стружка». В одной яме, находившейся рядом с полуземлянкой ремесленника, «найдено много железного шлака, криц, молоток, зубило». Специальностью Старой Рязани было производство различного рода металлических украшений с перегородчатой эмалью. Неоднократные находки шейных цепей, иногда типа богатейших украшений, говорят о существовании здесь одного из центров их производства. Но это дорогие предметы. Наряду с ними выпускались и более мелкие вещи для относительно широкого сбыта. Рязанские вещи распространялись не только в соседних древнерусских

[1] *И. Толстой* и *Н. Кондаков*, Русские древности, вып. V, стр. 104.
[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 77—80.

землях, но и среди мордовского населения. Об этом говорит находка «узких и тонких медных полосок, служивших для изготовления мордовских накосников» [1].

При раскопках обнаружены были главным образом землянки и полуземляники ремесленников. Но существовали и наземные постройки гораздо большего размера. Одна постройка, вскрытая раскопками, занимала относительно большую площадь; в ней была глинобитная печь. К северу от постройки стоял амбар, где найдены были ржаные зёрна. Центральная и юго-восточная части Старой Рязани были заселены менее густо, чем северная, судя по тонкому культурному слою. Вероятно, здесь жили более зажиточные круги старорязанского населения, усадьбы которых были окружены садами и огородами. Старая Рязань в период своего расцвета являлась типичным средневековым городом. Дома тут перемежались с огородами, садами, пустырями.

Письменные известия также рисуют Рязань крупным центром, где с конца XI в. сидят самостоятельные князья. Крупнейшей фигурой среди них был Ярослав Святославич, младший брат знаменитого Олега Черниговского. Утверждение черниговской ветви князей в Рязани указывает на путь заселения Рязани из Северской земли. Этим объясняется та непрерывная непримиримая борьба, которую рязанские князья вели с владимирскими. Различие между Рязанской и Залесской землями заключалось не только в том, что они управлялись разными ветвями князей, но и в том, что рязанцы и соседние владимирцы вели своё происхождение от разных племенных групп восточного славянства: первые — от вятичей и северян, вторые — от кривичей.

В 1195 г. в Рязани уже существовал Борисоглебский собор, служивший усыпальницей рязанских князей. При раскопках найдены фундаменты трёх каменных церквей: Успенского, Спасского и Борисоглебского соборов. Укрепления города были деревянными. Так надо понимать сообщение летописи о сожжении «града» в Рязани в 1208 г. по приказанию Всеволода Большое Гнездо. Это же летописное сообщение показывает, что под рязанцами понимались горожане, которые были способны сказать владимирскому князю «бую речь, по

[1] *А. Л. Монгайт*, Топография Старой Рязани, («Краткие сообщения ИИМК» XLIV, стр. 104—115).

своему обычаю и непокорству». Сжигая городские укрепления, Всеволод всё-таки пощадил людей и их имущество [1]. Неизвестно, когда резиденция епископов была переведена из Мурома в Рязань, но случилось это, во всяком случае, не позднее начала XIII в.

Вторым центром Рязанской земли был Муром — один из древнейших русских городов, сохранивший дославянское название. Начальная летопись ещё помнила о существовании особого народа — «мурома», оставившего свой след в названии города. Предания об упорном сопротивлении местных жителей введению христианства твёрдо держались в памяти муромских жителей ещё в XVI в., как и представление об его былой славе. Составитель сказания о граде Муроме даже пытался осмыслить название города, уверяя, что он имел «стены каменны и мраморяны и тако нарицашася град Муром» [2].

Представления о небывалой славе своих городов весьма типичны для многих бытописателей истории родных городов и нередко встречаются в сочинениях не только XVI в., но даже нашего времени. Гораздо важнее замечания автора о том, что город находился ранее «не на том месте, где ныне есть, но был негде в том же граде, отстояние имея немного от нынешнего града» [3], а этим «нынешним градом» автор считает муромское «Старое городище». Стало быть, древний, дославянский Муром лежал где-то поблизости.

Изучая положение Мурома, мы сталкиваемся с вопросом, почему именно в этом месте бассейна Оки возник крупный город. Может быть, это объясняется близостью Мурома к соседним мордовским землям, с которыми он был связан течением Теши, а также Мокши с Цной. Первоначальный Муром мог вырасти как пункт по торговле ближайших мордовских земель с Великими Болгарами, подобно Белоозеру с окружающей его страной «Весу». Наша догадка подтверждается известием 1088 г.: «взяша болгаре Муром». Это известие приход-

[1] «И повеле великий князь всем людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град» (Лаврент. лет., стр. 412—413).

[2] А. Л. Монгайт ошибочно принимает народ («мурома») за название города (*А. Монгайт*, Муром, М. 1947, стр. 5).

[3] *Н. Серебрянский*, Древнерусские княжеские жития («Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1915 г., кн. 3, приложение, стр. 100—101).

нимает завесу над прошлым города, обнаруживая связь Мурома с камскими болгарами и претензии их на этот город.

Из текста летописи можно понять, что Муром уже существовал в IX в., во всяком случае, в конце X — начале XI в. в нём видим самостоятельного князя Глеба Владимировича[1], убитого по приказанию Святополка Окаянного.

Сказание о граде Муроме уверяет, что Глеб не одолел «неверных» людей и два года жил в 12 верстах от города, что, может быть, является отражением какого-либо действительного факта. В XI—XII вв. князья Борис и Глеб считались уже покровителями Мурома, что вызвало посвящение городского собора их имени.

Вопрос о времени утверждения христианства в Муроме не безразличен для историка, так как с ним связан вопрос об окончательном установлении власти русских князей на Оке. Что Ярослав Мудрый уже владел Муромом, об этом мы знаем из сообщения об убийстве в Муроме опального новгородского посадника Константина[2]. Тем не менее внедрение христианства в Муроме многие историки относят к позднему времени на основании сказания о граде Муроме, по которому апостолом христианства в нём был князь Константин с сыновьями Михаилом и Фёдором. При всей путанности сказания в его различных редакциях под него пытаются подвести историческую основу, что получается у разных авторов довольно несогласованно.

Д. И. Иловайский обращение жителей Мурома в христианство относит к началу XII в., принимая за Константина жития Ярослава Святославича, хотя известно, что христианским именем его было Панкратий[3]. Авторы описания муромских древностей уже прямо говорят, что Константин скончался в 1205 г.[4] Н. Серебрянский отмечает, что житийная дата кончины князей — начало XIII в. — может оказаться правильной, ибо в XVI в., когда писалось житие муромских князей (сказание о граде Муроме), единственным руководством служили

---

[1] Лаврент. лет., стр. 201, 118.

[2] ПСРЛ, т. XV, стр. 142.

[3] *Д. Иловайский,* История Рязанского княжества, стр. 33—34; см. также в «Христианском месяцеслове», М. 1900, под 21 мая.

[4] «Спутник по Владимиру», стр. 322.

надгробные доски над их могилами, а имя Константин и воспоминание о трудности обращения муромцев в христианство повели к легенде о том, что именно князь Константин обратил муромцев в христианство.

На наш взгляд, даты, указанные в житии муромских князей, — 1224 и 1232 гг. (6731 и 6740) — имеют полное основание считаться достоверными, ибо сам автор жития говорит о каменных досках, найденных на гробах князей, где могли быть вырезаны их имена и даты их кончины [1]. Крещение Мурома к этому времени было фактом состоявшимся, и Константин был сделан муромским апостолом по аналогии с Константином Великим, вследствие чего и празднование его было положено на 21 мая, когда праздновались равноапостольные Константин и Елена.

В конце XI в. уже говорится о муромцах и о Муроме, как о значительном «граде» на Оке. В это время муромским князем становится Ярослав Святославич, которого так и называет муромским князем в своём послании митрополит Никифор. Муром этого времени, несомненно, был христианским городом, а в 1174 г. в нём указана церковь «Христова», которую создал князь Георгий Муромский [2].

Первоначальный город XI в. находился на Старом городище, где была поставлена церковь Благовещения (впоследствии Благовещенский монастырь), которую в XVI в. считали «первоначальной». Здесь-то и найдены были «каменные доски велики» на гробах усопших князей. На значительность Мурома в XI в. указывает существование особой муромской епископии. Перенос епископии в Рязань означал начавшееся захирение Мурома.

Интересный материал для суждения о древнем Муроме дают предметы из Муромского могильника. Они найдены были на территории, находящейся в полкилометре от Муромского кремля. Предметы, найденные в могильнике, датируют его VII—XI вв.

Инвентарь могильника характерен для муромских могильников, в особенности инвентарь женских погребений с их «шумящими» привесками, различного рода перстнями, спиральными запястьями, браслетами и пр. Пови-

[1] *Н. Серебрянский,* Древнерусские княжеские жития («Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1915 г., кн. 3, стр. 238—239).

[2] Лаврент. лет., стр. 347.

КРУПНЕЙШИЕ РУССКИЕ ГОРОДА
XII – первой половины XIII вв.
Наиболее крупные города, центры земель
Крупные города
Города с посадами
75 0 75 150 225 300 км
БЕЛОЕ МОРЕ
Печора
Сев. Двина
Вычегда
Сухона
Великий Устюг
оз. Онежское
оз. Ладожское
Свирь
Финский залив
Балтийское море
Нева
Ладога
Белоозеро
Вологда
Юрьев
Псков
Великий Новгород
Старая Руса
Кострома
Углече поле
Ярославль
Новый Торг (Торжок)
Тверь
Ростов
Суздаль
Нижний Новгород
Торопец
Переяславль
Дмитров
Владимир
Боголюбово
Кама
Великие Луки
Волга
Усвят
Москва
Полоцк
Витебск
Муром
Ока
Неман
Смоленск
Коломна
Городно
Логожск
Друцк
Борисов
Минск
Рша
Переяславль
Рязань (Старая)
Пронск
Зап. Бг.
Вщиж
Брянск
Дон
Берестье
Пинск
Десна
Туров
Мозырь
Новгород Северский
Чернигов
Курск
Владимир
Любеч
Путивль
Сейм
Белз
Луцк
Дорогобуж
Вышгород
Бужск
Перемышль
Киев
Теребовль
Белгород
Переяславль
Галич
Канев
Днепр
Днестр
Прут
Юж. Бг.
Волга
Дон
Азовское море
Тмутаракань
Черное море
Каспийское море
Дунай

димому, могильник занимал большую площадь современного Мурома. Вывод Е. И. Горюновой, автора статьи о Муромском могильнике, что «ещё в X — начале XI в. на территории города Мурома, недалеко от его центра — Кремля, существовал муромский посёлок», согласуется с преданием о князе Глебе, который не мог одолеть язычников-муромцев. Поэтому предположение, что русский город в Муроме возник не в IX, а в конце X или начале XI в., может иметь значительную вероятность, хотя в летописи говорится не о городе, как думает Е. И. Горюнова, а о народе — «мурома» [1].

О характере древнего Мурома дают некоторое представление раскопки, произведённые на берегу Оки, поблизости от церкви Николы Набережного. В слое XI—XII вв. найдены были железные шлаки и медная окись, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, пряслица для веретён, рыболовные грузила. Ограниченный характер раскопок не позволяет говорить о ремесленной специализации города, но большое распространение различного рода металлических украшений, найденных в погребениях Муромского могильника, как будто свидетельствует о развитии металлообработки [2].

Третий центр Рязанской земли, **Пронск**, находился в стороне от Оки, на границе «Половецкого поля».

Название города находит объяснение в названии реки Прони, на которой он стоит. Пронск впервые упоминается в 1186 г. по случаю его осады суздальскими войсками. В это время в Пронске уже существовал крепкий «град», окружённый сёлами. В рассказе о второй осаде Пронска, в 1207 г., подчёркивается надежда горожан «на градную твёрдость». Однако главным недостатком пронского замка было отсутствие воды, что приводило к сдаче города в случае длительной осады: «Излазяци из града не ради битвы, но жажды ради водныя, ибо измирали многие людье в граде» [3].

Пронская крепость стояла там, где находились «присутственные места и две старинные церкви, на узкой и длинной площадке, окружённой с одной стороны крутым

---

[1] *Е. И. Горюнова,* Муромский могильник («Краткие сообщения ИИМК», 52, стр. 33—42).

[2] Там же, стр. 41.

[3] Лаврент. лет., стр. 380. «Она же (пронские князья) уведаста, почаста город твердити» (там же, стр. 410).

скатом горы, а с другой глубокими оврагами»[1]. Таким образом, «градная твёрдость» поворачивалась против самих горожан, если к городу приступали со всех сторон. В начале XIII в. в крепость вели трое ворот, из которых одни были «на горе». Из этого сообщения как будто вытекает, что город имел более значительную площадь, чем одна площадка, окружённая с двух сторон оврагами, потому что существование трёх ворот предполагало, что они были обращены в разные стороны.

На относительную значительность города намекает указание на «пронян», сажавших себе на стол князей и отвечавших «буей» речью Всеволоду Большое Гнездо.

В конце XII в., по преданию, был построен **Переяславль Рязанский**, современная Рязань. Это третий Переяславль, стоящий на реке Трубеже, что объясняется явным подражанием географической номенклатуре Южной Руси. Об основании Переяславля имеем довольно раннее письменное свидетельство. В рукописи следованной псалтыри 1570 г., написанной попом Ильинской церкви Марком и принадлежавшей Рязанской семинарии, читаем: «В лето 6603 (1095) заложен бысть град Преславль Резанский около церкви святого Николы Старого». Ссылаясь на то, что, по Герберштейну, крепость в Рязани называлась Ярославом (т. е. Ярославлем), издатели рязанских достопамятностей делают вывод: «Крепость Ярославль, без сомнения, основана первым рязанским князем, Ярославом Святославичем 1095 г.». Впрочем, для основания города указывается другая дата — 1208 г., когда на Рязани был епископ Арсений, заложивший Переяславль у озера Карасева[2]. Обе записи имеют характер позднейших припоминаний, как и ссылки на церковь Николы Старого и Карасево озеро.

---

[1] *П. Семёнов*, Географическо-статистический словарь Российской империи, т. IV, стр. 219.

[2] «Рязанские достопамятности, собр. архимандритом Иеронимом», примеч. И. Добролюбова, Рязань 1889, стр. 2, 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало русских городов восходит к отдалённым временам, но их оформление в виде торгово-ремесленных центров падает на определённую эпоху, X—XII вв. Раньше всего посады появляются под стенами таких пунктов, как Киев и Полоцк, позже они становятся принадлежностью всех сколько-нибудь значительных городов. Населённый пункт порой становится «городом», т. е. обносится укреплениями, уже после длительного своего существования в качестве неукреплённого села. Города являются центрами ближайшей земледельческой округи, которая обслуживается городским ремеслом и торговлей. Отделение ремесла от земледелия, усиление обмена между промышленным и сельскохозяйственным производством, развитие земледельческого хозяйства и феодальных отношений, а вовсе не внешняя торговля, являются основной причиной роста русских городов в X—XIII вв.

Конечно, города ещё не порывают тесных связей с окружающей деревней. В них наблюдается господство боярства, опирающегося на свои крупные земельные владения вне города, но рядом с этим неуклонно растёт роль

собственно горожан. Этот термин начинает пестрить на страницах летописей со второй половины XI в. Он соответствует как по своему внешнему, так и по внутреннему содержанию западноевропейскому «бюргер», «буржуа», в отличие от деревенского жителя. «Гражданем же убо, и иже от сел», — читаем в переводе слов Григория Назианзина XI в. В том же памятнике читаем фразу, показывающую, что гражданство уже понималось особо от княжеской власти: «Разделившю на двое воеводьство и гражданьство» [1].

Горожане ясно различаются нашими источниками от боярства, как это видно из приведённых ранее примеров. Основную их массу составляют купцы и ремесленники, занятые в разнообразных промыслах. Наиболее богатая и влиятельная купеческая часть горожан рано стала создавать купеческие союзы, самым известным из которых было Иванское сто. Время образования этих союзов и возникновения их письменных уставов падает примерно на XII в., когда подобные же союзы начинают оформляться в большинстве западноевропейских городов. Стремление к созданию объединений проявляется и в среде ремесленников, где возникают зачатки ремесленных объединений, ученичество и стремление к регламентации рыночной продажи. Все эти явления имели несомненное место в истории русских городов, проходивших примерно тот же путь развития, как и города Западной Европы, Византийской империи, Закавказья и Малой Азии. Поэтому мы вправе говорить о том, что в XI—XIII столетиях в Древней Руси складываются предпосылки для создания того общественного уклада, который в западноевропейской исторической литературе принято называть «городским строем». Города, населённые ремесленниками и купцами, — такое же необходимое явление русского феодализма, как и феодализма других стран Запада и Востока.

В крупных городах замечается стремление к ограничению княжеской власти в пределах города. Раньше всего такая тенденция проявляется в Киеве с его богатым купеческим и ремесленным населением. В этой связи особенно крупное значение имеет киевское восстание

---

[1] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 577.

1068 г. как поворотная дата в истории развития городских вольностей. Горожане стремятся сажать на княжеский стол своих кандидатов, оказывая им вооружённую поддержку. Органами городской власти делаются вече и выборные посадники и тысяцкие. Стремление утвердить городские вольности происходит в обстановке классовой борьбы среди горожан, которая особенно заметно проявляется в Новгороде начала XIII в., где борются «большие» и «меньшие» люди.

В XI—XIII столетиях происходит постепенное оформление внешнего вида русских городов, получающих типично феодальный облик. Города обносятся укреплениями, окружающими в больших центрах значительные площади. Не только «город», но и посад, или предградье (передгородие), окружается укреплениями. Важнейшее значение во всех городах получает городской рынок, «торговище», являющееся средоточием экономической и в некоторых случаях политической жизни города. Русские города украшаются красивыми зданиями, появляется стремление к благоустройству (создание деревянных мостовых, мостов через речки и ручьи и пр.). Неуклонно растёт количество каменных зданий, причём наряду с храмами появляются каменные жилые постройки гражданского назначения. Однако в отличие от западноевропейских городов деревянные постройки на Руси в условиях резко континентального климата и холодной зимы являлись наиболее типичными.

Русские города не отставали от своих западных и восточных собратьев в развитии городской жизни.

История русских городов до монгольского нашествия, оставшаяся раньше неизученной, заслуживает пристального и глубокого внимания хотя бы по одной той причине, что без неё непонятно высокое развитие древнерусской культуры. В строительстве нашей древней культуры принимали участие не только князья, бояре и духовенство, но и широкие массы горожан, ремесленников и купцов. Неизмеримым несчастьем было разрушение русских городов монголами, но городская культура киевского периода не прошла бесследно для последующих поколений. Там, где татарские разрушения были менее заметны, развились вольные города — Новгород, Псков и Полоцк. Пресловутое магдебургское право развивалось

в Литовском великом княжестве не на пустом месте, а на почве, подготовленной более ранними поколениями. Развитие городской жизни X—XIII вв. не прошло бесплодно и оставило глубокий след в истории трёх братских народов — русского, украинского и белорусского.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамович Д. И. — 30, 78, 94, 135, 140, 170, 256, 257, 292, 298, 315, 344
Авдусин Д. А. — 29
Авраамий, христианский купец, убитый в Болгарах — 102, 403
Авраамий Ростовский — 394
Авраамий Смоленский — 147, 183, 245, 359
Агапит, врач, монах Киево-Печерского монастыря — 180, 293
Агафонов С. — 418
Адлогия, по скандинавской саге жена новгородского князя — 252
Адрианова-Перетц В. П. — 18, 374
Адунь, купец — 153
Айналов Д. В. — 169
Алекса Михайлович — см. Варлаам Хутынский
Александр Васильевич, князь суздальский — 212
Александр Всеволодович, князь белзский — 228
Александр Попович, ростовский боярин — 396
Александр Ярославич Невский, князь владимирский и новгородский — 178, 277, 278, 400
Александровский В. А. — 405
Алёша Попович — см. Александр Попович
Алимпий, иконописец — 86, 93, 94, 111, 180, 293
Аль Джайгани, арабский географ — 19
Альфред, его именем назван вымол в Новгороде — 46
Анастас Корсунянин, поп, хранитель ризницы Десятинной церкви в Киеве — 272
Анастасия — см. Рогнеда
Андрей, апостол — 23
Андрей Владимирович, князь переяславский — 347
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. князь владимиро-суздальский — 41, 147, 148, 151, 152, 154, 156, 171, 199, 211, 236, 240, 259, 281, 307, 396, 402—404, 406, 414, 415
Андрияшев А. М. — 291, 305, 314, 317, 324, 336
Анна Владимировна, княгиня — 356
Антон, новгородский котельник — 145
Антон (Антоний, Антоний Римлянин), новгородский купец, основатель Антониева монастыря — 137, 177, 178, 382, 383

Антоний, архиепископ новгородский — 125, 126, 146, 178, 182 (см. также Добрыня Ядрейкович)
Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря — 35, 175, 177, 189, 196, 345, 360
Антонович В. Б. — 295, 299, 301—303, 314, 315, 317, 323
Арефа, монах Киево-Печерского монастыря — 177
Аркадий, епископ новгородский — 271
Аристов Н. Я. — 66, 122
Арсений, епископ рязанский — 434
Арсений, архиепископ новгородский — 67, 146, 178
Артемий, епископ галицкий — 210
Арциховский А. В. — 6, 22—24, 63, 69, 74, 113, 142, 143, 249, 264, 269, 270, 378, 382
Аскольд, князь киевский — 18, 19
Африкан, князь, родоначальник суздальских тысяцких — 229

Баварский географ IX в. — 9, 10
Багалей Д. И. — 351
Бартольд В. В. — 248
Барсов Н. П. — 32, 59, 60, 334
Батый, монгольский хан — 287
Батюшков П. Н. — 62, 235, 305
Бела, король венгерский — 316
Белов Г. (G. Below) — 52, 134, 141
Бенедикт VI, папа римский — 336
Берладник — см. Иван Ростиславич Берладник
Бернштейн-Коган С. В. — 368
Бестужев-Рюмин К. Н. — 278, 315
Биргер, ярл, правитель Швеции — 178
Блаватский В. Д. — 264
Богусевич В. А. — 144, 239, 246, 247, 292, 378
Богша, житель Старой Русы — 365
Богша (Лазарь), полоцкий мастер — 265, 364, 365
Бож, антский вождь — 323
Болеслав I, король польский — 19, 51, 290
Болеслав, новгородский староста — 118, 133, 206
Борзаковский В. С. — 419
Борис, новгородский посадник — 205
Борис II, царь болгарский — 125, 126
Борис Владимирович, князь ростовский — 30, 78, 79, 94, 135, 140, 152, 170, 177, 191, 256, 257, 290, 292, 295, 298, 315, 344, 356, 357, 359, 386, 431
Борис Всеславич, князь полоцкий — 365, 371
Борис Мирошкинич, новгородский боярин — 164
Борис Юрьевич, князь белгородский, затем туровский — 171, 300
Брайчевская А. Т. — 312
Брайчевский М. Ю. — 11, 12
Бранденбург Н. Е. — 384, 385
Братило, новгородский серебряник — 112, 265
Братчиков А. — 305
Бруно, архиепископ немецкий — 286
Брячислав Василькович, князь витебский — 367
Брячислав Изяславич, князь полоцкий — 35, 256, 366
Буга Иван, татарин — 422
Булич О. П. — 420
Бунин А. — 402
Бурундай, татарский полководец — 318
Буслаев Ф. И. — 236

Вакей, из Владимира Волынского — 325
Валк С. Н. — 108
Варганов А. Д. — 397, 399
Варлаам, монах Киево-Печерского монастыря — 163, 177
Варлаам Хутынский (Алекса Михайлович), основатель Хутынского монастыря в Новгороде — 108, 166, 176, 178, 180, 184

Василий — см. Владимир Святославич
Василий, епископ владимиро-волынский — 316
Василий, новгородец — 269
Василий, св. — 334
Василий Буслаев, былинный герой — 383
Василь, из Владимира Волынского — 320
Васильевский В. Г. — 124
Василько Владимирович, князь владимирский — 319
Василько Константинович, князь ростовский — 272, 401
Василько Романович, князь белзский, позднее волынский — 227, 318, 320, 321
Василько Ростиславич, князь теребовльский — 334, 336, 337
Васята, староста Иванского ста в Новгороде — 118, 133, 207
Велес (Волос), славянское языческое божество—379, 394, 395
Вершинский А. Н. — 419
Вестберг Фр. — 19
Винитар, король готский — 323
Виноградов И. П. — 355
Владимир Василькович, князь волынский — 136, 320, 321
Владимир Всеволодович Мономах, вел. князь киевский —32—35, 49, 78, 86, 94, 105, 151, 154, 161, 162, 190—194, 196, 200, 205, 215, 223, 226, 227, 229, 238, 253, 278, 293, 299, 309, 311—313, 338, 341, 346, 355, 358, 369, 371, 395, 397, 402, 425
Владимир Всеволодович, князь стародубский, потом московский — 411, 412, 419
Владимир Всеславич, князь полоцкий — 359
Владимир Глебович, князь переяславский — 309
Владимир Давыдович, князь черниговский — 343
Владимир Константинович (Дмитрий), князь углицкий — 401
Владимир Мстиславич, князь дорогобужский — 222, 223
Владимир Ростиславич, князь перемышльский — 327
Владимир Святославич (Василий), вел. князь киевский — 13, 34, 35, 50, 92, 112, 117, 125, 158—160, 162, 168, 171, 189, 200, 259, 270, 288—290, 294, 295, 298—301, 304, 306, 310, 315, 317, 322, 336, 340, 354, 356, 364, 371, 378, 379, 402
Владимир Ярославич, князь новгородский — 204, 240
Владимирко Володаревич, князь галицкий — 193, 209, 210, 216, 254, 268, 329, 333, 335, 337
Власий, св. — 379
Володаревна, княжна из Перемышля — 337
Володарь Ростиславич, князь перемышльский — 320, 329, 335—337
Волос — см. Велес
Волос, отрок Хутынского монастыря — 180
Воронин Н. Н. — 26, 60, 85, 234, 236, 373, 374, 402, 403, 406, 413, 414, 416, 420
Воротислав, киевский боярин — 162
Всеволод Владимирович, князь волынский — 35
Всеволод Владимирович, князь переяславский — 309
Всеволод, князь городеньский — 372
Всеволод Константинович (Иоанн), князь суздальский — 401
Всеволод Мстиславич, князь новгородский и псковский — 104, 114—118, 121, 133, 164, 205—207, 268, 269, 289, 390
Всеволод Ольгович, князь черниговский, потом вел. князь киевский — 151, 193, 194, 212, 226, 268, 335
Всеволод Святославич («буй тур Всеволод»), князь трубчевский — 15, 306
Всеволод Юрьевич (Дмитрий) Большое Гнездо, вел. князь владимирский — 156, 176, 212 268, 404, 406, 410, 412—415, 420, 429, 430, 434
Всеволод Ярославич, вел. князь киевский — 162, 175, 176, 187, 229, 293

Всеслав Брячиславич, князь полоцкий — 187, 189, 190, 192, 200, 256, 363, 366
Вышата, киевский боярин — 163, 225
Вышеслав Владимирович, князь новгородский — 416
Вячеслав, киевский боярин — 162
Вячеслав, новгородский тысяцкий — 178
Вячеслав Владимирович, князь туровский, позднее вел. князь киевский — 193, 197, 198, 231
Вячеслав Ярославич, князь смоленский — 354

Гаврила, новгородский ремесленник (щитник) — 145
Галич, легендарный основатель г. Галича — 329
Гальковский Н. — 102
Гаральд, викинг, позднее король Норвегии — 46, 381
Гарасевич М. (M. Harasiewicz) — 170
Гедеонов С. А. — 121
Гейд В. (W. Heyd) — 125, 126
Гейденштейн Р. — 364
Генрих IV, император германский — 365
Генрих Латвийский, средневековый хронист — 41, 389
Георгий, св. — 415
Георгий, отрок князя Бориса Владимировича — 386
Георгий, король — см. Ярослав Мудрый
Георгий Амартол — 71, 87
Георгий Владимирович, князь муромский — 432
Георгий Шимонович, ростовский тысяцкий — 227, 229, 230
Герасим Вологодский — 423
Герберштейн С., барон — 50, 434
Гиляров Ф. — 50, 417
Гинвал, князь литовский — 365
Гейштор А. (Aleksander Gieysztor) — 325
Глеб Андреевич, сын Андрея Боголюбского — 236
Глеб Борисович, князь полоцкий — 365
Глеб Владимирович, князь муромский — 30, 78, 79, 94, 135, 140, 152, 170, 191, 256, 257, 292, 295, 298, 315, 344, 352, 356, 357, 359, 386, 431, 433
Глеб Всеславич, князь минский, позднее полоцкий — 181, 369
Глеб Святославич, князь новгородский — 204
Глеб Юрьевич, князь переяславский, позднее вел. князь киевский — 199
Глебович — см. Ростислав Глебович
Голубева Л. А. — 21, 22
Голубинский Е. Е. — 174, 175, 257, 307, 394
Голубовский П. В. — 44, 202, 203, 290, 356—358, 360
Голубцов И. А. — 348
Гончаров В. К. — 68
Гордлевский В. — 134
Горохов Т. А. — 347
Горюнова В. И. — 433
Гостомысл, старейшина новгородский — 204
Гостята, новгородец — 269
Гранстрем Е. Э. — 271, 273
Греков Б. Д. — 4, 49, 54, 55, 58, 131, 151, 159, 206, 219, 222, 304
Григорий, дворский Даниила Романовича — 210
Григорий, дьякон, переписчик книг — 94, 268
Григорий XI, папа римский — 332
Григорий Назианзин, св. — 435
Грушевский М. С. — 302, 320, 321
Гущин А. С. — 75, 92, 428
Гюргей (Георгий) Прокопыч, киевский боярин — 161

Давид, библейский герой — 238
Давыд Всеславич, князь полоцкий — 201
Давыд Игоревич, князь владимиро-волынский — 320, 324
Давыд Мстиславич, князь торопецкий — 361
Давыд Ростиславич, князь вышгородский, позднее смоленский — 202, 356, 357, 359, 361, 367

Давыд Святославич, князь черниговский — 177, 344, 354
Давыдовичи — 223
Даль В. И. — 17, 83, 90, 184, 390
Дамиан (Демьян), св. — 107, 108
Даниил Заточник, писатель — 151, 183, 216, 276—278
Даниил Паломник — 344
Даниил Александрович, князь московский — 410
Даниил Романович, князь галицко-волынский — 51, 84, 88, 210, 226—228, 247, 322, 330, 334
Данилевич В. Е. — 363
Данило, новгородский посадник — 206
Данило Великий, киевский боярин — 161
Данилова Л. В. — 93
Даньслав, новгородский боярин — 205, 245
Даньслав Лазутинич, новгородский боярин — 245
Демьян (Куденетович), галицкий тысяцкий — 227, 228, 231
Державин Н. С. — 232
Дир, князь киевский — 18, 19
Дитмар — см. Титмар Мерзебургский
Длугош, польский хронист — 315, 322, 329, 335—337
Дмитр, галицкий тысяцкий — 226
Дмитр Завидич, новгородский посадник — 162, 204
Дмитрий (Димитриос) — см. Владимир Константинович
Дмитрий, автор Месяцеслова святых — 249
Дмитрий, киевский тысяцкий — 226
Дмитрий Мирошкинич, новгородский посадник — 108, 164
Дмитрий Селунский, св. — 265
Дмитрий Юрьевич — см. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо
Добролюбов И. — 434
Добрынка, киевский боярин — 222
Добрыня, новгородский посадник (XI в.) — 123, 229, 245, 379
Добрыня, новгородский посадник (XII в.) — 121, 123, 205, 245, 379
Добрыня Ядрейкович, новгородский боярин — 178
Довженок В. И. — 165
Довмонт, князь литовский, позднее псковский — 106
Довмонтов писец — 106
Домка, переписчик книг — 268
Дорен А. (A. Doren) — 119, 120
Дубенский Д. — 131
Дубынин А. Ф. — 400
Дунаев Б. — 422
Дюк Степанович, былинный герой — 334

Евпраксия Адельгейда Всеволодовна, русская княжна — 365
Евфросиния (Парасковья), полоцкая княжна — 94, 265, 271, 364—366
Екатерина, св. — 273
Екатерина II, императрица — 246
Елизавета, дочь Ярослава Мудрого — 46, 381
Ельбех Ратиборович, киевский боярин — 162
Еразм, монах Киево-Печерского монастыря — 177
Ефрем, архимандрит Новоторжского монастыря — 386
Ефрем, епископ переяславский, позднее митрополит — 179, 181, 240, 310, 312, 398
Ефрем, монах Киево-Печерского монастыря — 177
Ефрем Сирин, византийский писатель — 87

Ждан Микула (Никола), староста городников в Вышгороде — 136, 295, 298
Жирослав, новгородский посадник — 241

Забава Путятишна, героиня народных былин — 226
Забелин И. Е. — 66, 305
Завид Дмитриевич, новгородский посадник — 163

Замысловский Е. — 58, 314, 348, 362
Зарубин Н. Н. — 151
Захарий, сын богатого киевлянина Иоанна — 110
Зеленин В. В. — 6
Зимин А. А. — 104, 115—117
Зиновий, «черноризец» — 355
Зотов Р. В. — 348

Ибн-Фадлан, арабский писатель и путешественник — 59, 421
Иван, епископ галицкий — 275
Иван, смоленский ремесленник (ручечник) — 83
Иван, сын боярина Чудина — 163
Иван III, вел. князь московский — 82
Иван Васильевич, князь галицкий — 333
Иван Войтишич, киевский боярин — 195, 226
Иван Вышатич — см. Ян Вышатич
Иван (Иванко) Прибышинич, новгородский опонник — 82, 145
Иван Ростиславич Берладник, князь звенигородский (в Галицкой земле) — 209, 210, 215, 234, 336
Иванко Павлович, новгородский посадник — 376
Ивор, житель Нового Торга (Торжка) — 245
Ивор Гюргевич Мирославль внук, киевский боярин — 161
Игорь, вел. князь киевский — 18, 19, 308, 356, 378, 389
Игорь Ольгович, князь черниговский — 122, 194—197, 224, 226, 231, 279, 280
Игорь Святославич, князь новгород-северский — 15, 190, 235, 278, 292, 293, 306, 329, 344, 346—348, 363, 366, 374
Игорь Ярославич, князь владимиро-волынский, позднее смоленский — 354
Иеремей, поп — 203
Иероним, архимандрит — 434
Изяслав Андреевич, сын князя Андрея Юрьевича Боголюбского — 236.
Изяслав Васильевич, князь городеньский — 374
Изяслав Владимирович, князь полоцкий — 35, 364, 371
Изяслав Давыдович, князь черниговский, позднее вел. князь киевский — 198, 223, 349
Изяслав Мстиславич, князь волынский, переяславский, позднее вел. князь киевский — 161, 194—199, 215, 222—224, 226, 230, 231, 254, 268, 269, 278—280, 292, 293, 312, 313, 317, 324
Изяслав Ярославич, князь волынский, позднее вел. князь киевский — 135, 175, 187—189, 215, 306, 316, 324
Иларион, митрополит киевский — 179, 235, 241
Иларион, монах Киево-Печерского монастыря, переписчик книг — 180
Илиодор — 387
Илия, св. — 381
Иловайский Д. И. — 425, 431
Ильг А. (A. Ilg) — 76, 77
Ильин А. А. — 338
Илья (Иоанн), архиепископ новгородский — 105, 130, 142, 172
Ингигерд — см. Ирина
Иоаким, епископ новгородский — 356
Иоанн, богатый киевлянин — 110
Иоанн, дьяк, переписчик книг — 268
Иоанн, епископ суздальский — 399
Иоанн — см. Всеволод Константинович
Иоанн II, митрополит киевский — 101, 173
Иоанн, писец рукописи жития Нифонта — 272
Иоанн Милостивый, св. — 125 (см. также Власий)
Иоасаф, епископ владимиро-волынский — 316
Иона Сысоевич, митрополит ростовский — 395
Иордан, готский историк — 323

Иречек Г. (H. Jireček) — 150
Ирина, жена Ярослава Мудрого — 384
Исаакий II Ангел, император византийский — 281
Исаакий Затворник («Чернь»), монах Киево-Печерского монастыря — 35, 177, 360
Исайя, епископ ростовский — 179
Итларь, половецкий хан — 162, 253

Калайдович К. Ф. — 164
Каменевич-Рвовский — 50
Каптерев Л. М. — 418
Карамзин Н. М. — 123, 316
Каргер М. К. — 18, 21, 23, 143, 144, 149, 287—289
Кардош А. (A. Kardos) — 316
Карпинн Плаио — см. Плано Карпини
Карский Е. Ф. — 87
Кий, князь киевский — 16, 18, 287
Кирик, новгородский монах, церковный писатель — 86, 91, 101, 182, 272
Кирилл, св. — 49
Кирилл, епископ ростовский — 272
Кирилл, митрополит холмский — 275
Кирилл Туровский, епископ туровский, церковный писатель — 142, 213, 307, 308
Киссель Ф. — 417
Клеркон, норманн — 252
Клим, епископ смоленский — 271
Клим (Климент), митрополит киевский — 223
Климент, новгородский купец и землевладелец — 157, 158
Климент, архиепископ новгородский — 271
Климент Смолятич, монах Зарубского монастыря, позднее киевский митрополит, церковный писатель — 182, 359
Ключевский В. О. — 53—56, 63, 66, 118, 158—160, 178, 219
Козьма, св. — 107, 108
Колчин Б. А. — 71, 72
Кондаков Н. П. — 162, 427, 428
Константин, св. — 432
Константин, мастер из Вщижа — 265, 349
Константин, митрополит киевский — 334
Константин Багряпородный, император византийский — 9, 14, 22, 28, 55, 154, 286, 294, 338, 345, 354, 378
Константин I Великий, император римский — 432
Константин Всеволодович, вел. князь новгородский — 156, 405, 415, 416, 422
Константин (Коснятин) Добрынич, новгородский посадник — 204, 229, 431
Константин (Коснятин) Моисеевич, новгородский посадник — 205
Константин Святославич, князь муромский — 431, 432
Копылов Ф. Б. — 312
Кордт В. — 62
Коснячко, киевский воевода — 187, 189
Коста, новгородский серебряник — 112, 265
Костомаров Н. И. — 66
Кочин Г. Е. — 107, 115, 153, 276
Кочкарь, милостник князя Святослава Всеволодовича — 151
Красницкий И. — 387
Кузьмище Киевлянин (Кияпин), автор повести об убийстве Андрея Боголюбского — 154, 281, 404
Кулькан, сын Чингиз-хана — 420
Кучка, боярин — 408
Кучковичи, бояре во Владимиро-Суздальской земле — 236, 408
Кушелев-Безбородко — 123

Лазарь, знатный житель Владимира Волынского — 320
Лазарь, киевский тысяцкий — 122, 197, 223, 226
Лазарь, священник церкви Бориса и Глеба в Вышгороде — 170

Лазарь — см. Богша
Ламанский В. И. — 49
Ленин В. И. — 196, 259
Леонтий, поп — 125, 126
Леонтий, епископ ростовский — 179
Лешко (Лестько) Белый, князь польский — 326
Ломоносов М. В. — 3, 271
Лудольф, богатый житель Смоленска — 359
Лука Прусин, монах — 245
Лука, старейшина Успенского собора во Владимире Залесском — 171
Любавский М. К. — 61
Лявданский А. Н. — 24—26, 68, 371
Ляскоронский В. П. — 294, 308, 309
Лященко П. И. — 66

Майков В. В. — 379
Максимович М. А. — 287, 310
Мал, князь древлянский — 340
Мария, св. — 236
Мария, вел. княгиня, жена Всеволода Большое Гнездо — 176
Марк, поп Ильинской церкви в Рязани — 434
Маркс К. — 128, 129, 186
Машков И. П. — 418
Медведева Е. С. — 401
Мельников П. И. — 417
Меркурий Смоленский — 358
Миллер В. — 116
Мингайл, князь литовский — 365
Миронег, старейшина древоделей в Вышгороде — 295
Мирослав, владимирский воевода — 318
Мирослав, киевский боярин — 161, 162
Мирослав, псковский посадник — 163, 164
Мирослав Андреевич, киевский боярин — 161
Мирослав Гюрятинич, новгородский посадник — 161, 205, 206
Мирослав Хилич-внук, киевский боярин — 161
Мирославичи, боярский род в Киеве — 161
Мирошка, новгородский посадник — 164, 277
Мирошка, новгородский бирич — 133, 164, 207
Мирошкиничи, боярский род в Новгороде — 164, 165, 207
Митрофан, епископ владимирский и суздальский — 401
Михаил, св. — 400, 401
Михаил, игумен Отрочего монастыря в Смоленске — 419
Михаил, переписчик книг — 268
Михаил, сын князя Константина Святославича — 431
Михаил (Михаль), новгородский боярин — 178
Михаил Ярославич Храбрый (Хоробрит), князь московский, потом вел. князь владимирский — 400
Михаил (Михалко) Юрьевич, князь ростово-суздальский — 211, 212, 303
Михаил Ярославич, вел. князь тверской — 224
Моисей Домажирович, новгородский боярин — 165
Моисей Угрин, монах Киево-Печерского монастыря — 177
Монгайт А. Л. — 264, 426, 427, 429, 430
Мономах — см. Владимир Всеволодович Мономах
Мономаховичи, потомки Владимира Мономаха — 175, 193, 194, 198
Моргилевский Н. — 342
Мстислав Андреевич, князь тмутараканский — 236
Мстислав Владимирович, князь новгородский, позднее вел. князь киевский — 116, 173, 176, 193, 194, 201, 205, 226, 266, 269, 299, 356, 357, 363, 370—372
Мстислав Владимирович, князь черниговский и тмутараканский — 229, 340
Мстислав Изяславич, князь волынский, позднее вел. князь киевский — 188, 199

Мстислав Мстиславич Удалой, князь новгородский и торопецкий, позднее галицкий — 138
Мстислав Романович, князь смоленский — 419
Мстислав Ростиславич, князь новгородский — 301, 396
Мстислав Ростиславич, князь рязанский — 211
Мстислав Ростиславич, князь смоленский — 356, 357
Мстислав Святополкович, князь владимиро-волынский — 316
Мурчуфл (Мурзуфл), император византийский — 281
Мышатичка Путятин, былинный герой — 277
Мясников В. — 130

Назарий, хранитель ризницы Софийского собора в Новгороде — 271
Наслав, слуга — 266
Насонов А. Н. — 32, 40, 61, 80, 294, 295, 361
Недачь, крепостной или крепостная Хутынского монастыря — 180
Нежила, новгородский серебряник — 74, 145
Некрасов А. И. — 236, 250, 251, 427
Нестор, летописец — 79, 135, 140, 180, 181
Никитин А. В. — 423
Никитский А. И. — 114, 225, 389
Никифор, митрополит киевский — 86, 105, 432
Никифор (Микифор)-щитник, новгородский мастер (щитник) — 146
Никифор Тудорович — см. Никифор-щитник
Никола Святоша, монах Киево-Печерского монастыря — 177
Николай Мирликийский, св. — 162, 249—251
Никольский Н. К. — 160, 213
Никон-черноризец, монах Киево-Печерского монастыря — 177
Нифонт, епископ новгородский — 179, 207, 272
Ноздреча, знатный новгородец — 205
Нотарий короля Белы, автор венгерской хроники — 316

Октавиан Август, император римский — 347
Олав, норманн — 252
Олаф Тригвасон, король норвежский — 384
Олег, князь киевский — 18, 126, 237, 345
Олег Святославич, сын Святослава Игоревича, князь древлянский — 62, 304, 402
Олег Святославич, князь черниговский — 44, 94, 215, 238, 344, 354, 396, 425, 429
Олексей, писец рукописи жития Нифонта — 272
Ольга (Олена, Елена), вел. княгиня киевская — 20, 44, 45, 67, 125, 152, 154, 288, 294, 356, 366, 389
Ольга Романовна, княгиня, жена Владимира Васильевича — 321
Ольговичи, черниговские князья, потомки Олега Святославича черниговского — 161, 176, 193, 199, 209, 223, 278, 280, 346
Орешников А. В. — 415
Орловский И. И. — 357
Ослябя, один из участников Куликовской битвы — 169
Оссовский Г. О. — 304
Остромир, новгородский посадник — 94
Оттон II, император германский — 336

Павел, ладожский посадник — 239, 385
Павлов А. С. — 173
Падин В. А. — 350
Панкратий — см. Ярослав Святославич
Пантелей, сотский в Смоленске — 203, 228

Пантелеймон, св. — 273
Параскева, полоцкая княгиня — 250
Параскева Пятница, св. — 249—251
Пашуто В. Т. — 93, 275, 319
Пеленьский И. (Józef Peleński) — 331
Передольский В. С. — 45
Пересвет, один из участников Куликовской битвы — 169
Перун, славянское языческое божество — 19, 288, 381
Пётр, митрополит московский — 250
Пётр, посол Изяслава Мстиславича — 254
Петрило, киевский «осменник» — 247
Петров Н. И. — 287, 291, 292
Петрушевский Д. М. — 52
Пиренн А. — 44
Плано Карпини — 78
Побойнин И. — 360
Погодин М. П. — 32, 233, 305, 341, 355, 389
Поликарп, монах, церковный писатель — 182
Полюжая Городшинича, жена городника Полюда — 241
Пономарев А. И. — 48
Порфирий, монах — см. Прокша Малышевич
Прасковья (Праксида) — см. Евпраксия Адельгейда Всеволодовна
Праскидус — см. Евфросиния, полоцкая княжна
Прахов, проф. — 318
Пресняков А. Е. — 131, 215, 225
Присёлков М. Д. — 163, 274, 279
Прокопий из Кесарии, византийский историк — 10, 12
Прокопий, милостник Андрея Боголюбского — 151
Прокша Малышевич, в монашестве Порфирий, монах Хутынского монастыря — 178
Прохор, монах Киево-Печерского монастыря — 191
Путята, переписчик книг — 86
Путята Вышатич, киевский тысяцкий — 190, 225—228, 231, 277
Пфлейдерер Р. (R. Pfleiderer) — 251

Рабинович М. Г. — 408, 409
Равдоникас В. И. — 384
Радило, посол Изяслава Мстиславича — 223
Раппопорт П. А. — 286
Ратибор, киевский боярин, посадник в Тмутаракани, позднее киевский тысяцкий — 151, 162
Ратша, тиун Всеволода Ольговича — 194, 195
Ржига В. Ф. — 72, 85, 253—255
Рогволод, князь полоцкий — 306, 340, 364
Рогволод Борисович, князь полоцкий — 201, 202, 370
Рогволод Всеславич, князь полоцкий — 201
Рогивальд, норманнский феодал — 384
Рогнеда (Анастасия), полоцкая княжна — 35, 200, 364, 371
Рожков Н. А. — 161, 164
Розанов С. П. — 147, 365
Роланд, патрон торговли в средневековой Германии — 251
Роман Мстиславич, князь галицко-волынский — 129, 268, 320, 321, 326
Роман Романович, князь галицкий — 327
Роман Ростиславич, князь смоленский, позднее вел. князь киевский — 199
Ростислав Володаревич, князь галицкий — 335, 337
Ростислав Глебович, полоцкий князь — 127, 201, 202
Ростислав Иванович, князь берладский — 210
Ростислав Мстиславич, вел. князь киевский, позднее князь смоленский — 39, 157, 198, 223, 356, 357, 388
Ростислав Рогволодович, полоцкий князь — 127

Ростислав Рюрикович, князь торческий — 303
Ростиславичи, потомки Ростислава Юрьевича, князя переяславского — 171, 272, 405
Рутковский Я. — 5
Рыбаков Б. А. — 66, 69, 70, 78—81, 85, 88, 96, 100, 101, 108, 112, 129, 137, 148, 149, 263, 264, 341, 343, 349, 350
Рыдзевская Е. А. — 384
Рюрик, князь — 13, 22, 356, 376, 384
Рюрик Ростиславич, князь черниговский, позднее вел. князь киевский — 82, 199, 268, 304, 305
Рюриковичи, потомки князя Рюрика — 137, 351
Рядко, новгородский боярин — 165

Савваитов П. — 125, 126
Садко — «богатый гость», былинный герой — 103, 383
Салтыков-Щедрин М. Е. — 271, 355
Самоквасов Д. Я. — 232
Святополк Владимирович (Окаянный), князь киевский — 152, 177, 204, 215, 290, 292, 294, 295, 306, 315, 326, 345, 356, 431
Святополк Изяславич, князь киевский — 140, 190—192, 225, 226, 301, 326, 329
Святополк Мстиславич, князь волынский — 201
Святослав Владимирович, князь вщижский — 349
Святослав Всеволодович, князь новгородский, черниговский, позднее вел. князь киевский — 40, 151, 199, 223, 410, 411
Святослав Всеволодович, князь владимирский — 412, 413
Святослав Игоревич, князь киевский — 62, 103, 215, 288, 356, 378
Святослав Мстиславич, князь смоленский — 224
Святослав Ольгович, князь новгородский и черниговский — 32, 151, 194, 195, 201, 207, 346, 408
Святослав Ярославич, князь черниговский, позднее вел. князь киевский — 187, 215, 340
Святохна, полоцкая княгиня — 366
Семён Дубычевич, новгородский боярин — 166
Семён Петрилович, терский данник — 145
Семёнов В. П. — 346, 347, 364, 370, 371
Семёнов П. — 62, 415, 434
Сементовский А. М. — 368
Сергеевич В. И. — 56, 210, 217—219, 222, 224
Сергий, богатый киевлянин — 108
Серебрянский Н. — 430—432
Сигурд, норманн — 252
Сидорова Н. А. — 262
Сизов В. И. — 28—31
Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря — 182
Симон Владимирский, епископ, церковный писатель — 182
Синдик И. — 225
Синеус, князь — 421
Сирин Ефрем — см. Ефрем Сирин
Смирнов М. — 208
Смишко М. Ю. — 11
Смолячев П. — 341
Соболев Н. Н. — 250
Соболевский А. И. — 16, 270
Соловей Будимирович, былинный герой — 103, 226
Соловьёв С. М. — 66
Сперанский М. Н. — 107, 108, 307
Спиридон, монах Киево-Печерского монастыря — 48
Срезневский И. И. — 71, 72, 74, 78, 79, 81—83, 85—87, 90, 102, 106, 111, 114, 142, 150, 153, 158, 238, 242, 244, 245, 259, 267, 268, 270, 272, 276, 321, 436
Ставр Годинович, новгородский сотский — 205, 228, 231, 277
Станкевич Я. В. — 360

Степановский И. К. — 422
Стефан, игумен Киево-Печерского монастыря — 176, 178
Стефан Душан, царь сербский — 150
Стоклицкая-Терешкович В. В. — 6, 52
Строков А. А. — 47, 246, 247, 378
Судислав, галицкий боярин — 228, 255

Тамара, царица грузинская — 403
Тараканова С. А. — 27, 28, 376, 391
Таранович В. П. — 365
Тарасенко В. Р. — 370
Татищев В. Н. — 327, 366, 370, 371
Твердислав Михайлович, новгородский посадник — 164, 216, 224
Теофил (Theophilus), монах — 75—78
Тешата, новгородец — 106, 108, 267
Тизенгаузен В. Г. — 420
Тимофей, новгородский пономарь, летописец — 98
Титмар (Дитмар) Мерзебургский, средневековый хронист — 48, 49, 100, 139, 289, 290
Тихомиров М. Н. — 24, 40, 45, 59, 113, 121, 129, 151, 158, 184, 192, 193, 204, 264, 269, 324, 409, 425
Тихомиров Н. К. — 6
Ткаченко М. — 190
Толстов С. П. — 59
Толстой И. — 162, 427, 428
Торольв Люсаскегг, норманн — 252
Торор, слуга Александра Поповича — 396
Третьяков П. Н. — 303, 304
Трувор, князь — 389
Тудор, тиун князя Всеволода Ольговича — 194
Тукы (Тукий), киевский боярин — 162
Тумаш Михалевич (Смолнянин), знатный горожанин Смоленска — 203
Тупочел, новгородский тиун — 271
Туры, легендарный строитель города Турова — 15, 306
Тургенев А. И. — 332
Туряк, из Владимира Волынского — 320

Уваров А. М., граф — 105, 108, 142, 150, 308
Уварова П. С., графиня — 418
Угринец, переписчик книг — 87
Улеб, киевский тысяцкий — 195, 197, 226, 227
Упырь, поп, переписчик книг — 268

Февронья, девка в селении Хутынского монастыря — 180
Фёдор, сын князя Константина Святославича — 431
Фёдор (Малышевич), монах Хутынского монастыря — 178
Фёдор Ростиславич, князь ярославский — 247
Фёдор Ярославич, сын Ярослава Всеволодовича — 400
Фёдоров Г. Б. — 11
Феогност, епископ сарайский — 169
Феодор — см. Ярослав Всеволодович
Феодорец, епископ — 307
Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерского монастыря — 33, 71, 177, 179, 180, 182, 196, 230, 293, 346, 347
Феоктист, епископ черниговский — 179
Феофил — см. Теофил
Фехнер М. В. — 424
Флавий Иосиф — 238
Фома Ратиборович, киевский боярин — 162
Фотий, митрополит — 389
Фридрих II, император германский — 122

Фриянд (Фриад, Фридиян, Фрианд), сын князя Африкана — 229

Хвойка В. В. — 86, 237, 300
Ходаковский З. Я. — 15, 314
Хозеров И. М. — 358
Хорват Ц. (C. Horvàth) — 316
Хорив, князь — 18

Чернь — см. Исаакий Затворник
Чернягин Н. Н. — 27
Чечулин Н. Д. — 90
Чингиз-хан — 420
Чистякова Е. В. — 6
Чудин (Чюдин), киевский боярин — 20, 162, 163
Чурило Пленкович, новгородский купец — 103

Шафарик П. И. (P. J. Šafařik) — 9, 10
Шафонский А. — 342, 345
Шахматов А. А. — 274, 301
Шевченко Т. Г. — 319, 326, 331, 335
Шереметьев С. — 412
Шимон (Симон), киевский тысяцкий — 166
Шимон-варяг (Симон), предок ростово-суздальских тысяцких — 227, 229

Щек, князь — 18
Щепкина М. В. — 40, 158

Эдинг Д. — 237
Эймунд, скандинавский писатель — 233
Энгельс Ф. — 65, 128, 129, 167, 186
Эндрёди А. (A. Endrödi) — 316

Юрий (Юрище), новгородец — 263
Юрий — см. Ярослав Мудрый
Юрий Владимирович Долгорукий, вел. князь суздальский — 197, 198, 209, 223, 229, 244, 247, 278, 299, 300, 312, 313, 407, 408, 410, 412, 414, 415
Юрий Всеволодович, вел. князь владимирский — 401, 415, 417, 422
Юшков С. В. — 6, 56—58, 158, 159, 208, 211, 214, 215, 219—222

Яким (Якым), новгородец — 106, 108, 267
Яков, кирпичный мастер из Старой Рязани — 266
Яковлев А. И. — 47, 48
Якун, новгородец — 83
Якун Моисеевич, знатный новгородец — 146
Якун Слепой — 229
Ян, княжич, легендарный основатель Углича — 417
Ян (Иван) Вышатич, киевский тысяцкий — 163, 177, 225, 245
Ян Усмошвец, богатырь — 308
Янка, княжна, дочь князя Всеволода Ярославича — 176
Ярополк Владимирович, вел. князь киевский — 116, 193, 194, 212
Ярополк Изяславич, князь луцкий — 181, 322
Ярополк Ростиславич, князь рязанский — 211
Ярополк Святославич, вел. князь киевский — 55
Ярослав Владимирович (Юрий) Мудрый, вел. князь киевский — 20, 35, 46, 51, 138, 169, 187, 193, 204, 215, 228, 231, 233, 240, 241, 257, 270, 290, 291, 295, 302, 308, 315, 325, 340, 345, 347, 354, 364, 366, 378, 379, 381, 384, 388, 415, 431
Ярослав Владимирович Осмомысл, князь галицкий — 209, 210, 254, 268, 276, 329, 331, 333

Ярослав Всеволодович (Феодор), вел. князь новгородский, позднее киевский и владимирский — 131, 151, 157, 217, 268, 386, 400, 401, 412, 415, 419
Ярослав Изяславич, князь киевский — 199
Ярослав Святославич (Панкратий), князь черниговский, позднее рязанский и муромский — 429, 431, 432, 434
Ярослав Ярополчич, сын Ярополка Изяславича — 326
Ярослав Ярославич, вел. князь тверской — 217, 423
Ярославичи, сыновья Ярослава Мудрого — 20, 33, 136, 162, 187, 188, 324, 354, 363, 369
Ярославна, жена Игоря Святославича — 235, 346
Ясинский А. Н. — 242
Яцимирский А. И. — 125

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аа (Гойвы) — названия двух рек в Латвии — 389
Авдова гора, близ Юрьева Польского — 412
Авиньон, город во Франции — 332
Адриатическое побережье — 225
Азовское море — 53, 426
Альдейгаборг, Альдейгьюборг — см. Ладога
Альта, река — 187, 188, 311, 386
Англия — 52, 76, 120
Андреев, город — 43
Антское государство — 43
анты, племенной союз восточных славян — 9—12
арабы, народ — 19
Аравия — 75, 77
Армения — 128, 409
армяне, народ — 293
Архангельск, город — 61
Афон, Афонские монастыри — 177, 345

Бабаева гора — см. Прускова гора
Бакота, город — 43
Балканский полуостров — 225, 318, 352
Балтийское море — 59, 305, 355, 369, 384, 388
Бароч (Баруч), город — 36, 308
Батыевы горы, под Киевом — 21
Бежецк (Городецк), город — 40, 41
Бежици (Бежицкий Верх, Верх), город — 36, 386
Бежицкий ряд, города и погосты по Мологе — 40
Бежичи, город — 40
Белавина, деревня — 235
Белая Церковь, город — 286, 303
Белгород, город — 13, 16, 50, 55, 59, 149, 170, 172, 187, 237, 285, 286, 298—300
— Детинец — 299
— епископский двор — 300
— княжеский двор — 300
— мост — 300
— острог — 299
— церковь Апостолов — 299
Белгород Рязанский, город — 41
Белгородка, село — 299
Белград, город в Сербии — 298
Белз, город — 33, 277, 322, 325, 326
— Детинец — 326
— окольный город — 326
Белка, река — 335
«Белокняжеское поле» под Василевым — 301
Белое море — 376
Белое озеро — 59, 376
Белоозеро, город — 13, 15, 16, 384, 420, 421, 430

Белоруссия, Белорусская ССР — 250, 362, 364, 365
белорусский народ, белорусы — 4, 293, 437
Бельгия — 44
Бельчицы, урочище близ Полоцка — 364, 366
Березина, река, приток Днепра — 286, 362, 363, 369—371
Березый, город — 36, 349
берендичи, народ — 303
Берестейская земля — 326
Берестово, село, загородная резиденция князя Владимира Святославича — 59, 161—163, 175, 192, 226, 227, 289
Берестье (Берестий), город — 33, 326, 327
Берлад (Бырлат), город — 209, 329, 335
Бирки, город в Швеции — 384
Блеве, город — 36
Боголюбово, город — 36, 137, 147, 152, 170, 236, 240, 259, 281, 282, 294, 357, 358, 403, 404, 420
— ворота каменные — 236
— княжеский замок — 147, 148, 236, 259
— крепость («город камен») — 240
— церковь — 147
— церковь каменная — 152, 236, 404
Богуславль, город — 36, 301
Бозк — см. Бужск
Болгария Дунайская — 329, 389
Болгария Волжская, Камская — 101, 418
Болгары — см. Великий Булгар
болгары камские, народ — 404, 421, 422, 430, 431
Болдыж, город — 36
Болдыжь, урочище, лес — 36
Болохов, город — 36
Борисов, город — 36, 370, 371
Борисов-Глебов, город — 36
Борисов камень, межевой камень с надписью, на Зап. Двине — 266
Босфор, пролив — 124
Бохмач, город — 36
Брань (Брои), город — 36
Брест-Литовск, город — 326
Броды, город — 33
Брягин, город — 36
Брянск (Дебрянск), город — 36, 338, 347, 348, 350
Буг Западный, река — 10, 36, 59, 314, 315, 322, 323, 325, 326, 336
бужане (волыняне), восточнославянское племя — 9, 322, 323
Бужск (Бозк, Божьск), город — 33, 322, 323
Булич, город — 36
Бьяхань — см. Вьяхань
Быковен, город — 41

Вагра, река — 336
Вазуза, река — 352
Вакеево, деревня — 325
Валансьен, город во Франции — 119
варяги, общее название скандинавских народов — 20, 31, 49, 54, 55, 138, 159, 255, 293, 379, 384, 420 (см. также водный путь «из Варяг в Греки»)
Василев, город — 13, 16, 55, 59, 285, 300, 301, 346
— мост — 300
— церковь Спаса Преображения — 300
— церковь соборная — 301
Василев Галицкий, город — 41
Василев Смоленский, город — 36
Великая, река — 27, 239, 244, 376, 387, 389, 390
Великие Луки (Луки, Лукы), город — 37, 64, 157, 387, 388
— крепость («город») — 388
— посад — 388
Великий Булгар (Великие Болгары, Болгары, Булгар, Великий град), главный город камских болгар — 19, 59, 63, 403, 404, 430
Великий Новгород — см. Новгород
Великолукская область — 360
Веля (Влена), река — 394, 410
Венгрия — 103, 316, 328
венгры, народ — 210 231, 316, 318, 330, 336, 337
венецианцы, жители Венецианской республики — 293, 404
Верещин, город — 41

Вержавляне Великие, область — 39
Вержавск, город — 39, 40
Вернев, город — 36
Верхнее Поволжье — 409
Верхнее Поднепровье — 364
Верхнее Поднестровье — 12, 333
весь, народ — 13, 59, 384, 421, 430
Вехра, река — 356, 357, 361
Вздвижень (Здвиждень), город — 33, 100
— торговище — 100
Видьба, река — 362, 366—368
Византийская империя, Византия, Римская земля — 9, 10, 14, 22, 125, 126, 128, 188, 312, 338, 345, 436 (см. также Греция, Греческая земля)
византийцы — см. греки
Визна, город — 36
Вилия, река — 369, 371
Висби, город на о. Готланд — 122, 355
— русский двор с церковью — 122
вису — см. весь
Витебск (Видбеск), город — 26, 35, 36, 140, 156, 362, 363, 366—368
— Верхний замок — 26, 367
— «Взгорский город» — 367
— гостиный двор на посаде — 367
— деревянный замок — 366
— Нижний замок — 26, 367
— «Острог» — 367, 368
— посад — 367
— торговые площади — 367
— церкви:
Благовещенья в Нижнем замке (каменная) — 367
Михаила в Верхнем замке (каменная) — 367
Витичев, город — 14, 16, 55, 162, 286, 354
Витичев холм — 14, 55, 354
Владимир Волынский, город — 35, 36, 64, 140, 171, 174, 258, 314—321, 324, 325, 331, 337, 372
— Вакеев двор — 325
— ворота:
Гридьшины — 317
Киевские — 317
— Городельская улица — 319
— замок — 318
— Запятниче (Заречье), предместье — 319
— монастырь «от Святые горы» — 316
— пристань на Западном Буге — см. Устилуг
— церкви:
Богородицы (соборная) — см. Успенский собор
Николы — 318
Пятницы — 318
Успенский собор — 171, 318
Успенский (Мстиславский) собор — 317
— урочища:
Белые берега (Білі берега) — 319
Ильинщина — 319
Стара катедра — 318, 319
Владимир Залесский (Владимир-на-Клязьме), город — 4, 35, 36, 44, 50, 59, 63, 81, 85, 99, 104, 129, 135, 136, 140, 149, 152, 156, 165, 167, 168, 174, 176, 208, 211, 212, 233, 235, 236, 238, 241, 243, 244, 258, 272, 355, 358, 380, 392, 395, 400—407, 410, 412, 413, 415, 419, 420, 431
— ворота:
Волжские — 235
Золотые — 235, 236, 243, 406
Иринины — 235
Каменные (в Детинце) — 406
Медяные — 235
— Гончары, урочище — 85
— дворы:
епископский («владычные сени») — 407
княжеский — 406, 407
Константина Всеволодовича — 407
— Детинец (Печерный город, позднее Кремль) — 238, 405, 406, 407
— Земляной город — 407
— Подол — 44, 407
— посад — 407
— «Ременники», урочище — 129
— Студёная гора — 130

— торговище — 99, 407
— Успенский княгинин монастырь — 176, 417
— церкви:
Богородицы (деревянная) — 402
Воздвиженья на торговище — 407
Дмитриевский собор — 135, 404, 407
Михаила — 407
надворная в Детинце — 405
Покрова на Нерли — 404
Успенский собор — 41, 149, 152, 171, 212, 236, 241, 258, 402, 404, 406, 407
Владимиро-Суздальская земля — 156, 208, 212, 392, 398
Владимиро-Суздальская Русь — 236, 385, 422
Владимирская губерния — 407, 413
Владимирская земля (на Волыни) — 315
Владимирский край — 403
Влена — см. Веля
водный путь «из Варяг в Греки» — 14, 53—55, 64, 208, 352, 354, 360, 363, 366, 368, 375
Воин, город — 33
Волга, река — 37, 53, 55, 59—63, 352, 360, 375, 376, 384—386, 392, 410, 411, 414—419, 421, 423, 426
Волжская Болгария — см. Болгария Волжская
Волковыйск, город — 43
Вологда, город — 420, 423
Володарев, город — 36
Володимирский повит (уезд) — 319
Волок Ламский (Волок, Волоколамск), город — 36, 248, 386, 412, 418, 419
— Воскресенский собор — 418
Волхов, река — 22, 30, 45, 46, 53, 69, 99, 132, 247, 375, 380, 381, 383
Волынская губерния — 16, 305, 315, 317
Волынская земля (Волынь) — 62, 314, 315, 317, 323, 324, 336, 362
Волынская область — 321
Волынское городище — 314
Волынское княжество — 326
Волынь (Велынь), город — 36, 59, 305, 314, 315, 322
— «Словенский» городок — 314
волыняне — см. бужане
Воробинн, город — 36
Воронеж (Воронажь), город — 36, 41
Воротынск, город — 36
Восвято (Восвячь) — см. Усвят
Вослоним — см. Слоним
Восточная Европа — 16, 19, 240, 263, 355
Восточно-Римская империя — см. Византийская империя
Вотская пятина, часть Новгородской земли — 81
Вручий — см. Овруч
Всеволож, город в Волынской земле — 33
Всеволож Черниговский, город — 36
Вщиж, город — 36, 72, 265, 347, 349, 350
— «вщижский мыс» — 349
— Детинец — 349
— посад — 349
— церковь — 349
Выгошев, город — 36
Вырь, город — 33
Вышгород (Вышеград), город — 13, 14, 16, 72, 94, 135, 136, 149, 152, 162, 170, 191, 194, 257, 263, 285, 286, 294, 295, 298, 356—359, 420
— церкви:
Бориса и Глеба — 170, 257
Василия — 357
деревянная — 135
Вышгородское городище — 295
Вьяхань (Бьяхань), город — 36
Вязьма, город — 355
вятичи, восточнославянское племя — 12, 32, 38, 74, 163, 350, 429

Гайна, река — 371
Галиция (Галичина) — 208, 316, 328
Галицкая земля — 314, 316, 322, 328, 329, 336, 337
Галицкая Русь — 99, 185, 208, 210

Галицко-Волынская земля — 61, 208, 210, 275
Галицко-Волынская Русь — 43, 275, 319
Галицко-Волынское княжество — 165
Галич (Старый Галич), город — 4, 37, 91, 99, 140, 165, 174, 186, 208—211, 227, 230, 233, 239, 247, 258, 316, 328—335, 337
— внешний замок — 332
— «Галичина могила» — 329
— епископский замок — 331, 332
— замок — 239
— княжеский дворец — 333
— Крилос (Старый Крилос, старая катедра) — 4, 239, 330—332
— Крилосская гора — 331
— мост — 330
— Немецкие ворота — 333
— підгородде — 332
— пристань в устье Луквы — 332
— Угольницы — 330
— урочища:
«Качків» — 332
Прокалиев сад — 247
«Юрьевское» — 332
— церкви:
Ильи — 247
Пантелеймона — 262
Спаса (дворцовая) — 254, 333
Успения Богородицы — 330, 333
Успенский собор на Крилосе — 239, 331, 332
Гардарики, страна городов, древнескандинавское название Руси — 9
Гда, река — 396
Гза, река — 413
генуэзцы, жители Генуэзской республики — 404
Германия — 51, 52, 65, 76, 77, 134, 141, 167, 251, 319, 355, 409
Германия Восточная — 52
Германия Северная — 52, 119, 120
Герцике, город — 41, 362
Геттинген, город в Германии — 119
Гильдесгейм, город в Германии — 130
Глебль, город — 37
Гледень, гора на берегу р. Сухоны — 421
Глухов, город — 37
Глушец, река — 322
Гнездово, деревня на Днепре, близ Смоленска — 17, 28—32
— могильник — 28—32, 354
Гнездовское городище — 29, 30
Гнезно, город в Польше — 17
Гнойница, город — 37
Гойвы — см. Аа
Голотическ, город — 33
Гомий (Гомель), город — 37, 48
Городен Волынский, город на Волыни — 37
Городец (Городок) на Остре — см. Остерский городок
Городец, город на Днепре при устье Десны — 33
Городец Радилов, город на Волге — 37
Городецк — см. Бежецк
Городище (под Новгородом) — 22, 23, 152
Городище, селение на Волге — 423
Городище, село под Переяславлем Залесским — 413
Городище на Саре — 41
Городно (Гродно, Городень), город — 305, 306, 362, 372—374
— башня («терем», «столп») — 373, 374
— Замковая гора — 373
— посад — 373
— старый замок — 373
— церкви:
Борисоглебская — 373
каменная — 372
нижняя на Замковой горе — 373
Городничанка, речка — 373
Городня, речка — 418
Городок Волынский, город — 41
Гороховец, город — 41, 171
Горошин, город — 33
Горький (Нижний Новгород), город — 418
Горынь, река — 321
Гослар, город в Германии — 119
Гостыничи, урочище близ Чернигова — 43

Готланд, Готский берег, остров в Балтийском море — 102, 103, 122, 123, 365, 385
готы, германское племя — 10, 16
греки (византийцы), народ — 14, 76, 124, 153, 154, 163, 252, 269, 308, 338, 340, 345, 404
Гремячий колодезь, урочище на р. Где под Ростовом — 396
Греческая земля — 187, 188, 281
Греция — 18, 75, 77, 78, 103, 124, 253
Грузия — 128
Гуричев, Гурьгев — см. Юрьев
Гучва, река — 325

Дания — 102
даны (датчане), народ — 49
Дверен, город — 37
Девягорск (Девягореск), город — 37
Дедославль, город — 37
Деревская волость — 181
Дерновой, город — 37
Дерестр (Доростол, Силистра), город на Дунае — 162
Дерпт — см. Юрьев
Десна, река — 43, 53, 163, 243, 286, 338, 340, 341, 345, 348—350
Двинигород, город — 334
Дмитров, город — 37, 234, 244, 248, 249, 265, 407, 410, 411, 413, 414
— крепость — 248, 411
— «преградия» (предместья) — 411
— собор — 265
— торговая площадь — 411
— церковь Пятницы — 249, 411
Дмитров Киевский, город — 37
Дмитровский район — 394
Дмитровское городище — 422
Днепр, река — 10, 18—21, 23, 26, 28—30, 34, 51, 53, 59, 198, 239, 247, 285, 286, 292, 294, 301, 302, 309, 310, 316, 340, 345, 352, 354, 358, 363, 366, 368, 369
днепровские пороги — 124
Днестр, река — 10, 329, 330, 334
Добрый, город — 41
Домагощ, город — 37
Дон, река — 426
Дорогичин, город — 37, 72
Дорогобуж, город в Волынской земле — 33, 322—324
— Детинец — 324
— Подол — 324
Дорогобуж, город в Смоленской земле — 40, 324
Дортмунд, город в Германии — 119
древляне, восточнославянское племя — 20, 303
Древлянская земля — 62, 303, 304, 340
древнерусская народность — 3, 52, 101
Древнерусское государство — 40, 58, 61, 289, 295, 361
Древняя Русь — см. Русь
Древняя Греция — 97
Друть, река — 370
Друцк (Друтеск, Дрютеск), город — 33, 201, 202, 370
Дубна, река — 392, 411
Дубно (Дубен), город — 33
Дунай, река — 9, 103, 162, 209, 308, 329, 335
Дятловские горы, на Волге при впадении Оки — 417

Евреи, народ — 190, 293, 319, 404
Европа — 4, 52, 119, 141, 146, 147, 179 (см. также Восточная Европа, Западная Европа)
Езск, город — 40
Елна (Елно, Ельня), город — 40
Екатеринослав, город — 44

Ждан, гора в Суздальской земле, близ Переяславля — 376
Желань (Желянь), город — 33
Желди (Желдя, Желний), город — 37
Жижец, город — 40

Закавказье — 403, 436
Залесская земля — 60, 355, 392, 394, 396—398, 401, 403, 405, 407, 410—414, 420, 427, 429

Залесская Русь — 414, 415, 418
Западная Двина, река — 25, 26, 266, 352, 360, 362—368, 370, 389
Западная Европа — 4, 52, 65, 66, 69, 128, 137, 141, 185, 186, 231, 241, 250, 251, 355, 388, 436
Зареческ, город — 37
Зарой, город — 37
Заруб, город — 33
Зарубский монастырь, под Смоленском — 182
Зарытый, город — 37
Заславль — см. Изяславль
Збараж (Збыраж), город — 41
Збруч, река — 334
Звенигород, город на Днестре — 334
Звенигород, город под Киевом — 37, 334
Звенигород, город под Москвой — 334
Звенигород Червенский, город — 33, 209, 211, 328, 334—337
— замок — 334
— острог — 335
Здвижден — см. Вздвижень
Зимно, село близ Владимира Волынского — 317, 319
— княжеский загородный двор — 317
Змень — см. Узмень
Золотая орда — 420
Зопищ, город — 41
Зубцов (Зубьчев), город — 41

Иерусалим, город в Палестине — 116, 125, 238
Иерусалимский храм — 108
Изборск, город — 13, 15, 16, 55, 389—391
Изяславль (Заславль), город — 33, 35, 40, 371, 372
— замок — 371
— монастырь Рогнеды (Анастасии) — 371
— церковь Спаса Преображения — 371
Изяславль Галицкий, город — 41
Ильмень, озеро — 22, 53, 115, 375, 376, 386, 387
Ирпень, река — 299
Искоростень (Коростень), город — 13, 16, 44, 55, 59, 62, 67, 185, 255, 304
Италия — 75, 77, 186, 253
итальянцы, народ — 404

Кавказ — 4, 128, 427
Казань, город — 80, 81, 417
Каковинский лес, урочище близ Юрьева Польского — 412
Калининская область — 266
Калка, река — 346
Калуга, город — 336
Кама, река — 422
Каменец, город — 41
Каменка, река — 397
Камень Степана, в Калининской области — 266
Камская Болгария — см. Болгария Волжская
камские болгары — см. болгары камские
Канев (Канов), город — 37, 55, 286, 301, 302
Карасево, озеро — 434
Карачев, город — 37
Каспийское море — 53, 59
Каспля, река — 352, 366
Кассель, город в Германии — 119
Кашин, город — 42
Кветунское городище, близ Трубчевска — 350
Кёльн, город в Германии — 119, 409
Кесария, город в Малой Азии — 10, 12
Киев (Кыев), город — 4, 5, 12—22, 24, 26, 30, 32, 45, 47, 48, 54, 56, 58, 59, 63, 67—69, 75, 83, 86, 91, 92, 94, 97, 99, 100, 102, 104, 110, 111, 122—124, 126, 129, 137—140, 143—145, 149, 150, 152, 159—164, 167, 168, 171, 172, 174—176, 181, 182, 185—200, 202, 204, 205, 208, 211, 215, 219, 221—224, 226—228, 230, 231, 233, 235, 236, 238, 240, 241, 243, 244, 246, 247, 249, 253, 254, 257, 258, 262—264, 266, 270, 271, 274, 279, 281, 285—294, 299—301, 303—305, 308, 315—317, 320, 323, 331, 333, 334, 336,

338, 340, 345, 354—356, 363, 369, 370, 377, 383, 388, 394—396, 406, 420, 423, 424, 427, 435, 436
— Андреевская гора (Старокиевская гора) — 287
— Андреевское отделение старого города (Старокиевской горы) — 287
— Бабин торжок — 100
— божницы (церкви):
новгородская — 122, 292
Турова — 15, 194, 219, 221, 306
— «болоньe» (выгон) — 292
— ворота:
Жидовские — 235, 291
Золотые — 20, 68, 97, 235, 236, 243, 290, 291
Лядские (Польские) — 68, 235, 291
Подольские — 199
Угорские — 235, 291
— «Гончары», урочище — 85, 129
— Гора — 20, 45, 100, 122, 129, 139, 143, 150, 167, 187—189, 194, 199, 200, 231, 243, 244, 288, 291
— дворы:
Борислявль — 254, 292
Брячиславль — 187, 189, 256
воеводы Коснячко — 187
Воротиславль — 20, 162, 254, 291
Глебов — 291
Гордятин — 20, 254, 288
деместика — 20
княжий старый (теремный) — 20, 187, 258, 259, 288
митрополичий — 291
Никифоров — 20, 254, 288
новгородский при церкви св. Михаила — 122
Путятин — 190, 192, 226—228, 277, 291
Ратшин (Ратьшин) — 195, 254, 291
теремный — см. княжий старый
Чудин — 20, 162, 254, 291
Ярославль — 194, 231, 291, 294
— Детинец — 45, 239, 247, 288
— еврейский квартал — 192
— идол Перуна — 289
— Копырев конец — 246
— монастыри:
Всеволода на Выдобычи — см. Выдубицкий
Выдубицкий — 175, 182, 274, 293, 294
Дмитрия — 175
Киево-Печерская лавра (Киево-Печерский, Печерский монастырь) — 35, 83, 86, 93—95, 97, 130, 163, 166, 175—183, 189, 196, 258, 271, 274, 292, 293, 345
Кирилловский — 176, 294
Михайловский златоверхий — 111, 143, 144, 150, 287
Софии — 290
Феодора — 176, 196
Яницин — 176
— мост через Днепр — 247, 292
— мост (между Горой и Подолом) — 188, 291
— Пасынча беседа, урочище — 19
— перевесище — 20, 288
— Печерск — 21
— Подол — 19, 20, 26, 45, 100, 122, 129, 139, 144, 167, 187, 188, 190, 194, 198—200, 239, 243, 249, 288, 291, 292, 294
— пристань — 292
— Ручай — 19
— столпье — 239, 292
— торг (торговище) — 100, 122, 187—189, 248
— Фроловская гора — 75
— церкви:
Андрея — 176
Благовещения над Золотыми воротами — 235, 290
Богородицы — см. Десятинная
Бориса и Глеба (Борисоглебская) — 292
Василия — 288
великая (соборная) церковь Киево-Печерской лавры — 86, 111, 166, 182, 258, 271, 395
Выдубицкая церковь — 262
Георгия над вратами Софийского собора — 48

Георгия над Золотыми воротами — 97
Десятинная — 20, 159, 171, 172, 240, 258, 266, 272, 287—289, 331, 427
Дмитрия — 181
Ильи — 19
Кирилловская — 21
латинский костёл — 292
Михайловский златоверхий собор — 258
Николая — 249
новгородская — см. божница новгородская
Михаила — см. божница новгородская
Михаила в Выдубицком монастыре — 182
Софийский собор — 20, 48, 96, 97, 184, 196, 223, 224, 258, 262, 270, 271, 274, 280, 290, 291, 317, 331, 427
Спаса — 290
Успенский собор на Подоле — 292
папы Климента — 290
Киевская губерния — 16, 295, 299, 301—303
Киевская земля — 61, 100, 101, 144, 145, 234, 285, 286, 291, 301—303, 305, 340, 352
Киевская Русь — 5, 11, 16, 54—58, 62, 63, 69, 70, 75, 82, 104, 107, 127, 128, 137, 148, 149, 154, 159, 166, 174, 182, 208, 215, 219—222, 225, 233, 249, 257, 259, 267, 278, 285, 307, 324, 338, 364
Киевский некрополь — 17, 21, 22
Киевское городище — 287
Киевское государство — 56, 219, 220
Киселёвка, гора в районе Киева — 18
Клеческ (Клецк), город — 37, 372
Клецин, город — 413, 414
Клецино (Переяславское) озеро — 61, 413
Клины, село под Юрьевом Польским — 380, 412
Клязьма, река — 35, 36, 44, 59—61, 85, 137, 171, 210, 233, 235, 243, 244, 258, 355, 358, 397, 402, 403, 406, 407, 410, 420
Княжая гора, предположительное место города Родни — 302
Ковжа, река — 384
Ковшаровское городище, близ Смоленска — 68
Когильно, село близ Владимира Волынского — 317
Козельск, город — 23, 37
колбяги, народ — 48
Колодяжен, город — 41
Колокша (Колакша), река — 145, 380, 410, 412
Коломенка, река — 420
Коломна, город — 37, 90, 248, 420
— Кремль — 420
— Пятницкие ворота — 420
— торг — 420
— церковь Пятницы — 420
Коломыя, город — 41
Колочка, река — 412
Колывань (Ревель, Таллин), город — 122
— русский торговый двор с церковью — 122
Комов, город — 41
Константинополь (Царьград), столица Византии — 14, 22, 86, 102, 124—126, 145, 153, 154, 163, 178, 182, 226, 235, 266, 281, 356, 404
— Золотые (Русские) ворота — 126, 235
— ипподром — 126
— предместье св. Мамы — 22, 124
— Русский убол (убол св. Георгия), квартал — 125, 126
— церкви:
Георгия — 126
Мамы, в Русском уболе — 124, 125
Мамы, в центре города — 124
Платона — 125
сорока мучеников — 125
Софии — 281
Копонов, город — 37
Копорье, город — 376
Копыс (Копысь), город — 37, 40
Коречьск (Корческ), город — 37
Корсунь (Херсонес), город в Крыму — 63, 107, 108, 160, 301, 356
Корсунь-на-Роси, город — 37, 301

Кострома, город — 41, 63, 420, 423, 424
— Детинец — 423
— церковь Фёдора Стратилата — 423
Кострома, река — 423
Котельнич, город — 37
Котор, город на Адриатическом побережье — 225
Которосль, река — 59, 415—417
Краков, город в Польше — 336
Красный (Красн), город — 37
Кременец, город — 41, 241
кривичи, восточнославянское племя — 163, 372, 429
Кромы, город — 390
Крупль, город — 40
Крым, полуостров — 63, 319
Кснятин, город — 37
Куйаб — см. Киев
Кукенойс, город — 41, 362
Куликово поле — 169
Кур, река — 346
Курск, город на р. Тускори — 33, 177, 345—348
Курск, город в Новгородской земле — 346
Курская губерния — 347
Курская область — 347
Кучелмин (Кучельмин), город — 37
Кучково, село близ Москвы — 408

Ладога (Альдейгаборг, Альдейгьюборг), город — 13—17, 86, 239, 375, 383—385
— Варяжская улица — 385
— двор для приезжих купцов — 385
— замок (каменный) — 385
— крепость (каменная) — 239, 385
— посад — 385
— церкви:
Георгиевская — 385
Николая, католическая — 385
Ладожское озеро — 375, 383
Лама, река — 418
латиняне (католики) — 293, 404
латиняне (крестоносцы) — 281
Ленинград, город — 271, 355
Ливония — 41, 389
Лимож, город во Франции — 350
Липицы, урочище близ Юрьева Польского — 145, 237, 282
Лиственны, местность — 229
Литва — 240, 372, 374, 388
Литовское великое княжество — 231, 437
литовцы, народ — 361, 400
Лобынск, город — 37
Ловать, река — 360, 366, 368, 387
Логожск (Логожьск), город — 33, 363, 371
Лодомер — см. Владимир Волынский
Ломница, река — 4, 330
Лубно (Лубен), город — 33
Луг, река, приток Буга — 315, 317—319
Луга, река, впадает в Финский залив — 376
Луква, река — 239, 330—332
Луки Великие — см. Великие Луки
Лукомль, город — 37
Лутава, город — 37
Луцк (Луческ), город — 33, 322
— Детинец — 322
— Высший замок (замок Любарта) — 322
— церковь Иоанна Богослова — 322
лучане, славянское племя — 322
Лучин, город — 37, 40
Луцкая (Лучьская) волость — 181
Львов, город — 328, 334
Лыбедь, река в Киеве — 21, 244
Лыбедь, ручей во Владимире Залесском — 244
Любачев, город — 40
Любек, город в Германии — 122, 365
Любеч, город — 13—16, 177, 185, 345, 354
— замок — 345
Любно, город — 41

Майдан Переспа, село близ Червеня — 325
Малая Азия — 134, 436
Малотин, город — 37

Медведица, река — 376, 386
Медвежья голова — см. Одепне
Межево (городище города Усвята) — 368
— замок — 368
Межибожье, город — 37
Межимостье, город — 37
Менка, река — 368
меря, племя — 394, 413
Милеск, город — 37
Милиниска — см. Смоленск
Микулин, город — 34
Минск (Менеск, Меньск), город — 34, 201, 202, 225, 362, 368, 369, 372
— Замчище (замок) — 369, 370
— каменный храм — 369
— Низкий рынок — 369
Минская округа — 370, 371
Мирославское, село под Витичевом — 162
Мирославцы, село под Киевом — 162
Михайлов, город — 37
Мичьск (Мическ), город — 37
Можайск, город — 42, 90
Мозолевый поток, речка, впадающая в Лукву — 239, 331, 332
Мозырь, город — 38, 305
Моклеков Галицкий, город — 42
Мокша, река — 430
Молдавия — 209
Молога, река — 50, 384
Монголия — 78
монголы (татаро-монголы), народ — 77, 437
мораване, западнославянское племя — 293
Моравица (Муравица), город — 38
мордва (эрзя), народ — 417, 418, 425
Морева, город — 42
Моровийск, город — 38
Москва, город — 38, 44, 45, 61, 63, 66, 75, 97, 114, 174, 216, 232, 239, 243, 244, 248, 318, 334, 356, 407—410, 412, 414, 419
— Зарядье — 408—410
— Китай-город — 45, 232, 233, 248
— Китайгородская гора — 408
— Кремль — 232, 238, 248, 251, 410
— Оружейная палата — 408
— Подол (посад) — 44, 408—410
— Симонов монастырь — 408
— собор Николы Гостунского в Кремле — 251
— храм Спасителя — 408
— Успенский собор — 71, 191
— церковь Николы Льняного в Кремле — 251
— Чудов монастырь — 276
Москва-река — 75, 239, 248, 403, 418, 420
Московская Русь — 388
Московское государство — 48, 90
Межа, река — 115, 376, 386
Мстислав на Вехре, город — 356, 357, 361
Мстиславль, город — 38, 40, 361
Мунарев, город — 38
Муром, город — 13, 15, 16, 174, 204, 354, 355, 402, 425, 430—433
— Благовещенский монастырь — 432
— Кремль — 432, 433
— Старое городище — 430, 432
— церкви:
Благовещения — 432
Борисоглебский собор — 431
Николы Набережного — 433
церковь «Христова» — 432
мурома, народ — 16, 430, 433
Муромский могильник — 432, 433
Мухавец, река — 326
Мченеск (Мценск), город — 38
Мыльск, город — 38

Небль (Невль), город — 38
Небльская волость — 38, 181
Нева, река — 375
Неглинная, река — 239, 408
Нежатин (Неятин), город — 34
Неколочь, город — 38
Неман, река — 305, 362, 369, 372, 373
Немецкие страны, Немецкая земля, страны Западной Европы — 155, 318

Немига, река — 369
Немогардас (Nemogardas) — см. Новгород
немцы, народ — 51, 121, 123, 155, 165, 172, 293, 319, 320, 355, 356, 399, 404
Нерехта, город — 42
Нериньск, город — 38
Нерль, река, приток Волги — 60, 376, 414
Нерль, река, приток Клязьмы — 59—61, 397, 403, 404, 420
Неро (Ростовское), озеро — 59, 61, 394, 416
Нижний Новгород, город — 42, 61—63, 174, 417, 418
— монастырь Богородицы (Печерский) — 418
— церковь Спаса — 418
Никея, город в Малой Азии — 275
Нишапур, город, столица Хорасана — 347
Новгород, Великий Новгород — 4, 6, 12—17, 22—24, 27, 32, 44—49, 56, 63, 66—69, 72, 75, 79, 81, 85, 87, 94, 97—99, 102, 103, 107—109, 112—115, 117, 119, 121—123, 126—131, 133—135, 137—140, 142, 143, 145—147, 149, 152, 155—157, 159, 160, 163, 164, 166, 169, 172, 174, 176, 178, 180, 182, 185, 186, 195, 197, 200, 201, 203—208, 211, 217, 218, 220, 224, 225, 230, 231, 238, 240, 241, 243—245, 247—249, 252, 256—258, 262—264, 269, 273, 320, 357, 359, 364—366, 375, 376, 378—380, 382—388, 390, 394, 395, 405, 418, 419, 423, 437
— божницы (церкви):
варяжская — 122, 383
немецкая — см. церковь Петра
— Великий мост (через Волхов) — 80, 132, 247
— Великий ряд (на торговой площади) — 46, 119
— вечевая площадь — 121
— вымолы (пристани) на Торговой стороне:
Алфердов, поздиее название Геральдова (Веральдова) вымола — 46
Будятин (Бутятин) — 46
Геральдов (Веральдов) — 46, 381
Ивань (Еваня) — 46
Матфеев — 46
Немецкий — 46
— городные ворота — 131, 132
— дворы:
Готский — 122, 123, 131, 248, 383
княж — 381
Немецкий — 46, 122, 123, 131, 248, 383
Петрятин (Петрятино дворище) — 116, 206, 381
Поромонь — 379
Псковский — 390
Ярославов — см. Ярославле дворище
— Детинец — 24, 30, 132, 139, 233, 238, 244, 246, 378—380, 382
— дом новгородского епископа — 24
— концы:
Людин (Гончарский) — 45, 46, 85, 129, 379, 380
Неревский — 24, 380
Плотницкий — 45, 79, 130
Славенский — 377, 381, 382
— Людогощинский крест — 130
— монастыри:
Антониев — 118, 137, 176—178, 258, 273, 382, 383
каменная трапеза — 178
каменный собор — 178
Аркаж — 166, 258
Евфимии — 241
Хутынский — 166, 176, 178, 273
Черницын (девичий) — 379
Юрьев — 158, 164, 176, 182, 258, 269, 272, 383
соборная церковь — 176
— Острая городня — 131, 132
— Плотники, район, часть Торговой стороны — 130, 241, 382
— Плотницкий (Фёдоровский) ручей — 381, 382
— Подол — 44—47
— Рогатица, район — 166
— Рюриково городище — 22
— сотни:

Бежицкая — 131
Быкова (Бавыкова) — 132
Волховская (Поволховская) — 131
Вотская — 132
Гаврилова — 131
Давыжа — 131, 132
Княжьи (2) — 131
Кондратова — 131
Луцкая — 132
Лопская — 132
Обонежская — 132
Олексина — 131
Ратиборова — 131
Ржевская — 132
Романова — 131
Сидорова — 131
Слепцова — 131
Яжолбицкая — 132
— Славенский холм — см. Славно
— Славно, холм — 23, 24, 45, 46, 142, 143, 378, 380—382
— стороны:
Софийская — 24, 131, 231, 378, 379, 381
Торговая — 23, 46, 47, 130, 131, 378, 380—382
— торговище (торг) — 46, 120, 121, 207, 248, 250, 381, 382
— улицы:
Бардова — 245
Бискупля (Пискупля) — 246, 378, 380
Боркова — 246
Варяжская — 245
Витьковская — 132
Воздвиженская — 379
Волосова — 379
Даньславля — 245
Добрынина (Добрыня)—245, 379, 380
Епископская — см. Бискупля
Запольская — 245
Иворова — 245
Ильина (Ильинская) — 46, 132, 142, 246
Конюхова — 245
Лукина — 379
Людгоща — 130, 131
Михайлова — 246
Прусская — 245, 379, 380
Рядитина — 379
Фёдорова — 246
Холопья — 48, 245
Хревкова — 245
Чеглова (Щеглова) — 245
Черницына — 379
Чюдинцева — 245, 379, 380
Щитная — 121, 130, 245
Яковлева — 246
Янева — 245
Ярышева — 245
— Фёдоровский ручей — см. Плотницкий ручей
— церкви:
Богородицы на торговище — 207
Воздвиженская — 379
Ивана Предтечи на Опоках (дом св. Ивана) — 113—119, 121, 128, 133, 164, 169, 206, 207, 231, 248, 273, 359, 381, 383
Ивана Предтечи на Чюдинцевой улице — 165
Илии пророка на Славне — 380, 381
каменная на Петрятином дворище — 206
Лукина — 379
Николая чудотворца, каменная — 381
надвратная — 87
Николо-Дворищенский собор — 121, 249, 381, 382
Пятницы на торговище — 120, 121, 383
Пятницы на Ярославовом дворище — 46
Петра (католическая) — 116, 123
Софии, деревянная — 24, 136, 256, 378
Софийский собор — 94, 112, 133, 146, 172, 184, 257, 262, 271, 274, 380, 382
Троицы — 121
Фёдора Стратилата — 382
церковь на Рогатице — 166
Юрьевский собор — 382
— Ярославле (Ярославово) дворище — 23, 46, 47, 164, 231, 264, 378, 381, 382
Новгород Нижний — см. Нижний Новгород
Новгород Святополч, город — 34
Новгород-Северская земля — 348

Новгород Северский, город — 38, 141, 323, 338, 347, 348
— Детинец, град, внутренний замок — 348
— идол северян — 347
— острог — 348
— острожные ворота — 348
— церковь Успения — 347
Новгород-Северское княжество — 348
Новгородок Литовский, город — 42
Новгородская волость — 99
Новгородская земля — 346, 375, 383, 385, 387, 392
Новгородская область — 130
Новгородское поселение — 377
норманны, народ — 14, 16
Норына, река — 62
Носов, город — 38

Обловь, город — 38
Обонежский ряд, города и погосты по Онежскому озеру — 40
Обров, город — 34
Овруч (Вручий), город — 13, 16, 44, 55, 59, 62, 63, 101, 185, 199, 237, 263, 285, 286, 304, 305
— ворота — 304
— замок — 304
— мост — 304
— церковь Василия — 304
Оденпе (Медвежья голова), город — 389
Одрск (Одреск), город — 34
Ожск, город — 42
Озерна, река — 418
Ока, река — 59, 62, 63, 75, 348, 352, 392, 403, 417, 418, 420, 425—427, 430—433
Олешье, город — 34, 124
Олонец, город или погост — 40—42
Ольгов, город — 42
Ольжичи, село в Киевской земле — 59
Онега, река — 40, 376
Онут, город — 42
Оргощ, город — 38
Орельск, город — 42
Ормина, город — 38
Орша (Рша), город — 34, 366
Остерский городок (Городок, Городец на Остре) — 37, 137
Остер, река — 37
Острог, город — 34

Падерборн, город в Германии — 77
Палестина — 344
Париж, город во Франции — 119
Переволока, город — 34
Перемиль, город — 34
Перемышль, город на р. Сан — 13, 16, 55, 91, 99, 328, 329, 336, 337
— княжеский двор — 337
— церковь Иоанна — 337
Перемышль, город — 336
Пересечен, город — 13, 16, 55
Пересечна, город — 38
Пересопница, город — 38, 322, 323
Переспа, село близ Чернигова — 325
Переяслав Хмельницкий, город — 308, 312
Переяславец, город в Болгарии — 103
Переяславль (Переяславль Русский, Южный), город — 13, 16, 43, 53, 55, 63, 71, 116, 140, 174, 185, 195, 227, 236, 240, 285, 291, 303, 308—313, 315, 338, 347, 354, 356, 414
— баня (каменная) — 240, 310—312
— ворота:
Епископские — 311
Княжии — 311
Кузнечные — 71, 291, 311—313
— дворы:
княжеский — 311
Красный — 313
— Детинец — 240, 310—312
— епископский замок-дворец — 310, 311
— зверинец княжеский — 313
— окольный город (острог, посад, предгородье) — 311, 312
— церкви:
Андрея — 310
Богородицы на княжеском дворе — 311

Михайловская — 310, 311, 313
Фёдора, на городских воротах — 240, 310
Переяславль Залесский (Переяславль Новый, Суздальский), город — 38, 41, 42, 59, 61, 84, 102, 174, 239, 359, 376, 392, 394, 395, 411, 413—415, 418, 419, 423
— город (крепость) — 414
— церковь Спаса — 414, 415
Переяславль Рязанский, город — 425, 434
— церкви:
Ильинская — 434
Николы Старого — 434
Переяславская земля — 61, 285, 308, 309, 311
Переяславское городище — 422
Переяславское княжество — 116
Переяславское озеро — см. Клещино озеро
Переяславское ополье — 413
Песочен, город — 34, 38
печенеги, народ — 49, 54, 140, 290, 299, 300, 303, 308
Пидьба, село под Новгородом — 95, 99
Пина, река — 326
Пинск (Пинеск), город — 34, 305, 326
Пинская земля — 326
Пирятин, город — 38
Плав, город — 42
Плавье, озеро — 363
Плакун, местность в Приладожье — 17, 384
Плесков — см. Псков
Плеснеск — см. Пресненск
Плисков (Плискова), город в Болгарии — 389
Побужье, местность по р. Бугу — 11
Поволжье — 418
Поднестровье — 11, 334
Подоляне, деревня близ Дорогобужа — 324
Пола, река — 376, 387
Полисть, река — 387
Полкостен, город — 38, 308
Половецкое поле, поле у р. Прони — 433
половцы, народ — 140, 175, 187, 188, 225, 230, 234, 238, 253, 293, 301—303, 308—310, 312, 329, 347, 350
Полонои (Полонный), город — 38, 171
Полота, река — 25, 362—364
Полоцк (Полтеск, Полотеск), город — 4, 5, 13, 15—17, 24—26, 30, 32, 56, 63, 75, 123, 126, 140, 149, 174, 186, 187, 189, 190, 200—202, 218—220, 230, 233, 244, 249, 257, 271, 305, 306, 340, 359, 362—366, 369, 370, 435, 437
— Верхний замок — 25, 26, 363, 364
— городище — 25, 26
— Заполотье, или «старый город» — 25, 26, 364
— монастыри:
Евфросинии — 264, 364
монастырь на Бельчицах — 364, 365
— Нижний (Стрелецкий) замок — 25, 363
— Подол — 364
— церкви:
Богородицы — 127
Софии — 25, 26, 363—365
Спаса в Евфросиниевом монастыре — 265, 364, 365
Полоцкая земля — 362—366, 370, 372, 392
Полоцко-Смоленская земля — 61
Полоцкое городище — 25
Полоцкое княжество — 362
Полтавская губерния — 16
Полтеск, город у вятичей — 38
«Польская земля» (земля полян) — 18
Польша — 5, 52, 187, 189, 208, 272, 322, 324—328
поляки, народ — 43, 51, 171, 324—326, 336, 337
поляне, восточнославянское племя — 18, 19
Помостье (Помъстье), местность по р. Мсте — 115
Понизье (Понизовье), территория в Галицкой земле — 43
Попашь, город — 38
Поросье (бассейн р. Рось) — 303
Посемье (бассейн р. Сейм) — 347, 348
Поцин (Пацин), город — 40
Почайна, река — 418
Прага, город в Чехии — 336

Преслава (Пренцлау), город под Щетином — 308
Преслава Великая, город на Дунае — 308
Преслава Малая, город на Дунае — 308
Пресненск (Плесненск), город — 38
Прибалтика — 127, 380
Приладожье, местность, прилегающая к Ладожскому озеру — 17
Прилук, город — 34
Принеманье, местность по р. Неману — 374
Припять, река — 15, 62, 285, 286, 305, 326
Пронск, город — 38, 425, 433
— ворота (3) — 434
— град, крепость — 433, 434
Проня, река — 425—427, 433
Пруссова (Прусская, Бабаева) гора у р. Колокши — 380, 412
«Пруссия» — см. Прибалтика
Пруссово поле — 412
пруссы, народ — 245
Псков (Пльсков, Плесков), город — 4, 13, 15—17, 24, 27, 28, 30, 32, 55, 66, 90, 106, 108, 115, 117, 135, 147, 149, 151, 164, 174, 186, 207, 230, 233, 238, 239, 244, 248—250, 272, 273, 341, 356, 365, 366, 375, 376, 383, 388—391, 437
— Довмонтов город — 239
— Довмонтова стена — 390
— Завеличье — 244, 390
— Запсковье — 239, 244, 390
— Кром (Кремль) — 27, 238, 239, 248, 389—391
— Мирожский монастырь — 390
— Немецкий двор — 390
— посад — 28, 391
— Средний город — 239
— церкви:
Иоанна Предтечи — 390
Спаса Преображения — 390
Троицкий собор — 272
Пскова, река — 90, 239, 244, 389
Псковская земля — 388, 391
Псковская область — 388
Птич, река — 368
Путивль, город — 38, 141, 338, 345, 346, 348
— городок — 346
— двор Святослава под Путивлем — 346
Путивлька, река — 346

Радощ, город — 38
Райковецкое городище (близ Киева) — 67—69
Рать, река — 347
Рачевка, река — 358
Ревель — см. Колывань
Регенсбург, город в Германии — 124, 336
Ржевка (Ржавка, Ржев), город — 42
Рига, город в Латвии — 113, 123, 155, 203, 359, 365, 368, 388
Рижский залив — 362, 366, 389
Рим, город в Италии — 187, 250, 365
Римов, город — 34, 234, 308
Римская земля — см. Византийская империя
Римская империя — 52
«Римская страна», католические страны Европы — 177, 178
Рогачев, город — 38
Рогнедь, озеро — 371
Рогов, город — 38
Родня (Родьня), город — 13, 16, 55, 149, 286, 302
Ромен, город — 34
Ропеск, город — 38
Рославль (Ростиславль), город — 40, 361
Россия, Российская империя, Российское государство — 41, 62, 74, 76, 82, 99, 102, 107, 118, 123, 134, 168, 246, 249—251, 257, 295, 308, 316, 346, 347, 364, 366, 370, 371
Ростов (Ростов Великий, Ярославский) — 4, 13, 15, 16, 53, 55, 59, 60, 63, 136, 140, 165, 174, 204, 212, 227, 237, 256, 258, 272, 355, 387, 392, 394—396, 398, 404, 406, 413, 415, 416, 422
— дворы:
епископский — 395, 396
княжеский — 395
— идол Велеса — 394

— Кремль — 395
— посад — 396
— церкви:
Власия (Иоанна Милостивого) — 395
деревянная соборная — 136
Иоанна Предтечи — 396
каменная на княжеском дворе — 395
«Успения Пречистыя» (дубовая) — 256
Успенский собор — 395
— Чудской конец — 394
Ростовец (Растовец), город — 34
Ростово-Суздальская земля — 61, 352, 376, 385, 392
Ростово-Суздальская Русь — 185
Ростовская земля — 81, 396, 397, 416
Ростовская область — 396, 415
Ростовское озеро — см. Неро, озеро
Рось, река — 37, 51, 285, 286, 302, 303
РСФСР — 27
Руан, город во Франции — 119
Руза, река — 418
Рузский уезд — 74
Русса — см. Старая Русса
Русская земля — 40, 61, 116, 154, 155, 185, 278, 294, 295, 298, 309, 312, 329, 356, 361
русские, русский народ — 3, 51, 86, 154, 175, 252, 261, 269, 293, 308, 320, 337, 338, 340, 404, 437
Русь, Древняя Русь — 3—5, 9, 12, 14, 16, 23, 32, 35, 39, 47, 52—55, 58, 65—70, 72—83, 85—88, 90—97, 99—104, 108, 112, 118, 120, 122—126, 128, 129, 137, 142, 148—151, 153, 158, 160, 169, 170, 173—175, 179—181, 185, 187, 188, 190, 196, 207, 213, 215, 217, 218, 227, 228, 234, 238, 240, 241, 244, 251, 253—255, 257, 258, 260—263, 266—270, 273, 274, 277, 278, 285, 286, 288, 289, 293, 295, 298, 307—309, 312, 324, 336, 340, 343, 344, 350, 351, 356, 359, 364, 367, 368, 373—375, 383, 388, 391, 420, 423, 428, 436, 437
Русь Северная — 234, 244, 249
Русь Северо-Восточная — 69, 61, 175, 426
Русь Южная — 107, 414, 434
Рут, река — 303, 343
Рша — см. Орша
Рыбаньск, город — 40
Рыбчанка, река — 369
Рыльск, город — 38
Рязанская земля — 61, 425, 426, 429, 430, 433
Рязанское княжество — 420, 425, 431
Рязань древняя — см. Старая Рязань
Рязань современная — см. Переяславль Рязанский

Саков (Салков), город — 34
Салис, река — 388
Самарканд, город в Средней Азии — 347
Сан, река — 336, 337
Сапогынь, город — 38
Сарема, остров — 388
Сарон (Saron), библейский город — 242
Сарское городище, под Ростовом Великим — 237
Свинка, река — 28
Свирильск, город — 38
Свирь, река — 384
Свислочь, река — 369, 371
Святополч, город — 55
Святославль, город — 34
Северная Двина, река — 421
Северская земля — 340, 429
северяне, восточнославянское племя — 340, 347, 429
Севск, город — 38
Сейм, река — 338, 340, 345—347
Селигер, озеро — 376, 386
Селигерский водный путь — 376, 386
Сельджуков государство — 134
Семынь (Семыч), город — 38
Сент-Омер, город во Франции — 119
Сербия — 298
Сергут, река — 363
Серебрянка, ручей — 426
Серегер, город — 42
Серет, река — 334, 336
Серпейск, город — 23
Серпухов, город — 90, 248

сирийцы, народ — 293
Скандинавия — 255
славены (словены), восточнославянское племя — 22, 23, 163, 376, 384
славяне, народы — 10, 16, 74, 126, 316, 323
восточные — 10, 15, 16, 323, 385
западные — 308
южные — 10
Словенск (Словеньск), город — 23, 24
Словенская земля, земля словен — 402
Слоним (Вослоним), город — 43
Слудница, село Хутынского монастыря под Новгородом — 180
— церковь Георгия — 180
Случь, река — 303, 305
Слуцк (Случеск), город — 38, 306
Смердово, село под Юрьевом Польским — 380
Смоленск, город — 4, 5, 13, 17, 28—32, 40, 56, 63, 66, 68, 102, 113, 123, 137, 140, 152, 155, 174, 182, 186, 200, 202, 203, 208, 230, 244, 258, 272, 292, 352, 354—360, 363, 364, 366, 367, 403, 419
— Гора — 358
— Детинец (город, крепость) — 357, 358
— княжеский двор — 359
— монастыри:
Авраамиев — 176
Отрочь — 419
— Немецкая слобода — 357
— Подолие (приречная часть) — 358
— посад (предградье) — 30, 32, 357, 358
— пристань — 357
— Пятницкая башня — 358
— Пятницкие ворота — 358
— Пятницкий конец — 358
— Пятницкий ручей — 358
— Соборная гора — 358
— торговая площадь — 358, 359
— церкви:
Богородицы (латинская) — 12, 356
Богородицы (соборная) — см. Успенский собор
Бориса и Глеба на Смядыни — 356, 357
Иоанна Богослова на посаде — 358, 359
Михаила — 356, 357
Петропавловская, на правом берегу Днепра — 358, 359
Пятницы — 358
Свирская — 358, 359
Спаса на Поле — 356, 357
Успенский собор — 113, 203, 355—358
церковь на реке Рачевке — 358
Смоленская губерния — 29, 31, 68
Смоленская земля — 202, 203, 311, 324, 352, 356, 359—362, 392
Смоленская область — 361
Смоленское княжество — 354
смоляне, славянское племя — 352
Смочь, река — 315, 318
Смядынь, город-замок близ Смоленска — 137, 152, 294, 355—359
Смядынь, река — 30
Сновск, город — 34
Снятино, село — 308
Сож, река — 68, 286, 352
Солокия, река — 325
Соль Великая, город — 42
Сосница, город — 42
Спаш, город — 38
Среднее Приднепровье — 14, 237, 300
Средняя Азия — 4, 52, 102, 128, 242, 409, 436
СССР — 6, 21, 23, 52, 66, 72, 85, 95, 96, 143, 144, 196, 220, 236, 259, 261, 342, 343, 365, 374, 378, 382, 405, 406, 414, 416
Ставрово, село близ Юрьева Польского — 412
Старая Руса (Русса), город — 39, 64, 174, 375, 383, 387
— крепость — 387
— монастырь — 387
— собор Преображения — 387
Старая Рязань (Рязань древняя), город — 34, 63, 72, 74, 75, 140, 263, 264, 266, 403, 420, 425—430, 432, 434
— Кремль — 427

— Ольгов городок — 427
— церкви:
Борисоглебский собор — 427, 429
Спасский собор — 429
Успенский собор — 427, 429
церковь Ольгова городка — 427
Старая Рязань, село — 427
Старая Яхрома, проток р. Яхромы — 411
Старгород, урочище близ города Волыни — 314
Стародуб Ряполовский, город — 42
Стародуб Северский, город — 34
Старорязанское городище — 426
Старый Галич — см. Галич
Стержен — 376
Стерженский крест — 266, 376
Стерженский путь — 376
Столпье, город — 42, 235
Стрежев (Стрешин), город — 38
Стрижень, река — 340, 341
Струбел, река — 323
Струмень, река — 305, 307, 326
Стугна, река — 286, 301
Стырь, река — 321, 322, 336
Судогда, река — 59
Суздаль (Суждаль), город — 4, 13—16, 24, 55, 59—61, 63, 140, 165, 174, 181, 211, 212, 248, 258, 386, 392, 394, 397—402, 404, 406, 420
— Александровский монастырь — 398
— Кремль — 26, 397, 398, 400
— посад (острог) — 397
— собор Рождества Богородицы — 88, 398—401
Суздальская земля — 198, 229, 394, 401, 402, 410, 411, 419
Суздальская область — 230
Сула, река — 423
Сутейск (Сутеск), город — 34
Сухона, река — 376, 421
Сясь, река — 383

Таманский полуостров — 351
Таматарха — см. Тмутаракань
татаро-монголы — см. монголы
Татарская АССР — 80
татары, народ — 169, 174, 226, 241, 273, 375, 410, 421
Тверское княжество — 419
Тверца (Тверь, Тьхверь), река — 62, 115, 376, 385, 386, 418
Тверь, город — 42, 62, 63, 81, 115, 386, 419
Телюцы — см. Любеч
Теребовль, город — 34, 328, 334, 336
Тетерев, река — 285, 303
Теша, река — 430
тиверцы, восточнославянское племя — 10
Тисмяница, город — 38
Тихвинка, река — 384
Тихвинская водная система — 384
Тихомль, город — 38
Тмутаракань (Тмуторокан), город — 34, 162, 174, 264, 340, 351
Тмутараканский камень — 266
Товаров, город — 38
«тоймицы поганыи», языческие народы Севера — 423
Толмачев, город — 42
Торжок (Новый Торг), город — 38, 99, 116, 138, 157, 375, 376, 385—387, 419
— Борисоглебская сторона — 386
— Борисоглебский монастырь — 386
— замок (Кремль) — 386
— собор Спаса (деревянный) — 116
— собор Спаса (каменный) — 116
торки (гузы), племя — 303
Торопа, река — 360, 362
Торопец, город — 35, 36, 177, 352, 359—362
— «Большое Городище» — 360
— гавань — 360
— Детинец — 360
— предгородье — 360
— «Старое большое Городище Кривитеска» — 360
— «Старый посад» — 360
Торопецкая округа — 360
Торчев, город — 42
Торческ (Торческий град), город — 34, 286, 301—303

Тоскана, область в Италии — 76, 77
Треполь (Триполье), город — 301, 302
— Водные ворота — 301
— городище — 302
— Девичья гора — 302
Троица, село в Курской области — 347
Троице-Сергиев монастырь, под Москвой — 277
Тростенское озеро — 418
Трубеж, река, на которой стоит Переяславль Русский — 53, 309—311, 313, 316, 355, 414
Трубеж, название речки в Переяславле Залесском — 414
Трубеж, название речки в Переяславле Рязанском — 434
Трубчевск (Трубецк), город — 38, 347, 350
— Соборная гора — 350
Тумащь, город — 38
Турийск, город — 34, 320
Турино, село близ Юрьева Польского — 412
Туров, город — 13, 15, 286, 305—307, 326, 372
— городище — 307
— Детинец — 307
— Предгородье — 307
Туров, село в Черниговской земле — 306
Турова могила, под Василевом — 301, 306
Турово, урочище в Киеве — 15
Турово-Пинская земля — 305
Туровское городище — 306
Тускорь, река — 346

Уветичи, город — 34, 162, 225
Углич (Углече Поле, Угличе Поле), город — 39, 61, 394, 416, 417
Угра, река — 352
Угровеск, город — 42
Удеч, город — 39
Уж, река — 303, 304
Узбекистан — 242, 248
Узмень (Змень), погост в районе Чудского озера — 40, 41
Узмень, озеро — 368
Украина, Украинская ССР — 16, 62, 165, 290, 320
«Украина» под Переяславлем Залесским — 394
Украина-Русь — 302, 321
украинские земли — 331
украинский народ, украинцы — 3, 293, 326, 437
уличи, восточнославянское племя — 9, 10
Улла, река — 363
Унгавния (Уганди), область в Эстонии — 389
Уненеж, город — 39
Усвят (Восвято, Восвячь), город — 35, 36, 366, 368
Усвят, озеро — 368
Усвятская округа — 368
Усвячь, река — 368
Устилуг (Устилог), город — 39, 316
Устье, город — 34, 310, 316
Устюг (Усть-Юг), город — 42, 420—423
— монастыри:
Архангельский — 422
Троицкий гледенский — 421
— Соколья гора — 422
— церковь Ивана Предтечи — 422
Устюжское городище — 421
Ухтома, река — 59
Уша, река — 59
Ушеск, город — 39
Ушица, город — 39, 209
Ушь (Уж), река — 62

Фёдоровцы, деревня под Владимиром Волынским — 318, 319 (см. также Владимир Волынский, урочище Стара катедра)
Финляндия — 375
Финский залив — 375
Фландрия — 44, 119, 120, 388
Франция — 76, 77, 119, 120, 350
французы, народ — 411

Хазары, народ — 16, 19
Халеп, город — 34
Хвалисы (Ховарезм) — см. Хорезм
Херсонес — см. Корсунь

Холм, город — 42, 51, 71, 88, 112, 235, 247, 315, 328
— «сад красен» — 247
— церковь Козьмы и Демьяна — 247
Холмская Русь — 235
Холмгард — см. Новгород
Холопий город на Мологе — 50
Хорезм (Ховарезм, Хвалисы) — 59
Хоробор (Хороборь), город — 39
Хутынь — см. Новгород, Хутынский монастырь

Царьград — см. Константинополь
Центрально-черноземная область — 346
Цна, река — 430

Чагодоща, река — 384
Чемерин, город — 39
Червень (Червен), город — 13, 16, 55, 59, 64, 162, 324, 325, 336
Черех, река — 376
Чермно, деревня близ Червеня — 325
«Чёрная могила», курган под Черниговом — 340, 343
Чёрная речка — 426
Чёрная Русь — 362
Чернеск (Черньческ), город — 39
Чернигов — 4, 13—17, 30, 32, 43, 53, 55, 137, 140, 149, 159, 174, 187, 198, 213, 223, 226, 227, 233, 238, 243, 244, 249, 257, 263, 285, 308, 338, 340—344, 347
— восточные ворота — 341
— «Гостиничи», урочище — 43
— Детинец («дисшный град») — 238, 341, 342
— Елецкий монастырь — 44, 342, 343
— малый вал — 238, 342
— острог (передгородье, окольный город) — 238, 341, 342
— Подол («Подолие») — 43, 342
— торговая площадь — 342
— третьяк — 342
— церкви:
Борисоглебская — 341
Пятницы — 249, 342
собор Спаса Преображения — 341—343
Успенская церковь Елецкого монастыря — 342, 343
Черниговo-северская земля — 61
Черниговская волость — 348
Черниговская губерния — 16, 44
Черниговская земля — 306, 338, 340, 344, 345, 347, 348, 350, 351, 410
Черниговское княжество — 340, 343, 351
Черниговское наместничество — 342, 345
Чернигога — см. Чернигов
Чернобыль, город — 39
Чёрное море — 19, 352, 363
«чёрные клобуки», кочевые народы — 199, 303
Черняхов, название нескольких сёл на Украине — 16
Черторый, ручей — 408
Черторыйск, город — 34
чехи, народ — 293, 336
Чехия — 5, 52, 103, 109, 242
Числовские городищи, село под Юрьевом Польским — 412
Чичерск, город — 39
Чудское озеро — 388
чудь — см. эсты
Чудь — см. Эстония
Чюрнаев, город — 39

Шведы, народ — 375, 385
Шелонь, река — 376
Шеполь, город — 34
Шотландия — 120
Шоша, река — 418
Штендаль, город в Германии — 119
Штральзунд, город в Германии — 320, 321
Шумск, город — 39

Щекарев, город — 42
Щетин (Штетин), город на Балтийском море — 121, 308

Эрзя — см. мордва
Эсса, река — 363
Эстония — 380, 388, 389
эсты, народ — 380, 389

Юг, река — 421
Юрьев (Гуричев, Гурьгев), город на р. Роси — 33, 286, 301—303
— каменная церковь — 303
Юрьев Польский, город при впадении р. Гзы в Колокшу — 39, 61, 237, 244, 380, 394, 404, 407, 411, 412, 414, 419
— юрьевский собор — 413
Юрьев (Дерпт, Тарту), город в Эстонии — 35, 122
— русский торговый двор с церковью — 122
Юрьева гора — 412
Юрьевская округа — 413
Юрьевское поле — 412

Язда, река — 306
Ям, город — 376
Ярополч, город — 39
Ярославль, город на Волге — 35, 61, 63, 167, 174, 212, 247, 415—417
— Детинец — 416
— Земляной город — 417
— княжеский двор — 416
— Рубленый город — 417
— церковь Успения — 416, 417
Ярославль (Ярослав), крепость в Переяславле Рязанском — 434
Ярославль Галицкий, город на р. Сан — 42
Ярышев, город — 39
ятвяги, литовское племя — 371
Яуза, река — 408
Яхрома, река — 248, 410, 411

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Часть I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Глава I. **Происхождение русских городов** 9

1. Города IX—X вв. . . . . —
2. Появление новых городов в XI—XIII вв. 32
3. Возникновение городских предместий, или посадов 43
4. Причины возникновения городов 52

Глава II. **Хозяйство древнерусских городов** 65

1. Общие черты хозяйства древнерусских городов . . . —
2. Ремесло и ремесленные специальности 69
3. Работа на заказ и товарное производство 92
4. Городская торговля 95
5. Ростовщичество и торговый кредит 104
6. Средневековая организация ремесла и торговли . . 110
7. Иванское сто и другие купеческие объединения . . 114
8. Ремесленные объединения 127

Глава III. **Городское население** 138
1. Численность и состав городского населения . . . . —
2. Ремесленники как основное городское население . . 141
3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах 147
4. Купечество 152
5. Городское боярство 158
6. Приходское (белое) духовенство 166
7. Монастыри и монахи 174

Глава IV. **Борьба за городские вольности** 185
1. Общие замечания . . . . . —
2. Киев 186
3. Полоцк и Смоленск 200
4. Новгород 203
5. Галич 208
6. Владимир Залесский 211

Глава V. **Городские власти** 214
1. Князь и город . . . . . —
2. Вече 217
3. Городское управление 225

Глава VI. **Внешний вид городов** 232
1. Городские укрепления . . . . . —
2. Детинец, посад, городские кварталы и улицы . . . 242
3. Городской торг 248
4. Городские постройки и внешний вид городов . . . 252

Глава VII. **Городская культура** 261
1. Грамотность в среде горожан . . . . . —
2. Городские книгохранилища и ризницы 270
3. Городская литература 273

Часть 2
КРУПНЕЙШИЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

Глава I. **Киевская и Переяславская земли** 285
Глава II. **Волынская земля** 314
Глава III. **Галицкая земля** 328

Глава IV. Черниговская земля 338
Глава V. Смоленская земля 352
Глава VI. Полоцкая земля 362
Глава VII. Новгородская земля 375
Глава VIII. Ростово-Суздальская земля 392
Глава IX. Рязанская земля 425

Заключение 435
Указатель имён 439
Указатель географических, топографических и этнографических названий 453

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ

1. Галицкие, волынские, киевские и переяславские города 296
2. Черниговские и северские города 339
3. Полоцкие и смоленские города 353
4. Новгородские города 377
5. Владимиро-суздальские (залесские) города 393
6. Крупнейшие русские города XII — первой половины XIII вв. . . . . Вклейка